

Жюль Буссена

**КАПИТАН
СОРВИ-ГОЛОВА
ЛЕДЯНОЙ АД**

Л. БУССЕНАР

Ледяной ад.
Капитан
Сорви-Голова

Предприятие «Вен-Мер»
Новосибирск 1993

Б Луи Буссенар.
Ледяной ад. Капитан Сорви-Голова. (Дилогия).
Новосибирск: Предприятие «Вен-Мер»: 1993 г.

Б 4703010000—001
В 96(03)—93 — без объявл.

ISBN 5—87608—007—1

© Предприятие «Вен-Мер», 1993.

ЧАСТЬ I

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МЕЗОН-ЛАФИТЕ

I

Ужасный контраст.— Таинственное письмо.— Шантаж.— 50 000 франков или смерть.— Полицейский агент.— Княгиня ожидает.— Потерянная нить.— Дьявольская ловкость.— Лошадь без всадника.— Последняя угроза.— Зарезанный человек.— Коричневая Звезда.— Самоубийство.

Первые апрельские ласточки с веселыми криками преследуют друг друга и, как безумные, кружатся в лазури неба, где сияет великолепное весеннее солнце. Раскрываются первые почки, разворачиваются цветочные венчики, и в прохладном воздухе носится тонкий и нежный аромат весны... Хорошо жить на свете!

Да, хорошо жить в двух шагах от превосходного Сен-Жерменского леса, в цветущих виллах, окаймляющих дорогу из Мезон-Лафита к древней королевской дубраве.

Несколько парижан, тосковавших по деревне и считавших за счастье укрыться от сутолоки большого города, наслаждались этим поэтическим пробуждением природы. В числе их была семья Грандые, уже две недели как поселившаяся на вилле Кармен.

Рассказ начинается 25 апреля, в 8 часов утра.

Глава семьи, высокий и красивый мужчина лет сорока пяти, с непокрытой головой, потным лбом и багровыми щеками, нервно шагал по большой конторе, из окон которой видны рощицы, лужайки и аллеи хорошо расчищенного английского сада. На маленьком столике стояла нетронутая чашка с чаем. Забыв о ней, хозяин дома тяжело вздыхал, произносил бессвязные слова, стискивал зубы и ломал пальцы; словом, по всему видно было, что он находится в порыве страшного горя.

Между тем, в дверь постучались.

— Войдите!

Вошел слуга с подносом, на котором грудю лежали журналы, письма и газеты, и произнес:

— Почта господину!

— Хорошо, благодарю, Жермен!

Едва слуга успел выйти, как господин его наклонился над подносом, порывшись между корреспонденцией и нашел крепкий квадратный конверт из толстой бумаги желтоватого цвета, на котором, вместо печати, была коричневая звезда с пятью лучами. При виде его он испустил глухой стон, побледнел еще более и с дрожью в руках, в ужасе пробормотал прерывающимся голосом:

— Коричневая звезда!.. Ах! Я погиб... это седьмое... последнее!..

Трепетавшие пальцы разорвали конверт, и оттуда выпало письмо, также с коричневой звездой. После минутного убийственного молчания он произнес глухим голосом:

— Денег!.. Они хотят денег... огромную сумму... а я разорен... не имею кредита... эта роскошь только показная... Но они не хотят верить... и грозят умертвить моих детей... дорогих, любимых, которых так долго охраняла моя любовь. Да, они убьют всех... они перережут всех... если я не дам денег... И сегодня последний срок!.. Но деньги!.. У меня их нет... и попытки мои... вернуть их... убили мой кредит... ускорили мое разорение... Вот!.. я был добр... честен... доверчив... Ах!.. теперь я расплачиваюсь за это!

Между тем, в то время, как господин этот предавался наедине своему горю, из соседней комнаты через открытое окно ворвалось несколько фортепьянных аккордов. В саду, в кустах малиновки, яблони и соловьи заводили свои трели. Бабочки упивались нектаром первых цветов. И очарование, разлитое везде в природе, составляло такой резкий контраст с отчаянием этого человека, что несчастный не мог удержаться от рыданий. Вскоре, однако, устыдясь своей слабости, он протяжно вздохнул и сказал вполголоса: — Надо с этим покончить! — он порывисто нажал кнопку электрического звонка.

Тотчас же явился слуга.

— Там есть кто-нибудь? — спросил господин Грандье.

— Да, какой-то человек дожидается уже добрую четверть часа!

— Введите его немедленно!

Вошел незнакомец, еще молодой, среднего роста, с живым пронизательным взглядом и просто одетый. На его физиономии лежал отпечаток ума.

— Это вы — агент, присланный полицейской префектурой? — спросил господин Грандье, после короткого поклона.

— Да, сударь!

— Как поздно вы явились!.. Если бы вы знали, с каким нетерпением я ждал вас!

— Я был в отлучке и немедленно по получении депеши отправился к вам, не заходя даже домой.

— Вы меня спасете?

— Постараюсь сделать все, что возможно. Предупреждаю, однако, что я буду состоять при вас в качестве официального лица... чтобы содействовать Версальскому суду... так как мы уже не в департаменте Сены!

— Ловки-ли вы?

— Вы увидите это на деле, на всякий случай я приглашу еще двух товарищей. Но прежде познакомьте меня с сутью дела!

— Читайте это письмо: оно объяснит вам все!

Агент взял письмо, пощупал бумагу, взгляделся в почерк и прочел вполголоса:

«Сударь!

Пишу вам в седьмой и последний раз. В седьмой и последний раз повторяю вам: вы богаты, а мне нужны деньги. Направляю вам это письмо и говорю: кошелек или жизнь!.. Пятьдесят тысяч франков или — я убью вас, умертвив предварительно по одному всех членов вашей семьи.

Мне нужны эти пятьдесят тысяч франков, чтобы сделать карьеру в Клондайке, этой золотой стране, где энергичные люди становятся миллионерами в несколько недель. И вы дадите их мне сегодня же!

Я предложил вам неделю, чтобы реализовать эту сумму, и такого срока в вашем положении совершенно достаточно.

Не пытайтесь меня обмануть или укрыться от меня. Я принял все предосторожности, я знаю час за часом все, что вы делали за эту неделю, и вы всецело находитесь в моей власти!

Вы ездили два раза в Версальский суд и раз в полицейскую префектуру. Вы приказали охранять свой дом ночью и днем, что верх глупости по отношению к человеку моего пошиба.

Но довольно болтать! Вы должны иметь пятьдесят тысяч, которые и вручите сегодня мне.

Вложите деньги в конверт и отдайте его лицу, которое ровно в полдень будет у опушки леса. Вы скажете ему: «Я — господин Грандье». Он ответит: «Княгиня ожидает», и вы вручите ему выкуп за себя и свою семью.

Возможно, вы попытаетесь задержать его, что было бы глупо, так как он не соучастник мой, а ни о чем не подозревающий посредник, считающий себя доставителем политической корреспонденции. На всякий слу-

чай предупреждаю: если вы измените мне, то в эту же ночь будет совершено убийство — я не остановлюсь ни перед чем и для меня убить человека так же легко, как раздавить улитку! Для большей убедительности у убитого будет перерезано горло от одного уха до другого и вырезана ножом на коже левого виска моя эмблема — коричневая звезда.

Примите это к сведению!»

— Ну, что вы скажете на это? — спросил несчастный Грандье слабым голосом.

— Скажу, — отвечал с важностью агент, — что все это сводится к простому шантажу!

— Но эти страшные угрозы, повторяемые каждый день в течение целой недели?

— Шантаж, и все эти коричневые звезды, бумага неупотребительного формата, сильные выражения сего письма, не соответствующие цели, все это не больше, как сценическая обстановка. Уверяю вас, сударь, мой полицейский нюх говорит, что вы имеете дело с простым мошенником, которого и поймает... другого я ничего не могу предположить!

— А если...

— Не беспокойтесь: никто не будет убит; об убийстве не кричат за целых двадцать часов вперед!

— Что же делать?

— Вложить в конверт пятьдесят фальшивых билетов и отправиться в полдень на свидание с человеком в ливрее. Остальное — мое дело!

Уверенность полицейского сбодрила господина Грандье, он начал оживать. Между тем, агент продолжал:

— Теперь девять часов. У меня еще достаточно времени, чтобы переодеться и дать знать своим помощникам. Потом мы возьмем в руки нить дела и уже не выпустим ее!

— Делайте, как будет лучше. Вручаю свою судьбу в ваши руки!

— И вы правы, — то, что мы спасем вас, так же верно, как мое имя Жерве!

После этого агент удалился.

В назначенный час господин Грандье находился у опушки леса и отыскивал глазами агента, но тщетно. Он заметил только верхового, по-видимому, внимательно изучавшего план леса. Лишь на мгновение всадник кинул незаметный взгляд в его сторону, и Грандье ско-

рее угадал, чем узнал в нем поразительно удачно замаскировавшегося полицейского агента. Несколькими шагами далее какой-то субъект в коротком пиджаке и переднике пил из стакана у прилавка с винами, там же остановился железнодорожный служащий, с небольшим пакетом под мышкой. Все трое, казалось, совершенно не знали друг друга.

С замиранием сердца господин Грандые услышал первый удар часов, бивших полдень. Он перешел дорогу в лес и увидел человека в ливрее, пересекавшего путь. Грандые приблизился к нему, держа письмо на виду, и проговорил:

— Я — господин Грандые!

— Хорошо! Княгиня ожидает! — ответил тот.

Не прибавив ни слова более, Грандые вручил ему письмо и повернулся. Незнакомец вежливо поклонился, опустил письмо в карман и направился по дороге в лес.

Между тем, всадник успел уже сложить свою карту и очень ловко объехал таинственного посланника; известно, что самый верный и оригинальный прием выследить кого-нибудь — находиться впереди него. Железнодорожный служащий и таинственный субъект следовали невдалеке от незнакомца, изображая праздных зевак, готовые, однако, при надобности броситься на него, а тот уверенно шел с видом человека, имеющего спокойную совесть. Шагов через триста он достиг перекрестка двух пересекающихся под прямым углом дорог. На одной из них стоял лесник, держа за повод оседланную лошадь. Незнакомец остановился, обменялся с ним несколькими быстрыми словами, потом взял повод, вскочил на седло и помчался с быстротою поезда.

Жерве, полицейский агент, предвидел этот маневр и, пока его помощники стояли в замешательстве, прищепил свою лошадь и бросился преследовать беглеца. Последний, казалось, не мог ускользнуть от такого превосходного наездника, как Жерве, обладавшего, к тому же, великолепным конем.

Лесник же между тем остался на попечении Шелковой Нити и Бабочки — двух переодетых полицейских. Они добросовестно следили за подозрительным лесником и видели, как он направился к одной из тех решеток, какими отделяют охотничьи участки. Минут десять лесник шел вдоль решетки и, наконец, остановил-

ся перед маленькой железной дверцей, проделанной в палисаднике. Он быстро отпер дверь ключом, проскользнул в нее, опять запер и скрылся во рву.

Одураченные таким неожиданным исходом дела, агенты двинулись вперед и приблизительно через полчаса вышли на совершенно пустынную лесную дорогу.

— Постараемся сориентироваться и определить, где мы находимся! — сказал Бабочка, вынимая из кармана план леса.

Неровный лошадиный галоп отвлек его внимание и заставил поднять голову от плана, его товарищ тоже насторожился. Прямо на них скакала лошадь, вся покрытая пеной. Повод был закинут ей на шею, а стремяна болтались по бокам. Инстинктивно агенты бросились наперерез ей, цепляясь за повод, за гриву и употребляя все усилия, чтобы остановить обезумевшее животное. Когда это, наконец, удалось, вопль горести и ярости вылетел из их груди: они узнали лошадь своего начальника Жерве.

Господин Грандье был немного успокоен полицейским агентом, хладнокровие последнего невольно внушало доверие. Он забыл беспокойство, мучившее его целую неделю, лег рано в постель и в первый раз еще за восемь дней уснул крепким сном. В шесть часов утра его разбудил шум голосов. Лакей разговаривал с садовником, исполнявшим в то же время должность привратника и жившим в домике близ решетки.

— Я говорю вам, Жермен, что письмо заказное, которое нужно передать господину во что бы то ни стало, как того требовал человек, принесший его.

— Подайте сюда, Жермен, подайте! — сказал Грандье, предчувствуя что-то очень неприятное.

Ледяной холод проник ему в грудь: он заметил коричневую звезду, напечатанную на толстом конверте из желтой бумаги. Лихорадочно разорвав его, несчастный прочел следующие строки, ходившие ходуном перед его глазами:

«Вы обманули меня! Убедившись, что необходим труп, чтобы побудить вас к повиновению, я совершил этой ночью убийство, как и предупреждал. Отправляй-

тесь на улицу св. Николая и увидите там мертвеца с моей печатью на левом виске. Завтра в полдень вы доставите мои пятьдесят тысяч франков, или ваш сын погибнет будущей ночью.

Теперь вы знаете, что я держу свое слово!»

Поспешно, сам не сознавая, что делает, господин Грандье оделся и бросился по указанному адресу.

Вот и улица св. Николая... Взволнованные люди суеются, кричат... открывается дверь... растрепанная женщина испускает за душу хватающие крики... во дворе — беспорядок и отчаяние. Грандье, не понимая, что он делает и говорит, входит в дом и произносит задыхающимся голосом:

— Я хочу видеть... труп!

Толпа расходится, и он ступает в комнату, где рыдают какие-то люди, которых он даже не замечает. На постели, обгаренной кровью, лежит бледный труп с большими открытыми глазами. Страшная рана пересекает его горло от одного уха до другого.

Похолодевший от ужаса, но влекомый неведомой силой, Грандье наклоняется над этим трагически застывшим лицом...

Левый висок исполосован ножом... линии разрезов изображают пятилучевую звезду...

— Коричневая звезда... — лепечет через силу несчастный. — Я также... я должен умереть!

Он оставляет комнату, толкая встречных, и бегом возвращается на виллу Кармен; входит, задыхаясь, в контору и запирается там; потом, без всяких размышлений и выжиданий, берет лист бумаги и трепещущею рукой пишет:

«Раззоренный, доведенный до отчаяния, не имея возможности удовлетворить требования бандитов, угрожающих погубить моих близких, я умираю, завещая другим мщение.

Ш. Грандье».

Перечтя эти слова, он склонил голову, открыл ящик бюро, вынул из него револьвер и приставил его к виску, потом решительно, без тени колебания, спустил курок.

Два друга.— Ученый и репортер.— Поль Редон и Леон Фортен.— Как теперь убивают.— Кое-что о морских свинках.— Чудесное открытие.— Тайна золота.— Новый металл.— Леон Фортен хочет, во что бы то ни стало, иметь пятьдесят тысяч франков, чтобы стать царем золота.— Арест.

— Редон, дружище! Тебя ли я вижу? Вот приятный сюрприз! — вскричал Леон Фортен, увидя входившего к нему в лабораторию, где он занимался какими-то опытами, приятеля. Тот в свою очередь радостно приветствовал его.

Поль Редон был журналист или, вернее, репортер, но репортер высшей школы, действовавший по-английски и по-американски. Он владел даром разведчика и соединял с удивительной ловкостью чуткость, какой позавидовал бы любой полицейский. Обладая небольшим состоянием, он работал, когда хотел, и получал большие деньги от больших парижских журналов, ценивших его труд на вес золота.

Это был красавец лет двадцати пяти-шести, с темными волосами и бородой, с матовым, как у креола, цветом кожи и голубыми глазами, острыми и пронзительными.

Искусный во всех физических упражнениях, страстно любящий спорт, отважный, Поль Редон имел две оригинальные слабости: всегда зябнул, кутаясь целый год в меха, и воображал в себе всевозможные хронические болезни. Характер у него был прямой и честь незапятнана. Осмеивавший, по-видимому, все, он способен был увлекаться великими идеями. К этому надо присоединить еще железную волю, какой нельзя было и подозревать в молодом человеке, приходившем в ужас от сквозняков и не пропускавшем ни одного объявления о новом целительном средстве.

С Фортеном они подружились еще детьми в заведении Св. Варвары и сохранили дружбу до зрелого возраста. Будучи одних лет со своим другом-репортером, Леон Фортен совершенно не походил на него ни с физической, ни с моральной стороны.

Этот здоровяк с широкими плечами и выпуклой грудью состоял как бы из одних мускулов и обладал силою атлета. Прекрасная и гордая голова его напоминала орлиные маски старых галлов, от которых достались ему в наследство большие, цвета морской воды, глаза, изящно обрисованный нос, красные губы. Сильный и смелый, как лев, он обладал мягкостью и добротой, привлекавшими к нему все сердца. По виду его можно было отнести к отчаянным искателям приключений! Но в этом единственно его внешность была обманчива. Леон Фортен, являясь потомком записных вояк и сохраняя их тип, в то же время по занятию не имел с ними ничего общего. Это был молодой и уже замечательный ученый. Да, замечательный, оригинальный и, может быть, гениальный ученый, открытия которого, еще наполовину только известные, наделали много шума. Вся его жизнь сосредоточивалась на научной работе.

— Скажи же, что привело тебя в мое скромное убежище? — спросил он приятеля.

— Помилуй, неужели ты не знаешь, что в двух шагах от тебя совершено преступление?

— Преступление! Здесь! Странно!

— Скажи... необыкновенно, ошеломляюще! Я видел за время своей репортерской деятельности много убийств, и все они имели мотивы...

— А тебе известно, кто жертва?

— Да, погиб бедный, невинный человек, не имевший даже врагов, убит по каким-то необъяснимым побуждениям... я сказал бы даже — из любви к искусству.

— Странно, — произнес Фортен задумчивым и печальным тоном, — как нынче мало ценят человеческую жизнь! Убивают, кромсают людей ни за что... не зная их... Да, есть люди, для которых пролить кровь им подобного значит то же, что для меня — кровь моих бедных маленьких свинок!

— А ты все еще мучаешь индейских свинок?

— Увы, да!.. я только что открыл новое анестезирующее средство, которое в будущем вытеснит хлороформ... Сейчас ты о нем ничего больше не узнаешь!..

— И свинки страдают в ожидании, пока люди воспользуются им?

— Да!.. Да!.. Мой старый филантроп!

— Но покажи, что ты прячешь на этом столе!

— А это, голубчик, величайшее открытие! Видишь на столе эти опилки? Ну, так знай, что я произвожу теперь опыты над открытым мною, благодаря периодическому закону элементов великого русского химика Менделеева, новым металлом. Этот металл обладает способностью притягивать к себе золото, как магнит железо. Я смешивал здесь опилки различных металлов и приближал к ним кусок мною изобретенного. Тогда все опилки оставались в покое, а золотые притягивались к нему. Пойми, что если устроить из моего металла стрелку, на подобие магнитной, то золотые россыпи будут оказывать на нее такое же действие, как на магнитную — железо. Ведь с моим изобретением можно прибрать к рукам все залежи золота на земле. Для меня больше не существует тайны, скрывающей золото в недрах земли, и сокровища Клондайка, Юкона, Аляс-

ки принадлежат мне! Свой металл я назову «леониум». Ну, что ты на это скажешь? Как тебе это понравится, дружище?

— Я восхищен твоим открытием.

— Теперь мне нужны, во что бы то ни стало, пятьдесят тысяч франков. Необходимо начать в широких размерах исследование леониума, получить в достаточном количестве чистый металл, а потом организовать тайную экспедицию в Клондайк.

— Вот это мне особенно по душе!

— Но, подумай, я не мог найти ни единого су на это, так восхитившее тебя открытие. Напрасно я обращался к людям интеллигентным,— они не хотели даже выслушать меня. Если бы ты видел, что с ними делалось при словах «пятьдесят тысяч франков»!

— Да, наша французская бережливость придерживается еще старого шерстяного чулка!

— В отчаянии я отправился к богатому промышленнику Грандье, живущему на вилле Кармен, которого считал другом прогресса, способным отозваться на все оригинальное и великое.

Он рассеянно выслушал меня, а когда я попросил пятьдесят тысяч, попросту указал на дверь, назвав сумасшедшим.

— Правда, я изложил ему дело в несколько резкой форме и только впоследствии вспомнил, что он имел все права на мое уважение.

— Как это? Какие права?

— Это маленькая тайна, которую ты узнаешь потом!

— Ну, если Грандье имел глупость тебе отказать, я ручаюсь, что ты получишь нужную сумму, и в скором времени!

Тяжелые шаги, сопровождаемые бряцаньем шпор, прервали их беседу.

— Здесь! — произнес грубый голос у самой двери маленькой лаборатории, устроенной Фортемом в углу сарая.

— Он страшно силен, и вы должны находиться на расстоянии голоса, не дальше!

В дверь раздалось два удара.

— Войдите! — отвечал молодой ученый удивленным тоном.

Дверь растворилась, и показался жандармский унтер-офицер.

Он, не кланяясь, приблизился к Фортену и строгим голосом спросил:

— Вы — Леон Фортен?

— Да!

— Именем закона вы арестованы!

— Я? Но в чем же меня обвиняют?

— В том, что вы убили бедного невинного человека, по имени Мартин Лефевр, проживающего по улице Св. Николая!

При этом чудовищном обвинении из груди Леона Фортена вырвался крик ужаса и негодования.

— Я?.. Убийца?.. Но вы сами...

— Молчите и повинуйтесь добровольно, в противном случае...

— Но то, что вы сказали, ужасно! Против этого бесчестья говорит вся моя жизнь!

— Это меня не касается! — грубо прервал жандарм. — Я имею приказ арестовать вас и выполняю его!

Поль Редон сделал было попытку вмешаться в разговор, но жандарм скользнул взглядом по этому закутанному в меха человеку, которого он видел утром вблизи места преступления, и пробормотал:

— С вами я никаких дел не имею! Ну, прощайтесь скорее, — прибавил он нетерпеливо, — а вы, Фортен Леон, следуйте за мною!

Бледный, растерянный Фортен окинул последним взглядом свою маленькую лабораторию, где провел столько отрадных минут, и сердце его сжалось от боли. Ему хотелось бы в эту минуту обнять отца и мать, приласкаться с бесконечной нежностью к своим добрым старичкам, как делал он это в детстве, и заявить им о своей невинности. Но они были в поле, занятые обычным трудом, и, может быть, так было даже лучше.

— Я их увижу... я скажу им... поддержу их, как сделал бы твой брат, мой дорогой Леон! — вскричал Редон, нервно сжимая руки своего друга. — А ты будь терпелив!.. Дело разъяснится... я похлопочу об этом и сумею доказать правду.

III

*Тягостный путь.— Истинный друг.— Перед судом.—
Вопрос.— Цветы обвиненного.— Дама в голубом.— До-
несение агента.— «Это вы — убийца!»*

Жандарм открыл дверь и повелительным жестом пригласил молодых людей выйти. На улице другой жандарм с трудом сдерживал шумную толпу. При виде Поля и Леона раздался дикий рев.

— Убийцы!.. Вот они, негодяи!.. бандиты! смерть им!.. смерть убийцам!

Особенной яростью отличались женщины, готовые бить и всячески мучить мнимых преступников.

Наконец, они прибыли в мэрию, где уже находился следователь и помощник прокурора Республики, приехавшие из Версаля, и судья из Сен-Жермена.

Редон нежно обнял своего друга и прошептал несколько слов утешения.

— Ну, довольно! — положил конец их беседе жандарм.

Редон понял, что пока нужно повиноваться, и собрался уходить, как взгляд его встретился с глазами помощника прокурора.

Последний дружески протянул ему руку. Редон был знаком со всеми и находился в наилучших отношениях с магистратом. Пользуясь благоприятным случаем, он живо отвел в сторону своего знакомого и шепнул ему на ухо:

— Поверьте, вы страшно заблуждаетесь, даю вам честное слово, что Фортен невиновен!

— Я очень бы желал этому верить, но мы арестовали его, имея важную улику!

— Какую же?

— Этого я не могу сообщить!

— Хорошо, но вы дадите мне возможность исследовать дело?

— Охотно!

— Тогда прикажите жандарму предоставить мне свободный доступ в дом, где совершено преступление.

— Это можно.

— Благодарю! Я не останусь в долгу!

— Советую вам не горячиться, чтобы не впасть в оплошность и не повредить делу!

— Еще раз благодарю вас!

— Через два часа, после завтрака, мы будем допрашивать обвиняемого. Вы придете?

— Да, до свидания!

Теперь в зале осталось только трое судей, писарь, жандармский унтер-офицер и Леон Фортен.

Следователь приказал жандарму удалиться в коридор и не впускать никого, потом учтиво предложил подозреваемому сесть и приступил к одному из тех ужасных допросов, какие приводят в замешательство даже невинных своим числом вопросов, неожиданностью и странною постановкой. Сначала следуют имена, прозвания и занятия.

Фортен, Леон-Жан, 26 лет, доктор наук, препаратор парижского факультета, получает содержание 150 франков в месяц, живет у родителей в Мезон-Лафите, ездит по делам своей профессии три, четыре, иногда пять раз в Париж, имеет абонементный билет 3-го класса Западной железной дороги.

Пока писарь заносил эти сведения на бумагу, следователь впился глазами в Фортена и спросил его:

— Знаете вы господина Грандье?

При этом вопросе, по-видимому, ничего общего не имеющем с преступлением на улице Св. Николая, Фортен явно покраснел и в замешательстве отвечал:

— Да, я знаю господина Грандье... но очень мало... я с ним говорил не больше раза... при затруднительных или, скорее, смешных для себя обстоятельствах!

— Сообщите, пожалуйста, эти обстоятельства.

— Охотно, так как это единственное свидание не оставило во мне ни стыда, ни упрека! Я — изобретатель и очень бедный. Нуждаясь в большой сумме, с целью эксплуатировать открытие, долженствующее произвести экономический переворот в целом свете, я ходил на прошлой неделе просить эту сумму у господина Грандье.

— А как она высока? — спросил небрежно следователь.

— Пятьдесят тысяч франков!

Услышав такой ответ, судейский чиновник слегка повел глазами и закусил губы, как человек, начинаю-

щий убеждаться в справедливости своего предположения.

— Итак, вы хотели занять пятьдесят тысяч франков у Грандье?

— Да, хотя эта попытка оказалась величайшей из глупостей, когда-либо сделанных мною!

Тогда следователь перешел к другому.

— Где вы были вчера в полдень?

— В лесу.

— Когда вы завтракаете?

— В двенадцать часов, так что я должен бы был находиться в это время дома, но я вернулся, против обыкновения, только к часу.

— Зачем же вы изменили своей привычке?

— Я шел своей обычной дорогой, как вдруг увидел вспененную лошадь без всадника. Напрасно пытался я ее остановить... Я был отброшен, сбит с ног и получил даже легкие ушибы.

— Сколько было времени тогда?

— Четверть первого.

— Когда же вы могли вернуться к родителям?

— Для этого потребовалось бы около десяти минут!

— Почему же вы вернулись через час?

Вторично Леон Фортен покраснел и обнаружил волнение.

— Отвечайте мне с полной откровенностью, — прибавил следователь, — скажите всю правду!

— Уверяю вас, что я занимался очень невинным делом, совершенно чуждым печальному предмету, о котором мы говорим.

— Я забочусь о ваших же интересах!

Фортен, сделав над собой усилие, начал:

— Хорошо! В тот момент, когда встретила лошадь, у меня в руках был букет из фиалок и первоцвета... Имея свободною только одну руку, я не мог удерживать лошадь, и мой букет очутился у нее под копытом. Поэтому я должен был набрать свежих цветов!

В ответ на это следователь иронически улыбнулся, слегка пожав плечами.

— Можете вы сказать, кому назначались эти цветы?

— Нет, — возразил с твердостью Леон, — не могу и не хочу!

— Подумайте, к каким важным последствиям мо-

жет повести ваше умалчивание при передаче этой малоправдоподобной истории!

— Это мой секрет, и вы его не узнаете!

— Как угодно... Встретили вы кого-нибудь по дороге?

— Никого, сколько мне известно... или — я не обратил внимания ни на кого. Может быть, я прошел даже мимо нескольких человек, не заметив их.

— Однако вас видели?

— Возможно, я не прятался. Впрочем, видевшие меня могут подтвердить справедливость моих слов!

— Да, без сомнения, но не всех.

При этом следователь наклонился к писцу, после чего тот положил перо и быстро вышел, а через несколько минут вернулся в сопровождении Шелковой Нити и Бабочки, двух помощников Жерве, все еще одетых — один рабочим, другой — служащим в Западной Компании.

— Узнаете вы этого господина? — обратился без всяких обиняков следователь к Бабочке.

— Да, я встретил его вчера в лесу, когда мы были остановлены лошадью своего начальника, бедняжки Жерве. Мой товарищ, Шелковая Нить, овладел лошадью и поехал на ней в Мезон-Лафит, я же возвращался пешком, когда заметил господина, находящегося теперь перед вами. Он привлек мое внимание потому, что шел быстро и казался взволнованным, но особенно меня поразила его запачканная пылью одежда и помятая шляпа. Удивленный исчезновением своего начальника, я искал причины этого исчезновения и, увидя незнакомца, так мало походившего на гуляющего, принялся его выслеживать.

— Он достиг Мезон-Лафита, и я видел, как он шел вдоль решетки богатой виллы и, наконец, остановился, положил за столбом букет, который держал в руке. После этого он удалился от виллы, причем я следовал за ним на расстоянии почти двухсот шагов, однако, мне удалось заметить очень элегантную фигуру дамы, одетой в голубое и скрывавшей свое лицо под белым зонтиком, которая торопливо взяла букет.

— Известно вам название этой виллы?

— Оно обозначено золотыми буквами на белой мраморной доске, находящейся над главным входом. Эта вилла — Кармен.

— Ну, господин Фортен, что вы скажете на это? — спросил с иронией следователь.

— Скажу, что это показания шпиона, которому нечего здесь делать! — ответил раздраженный молодой человек.

При слове «шпион», неосторожно сорвавшемся с языка Леона, полицейский агент побледнел и бросил на него гневный взгляд.

По знаку следователя он продолжал:

— Тогда я проследил этого господина до его дома и узнал, кто он такой. Потом мы занялись Жерве, которого нашли вечером того же дня в Сен-Жерменском госпитале в отчаянном положении. Он не узнал нас и не мог дать никаких указаний относительно нападения, жертвою которого сделался.

— Вы продолжаете думать, что здесь было преступление, не случайность?

— Преступление — утверждаю это! Кроме того, заявляю, что этот господин, занятый в лесу собиранием маргариток и находившийся так близко от места преступления, не чужд ему.

Тут Леон Фортен потерял свое обычное хладнокровие и порывисто вскричал:

— Что же с ним случилось, и чего вы хотите от меня? Вы арестовали меня без всякого основания, как убийцу, и вот явился этот человек и обвиняет меня в другом убийстве. И ваша совесть, господа, беспристрастные, справедливые люди, не возмущается? Вы допускаете, что человек, ознаменовавший свое прошлое славной работой и неподкупной честностью, может сделаться преступником в один день! Это чудовищно! Я протестую против оскорбления, нанесенного моей чести!

В ответ на это следователь молча вынул из кармана небольшой пакет, завернутый в газетную бумагу, потом развернул бумагу и открыл маленькую записную книжку, снабженную карандашом и каучуковой тесьмой.

— Узнаете вы эту книжку? — спросил он ледяным тоном, показывая ее Фортену.

— Да, потому что она принадлежит мне! — отвечал последний без малейшего колебания. — Я потерял ее вчера, вероятно в лесу, когда был сбит с ног лошадью.

— Так! А можете бы объяснить происхождение кровавых пятен на переплете и некоторых листках?

— Очень легко: я изучаю на морских свинках новое анестезирующее средство и, когда произвожу висекцию над этими маленькими животными, то заново наблюдения в эту книжку. Я работаю быстро, рук не мою в это время и не могу таким образом избежать пятен на книжках. Вот вам истинная правда!

— Вы лжете и бессовестно нагромождаете обман на обман!

— Я говорю правду!

— Мотив ваших преступлений — непомерное честолюбие. Вы просили пятьдесят тысяч франков у Грандье, он отказал вам. Тогда вы подвергли этого несчастного шантажу и страшным угрозам, доведшим его до самоубийства.

— Я!.. шантаж против него... но это клевета!

— Молчите, у нас в руках ваши письма. Чтобы запугать Грандье и покорить его своей воле, вы совершили убийство на улице Св. Николая.

— Мои письма... мои письма,— пробормотал Фортен,— я никогда не писал Грандье!

— Да, ваши письма с коричневой звездой, почерк которых поразительно напоминает почерк вашей записной книжки. А эта книжка для заметок? — вы не в лесу ее потеряли... знаете ли, где она была найдена? У постели вашей жертвы на улице Св. Николая!

IV

Редон принимается за дело.— Первые признаки.— Труд Паука.— Западня.— Это англичанин.— Луч света.— Возвращение в Париж.— Задержание багажа.— По телефону.— Удар ножом.

Допрос еще долго продолжался. Но следовательно, напрасно измучив Леона Фортена, услышал от него только яростное негодование. Затем весь судебный персонал позавтракал с аппетитом, которого ничуть не уменьшили утренние волнения. Это заняло добрых два часа, и ни одной минуты из них Поль Редон не потерял бесполезно. Получив разрешение товарища прокурора, он помчался к дому, где совершенно было преступление. Там, у входа стоял жандарм, не пропуская никого без формального разрешения.

Все помещение состояло из маленького домика, расположенного между садом и двором, с прачечной, каретником и дровяным сараем, упиравшимся в забор. Строения и забор находились в плохом состоянии; видно было, что хозяин не заботился об их поддержании. Это был мужчина за пятьдесят, оригинал, избегавший общества людей и слывший скупым; с ним жила старая семидесятилетняя ключница, глухая и наполовину калека. Близ тупа, строгий и трагический силуэт которого обрисовывался под запятнанным кровью одеялом, дежурила монахиня.

Репортер прежде всего тщательно осмотрел наружную стену забора, причем, его внимание остановилось на кусочках черепицы, валявшихся под лестницей. Черепица на верхней части стены, действительно, оказалась облупленной, и под лестницей виден был след ноги, сильно упиравшейся в землю. Следы были совершенно свежие и отчетливые.

— Здесь убийца проник в ограду! — подумал репортер, изучая отпечатки ног с вниманием краснокожего, вступившего на тропу войны.— Стена не выше двух с половиной метров, и он мог перескочить ее без всякой для себя опасности.

Утром еще репортер решил, что убийца пробрался в дом, разбив стекло террасы, но он не заметил тогда ни малейшего повреждения витрины. Теперь же он подошел к стеклу и стал внимательно его рассматривать. Оказалось, что оно было вырезано алмазом и до такой степени искусно, что Редон покачал головой и пробормотал:

— Чистая работа!

Орудиями послужили, очевидно, кусок смолы и алмаз, употребляемый стекольщиками. Преступник, размягчив предварительно смолу в руках, прилепил ее на середину стекла и около замазки обвел его алмазом, потом левой рукой схватился за крепко прилипший кусок смолы, а правой стал легонько ударять по стеклу до тех пор, пока оно не отделилось, без всякого почти шума. Благодаря крепко державшей его смоле, стекло не упало, а вход освободился.

Редон скоро нашел и само стекло; оно находилось у стены, под окошком и было почти совсем скрыто кустом ревеня.

Репортер поднял его и осмотрел все четыре стороны, обнаруживая работу опытной руки. Затем задержал взгляд на куске смолы и радостно вскрикнул: два темных, слегка волнистых длинных волоса пристали к смоле. При этом открытии в голове репортера сейчас же сложилась такая гипотеза:

— Человек, вынувший стекло, имел длинную бороду, волосы из которой остались на смоле во время производства операции. Отпечаток ног и эти волосы — парочка недурственных улик. Крайне необходимо получить слепок следов.

С этой мыслью он вышел из ограды и сказал дежурному жандарму:

— Я вернусь через минуту, дайте мне, пожалуйста, адрес гипсовой лавки.

Получив адрес, репортер побежал в лавку, купил там полмешка гипса, взял лопату и бегом же вернулся к месту преступления. Здесь, в маленькой кадучке, взятой в прачечной, он принялся растворять гипс.

Когда раствор приобрел необходимую густоту, он наполнил им обе выемки, образованные ногами ночного посетителя.

Заинтересованный жандарм, переставший уже считать помешанным этого элегантного молодого человека, подошел к нему и сказал:

— Ну, хитрец же вы, сударь!

— Вы поняли?

— Да, и полагаю, что эти куски будут иметь в глазах суда немаловажное значение!

— А вы согласитесь письменно удостоверить тождество их со следами?

— Конечно, как и все, что вам удастся открыть здесь для выяснения дела!

— Благодарю! Вы — храбрый и благородный человек!

Пока гипс затвердевал, Редон отправился в комнату, где лежал труп. Он почтительно раскланялся с монахиней, читавшей молитвы над покойником, объяснил ей мотивы своего присутствия и приступил к исследованию.

Внутренность жилища, как и наружный вид его, не отличалась привлекательностью: везде лежала пыль и тянулась паутина. Одного из прилежных ткачей последней репортер увидел в складках балдахина, осенявшего кровать. Он заботливо поправлял свою паутину, очевидно, не особенно давно попорченную. Может быть, в момент преступления убийца наклонился над кроватью несчастного старика, потом быстро выпрямился и порвал паутину.

Редон попробовал даже воспроизвести эту сцену, как она представлялась в его воображении, и нашел, что человек одинакового с ним роста должен был непременно задеть паутину. Таким образом, серия его доказательств увеличилась еще одним.

Осмотр мебели и пыли не дал никаких результатов, так что репортер собирался уже уходить, как вдруг нога его задела за что-то твердое. Он наклонился и поднял пуговицу, простую пуговицу от панталон. Но Редон знал, что при производстве следствия нельзя пренебрегать никакой мелочью, как бы ничтожна она ни казалась на первый взгляд. Он осмотрел пуговицу и заметил, что она была с силой оторвана, так что при ней остался кусок материи. Сама по себе пуговица бы-

ла довольно широкая, очень крепкая, имела особенную форму и надпись «Барров Т. Лондон»,— очевидно имя портного и его местожительство.

— Итак,— сделал заключение Редон,— ночью или утром здесь был мужчина, заказывающий свои костюмы в Лондоне. Не думаю, чтобы это был кто-нибудь из судейских или мой бедный Леон... Черт возьми! Что, если убийца — англичанин? Надо посмотреть ноги!

Он крепко завязал в уголок носового платка пуговицу и быстро спустился в сад. Гипс уже затвердел, как камень. С бесконечными предосторожностями Редон разрыхлил землю, не жалея ногтей, и скоро в его руках очутились два великолепных слепка, воспроизводивших с замечательной точностью все детали обуви. Не было сомнения, что ботинки английской работы, а нога — длинная, плоская и узкая, словом, характерная нога англичанина.

Репортер торжествовал: в его руках находилась нить, правда, очень непрочная и гадательная, но все-таки нить к разгадке тайны преступления.

— Ну,— говорил он, потирая руки,— ошибка ясна... это англичанин... и я найду его! Искать можно только в Сен-Жермене! Итак, живее туда!

Не теряя времени, он поймал извозчика и нашел еще минуту сочинить следующую записку товарищу прокурора:

«Не имею возможности присутствовать при допросе Я напал на след, совершенно чуждый вашему. Завтра подробности к вашим услугам. Берегитесь ловушки! Ваш Редон.»

По прибытии в Сен-Жермен репортер первым делом обходит все отели, начиная с самого шикарного — павильона Генриха IV.

Появление его в знаменитом отеле как человека известного директору и части служебного персонала вызывает только любопытство.

Он отводит директора в сторону и, дружески пожимая его руку, спрашивает торопливым тоном:

— Не остановился ли у вас джентльмен приблизительно такого же роста, как я, с длинной темной бородой и ногами поистине английского размера?

— У нас был лишь один англичанин, подходящий под ваше описание, довольно-таки неопределенное, но...

— Он уехал?

— Да, три часа тому назад!

— А, черт возьми! И не оставил адреса?

— Он отправился, насколько я мог догадаться, в Лондон!

— Не можете вы, по крайней мере, назвать его?

— Охотно: его зовут Фрэнсис Бернетт. Он прибыл из Индии и останавливался здесь только на две недели.

— Благодарю! Как досадно! Мне крайне необходимо было видеть его по одному делу. Но... может быть, я могу видеть человека, прислуживавшего ему?

Такому известному человеку, как Поль Редон, неловко было отказать. Директор велел позвать лакея Феликса и предоставил его в распоряжение репортера. Когда они остались одни, Редон вынул из кармана два луидора, опустил их в руки слуги и сказал:

— Вы знаете, Феликс, что у меня иногда появляются странные фантазии!

— О, господин волен иметь фантазии, какие ему заблагорассудятся!

Репортер продолжал легкомысленным тоном, хотя сердце со страшной силой билось у него в груди.

— Сегодня утром мне попалась пуговица в таком месте, где она не должна быть... Я подозреваю, что владелец ее — господин Бернетт, и это глубоко интересует меня.

Лакей улыбнулся и наклонил голову, как человек, привыкший понимать все с полуслова.

— И мне думается, Феликс, — прибавил Редон, — что профессиональная тайна не помешает вам сообщить мне, насколько основательны мои предположения? Впрочем, вот она!

Редон развязал уголок своего платка, вынул оттуда пуговицу и показал ее слуге, который сейчас же ответил:

— Вы правы, эта пуговица с одежды господина Бернетта. Я видел у него такую же, с такой же точно надписью «Барров Т. Лондон». Я утверждаю это с тем большей уверенностью, что сегодня утром господин Бернетт, заметив, что не достает у панталон одной пуговицы, просил меня пришить ему другую на ее место, которое, впрочем, было вырвано вместе с пуговицей.

Эти слова чуть не свели с ума Редона, но он сдер-

жался и произнес, наполовину смеясь, наполовину сердясь.

— Вот видите, какой плут этот англичанин. И выглядит, верно, хуже меня?

— Еще бы! Ему около сорока лет, он высок, напоминает боксера и носит дымчатые очки...

— Так он уехал?

— Да, сударь.

— И забрал свои сундуки, чемоданы?

— Чемоданы и три английских новых корзины, покрытые промасленным полотном.

— Хорошо, благодарю! Держите, Феликс! — сказал Редон, вручая третий луидор слуге, рассыпавшемуся в благодарностях.

Узнав все, что ему было нужно, Редон вышел из Павильона, заплатил за карету и помчался на станцию. Поезд только что отошел, пришлось около получаса дожидаться другого. Кстати, репортер вспомнил, что, кроме чашки чая, у него ничего не было во рту целый день, а время близилось к четырем часам. Он

съел два сандвича, выпил стакан малаги, выкурил сигару и вскоре покатил в Париж. Пятьдесят минут спустя поезд остановился на станции Сен-Лазар. Справедливо полагая, что путешественники, едущие из Сен-Жермена, редко сами заботятся о багаже, он сейчас же расспросил носильщиков, не принимали ли они вещей у господина, похожего по описанию на Бернетта. Никто такого не видел. Редон не потерял, однако, надежды, памятуя, что терпение — необходимая принадлежность всякого следователя, а продолжал расспрашивать, щедро давая «на чайк», и в конце концов добился того, что узнал: господин высокого роста с бородой, похожий на англичанина, вышел на станции, но только с двумя корзинами.

— Это он, — сказал себе Редон. — Но где же третья корзина? А!.. в кладовую!

При помощи денег, открывающих все двери, он проник в кладовую и сейчас же узнал корзину. Сомне-

ваться не приходилось, так как на ней значился адрес: Фрэнсису Бернетту, Лондон.

— Однако, я играю сегодня счастливо,— подумал репортер.— Теперь к телефону! И быстрее, быстрее позвонить!

Он вошел в телефонную будку и позвонил.

— Прошу соединить с Версальским судом.

Прошло несколько минут.

— Кто вы?

— Поль Редон, журналист. А вы?

— А, это Редон! Я прибыл из Мезон-Лафита с нашим пленником... Он упорствует... Но он виновен... Не пытайтесь что-либо сделать в его пользу...

— Убийца, мой дорогой прокурор, англичанин — по имени Фрэнсис Бернетт, и завтра я докажу вам это. А пока прикажите задержать сундук, принадлежащий сэру Бернетту и находящийся в кладовой на станции Сен-Лазар. Кроме того, необходимо навести справки во всех отелях и арестовать этого Бернетта, приметы которого сообщаю. Ответственность я беру на себя. А что касается моего бедного друга Фортена, то не пройдет и трех суток, как вы первый заявите о его невиновности. До завтра, в девять часов я буду в Версале!

— Но, Редон, вы с ума сошли!

— Сделайте то, что я вам сказал и будете благодарить меня на коленях... Слышите, на коленях. Я собираюсь заявить во всех журналах об юридической вашей ошибке. Прощайте!

После этого Редон возвратился к себе и с аппетитом пообедал.

Вечером он побывал в нескольких редакциях и к часу вернулся на улицу Рошфуко, где занимал домик, расположенный в саду.

Недалеко от жилища репортера на него набросился какой-то человек. Блеснула сталь — и лезвие кинжала с поразительной быстротой погрузилось в тело Редона. Журналист почувствовал сильную боль в груди, потом ледяной холод.

Кричать он уже не мог, хотя в мозгу его до потери сознания пронеслась мысль:

— Бедный Леон! Кто за тебя заступится?

Брат и сестра у родителей обвиняемого.— Мадемуазель Марта.— Удивление жителей.— Следователь и его помощник.— Известие об убийстве Поля Редона.— Что заключалось в таинственных чемоданах.

В наше время добрая половина населения имела обыкновение следить по газетам за уголовными процессами. Для многих такое чтение сделалось необходимою, они с жадностью поглощают ужасные подробности всевозможных преступлений. Это взвинчивает нервы и дает возможность пофантазировать.

Понятно, что особенно были заинтересованы обитатели Мезон-Лафита, в пределах которого совершено было преступление, обещавшее для них так много таинственного. Много лет уже не происходило ничего подобного. Самой захватывающей деталью для любителей кровавых драм была звезда, вырезанная на левом виске жертвы. О, эта звезда! Потом записная книжка, найденная у кровати убитого и принадлежащая Леону Фортену, местному уроженцу, пользовавшемуся до сих пор всеобщим уважением. Затем — самоубийство Грандье, подвергавшегося в течение целой недели посредством писем шантажу и страшным угрозам. И опять, в письмах, эта таинственная и ужасная звезда!

Наконец, предположение судей, странности Поля Редона, исчезновение полицейского агента, найденного затем на лесной дороге без чувств и отправленного в Сен-Жерменский госпиталь. А отчаяние родителей Фортена, на голову которых обрушился столь внезапно жестокий удар, и переход их к столь же неожиданно явившемуся призраку надежды?!

Большинство было против Леона Фортена, но раздавались уже голоса и в его защиту.

Погребение Мартина Лефевра и Грандье происходило в один день и час, в присутствии всего населения. У первого не было родных, одна ключница шла за гробом. А останки второго сопровождали его сын и дочь, оставшиеся сиротами и без всяких средств к жизни. Сын, едва достигший шестнадцатилетнего возраста, воспитывался в Парижском лицее и теперь шел за гробом с измученным лицом, задыхаясь от рыданий. Дочь

была на два года старше, она машинально продвигалась вслед за процессией, вся закутанная крепом, и все еще не могла поверить, что обожаемый ею отец и человеческий остов, лежавший на ковре, с простреленным черепом — одно и то же.

По окончании печальной церемонии, когда все сторонние разошлись, сироты также покинули могилу. Молодая девушка сказала несколько слов брату, на которые он кивком головы выразил согласие, потом взяла его под руку, и они направились более уверенным шагом не на виллу Кармен, а в город и к удивлению всех вошли в дом Леона Фортена.

Разбитые стыдом и горем старики безмолвно ответили на их поклон.

Девушка медленным движением руки подняла свою вуаль и сказала:

— Я — Марта Грандые, а это мой брат Жан!

Старый Фортен-отец не нашелся, что ответить, однако жена его, тронутая неподдельным сочувствием, сквозившим в больших черных глазах гостьи, взволнованным голосом произнесла:

— Мадемуазель Грандые!.. Вы!.. Вы, здесь!..

— Ваш сын, Леон... мосье Леон... обвинен в ужасном преступлении... но он невиновен... я знаю... я уверена... и вот, когда все проклинают его и презрительно смотрят на вас, я пришла сюда с разбитым сердцем... но с надеждой, что мы спасем его!

При этих, звучавших из глубины души, словах старушка порывисто и радостно воскликнула:

— Невиновен!.. О, да, невиновен!

Она бросилась к девушке, крепко, до боли сжала ее в объятиях и истступленно заговорила:

— О, я готова жизнь отдать за только что произнесенное вами слово! Возьмите мою кровь, каплю за каплей, мое тело, кусок за куском, мое последнее старческое дыхание... все, вы, считающая моего сына Леона невиновным! Вы его знаете, не правда ли?

— Меньше, чем вы думаете! — отвечала мадемуазель Грандые, милое личико которой озарилось на минуту улыбкой. Она замолкла на несколько секунд, покраснела и продолжала с достоинством:

— Каждый день и с давних уже пор... он клал на стену решетки маленький букет из простых лесных цветочков. Эти цветы предназначались мне. Я прини-

мала, потому что их предлагали скромно и почтительно. Но мы никогда не обменялись словом, и я не знала его имени до тех пор, пока он не пришел к отцу по делу. Теперь на нас обрушилось несчастье... отец завещал нам отомстить за себя.

— И мы отомстим! — вмешался энергично молодой человек.

— Наше мщение и оправдание вашего сына тесно связаны друг с другом, — продолжала мадемуазель Грандье, — и, следовательно, они будут единственной целью нашей жизни! Не так ли, Жан?

— Да, Марта!

Такая решимость этих детей, совершенно не видевших еще жизни, не имеющих поддержки ни дружеской, ни материальной, была поистине трогательна. Впрочем, какова бы ни была их слабость, они все-таки обладали такой верой в себя, которая, говорят, сдвигает с места горы и совершает невозможное.

Вид этих прекрасных молодых людей вызывал в стариках Фортенах добрые чувства и зарождал в их сердцах луч надежды.

Выше среднего роста, скорее высокая, Марта Грандье обладала грациозным, но крепким станом, обнаруживавшим ее здоровье. Густые, волнистые; белокурые волосы ее составляли очаровательный контраст с большими черными, вспыхивающими по временам, глазами. Изящный носик с трепещущими ноздрями указывал на пылкость характера, смягчаемую вечно улыбающимися губами и резко очерченным подбородком, говорившим о вдумчивости и склонности к размышлениям. В общем, это было странное, но пленительное лицо, в котором такие различные черты органично сочетались и служили лучшим выразителем душевных качеств Марты Грандье: ее кротости, энергии, нежности, решительности...

Брат был похож на нее, несмотря на свои темные волосы и голубые глаза.

Они охотно воспользовались приглашением супругов Фортен присесть, тем более, что на вилле Кармен их ждали горькие воспоминания об исчезнувшем благополучии. Предстояло заняться делами: определить оставшиеся средства, отпустить слуг и решить, как жить дальше. Видя неопытность молодой девушки, госпожа Фортен предложила ей свои услуги.

— В хозяйстве много встретится затруднений и мелочей, о которых вы не имеете понятия!

— Да, правда! — согласилась Марта.

— Я буду рада услужить вам!

— О, благодарю вас, сударыня!

— Так, идем! Чем скорее, тем лучше!

Все трое покинули старика Фортена.

Судите сами, какое волнение произвело это посещение в Мезон-Лафите!

Обитатели его не верили собственным глазам. Но волнение перешло в настоящий столбняк, когда маленькая группа достигла виллы Кармен. Там в это время находились судья и следователь со своими письмоводителями. Первый прямо обратился к Марте и Жану Грандые и сообщил им, что накануне своей смерти отец объявил их совершеннолетними.

Согласно закону, господин Грандые сделал заявление судье в присутствии его

письмоводителя, — 177 параграф Свода гражданских законов, — и этого совершенно достаточно, чтобы они получили право обходиться без опеки. Тут следователь, производящий дело, прервал объяс-

нения своего коллеги и пригласил молодых людей побеседовать с ним в бюро их отца.

— Знаете ли вы, кто эта женщина, прибывшая с вами сюда? — спросил он их.

— Да, это госпожа Фортен! — сухо отвечала молодая девушка, оскорбленная его грубостью.

— Мать бандита!

— Нет, милостивый государь! — гордо возразила Марта.

— Да, мать негодяя, подло убившего старика на улице Св. Николая, и нравственного убийцы вашего отца!

— Нет же, говорю вам! И если вам угодно так продолжать, мы с братом предпочтем удалиться!

Немного сконфуженный следователь быстро сорвал печать с ящика стола, вынул оттуда пачку писем и положил их на бюро, затем, вынув из кармана другие письма, вместе с записной книжкой Леона Фортена, сказал:

— Вот, смотрите!

Марта с братом наклонились и стали читать.

— Теперь сравните почерк этих писем и записок!

— Можно подумать, что их писала одна и та же рука! — вскричал Жан.

— Действительно, сходство поразительное! — подтвердила Марта, не понимая, к чему все это клонится.

— Эта книжка и письма, бедные дети, принадлежат обвиняемому, т. е. Леону Фортену. Что же касается других писем, взятых нами, то они писаны убийцей вашему отцу... и они довели его до самоубийства! Вы сами подтвердили тождество почерка тех и других. Ну, что вы скажете на это?

— Что эти письма — подделка, что у Леона Фортена выкрали его почерк, чтобы эксплуатировать нашего бедного отца, как похитили у него записную книжку с целью свалить на него вину за убийство на улице Св. Николая!

— Эксперты решат...

— О, эксперты! — с презрением произнесла молодая девушка. — Известно, чего стоит их непогрешимость!

— Наконец, — сказал следователь, выдвигая свои последние аргументы, — я считал своей обязанностью указать вам, как рискованно такое знакомство, по меньшей мере, подозрительное!

— Но, милостивый государь, у меня не такой взгляд на вещи, как у господ судей! Я буду посещать, кого хочу, так как жестокие обстоятельства — увы! — освободили меня от всяких стеснений, от всякой власти!

Однако следователь не перестал считать подсудимого виновным: ему не хотелось отрешиться от своего первоначального мнения, которое основано было на таких серьезных данных.

Действительно, все, казалось, было против Леона Фортена: его визит к Грандье с просьбой ссудить ему роковую сумму в пятьдесят тысяч франков, его проекты относительно Клондайка, ужасающее сходство почерков, окровавленная книжка, найденная на улице Св. Николая, такая же одежда, спрятанная в квартире обвиняемого. В его пользу говорили только догадки, его незапятнанная до тех пор честность и негодующие протесты, он не мог даже доказать своего алиби: следователю не были еще известны открытия Поля Редона.

Когда товарищ прокурора передал ему телефонное сообщение репортера об англичанине Фрэнсисе Бернетте, тот только пожал плечами.

— Напрасно вы верите вымыслам журналиста! — небрежно проговорил он.

Однако товарищ прокурора упорствовал, превозносил ловкость своего друга и выражал собственные колебания. Тот возразил на это:

— Кто устраивает свою судебную карьеру, тот должен понимать, что это дело серьезное, и не обращать внимания на разные истории, выходящие из досужих голов водевильных писак.

— Прикажите, по крайней мере, задержать корзину в кладовой Западной Дороги!

— Хорошо, я сделаю вам это удовольствие и докажу, кстати, что ваш друг комедиант. Впрочем, вы говорили, что мы завтра утром увидимся?

— Да, он назначил мне свидание в суде, в девять часов!

Читателю уже известно, какой трагический случай помешал репортеру прибыть на это свидание. Целый день прошел в напрасном ожидании, так что следователь начал шумно выражать свое торжество по случаю этого необъяснимого отсутствия. На другой день он должен был возвратиться в Мезон-Лафит для произ-

водства дополнительного следствия и снятия печатей как на вилле Кармен, так и на улице Св. Николая.

Он просил товарища прокурора сопутствовать ему и всю дорогу изводил последнего шуточками по поводу его излишней доверчивости. Сходя с поезда, товарищ прокурора купил несколько газет, развернул одну из них, вскрикнул и побледнел. Взгляд его привлекли следующие строки, напечатанные крупным шрифтом:

«Покушение на убийство журналиста Поля Редона, смертельно раненного».

— Вот, читайте! — сказал он следователю, — да читайте же!

Тот пробежал глазами сообщение и прибавил:

— Очень жаль, но это никоим образом не может находиться в связи с преступлением в Мезон-Лафите!

— Почему вы так думаете?

— Вы, должно быть, изучали полицию по романам Габорио! В действительности же дела делаются много проще!

— Хорошо, теперь я не нужен вам пока? Так я еду в Париж и возвращусь сюда к завтраку!

— Чудесно! Вы будете очень любезны, если пришлете мне знаменитую корзину, которую я велел задерживать по вашему желанию!

— Я привезу ее сам!

За время отсутствия товарища прокурора на вилле Кармен и происходила беседа между следователем и Мартой Грандье, беседа, окончившаяся негодованием молодой девушки.

Только в два часа товарищ прокурора вернулся. Казалось, он был очень озабочен. Оба судьи находились в мэрии, куда только что доставили корзину.

Жандарм привел слесаря, и началась трудная операция открывания запора.

— Ну, что Редон? — отрывисто спросил следователь.

— Он в агонии, здоровье его совершенно безнадежно, и полицейский комиссар говорил, что одно время он ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Вероятно, он не проживет дня.

— А его розыски?

— Ничего не известно, ни малейших следов!

После долгих усилий слесарь отпер корзину.

Скептически, с насмешливой улыбкой на губах следователь поднял крышку и закричал:

— Вот так странная вещь!

Действительно, было чему удивляться: в корзине аккуратно уложены были принадлежности полного костюма лесного сторожа, из зеленого сукна, с желтой опушкой, и суконная ливрея каштанового цвета. Обе одежды казались совершенно новыми, не одетыми ни разу.

VI

Беда.— Предчувствие.— Доктор.— Раненый.— Трепанация.— Лассо.— Мнимый сторож.— Начало доказательства.— Возвращение.— Кража.— Угрозы.— Письмо.— Коричневая звезда.

По снятии печатей Марта и ее брат могли точным образом определить свое материальное положение. Перебирая бумаги и записные книги отца, они узнали также все обстоятельства, побудившие его к самоубийству. С точки зрения покойного финансиста материальное положение было действительно жалким, так как за уплатою долгов и расчетом со слугами, при условии продажи дома и мебели, могло остаться только несколько тысячефранковых билетов. Это было настоящее раззорение с перспективою нищеты в будущем. Впрочем, молодые люди храбро взглянули в глаза будущему, решив неустанно трудиться.

Ликвидация дел давала несколько недель отсрочки, и они сочли лучшим употребить это время на поиски того, кто сделал их сиротами и выполнить таким образом последнюю волю покойного.

Марте было известно, что отец до последнего момента имел дела с парижской полицией, агенты которой не показывались с самой катастрофы; это становилось подозрительным. Не попали ли они также в число жертв какой-нибудь махинации? Наконец, она вспомнила, что накануне убийства в лесу был подобран человек и отправлен в госпиталь.

— Что, если этот несчастный — один из агентов, помогавших отцу? — спросила она брата.

— Возможно! — отвечал тот.

Тогда девушка порывисто встала:

— Жан, дорогой мой мальчик, я еду в Сен-Жермен!

— А я должен тебя сопровождать?

— Нет, ты останешься здесь! Ни слова не говори о моем путешествии никому! Ни госпоже Фортен, ни следователю, ни кому бы то ни было другому!

В течение получасового путешествия в Сен-Жермен Марта начертала себе простой, но оригинальный план действий.

По прибытии на место, она направилась прямо в госпиталь. Девушка хорошо знала, что нельзя иметь свидания с раненым, не назвав даже его имени, да и вообще в больницах существуют свои правила, нарушать которые, не заручившись протекцией, нельзя. Поэтому она спросила у швейцара адрес главного врача и, к счастью, застала его дома.

После продолжительных переговоров главный врач, наконец, решился допустить ее к больному, предупредив только девушку, что тому пришлось выдержать серьезную операцию.

— Теперь я вам скажу все,— произнесла девушка,— свое имя, происхождение, события...

— Не надо, дитя мое! Храните свой секрет — он принадлежит вам одной, а мне необходимо знать его только постольку, чтобы иметь возможность помочь вам!

Десять минут спустя врач провел Марту в госпиталь, где в маленькой комнатке лежал раненый, а во время пути вкратце рассказал об ужасной ране полицейского агента.

Удар нанесен был немного повыше уха каким-то тяжелым орудием, кастетом или молотком.

Погруженный в глубокий обморок раненый едва перенес трепанацию черепа, единственную операцию, которая могла его спасти.

Доктор тихо удалился, оставив девушку наедине с раненым.

Марта подошла к больному. Голова его, вся в бинтах, покоилась на подушке. Она дотронулась до его горячей руки, но не решалась заговорить.

Агент, чувствуя ее колебание и понимая, что только очень серьезная причина могла привести в госпиталь эту молодую особу в глубоком трауре, сказал ясным, но тихим, как дыхание, голосом:

— Что вам угодно, сударыня?

— Я — Марта Грандые!

— А!... его дочь... в трауре... и одна... Боже мой! Что случилось?

— Отец умер! В Мезон-Лафите совершенно убийство... вы сами сделали жертвою преступления. И в этом обвиняют невинного! Сжальтесь и скажите, что знаете. Кто вас ударил? чем? при каких обстоятельствах?... постарайтесь вспомнить... о, умоляю вас!

Больной отвечал своим слабым голосом:

— Все, что я вам могу сообщить, сводится к весьма немногому. Я на коне преследовал человека в каштановой ливрее, которому ваш отец вручил письмо. Этот человек только что вскочил на лошадь, которую держал за повод лесной сторож.

— Вы не помните, как он выглядел?

— Он, кажется, был высок... силен... блондин... и очень напоминал слугу из хорошего дома... Он скакал... подпуская меня к себе... потом опять скакал вперед, как будто хотел завлечь меня в западню... Я это заметил слишком поздно. Такое ожесточенное преследование продолжалось с четверть часа. Кажется, мы скакали в довольно ограниченном пространстве!... в пустынном месте, где нельзя было встретить ни души... я припоминаю это место, где проезжал уже... несколько сучковатых дубов... решетка с запирающей дверцей... я один... безоружен... официального приказа не имею... Положение показалось мне серьезным, и я все сильнее думал, не в западню ли хотят меня поймать? Еще несколько прыжков и я... перед дверью решетки, широко открытой... Человек, которого я преследую, обращивается на седле... он смеется и издает свист... Он мчится, как стрела, между стволами дубов... Что-то задевает меня по ушам, обвивается вокруг головы и я... в петле лассо, котороехватило и бросило меня на землю с неслыханной силой... Оглушенный этим падением, я, однако, хотел бороться, кричать, защищаться, но не успел. Человек, одетый в костюм лесного сторожа, прыгнул из-за дуба... Это он держал за повод лошадь... другого... о!... я узнал бы его через пятьдесят лет... коренастый, с длинной темно-русой бородой. Все это произошло с быстротой молнии! Он нанес мне страшный удар по голове каким-то предметом...

Марта, дрожащая и заплаканная, слушала этот прерывистый рассказ.

— Довольно, пожалуйста, довольно! — сказала она, пожимая руки утомленного больного. — Благодарю!.. О, благодарю от всего сердца! Вы освобождаете от отчаяния бедных, неутешных стариков, возвращаете свободу, жизнь и честь невинному. Теперь я могу все рассказать вам, если вам не вредно!

— Говорите, это успокоит меня. Я должен знать подробности такого ужасного и загадочного дела, на то я и полицейский агент. Но позвольте мне сначала обратить ваше внимание на такую небольшую деталь: человек, набросивший на меня лассо, сделал это с поразительной ловкостью, на какую способны только южноамериканцы, гаучо, или еще мексиканцы. Он иностранец...

Марта облегченно вздохнула: часть обвинения против Леона Фортена исчезла после этого признания.

Потом девушка рассказала все, что узнала об аресте Фортена и ходе судебного разбирательства.

Жерве, которого мало-помалу охватывала усталость, находил всю историю страшно запутанной и жалел, что пока не в состоянии помочь, но обещал, как только поправится, употребить все силы, чтобы установить истину.

Марта от всего сердца поблагодарила его и обещала в скором времени опять навестить, затем вырвала листок бумаги из книжки, в которую заносились заметки о ходе болезни, написав на нем:

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что человек, покушавшийся меня убить в Сен-Жерменском лесу, сорока лет; коренастый, сильный, среднего роста.

Сен-Жерменский госпиталь.

28 апреля 1898 года».

Она прочла записку вслух и спросила раненого, согласен ли он поставить под ней свою подпись.

— С большим удовольствием, — ответил тот и подписался внизу.

— Еще раз благодарю и до скорого свидания! — сказала сияющая девушка, оставляя агента.

Она вкратце передала результаты свидания ожидавшему ее доктору и отправилась на станцию, чтобы вернуться в Мезон-Лафит. Счастливая своей удачей и возможностью утешить родителей Леона, Марта и не заметила, что за ней следуют какие-то два господина. На станции, купив билет и удостоверившись в целост-

ности подписанной агентом записки, она положила портмоне обратно в карман и туда же сунула носовой платок.

Вскоре один из двух следовавших за ней людей оступился на лестнице и упал на колени. К нему сейчас же подбежали, чтобы оказать помощь. Виновицей падения оказалась апельсиновая корка, произошла суматоха, и Марта, унесенная человеческой волной, вошла в вагон.

Приехав в Мезон-Лафит, она сунула руку в карман и с ужасом обнаружила, что портмоне исчез.

Кражи кошельков на железных дорогах, конечно, не редкость. Только вот, интересно, кто в данном случае совершил хищение — простой карманный воришка или один из тех бандитов, кто хотел погубить Фортена? В общем-то, агент Жерве мог еще раз подтвердить свои показания в присутствии свидетелей, но ведь он был опасно болен!...

Марта рассказала все брату, но только ему одному, затем решила на другой день поехать опять в госпиталь, но прежде дожидаться почтальона. Последний принес ей одно из тех ужасных писем, какие погубили ее несчастного отца:

«Фортен виновен! Не будучи в состоянии спасти его, соучастники, товарищи Коричневой Звезды, покидают его. Свидание с раненым из Сен-Жермена бесполезно. Новая попытка стоила бы ему жизни. Берегитесь сами. Вам запрещается, под страхом смерти, хлопотать в пользу того, кто должен искупить свою ошибку. При убийстве не оставляют доказательств».

Как и письма, адресованные Грандье, это послание запечатано было коричневой звездой.

VII

Маленький старикашка с улицы Ла-Рошфуко.— Молодой человек.— Париж.— Кале, Дувр, Лондон.— Товарищи Коричневой Звезды.— Тоби номер 2-й.— По телефону.— Доказательства невиновности.

Прошла неделя. К Редону допускался только доктор, друг его, на которого можно было вполне положиться. О состоянии здоровья репортера общество ниче-

го не знало, в журналах не было ни бюллетеней, ни сообщений. Известно было только, что он, против ожидания, еще жив, но что нить этой жизни готова прерваться каждую минуту.

Непроницаемая таинственность окружала некогда веселый домик, оживляемый шумным и частым присутствием друзей и знакомых репортера. На девятый день, в восемь часов утра, из домика вышел маленький старичок в очках, с седой бородой, завернутый в темный широкий плащ. Очевидно, он вошел к больному рано утром, когда никто не мог его видеть, и к этому побудили его, должно быть, важные мотивы. Впрочем, дом был довольно обширен, так что носильщики, слуги, жильцы постоянно сновали взад и вперед, и старик мог пройти совершенно незамеченным. Он бодрым шагом дошел до улицы Св. Лазаря и очутился на Троицкой площади. Здесь остановился, выбрал одну из карет, двигавшихся по Антенскому шоссе, и сделал кучеру знак остановиться. Но прежде, чем сесть в карету, старик довольно долго вел переговоры с кучером, который сначала казался удивленным, а потом выразил свое согласие и даже улыбнулся, получив золотую монету. Седок поместился в карете, и она покатилась по Антенскому шоссе, завернула на улицу Лафайета и дальше, с быстротой поезда, домчалась до улицы Тревиз.

Там скопление экипажей на момент задержало ее, дверца открылась и старичок вылез. После этого кучер сейчас же, не поворачивая головы, уехал.

Но старик с почти белой бородой и расслабленной немощной походкой вдруг подвергся чудесному превращению.

Теперь это был молодой человек с бледным лицом и отважным видом, одетый в клетчатый костюм с узким воротником, заколотым булавкой в виде подковы, и очень походивший манерой держаться на жокея. На вид ему можно было дать двадцать два, двадцать три года.

Быстрым взглядом окинул он шоссе, увидел свою карету и быстро двинулся к станции Монтолон. Здесь выбрал кучера, заплатив ему, открыл дверцу кареты, проскользнул внутрь, вышел через вторую дверцу и уже спокойно пошел за вереницей экипажей.

Наконец, странная эта личность, нуждавшаяся в та-

ких предосторожностях, села в третью карету, сказав кучеру: «На Северный вокзал!»

Спустя несколько минут, неизвестный входил в здание вокзала. Взяв билет первого класса до Шантильи, он занял место в купе, где осталось еще свободное место, забрался в угол и казался заснувшим, между тем как проницательный взгляд его следил незаметно, но внимательно за всем.

В Шантильи трое пассажиров сошли, но наш молодой человек продолжал делать вид, что спит. В Лонжо сошли еще трое пассажиров и он остался один. Добавив контролеру двадцать шесть франков сорок пять сантимов, он продолжал путь в Кале, где, по-видимому, намеревался выйти. В Кале приморский поезд прибыл в двенадцать часов пятьдесят минут. У пристани уже разводил пары пакетбот «Вперед», выбрасывавший густые клубы черного дыма.

Наш молодой человек, не колеблясь, вошел на судно. Прошло пять минут, раздались свистки, и «Вперед» тронулся в Англию.

Ровно через восемнадцать часов судно вошло в Дуврскую гавань.

Поезд готовился отойти в Лондон.

Таинственный незнакомец, проехавший через сушу и море без всякого багажа, съел два сэндвича, выпил стакан вина и вскочил на Лондонский поезд. Через час и три четверти поезд остановился на станции Чаринг-Кросс.

Было четыре часа. Незнакомец взял кэб, дал кучеру адрес и помчался по улицам Лондона, как только что мчался по улицам Парижа.

Кэб остановился перед старым домом в Кув-Стрит, путешественник смелым шагом перешел одну аллею, пересек двор, вышел по другой аллее, поднялся на второй этаж, три раза постучал в дверь, вошел и увидел служителя, спросил, принимает ли мистер Мелвиль.

Служитель встал, открыл дверь и привычным жестом пригласил посетителя войти. Тот вошел и увидел высокого, плотного господина, сложенного, подобно Геркулесу, с умным и симпатичным лицом, с серыми глазами. Это был знаменитый Мелвиль, один из самых опытных сыщиков английской полиции. Несколько выдающихся процессов принесли ему широкую известность

и уважение во Франции. Обладая удивительной памятью, он знал всех мошенников Лондона, на которых наводил настоящий ужас. Два раза пытались его убить, но спасли Мелвиля колоссальная сила и ловкость. Относительно его смелости и хладнокровия ходили раздирающие душу легенды.

Мелвиль поднялся навстречу пришедшему, крепко, по-английски, пожал ему руку.

— Вы устали?

— Немного.

— Пospите два часа на моем диване.

— Когда мы будем беседовать?

— Вы голодны?

— Как волк!

— Сейчас поедем... ленч особенный... Я вас ждал и позаботился обо всем!

— Дорогой Мелвиль!

— Вы — лучший из моих друзей!

— Равно как и вы!

— Получили вы мое письмо?

— Третьего дня!

— Как вы думаете, удалось вам вернуться незамеченным?

— Думаю, что да, так как я постарался запутать свой след!

Хозяин свистнул в слуховую трубу, отдал несколько приказаний и прибавил:

— Дом охраняется. Теперь будем говорить за столом, который уже накрыт.

Незнакомец сел за стол, отхлебнул из бокала несколько больших глотков вина и без обиняков сказал:

— Известен вам некий Фрэнсис Бернетт, лет...

— Сорока!

— ...Сильный, коренастый, с длинной бородой... одевается у...

— Баррова, портного на Оксфорд-Стрит.

— Именно! Но вам цены нет, Мелвиль. Откуда вы это знаете?

— Это пустяки, мой друг.

— Поразительно!

— Вы в таком доме, где ничему не удивляются.

— Итак, вы знаете Фрэнсиса Бернетта?

— Да, еще бы. Это один из самых ужасных бандитов Англии. Злодей, всегда ускользавший из моих рук.

Я уже месяц не имел о нем известий. Правда, по моей милости пребывание его в Англии сделалось довольно опасным.

— В течение этого месяца он жил во Франции. Дело в Мезон-Лафите.

— Я не сомневался в этом, читая о преступлении в ваших журналах... Коричневая Звезда — его эмблема или, лучше, эмблема ассоциации...

— А! Так это шайка?

— ...Называемая шайкой «двух тысяч»!

— Их две тысячи?...

— Название произошло от того, что они не берутся за дело, обещающее меньше двух тысяч фунтов стерлингов. Сами же они себя называют рыцарями Коричневой Звезды.

— О, как напыщенно, словно заглавие бульварного романа! А хорошо организованы эти «рыцари»?

— Ужасно,— ответил Мелвиль.— Это чрезвычайно пестрое сборище, но люди очень ловкие. Там встречаются инженеры, химики, врачи, клоуны, механики, ученые, отвергнутые обществом и объявившие ему жестокую войну, просто бандиты — отборные головорезы, исполняющие всю черную работу. Им от нас достается. К несчастью, главари ускользнули, некоторые из них переправились через пролив и работают на материке!

— Это увлекательно и достойно приключенческого романа!

— Да,— подтвердил английский сыщик,— полицейские дела главным образом и становятся источником сюжетов для подобных романов!

— Но я должен записать то, что вы мне расскажите!

— Не беспокойтесь! Я уже приказал одному из своих людей переписать для вас часть дел о Коричневой Звезде! Вам останется только сделать перевод, а это не составит для вас затруднения, ибо вы в совершенстве владеете английским языком.

— Вы удивительный человек! Все умеете предусмотреть!

— О, немного порядка в мыслях и поступках — всего лишь! Тем более, что я рад сделать приятное такому глубокоуважаемому мною джентльмену, как вы.

— Взаимно, Мелвиль!

— Благодарю, благодарю, искренне счастлив! — отзывался Мелвиль, снова пожимая руку своего таинственного собеседника. — Но возвратимся к нашим баранам, напоминая настоящим тигров. Находя, что делать свои темные дела в метрополии стало слишком трудно и опасно, один из них решил овладеть Клондайком, громадной сокровищницей золота!

— Ага! Вот о чем извещал Фрэнсис Бернетт в письме, запечатанном коричневой звездой!

— Именно!

— И для этой цели хотел иметь пятьдесят тысяч франков?

— Да, две тысячи фунтов стерлингов... минимальная ставка этих негодяев. На всякий случай я послал двух моих агентов преследовать их и получаю время от времени от них донесения из Франции. Правда, пока многого они не могли сделать, так как не имели руководящих указаний. Однако я рассчитываю на них.

Зазвонил телефон.

— Вы, патрон?

— Кто это?

— Ваш агент. Тоби, номер 2-й.

— Где вы?

— В Париже.

— Какие новости?

— Важное сообщение: убит французский журналист Поль Редон!

— Очень хорошо, Тоби...

Мелвиль повернулся к своему таинственному компаньону и шепнул:

— Очень интересно... Возьмите один из наушников и послушайте!

Голос Тоби № 2 продолжал:

— Мистер Поль Редон был убит Бобом Вильсоном, хорошо вам известным.

— Да, ловкая рука у этого проклятого Фрэнсиса Бернетта.

— Мистер Поль Редон, извещая по телефону Версальский суд о своих успехах, говорил слишком громко, так что слышно было по соседству. Там был Боб Вильсон или Фрэнсис Бернетт. Эти бандиты, найдя, что мистер Редон знал слишком много, решили немедленно уничтожить его, что и сделали.

— Тоби, мой мальчик, очень хорошо, что вы попали на след! Получите четыре фунта награды!

— Благодарю, патрон.

— Что еще?

— Мы дежурили возле дома мистера Редона в надежде, что убийца или один из его помощников бродил около. Но так и не видали ни Боба Вильсона, ни Фрэнсиса Бернетта. Зато узнали еще об одном странном факте.

— Вот как?

— Да! Комиссар по юридическим делам хотел допросить Редона и обратился за разрешением к своему начальству. Получив позволение, он вошел в спальню мистера Редона и увидел, что постель пуста, мебель в беспорядке... Репортер исчез! Его искали по всему дому, в саду. Пропал!

Мелвиль пораженно вскрикнул, в то время как его друг, до сих пор слушавший спокойно, расхохотался так, словно необъяснимое исчезновение репортера было самой комической вещью в мире.

— Вы смеетесь, патрон? — удивился Тоби № 2, но, тут же, что-то поняв, спросил:

— С вами кто-то есть?

— Да, надежный человек. Вы можете говорить, не стесняясь!

— Хорошо. Итак, мы узнали, что мистер Поль был убит кем-то из Коричневой Звезды, но у нас не было доказательств. Теперь же они в наших руках, так что в случае надобности можно передать его в суд.

— Ага! — вскричал друг Мелвиля. — Это самое главное! Если у ваших помощников, дорогой Мелвиль, действительно есть доказательства, то невиновность Леона Фортена станет, наконец-то, очевидной!

— Согласен с вами, — поддержал Мелвиль. — Думаю также, что вы и ваше путешествие сюда могут оказать громадное влияние на это загадочное дело!

Потом уже в телефон:

— Мистер Тоби № 2? Сейчас шесть часов... Завтра, в это же время необходимо с вашими доказательствами познакомить человека, объявившего, подобно вам, беспощадную войну Коричневой Звезде?

— Я готов!

— Прекрасно! Ровно в десять часов вы будете на

улице Рошфуко у дома исчезнувшего репортера, позвоните и спросите Поля Редона. И вы увидите его во плоти. Но это не призрак, а двойник...

VIII

Опять маленький старикашка.— Удивление.— Воскресший из мертвых.— Ужасная рана.— Железная энергия.— Разоблачение Тоби № 2.— Слепок ноги.— Отождествление.— Свет.— Преступление в Батиньоне.

Как только начало бить шесть часов, у двери дома, занимаемого Полем Редоном, остановились двое мужчин. Один прямой, костлявый немного, с длинными зубами и маленькими белокурыми локонами, имел вид английского слуги. Другой, одетый по последней моде, молодой, интеллигентный, был джентльменом с ног до головы. Последний поглядывал на англичанина, тот со своей стороны украдкой бросал на него нерешительный взгляд. Англичанин нажал кнопку электрического звонка. Дверь тотчас же открылась, и на пороге ее появилась экономка журналиста.

— Господин Поль Редон дома? — спросил с чистейшим парижским произношением джентльмен.

— Мистер Поль Редон? — переспросил по-английски слуга.

— Потрудитесь пройти, — пригласила женщина, давая дорогу.

Они вошли в спальню и увидели в ней низкого старичка, стоявшего спиной к камину, плешивого, с мутными глазами и дрожащими руками и ногами.

— Поль Редон, — сказал он тонким голосом, — я!

— Ах! — вскричал озадаченный англичанин, — вы смеетесь надо мной.

— Эй, голубчик, нельзя ли без подобных шуток! — воскликнул и джентльмен.

Старичок быстро выпрямился и крикнул задыхающимся от смеха голосом:

— Да, это я!

В то же самое время плащ упал, седой парик полетел прочь, такая же борода отстала от щек и подбо-

родка, а в результате перед ними оказался молодой, немного бледный человек, с тонкими чертами лица.

— Да! Это я — Редон! Не сомневайтесь в этом, дорогой прокурор. Я сам вчера телефонировал вам из Лондона в Версальский суд, назначив свидание здесь в шесть часов. Вы очень мило сделали, что не опоздали!

— Но вы все еще неузнаваемы! — вскричал пораженный чиновник. — А борода... ваша настоящая борода... красивая шатеновая борода?

— Сбрита совершенно! Я пожертвовал ее на алтарь дружбы и затем, чтобы избежать своих недоброжелателей!

— Удивительно! — произнес судейский чиновник, пожимая его руку. — Но как ваша рана? Честное слово, мы вас собрались оплакивать.

— Да, я знаю... благодарю! Моя мнимая смерть со-
служила добрую службу: мы сейчас поговорим об
этом...

— Дорогой мой друг, имею удовольствие предста-
вить вам мистера Тоби № 2, одного из самых тонких
и ловких сыщиков Англии!

Англичанин поклонился просто, но с достоинством,
а Редон спросил:

— Это с вами я вчера говорил по телефону у моего
друга Мелвила, в Лондоне?

— Да, сэр.

— Садитесь, дорогой Тоби, и вы, дорогой прокурор.
Я чувствую себя разбитым непрерывным путешествием
из Парижа в Лондон и из Лондона в Париж, а пото-
му прошу у вас разрешения растянуться на этом шез-
лонге.

— Но, дорогой мой Редон, скажите, что все сие
значит: ваши переодевания, путешествия, рана, затвор-
ничество, слухи о собственной смерти.

Журналист распахнул свою рубашку, снял повязку
на груди и, показав ужасную рану, наполовину затя-
нувшуюся, прибавил:

— Человек, желавший моей смерти, напрям все си-
лы при нанесении удара и мог рассчитывать на удачу:
я действительно должен бы был скоро умереть. Но
страшный удар пришелся по пластрону моего шелково-
го галстука. Плотная ткань заметно погасила удар и
заставила нож скользнуть, отчего он, вместо того, что-
бы пронзить мне грудь, только глубоко, до самых ре-
бер, порезал мускулы.

— И вы ходите с этим? Ну, и человек же вы!

— Человек, который хочет! Впрочем, в первый мо-
мент я считал себя пораженным насмерть, и мысль рас-
пространить слухи о мнимой своей кончине в близком
будущем пришла мне только после перевязки. Этим ма-
невром я хотел усыпить бдительность своих врагов и
ускользнуть от них.

— Умно придумано.

— Но эта ужасная рана... Она еще побаливает, хо-
тя сегодня одиннадцатый день, и она на три четверти
уже залечена. Доктор промыл ее, зашил, и, благодаря
его искусству, процесс зарубцевания идет нормально.

— Поразительно! И я не знаю, чему больше удив-
ляться: вашему ли терпению, или науке, совершающей

подобные чудеса. Но скажите, друг мой, не подозреваете ли вы, кто убийца?

— Вот мистер Тоби № 2, может быть, сообщит нам о нем?

— Да, сэр. Я скажу вам всю правду!

— Мистер Тоби, мы с этим джентльменом владеем английским языком как своим собственным, поэтому вам будет удобнее изъясняться по-английски.

— Хорошо, сэр!

— Но прежде, мистер Тоби, дайте мне свой адрес, чтобы в случае нужды, я мог вас найти!

— Покинув павильон Генриха IV в Сен-Жермене, где я жил некоторое время, я поступил в гарсоны Парижского Виндзор-Отеля.

— В Сен-Жермене! Вы были в Сен-Жермене... в момент совершения преступления?

— За неделю до него, и я видел Фрэнсиса Бернетта с Бобом Вильсоном, мы с товарищем следили за ними в течение нескольких дней. К сожалению, агенты французской полиции в решительную минуту помешали нам!

При этом сообщении странная мысль мелькнула в уме репортера, он ударил себя по лбу и вскричал:

— Но... вы должны узнать эти ноги!

— Какие ноги? — спросил товарищ прокурора.

— Сейчас увидите.

Журналист подошел к двери своей туалетной комнаты, открыл ее, отыскал спрятанный под обоями маленький сундучок и вынул из него два гипсовых слепка, сделанные в саду на ул. Св. Николая.

— Вот эти ноги, мистер Тоби; их можно зачернить для большего сходства с ботинками!

— Лишнее, так как я чистил вчера утром в Виндзор-Отеле совершенно такую же обувь. Я сразу узнал форму ноги: ее длину, необыкновенную даже для англичанина, обтертый задок, маленькую выпуклость большого пальца левой ноги, указывавшей на начало подагры. Поверьте совести честного человека, что эти ноги принадлежат Фрэнсису Бернетту, одному из главарей Коричневой Звезды!

— Но тогда, если он в отеле Виндзор, нет ничего легче, как арестовать его! — вскричал Поль Редон.

— Он оставил отель вчера вечером!

— Тысяча молний! Вот что значит играть несчастливо.

— Впрочем, мой товарищ должен его выслеживать.

Этот быстрый обмен репликами был совершенно непонятен для товарища прокурора, поэтому он осведомился, что все это означает.

— Помните, как я вас просил по телефону задерживать корзину на станции св. Лазаря? — вместо ответа спросил его репортер.

— Помню!

— Так вот корзина принадлежала Бернетту, а это — изображение его ног. Эти слепки сделаны мной в саду дома, где совершенно было преступление, в Мезон-Лафите... Следы ног я обнаружил под стеной ограды, в том месте, где убийца перепрыгивал через цветник. Мистер Тоби узнал в этих слепках ноги Фрэнсиса Бернетта, английского бандита, одного из главарей Коричневой Звезды... Вы слышите, Коричневой Звезды!

— Подтверждаете вы все это, мистер Тоби?

— Да, хоть бы под присягой!

Между тем Редон продолжал.

— Я сейчас познакомлю вас с делом, полученным мною при отъезде из Лондона старшим агентом Мелвилем. Оно еще больше подтвердит причастность Коричневой Звезды к интересующим нас преступлениям. Тогда мы поговорим о Леоне Фортене.

— Странно! — пробормотал вполголоса помощник прокурора, — но продолжайте, друг мой, пожалуйста! Назначив вчера по телефону свидание, вы сообщили, что надеетесь узнать имя своего убийцы и представить доказательство того, что он — виновник преступления.

— Я думаю, что мистер Тоби удовлетворит нас обоих! Не так ли, мистер Тоби?

— Да, сударь.

— Прекрасно! — воскликнул судейский чиновник.

Тоби № 2 порывлся в своих карманах и начал:

— Вот, прежде всего, нож, которым вы были поражены, мистер Редон. Это прекрасный шеффилдский клинок, на буйволовой рукоятке которого вырезаны инициалы В и Б, а под ними маленькая коричневая звезда с пятью лучами.

Поль Редон взял оружие, попробовал острие пальцем, провел им легонько по нитке и сказал наполовину серьезно, наполовину смеясь:

— Черт возьми! И колет, и режет: лучшим доказательством тому мое бедное поврежденное тело.

— Нож принадлежит Боби Вильсону. Я взял его из собственного его кармана! — продолжал Тоби. — Впрочем, ценен он только благодаря инициалам, звезде и происхождению. Вот что гораздо более важно!..

Агент вынул из внутреннего кармана своего пиджака конверт, в котором находился бледно-красный листок.

— Это листок из бювара, находящегося в комнате, которую занимал Боб Вильсон в отеле Виндзор. Вот потрудитесь прочитать!

Товарищ прокурора и репортер с большим трудом могли разобрать следующие три строки:

«Я покончил с Редоном: он знал слишком много. Человек из Мезон-Лафита окончательно погиб!

Боб Вильсон».

— Протестую! — вскричал Редон. — Я — упрямый мертвец, да и мальчик еще жив!

Тоби № 2 продолжал спокойным голосом:

— Это письмо Боба Вильсона. Впрочем, вот образчик, потрудитесь сравнить, господа!

Образчик и строки бювара имели такое сходство, что всякое колебание было невозможно: оба письма, несомненно, вышли из-под пера Боба Вильсона. Он — убийца Редона!

Теперь товарищ прокурора был убежден. Если члены Коричневой Звезды хотели умертвить репортера, то, значит, как подтверждало и письмо, он знал слишком много. Убежденный в невинности Леона Фортена, он горячо взялся за розыск настоящих виновников преступления и потому сделался для последних опасен. В этом не было больше никакого сомнения.

Дрожащим от волнения голосом товарищ прокурора обратился к журналисту и Тоби № 2:

— Ваша храбрость и изобретательность, дорогой Редон, вместе с терпением и ловкостью мистера Тоби, помогут торжеству справедливости. Благодаря вам ошибка будет исправлена, а невинный получит свободу и оправдание. Мне остается теперь только сообщить следователю все, что я сам узнал! Надеюсь, что вы не откажитесь мне помочь!

— О, всеми силами, — отвечал журналист. — Вот документы, добытые английской полицией и доверенные мне Мелвилем. Вы прочтите их... это поразительно. А теперь нельзя ли мне свободно сообщаться с Форте-

ном, сделавшимся для меня еще дороже, благодаря несчастью? Я хотел бы сообщить ему хорошие известия, осушить слезы стариков-родителей.

— Я сейчас возвращаюсь в Версаль, увижу вашего друга и сообщу ему всю правду!

— Благодарю, дорогой друг. Благодарю от всей души!

— Вы взволнованны, отдохните до завтрашнего дня, а тогда приезжайте в Версальский суд!

— Не премину это сделать!

— И вы также, мистер Тоби?

— Да, сударь, по приказу своего начальника, старшего агента Мелвиля, я остаюсь с мистером Редоном. Увидите, я буду еще вам очень полезен.

— Благодарю вас, мистер Тоби. Располагайтесь здесь... вот комната... Пожалуйста, пейте, ешьте, а я иду спать!

— До завтрашнего полдня, дорогой прокурор! Вот документы... возьмите их!

— Благодарю! До завтра!

Прокурор уехал. Редон пообедал с аппетитом, лег в постель и уснул, как убитый.

В восемь часов Тоби вышел из дома, взял карету, вернулся в отель Виндзор и потребовал расчет. Получив его, он сложил в маленький сундук свой багаж, положил его в экипаж и вернулся в квартиру Редона.

На улицах продавали второе издание «Вечера». Разносчик выкрикнул у него под ухом: «Берите последние новости... Читайте о Батиньонском преступлении... убийство капиталиста... кража пятидесяти тысяч франков! Требуйте последние новости!»

Тоби подумал:

— Пятьдесят тысяч франков... две тысячи фунтов... Что, если и здесь замешана Коричневая Звезда?

Он купил газеты, пробежал глазами описание событий и сел в карету, промолвив:

— Если это преступление совершили члены Коричневой Звезды, то они, конечно, бежали. Нужно их найти, а это нелегко.

IX

*Тщетные предосторожности.— Дьявольская ловкость.—
Это — английской работы.— На свободе.— Вознагражде-
ние.— Истинный друг.— Отправимся в Клондайк!—
Отъезд в Америку.*

Убийство в Батиньоне осталось навсегда тайной, и виновники его не были открыты. Совершенное с неслыханной ловкостью и смелостью, оно сильно взволновало общественное мнение, но парижской полиции, несмотря на все ее искусство, не удалось обнаружить ни малейшего следа преступников. Только, может быть, Тоби № 2 да его товарищи, агенты Мелвиля, подозревали правду.

Жертвой преступления в Батиньоне был семидесятилетний старик, очень скупой, но слышавший богачом, собиравший драгоценные вещи и деньги. С ним жила единственная служанка, шестидесяти лет, немного глухая и, по слухам, любившая пропустить стаканчик.

В день убийства старик получил в Леонском кредит пятьдесят тысяч франков банковскими билетами и возвратился веселый, шелестя синими бумажками и любуясь ими, потом заперся в маленьком кабинете, где находился его денежный сундук и куда никто, кроме него, не входил, даже прислуга. Вообще, он сделал все возможное, чтобы превратить эту комнату в неприступную крепость: ставни, плотно закрывавшие окна, были покрыты стальными листами и снабжены целой системой запоров и пружин. Кроме того, входная дверь запиралась цепями и стальными перекладинами. Наконец, каждое отверстие камина было закрыто на высоте человеческого роста прочной решеткой. К несчастью, хозяин забыл обить железом пол и стены, тогда бы он жил в совершенно металлическом кубе.

Но, как бы то ни было, восьмого апреля освободилось помещение как раз под квартирой старика, находившегося на четвертом этаже старого дома на улице Бурсольд. Какие-то люди перевезли сюда скудную мебель, едва только гарантировавшую трехмесячную плату за квартиру. Они уходили и приходили в определенное время, как мастеровые или служащие, и рано возвращались в свое скромное жилище. Ночью с дьяволь-

ской ловкостью и смелостью они ухитрились проделать отверстие в полу, отделявшем их жилище от квартиры старого скупца. Они работали без всякого шума и выполнили эту каторжную работу в восемь ночей. Очевидно, им хорошо известно было расположение комнат в квартире старика, так как отверстие как раз пришлось под маленькой кладовой. На восьмую ночь они проникли в нее.

Должно быть, старик слышал легкий шум, потому что встал и взял спичку, найденную потом в его руке.

Тогда воры ворвались в его комнату, схватили, задушили и бросили на ковер, сами же кинулись к денежному сундуку. Они пробили металлическую стенку при помощи стального наконечника, прилаженного к маленькому коловороту с зацепками — чудо механики, — а сделав одно отверстие, принялись за второе, потом заменили коловорот маленьким ручным буравом, снабженным пилой. Мало-помалу, меньше чем за два часа они получили в дверце широкое круглое отверстие на уровне замка. Однако им не удалось справиться с механизмом замка. Тогда один из них запустил руку в отверстие и вытащил пачку в пятьдесят тысяч франков, находившуюся сверху. Удовлетворились ли они такой добычей? Не слышали ли они чего-нибудь подозрительного вблизи — неизвестно, но только до конца сундук они так и не вскрыли и ничего оттуда больше не взяли.

Спустившись в свою квартиру, они переменяли одежду и покинули помещение в три часа утра.

Служанка ничего не слышала. В шесть часов она постучалась к хозяину, дверь комнаты которого была по обыкновению наглухо закрыта. В восемь часов она опять подошла к двери, испугалась, спустилась к привратнику и попросила его привести полицейского.

Убийство было обнаружено, равно как и кража. Но подозрение ни на кого не пало. Один Тоби предвидел истину. Он мог добыть от французских агентов некоторые разъяснения, видел улики и сказал Редону:

— Это — английская работа! Ваши французские бандиты не имеют таких совершенных приборов!

— Очень возможно, Тоби, — согласился журналист, — впрочем у меня нет национального самолюбия!

Английский агент со своим товарищем начал розыски, но они ни к чему не привели.

Пришлось вывести заключение, что убийцы покинули Францию, увезя с собой и пятьдесят тысяч франков. Кроме того, агент заявил журналисту:

— Я думаю, что и здесь поработали господа из Коричневой Звезды. Думаю даже, что эти два злодея, Бернетт и Вильсон, уехали, как и предупреждали, в Клондайк — ловить в мутной воде миллионы. В их руках был основной капитал, необходимый для начала предприятия, пятьдесят тысяч франков, добытых преступлением!

— Но тогда их было бы легко арестовать в Гавре или Ливерпуле, на пути в Америку?

— Они слишком хитры, чтобы сесть на французский или английский пакетбот. Я думаю, они уже достигли границы, бельгийской или германской, и продолжают путь в Антверпен или Бремен. Ах, если бы я мог быть разом в двух — трех местах!

— Ну, поезжайте сами в Бремен, а своего товарища отправьте в Антверпен.

— Я не смел просить вас об этом! — сказал Тоби. — У меня ведь приказ охранять вас!

— Благодарю, мой Тоби, я теперь могу себя сам защитить. Не бойтесь ничего и посылайте каждый день известия!

Когда оба английских агента уехали, Редон вернулся в Версаль и подоспел как раз к освобождению Леона Фортена. Несчастный пленник, содержащийся до тех пор очень сурово, очутился на свободе, ничего не понимая, как и в день своего ареста.

Его выпустили из заключения точно так же, как и арестовали, без всяких разъяснений. Он сначала не узнал своего верного друга Редона, с его бородой, бледностью и остатком лихорадочного блеска в глазах.

По дороге в Мезон-Лафит Редон рассказал вкратце Фортену обо всем, что произошло, почти умолчав о своих испытаниях.

Когда они пришли домой, Леон открыл дверь, влетел вихрем в комнату и, увидев мать, протянул к ней руки, крича сквозь слезы:

— Мама!.. Бедная моя мама!

Старушка обняла его, проронив разбитым голосом:

— Мальчик мой... дорогой... наконец-то!.. Несчастный... обвиненный в таком преступлении!.. О, эти судьи... тебя... саму доброту, честность... тебя подозревать!

Он вырвался из объятий матери и кинулся на грудь

к отцу, который, бледный, почти бездыханный, не произносил ни слова, а только плакал, как ребенок.

Только после этого Леон и Редон заметили двух молодых людей, поднявшихся к ним навстречу: девушку в глубоком трауре, растроганную и не пытавшуюся сдерживать слезы, и ее брата.

В то время, как Поль Редон пожимал руки стариков, знавших, какое участие он принимал в освобождении их сына и не находивших достаточно слов для благодарности, Леон с восхищением вскричал:

— Мадемуазель Грандье! Вы здесь! О, да благословит вас бог за это!

— Сударь,— сказала девушка с достоинством,— так как роковая судьба соединила ваши страдания с нашими, как имеющие одинаковое происхождение, то мы с братом желали первые, после ваших родителей, засвидетельствовать вам свое уважение!

Растроганный, он горячо пожал протянутые руки молодой девушке и ее брату.

— А что у вас нового, мадам Фортен? — спросил Редон.

— Плохие новости, на нас все указывают пальцем, так что нельзя выйти на улицу. Потом бедный наш Леон потерял свою должность в Сорбонне! Вот письмо, извещавшее об этом!

— Ах! — С горечью вздохнул Леон.— Даже судебная ошибка не проходит даром! Теперь я без должности, имею массу врагов. Что делать, боже мой, что делать?

— Покинуть отечество,— посоветовал Редон,— устроиться как можно лучше за границей и отплатить презрением за презрение!

— Но я беден, а мои родители тоже не имеют средств!

— Это устроить очень легко! — возразил журналист.— Ну, наш Фортен, сколько вам нужно в год, чтобы прожить прилично?

— Я не знаю, право...— робко сказал молодой ученый.

— Ну, так вот: у меня есть на берегу моря, в моей дорогой Бретани, так как я бретанец, прелестный домик с садом. Вы поселитесь в нем и будете там сажать овощи... жизнь там дешевая... довольно ста франков в месяц!

— Но, дорогой Поль...— прервал Леон.

— Что ты хочешь от своего дорогого Поля? Я твой друг, не так ли? Мы создадим, если ты хочешь, общество. Я внесу капитал, ты — свой ум и технические познания, материальная жизнь твоих родителей обеспечена частью капитала.

— Я перестаю понимать!

— Изволь, объясню: тебе нужно пятьдесят тысяч франков, чтобы сделать карьеру в Клондайке, не как Коричневой Звезде, конечно. Я тебе даю эту сумму, так как уверен, что эти пятьдесят тысяч франков принесут нам более пятидесяти миллионов! Значит, я сделаю выгодное дело! Впрочем, мы отправимся вместе в Клондаик, так как жизнь здесь становится невестелой.

— Итак, решено, мы едем наживать капитал?

— Чем раньше, тем лучше, и я думаю, что с помощью твоей выдумки миллионы быстро потекут в наши руки. Вероятно, там мы встретим и злодеев, которые под именем Коричневой Звезды совершили столько преступлений, принесли столько горя. Я очень бы не прочь отплатить им той же монетой и испытать на них мщение краснокожего.

Брат Марты поднялся при этих словах и, дрожа от гнева, произнес:

— Господа, они убили моего отца, возьмите меня с собой, чтобы отомстить за него!

— Хорошо, мой молодой друг! — согласился журналист. — Сколько вам лет?

— Шестнадцать, но, клянусь, я по храбрости не уступлю взрослому!

— В 1870 году многие юноши ваших лет были неустрашимыми солдатами. Вы едете с нами!

— Благодарю, вы не раскаетесь. Что касается сестры, то...

— Я не покину тебя, друг мой! — прервала молодая девушка, порывисто вставая.

— Как, мадемуазель!? — вскричал Леон. — Вы решаетесь подвергнуть себя пыткам ледяного ада: лишениям, ужасному, мертвящему холоду?!

— Наш покойный отец завещал отомстить убийцам, и я буду везде преследовать их. Я не боюсь ледяного ада, не побоюсь, если нужно, и Сахары, я перенесу самые страшные страдания, даже смерть приму без колебания, без сожаления!

Все это сказано было спокойно, с холодной решимостью человека, уверенного в своих силах.

Чувствовалось, что под нежной кожей девушки кипит горячая кровь, а в сердце — отвага героя. Оба друга почтительно склонились, не будучи в силах устоять перед такой энергией.

А молодая девушка продолжила:

— Будьте уверены, я не обременю вас. Бедный отец как будто предчувствовал и воспитал меня по-американски. Я не неженка, приучена к трудностям, занималась спортом. Я с радостью возьму на себя и часть общей работы, и часть общих испытаний. Кроме того, у нас есть небольшие деньги, около десяти тысяч франков. Это наш с братом пай в ваше предприятие. Таким образом, мы сделаемся вашими компаньонами, не так ли?

— Мадемуазель, — почтительно ответил журналист, — для нас ваши желания — закон! Теперь последнее слово! Надо подготовиться к отплытию в Америку в течение недели!

— Но мы готовы! — в один голос ответили брат и сестра.

— Чудесно! А ты, Леон?

— Мне надо три дня, чтобы устроить.

— Решено! Я со своей стороны жду важного известия, которое рассчитываю получить не раньше сорока восьми часов. От этого зависит время нашего отъезда! Я сообщу вам его тотчас по получении!

Марта с братом вернулись на виллу Кармен, которую они вскоре должны были покинуть навсегда. Леон Фортен заперся в своей маленькой лаборатории и с увлечением отдался работе. Старик Фортен, удрученный мыслью о близкой разлуке с сыном, но, сознавая ее неизбежность, готовились к отъезду в Бретань. Поль Редон, возвратившийся в Париж, накопил книг об Аляске и Клондайке, готовил сундуки.

Таким образом прошло двое суток. Редон начал уже волноваться, как вдруг получил телеграмму. Он запер сундуки и в омнибусе Западной Компании отправил их на станцию Св. Лазаря. Сам же, дав необходимые инструкции ключнице, пешком отправился на вокзал Западной дороги. На пути встретился ему товарищ и спросил:

— Вы уезжаете?

— В Мезон-Лафит! — отвечал он.

К ночи Редон прибыл туда. В его ожидании здесь собрались, предупрежденные депешей, Марта Грандые с братом и Леон Фортен с родителями. Каждый чувствовал, что решительная минута наступила. После обычных приветствий Редон вынул из кармана телеграмму и прочел:

«Бремен, четверг, 5 мая 1898 года, 2 час. Компаньоны Коричневой Звезды сегодня утром сели на пакетбот «Император Вильгельм», отправляющийся в Нью-Йорк, потом в Канаду и Клондайк. Отплытие в полдень. Я поеду тоже и буду следить за ними до конца. Адресовать письма — Силька-Ванкувер, потом Доусон-Сити.

Тоби № 2».

— Поняли? — спросил Редон. — Сейчас объясню! — И он подробно поведал им о своих приключениях, начиная с того момента, когда делал отпечатки ног убийцы в саду ул. Св. Николая, и до того, как увидел Леона Фортена в Версале на свободе.

Закончив свой рассказ, журналист прибавил:

— Теперь четверг, вечер, 6 мая. Завтра с утренним поездом мы отправляемся в Гавр, в шесть часов.

— В прилив снимаемся с якоря и вперед, в Америку, куда зовет нас мщение и богатство!

ЧАСТЬ II

ГНЕЗДО САМОРОДКОВ

I

Страна золота.— Золотая лихорадка.— Рудокопы передового отряда.— Огильви.— Бескорыстие.— Нищета и миллионы.— На приступ.— Вторжение.— Много званных.

Два года тому назад географы не знали даже названия Клондайка — этого скромного ручья, притока Юконы — громадной реки, катящей свои воды по вечно мерзлой почве Канады и Аляски.

В настоящее время Клондайк у всех на устах, и происходит это название от индийского слова «Трон-Дюнк», означающего «много рыбы». Клондайк теперь полон золота!.. Золота в изобилии!.. Золота до пресыщения!

Это — Эльдorado страны снегов, громадная золотая сокровищница... золотой мешок... «мать золота», как говорят рудокопы.

Но Клондайк вместе с тем еще и ледяной ад, где дрожат от золотой лихорадки, где носятся в воздухе алчные желания, где мечется отчаяние, где гибнут в ничтожестве умы, пораженные золотым безумием.

Да, ледяной ад, где свирепствуют страшные холода в сорок пять, пятьдесят и пятьдесят пять градусов ниже нуля по Цельсию, где скалы трескаются с громовым шумом, где мясо рубят топором, сало и масло пилат пилой, где ртуть доходит до плотности свинца, где жизнь кажется невозможной и где во время бесконечных месяцев полярной ночи работают, как бешенные, люди, стекающиеся сюда отовсюду в поисках золота.

Уже два года, близ места, где скрещивается шестьдесят четвертая северная параллель со сто сорок вторым западным меридианом, люди всех племен, говорящие на всевозможных языках, охваченные одинаковой алчностью, бьют кирками мерзлую почву, отыскивая золотые зерна.

17 июля 1897 года судно «Портланд», возвращаясь из Клондайка, доставило Сан-Франциско шестьдесят рудокопов. Истощенные, оборванные, истомленные путем, эти люди, казалось, подвергались всем болезням, какие только может вынести человеческий организм. Все они сгибались под тяжестью сундуков, мешков и всяких причудливо завязанных тюков, которых не хотели никому доверить. Они остановились в Монне, и здесь, перед воротами, раскрыли свои тюки. Там были слитки и золотой песок. При взвешивании оказалось около двух тысяч килограммов... сто двадцать тысяч долларов!.. шесть миллионов франков!

Они обменяли золото на деньги и, богатые, собирались опять эксплуатировать участки, концессионерами которых были. На вопрос, откуда они пришли, отвечали: «Из Клондайка».

Они рассказывали о своих мучениях, о зиме, прове-

денной в палатке при 55-градусном морозе, об ужасном труде, о смерти товарищей...

— Да!.. Да!.. Это так! Но золото?

— Золото?.. Оно там везде!

И это была правда.

Эти люди привели в лихорадочное состояние целый город. Новость распространилась быстро, достигла Канады, Соединенных Штатов, берегов Атлантического океана, старой Европы... целого света. В несколько дней имя Клондайка и его притоков сделалось популярным. Рудокопы окрестили их: Юнкер, Бир, Эльдorado, Бонанза — это наиболее известные, особенно изобилующие золотом места.

Организованы были экспедиции, намечены склады, чуть не будущие города, где устраивался запас необходимых предметов: одежды, орудий, провизии. Потом суда, нагруженные людьми, скотом, собаками, инструментами, припасами стали отплывать то из Ванкувера, то из Сан-Франциско.

Негоцианты, ковбои, пасторы, хористы, земледельцы, авантюристы, промышленники, моряки, ремесленни-

ки,— все превратились в золотоискателей и присоединились к пионерам.

Среди них находился и В. Кормак, опытный золотоискатель. Он грезил о золоте под полярным кругом, скитаясь в течение двадцати лет, весь охваченный лихорадочными поисками и не терял мужества, несмотря на неудачи. Неутомимо копал он мерзлую почву, где иногда попадались ему золотые зерна.

В нескольких сотнях миль от него, на юге, трудилась другая группа рудокопов, числом около тысячи, и лагерь их назывался Форти-Миль. Привлеченные индейскими легендами, они в действительности очень мало находили золота и жили весьма скудно.

В августе месяце Кормак, работая вместе со своим деверем, индейцем, намыл золота на три сотни франков. Удивленный, он набрал еще земли, и опять намыл на четыреста франков. В течение двух дней ему удалось добыть золота на семь тысяч франков, а россыпи, казалось, нисколько не истощались, и счастливый рудокоп намыл золота за неделю на двадцать тысяч франков. Ему, возможно, удалось бы достичь и большего, но провизия вышла вся. Тогда он отправился в лагерь Форти-Миль, купил сала, муки, картофеля, сообщил некоторым товарищам о своем богатстве и уехал обратно.

Дюжина его друзей, не колеблясь, последовала за ним на берег ручья, названного Кормаком «Эльдорадо». По обычаю рудокопов они разделили землю на участки в семьдесят шесть метров каждый и лихорадочно принялись на работу.

Первые результаты были головокружительны: некогда еще золотоискатели, даже в Калифорнии или Австралии, не видели подобного богатства. Двое из близких приятелей Кормака, старый Жон Казей и молодой Кларен Берри, вступили в товарищество. У последнего была грациозная и миниатюрная жена, распутившийся цветок, роза севера среди снегов.

Все трое, при усердной помощи мадам Берри, добыли в двенадцать дней сорок тысяч франков из отверстия около трех метров глубиной.

Четверо других товарищей, Жой, Мак-Найт, Дуглас Фир и Гартманн, оказались еще более счастливыми: в течение трех недель они намыли золота на двести двадцать тысяч франков.

Двое молодых людей, Рид и Лерминье, сделали от-

крытие, почти беспримерное в истории золотодобычи. За две недели они извлекли из отверстия в восемь метров драгоценного металла на триста тысяч франков!

Наконец, охотник меховой компании из Сан-Луи, работая один, намыл золота на тридцать шесть тысяч франков в восемнадцать часов.

Все эти люди, до тех пор намывавшие крохи, казалось, обезумели. Они не пили, не ели, не спали, настолько их нервы были возбуждены лихорадочной работой.

Как и у Кормака, однако, у них вышла вся провизия, так что появилась необходимость отправиться в Форти-Миль. При виде их мешков, наполненных золотыми зернами, тысяча сто рудокопов, как один человек, устремились в Эльдorado.

Тогда канадец, Жозеф Леду, владевший мельницей на реке Сикети-Миль, перенес ее на новое место, туда, где Клондайк сливается с Юконом. Через два года здесь вырос уже целый город с тридцатью тысячами жителей — Доусон-Сити.

Однако неизбежным следствием наплыва народа в Клондайк стали раздоры между поселенцами, соперничество, убийства. К счастью, межевщик канадского правительства Вильям Огильви находился неподалеку во главе группы топографов, посланных определить границу между Америкой и Канадой. Он согласился измерить все участки, установить границы владений и быть третейским судьей между этими людьми, привыкшими по любому поводу пускать в ход оружие. Он один сохранил среди всеобщей лихорадки хладнокровие и даже отказался от богатых даров, предложенных ему за труды, заявив, что «государство платит ему жалованье за исполнение обязанностей, а не за устройство собственного материального довольства».

Такой поступок снискал высокое уважение к этому человеку, решения которого стали почитаться законом. Он один мог заставить уважать права других и установить хоть какой-то порядок.

Между тем, золотоискатели, рассеявшиеся, было, по обширным пустыням Аляски и влачившие там жалкое существование, все больше наводняли Клондайк.

Сколько ужасных тайн породила эта погоня за золотом! Руководствуясь буссолью, в ужасную ночь, они шли через снега, таща сани, питаясь замороженным мясом собак, когда сало выходило, подвергаясь страшным

холодам, принужденные спать на снегу. Сколько погибло их в это время ужасной смертью! Но зато как награждены были те, что победоносно вышли из грозного испытания!

Зима прошла среди лишений и сверхчеловеческого труда. Большинство жило в снеговых хижинах или палатках из шерстяной ткани. Впрочем, неумолимая золотая лихорадка воспламеняла их кровь, сжигала тело, держала в пламени весь организм и делала нечувствительными к холоду. Весной уехала партия в шестьдесят пять рудокопов, почувствовавших себя достаточно богатыми, чтобы позволить себе некоторый отдых.

Это были пассажиры «Портланда», прибытие которых в Сан-Франциско и произвело известное уже читателю волнение.

Месяц спустя «Эксельсиор» привез шесть миллионов долларов и вторую партию рудокопов в шестьдесят человек. Среди них был калифорниец Берри и его неустрашимая подруга. Берри намыл за зиму на восемьсот тысяч франков золотой пыли и зерен и приобрел участок, стоимостью более пяти миллионов.

Его товарищ Балти привез шестьсот пятьдесят тысяч франков, Жозеф-Леду, основатель Доусон-Сити, — пятьсот тысяч.

Канадцы с именами, похожими на французские: Дефонтен, Мишо, Бретонне, Денонвилье, Бержерон, Жильберт также стали владельцами немалых состояний.

За десять месяцев работы многие составили себе состояние. Тогда-то началась золотая лихорадка. Со всех сторон стекались жаждущие золота, бравшие буквально приступом пароходы. Они отправлялись на поиски без провизии, не обращая внимания на ужасный климат, где с октября реки промерзают и затрудняется снабжение провиантом.

Несчастные безумцы со всех сторон являлись на штурм страны льдов, терпя голод, холод, смерть и переступая через замороженные трупы, устлавшие снеговую почву.

Была зима, а они все шли.

Отовсюду прибывали новые бесчисленные партии.

Пароходы останавливались в Скагай или в Дика.

От последнего пункта до Беннета, где начинается главный санный путь, считается шестьдесят километров. На половине пути возвышается скала, высотой в

1068 метров, покрытая снегом, на вершину которой взбираются по дорожке, протоптанной козами. Ни собаки, ни лошади, ни мулы не могут там карабкаться, словом, ни одно животное, кроме человека.

Навьюченные поклажей около 4 пудов весом каждый, согнув спины, с разбитыми поясницами и подбородком, чуть не касающиеся колен, будущие миллионеры усердно взбираются по тропинке, цепляясь пальцами рук и ног, пыхтя, ворча, проклиная и все-таки медленно продвигаясь вперед. Их около тысячи взбирается разом, как муравьи движутся они черной лентой, отчетливо виднеющейся на белом снежном покрове. Изнуренные до крайности, испускающие пары, как кипящий котел, достигают они вершины. Тогда резким движением сбрасывают они с плеч ношу, и она скатывается далеко вниз. За первым тюком следует другой, потом третий и т. д. по

числу забравшихся людей. Внизу все это смешивается, иные вещи наполовину зарываются в снег.

Таким образом скатывается до тысячи килограммов съестных припасов и пожитков, необходимых рудокопу в течение года.

Иные разделяют свой тюк на десять маленьких, которые постепенно доставляют на вершину и скусают вниз. Таким образом 10 раз повторяется страшно опасный маневр! Это место называется переходом Чилкот. Затем поклажа разбирается и нагружается на сани, которые бечевой тянут собаки и люди вместе.

Ужасна эта дорога при ледящем ветре, поднимающем целую снежную бурю! А привал несчастных, старающихся укутаться потеплее, чтобы заснуть и проснуться потом наполовину замерзшими.

От озера Беннета до Доусон-Сити считается 500 километров. Это расстояние пароходы проходят в пять дней в конце весны, когда воды свободны от льда. В разгаре же зимы для этого надо по крайней мере двадцать пять дней. А как мучительно тяжело путешествие это при подобных условиях!

Само Вашингтонское правительство и пароходное начальство смущается часто и телеграфирует своим агентам в Сан-Франциско и Ванкувере:

«Задержите отъезд... остановите рудокопов... Скажите, чтобы ждали весны».

Но пятнадцать тысяч любителей легкой наживы вопили: «Мы хотим ехать. Вот деньги. Плата за проезд. Нас не имеют право задерживать. Место, место и вперед!»

И пароходы отходили, а народ прибывал, все более иступленный, и замерзшие трупы присоединялись к прежним, устилавшим горестную дорогу. Ничто не могло остановить этого безумия, этой алчности, этой дьявольской погони за миллионами. Мученики «ледяного ада» падали, умирали, но, несмотря ни на что, число их все увеличивалось. Впрочем, впоследствии, когда первое волнение, произведенное вестью о клондайском золоте, прошло, приняты были некоторые меры для поддержания порядка и предохранения несчастных от гибели: образовались общества для упорядочения прибытия и отправления золотоискателей, в газетах и журналах стали появляться различные путеводители с полезными советами, перечислением необходимых в тех

краях предметов и обозначением их стоимости, с некоторыми сведениями о местных требованиях гигиены и важнейшими географическими указаниями. Были также приняты меры к облегчению трудностей ужасного перевала через Чилкот. Были даже попытки устроить зубчатую железную дорогу, в ожидании постройки настоящей железной линии, проведенной два года спустя через Вайт-Пасс, проход, соседний с Чилкотом.

Однако, в ожидании более удобных путей сообщения, и бедные, и богатые, и сильные, и слабые — словом, все, решавшиеся на это путешествие зимой, принуждены были выносить бесчисленные мучения и трудности, чтобы в конце концов умереть мучительной и страшной смертью среди этого «ледяного ада». Те же, что были достаточно разумны, чтобы дожидаться весны, совершали это путешествие по воде быстро и даже приятно.

II

Впечатления лицеиста.— Новые друзья.— Канадец и его дочь.— Что следует запастись, отправляясь в Клондайк.— Летнее путешествие.— От Ванкувера до Скагуай.— Перевал Мертвого коня.— От Скагуай до озера Беннет.— На пути в Доусон-Сити.

— Ну, что вы скажете об истекших двух неделях? — спросил Редон молодого лицеиста.

— Это какой-то сон, какая-то феерия! — отвечал тот. — Я положительно восхищен! Этот неожиданный отъезд из Гавра, прекрасный переезд через Атлантический океан, неделя в Нью-Йорке, затем Монреаль, путешествие по Канадско-Тихоокеанской ж. д. и, наконец, Ванкувер! Мне просто даже не верится, что все это не сон, а действительность!

— Да, да, Жан прав, — хором воскликнула вся маленькая компания, — все мы того же мнения, что это путешествие прелестно!

Двое посторонних, прислушивавшихся к их восторженным возгласам, приветливо улыбнулись. То был громадного роста человек, плечистый и старый, с ясным, светлым взглядом и крупными, грубоватыми чертами лица, носившего на себе отпечаток недюжинной

энергии, чистосердечия и удивительного добродушия. На вид ему можно было дать не более 35 лет, хотя в сущности было полных 45, если только не все 50. Рядом с ним стояла молодая девушка красивая, рослая, румяная, с густой каштановой косой, большими синими глазами, с кротким и вместе смелым, решительным выражением, несколько похожая на своего спутника. Очевидно, это были отец и дочь.

— Ну, а вам, господин Дюшато, эти шесть суток в железнодорожном вагоне не показались скучными и утомительными?

— О, нет, мы, канадцы, неутомимы, а радость встречи и знакомство с настоящими французами заставили нас совершенно позабыть о скучном пути! Я уверен, что и дочь моя Жанна того же мнения! Вы не поверите, господа, как все мы, канадцы, сердечно привязаны к Франции, которую, несмотря ни на что, продолжаем считать своей настоящей родной страной. Мы счастливы, когда судьба сталкивает нас с людьми, прибывшими прямо оттуда, с нашей далекой Родины!

— Со своей стороны, мы можем сказать, что считаем за счастье встречу с вами, так как от самого Монреалья вы не переставали для нас быть самым внимательным и заботливым путеводителем, руководителем и советником, без которого нам трудно было бы обойтись,— сказал журналист.— Вы запасли для нас и полную экипировку, и все съестные припасы, на что без вас мы потратили бы не менее недели, да и обошлось бы это нам втрое дороже!

— Э, господа, стоит об этом говорить! Ведь вы же наши земляки! Случай столкнул нас в Монреале. Мы с дочерью отправляемся в Клондайк, вы едете туда же, мне уже издавна знакома эта страна, а для вас она нова. Как же мне не помочь вам своей опытностью?

Разговор этот происходил в общей столовой, откуда все перешли в комнаты, загроможденные самыми разнообразными предметами.

Громадный ньюфаундленд с умными глазами внимательно следил за всеми, ласково виляя хвостом.

— Вот, господа,—говорил канадец Дюшато,— вот это необходимая обувь для четверых мужчин и двух дам... Шесть пар резиновых сапог, шесть пар кожаных, шесть пар сапог, подбитых гвоздями, шесть пар лыж и шесть пар мокасин из оленьей шкуры?

— И только?

— Все это необходимо в стране льдов и снегов! А вот и чулки: сперва носки шерстяные, потом чулки пуховые, чтобы надевать поверх носков, и, наконец, меховые чулки, что одеваются поверх всего!

— Но у нас будут ноги, как у слонов! — воскликнул журналист.

— Да, конечно, будет толстовато, особенно с шерстяными кальсонами, теплыми панталонами, меховыми штанами и парусиновыми шароварами, которые придется надевать сверху!

— Ну, нечего сказать, завидная перспектива! Да в таком наряде и двигаться нельзя!

— Морозы здесь суровые, и надо защищать себя от холода! — наставительно проговорил деловой канадец.

— Ой! Да я не хочу здесь зимовать! Я — ужаснейший зяблик!

— Что делать! Здесь никогда нельзя поручиться за то, будешь зимовать или нет. Иной год здесь лето длится четыре месяца, а иной год — два, холода могут застичнуть невзначай, и тогда волей-неволей нельзя будет двигаться с места!

— Боже правый! Что же будет со мной, если я так боюсь стужи, с моими нервами, столь чувствительными к ощущению холода? Я и жив не останусь! — воскликнул журналист.

Слушая все эти вопли, Дюшато не мог удержаться от улыбки и продолжал:

— Мы купили фланелевые рубашки, шерстяные куртки, шерстяную верхнюю одежду и, сверх этого, капюшоны мехом вниз! А это вот меховые колпаки для головы. Видите, как тепло и удобно. Для рук же, которые очень чувствительны, заготовлены по две пары перчаток и по паре меховых митенок.

— И это все?

— Ах, нет! Еще полный комплект непромокаемой одежды... Знаете, клеенок матросских! Не забыты и каучуковые плащи.

— Но тогда потребуется канат, чтобы мы могли сдвинуть с места наши драгоценные тела, отягченные тремя, четырьмя, пятью обертками.

— Не бойтесь, вы пойдете легко, как если бы ничего не имели на себе, полетите в холодном воздухе с легкостью птицы!

Молодая девушка, Леон и Жан смеялись веселым смехом.

— С одеждой покончено,— продолжал канадец, сохраняя серьезность,— теперь надо немного белья, платков и салфеток, затем меховые мешки-постели, одеяла из мехов... Наконец, я купил еще две печки и две палатки! Видите, как хорошо! Это покрывала из просмоленного полотна для наших тюков, весом от семидесяти до восьмидесяти фунтов каждый. А еще есть масса вещей: кухонные принадлежности, железные тарелки и блюда, вилки, ложки, ножи, стаканы, различные инструменты, лотки для промывания золота, веревки, пакля, пилы, гвозди, топоры, ножницы, точильный камень, рыболовные снаряды, прекрасные багры и красивая коллекция удочек и бечевочек, нитки, иголки, булавки, шерсть, дымчатые очки для защиты от снега, табак, фитиль, спички, охотничьи ножи, ружья и патроны, сетки от москитов и масло для них.

— Москитов?

— Теперь лето, сударь! Воздушная тварь, голодавшая всю зиму, не пощадит нашей кожи. Теперь перечислим съестные припасы; они остались в магазине, где под моим наблюдением были упакованы приказчиками. Тут есть: пшеничная мука, овсяная крупа, морские сухари, сушеные яблоки и лук, сушеный картофель, овощи для супа, шпик, масло, соль, перец, горчица, сушеный виноград, рис, чай, искусственная закваска, ящик с различными консервами, плитки лимонного сока. За исключением небольшого лакомства для дам, это все!

— Прекрасно! Какая жалость, что там так холодно зимой, а то путешествие бы обратилось в прекрасную увеселительную поездку!

— Зато лето начинается, и вы можете напрактиковаться в варке сока. Здесь жара коротка, но поистине адская. А теперь, дорогие соотечественники нашей старой Франции, если вы действительно торопитесь с отъездом и не желаете даром тратить времени — за работу! — И, первым, подавая пример, канадец схватил мешок, засунул в него несколько вещей, измерил глазом тяжесть и объем, завернул, скруглил, пристукнул и ска зал:

— Вот, это совсем нетрудно! Несколько оборотов просмоленной бечевки, крепкие узлы — и готово.

Примеру его с готовностью последовали молодые

люди и девушка. Все работали безостановочно, и мало-помалу груда пакетов умельшилась, а соответственно этому куча тюков, более или менее однообразных, выросла. Все-таки потребовалось не менее 10 часов усиленной работы, чтобы покончить с этой работой, от которой зависел успех экспедиции. Когда же, наконец, все было готово, канадец, взяв горшок сурика и громадную кисть, изобразил несколько символических линий на каждом тюке, чтобы их можно было узнать с первого взгляда.

Настала ночь. Французские путешественники задумывали маленькую поездку в город Ванкувер, но Дюшато восстал против этого.

— Вы посетите его на обратном пути, когда мы будем миллионерами... минуты дороги! Наш путь лежит на борт «Гумфри», который покажется завтра утром... Сейчас унесут наши тюки... Вот носильщики... Плуты зарабатывают по шестьдесят франков в день. Я указываю отель... Мы переезжаем улицу... На другой стороне, в пятидесяти шагах верфь. Вот номера наших комнат... понесем сами ручной багаж для большей сохранности.

Они вышли и среди толпы людей, державших мулов, тащивших дроги, сгибавшихся под грузом, достигли пристани, перед которой свистел, качаясь и выпуская клубы дыма, большой пароход.

Дюшато последним переправился через мостик с собакой Портосом. Суматоха кончилась. Все стиснуто, как сельди, но у каждого пассажира свое место за столом, на нижней палубе, а для привелигированных — на верхней. Наши друзья устроились попарно: Марта Грандье в одной комнате с Жанной Дюшато, Лесн Фортен с Жаном Грандье, Поль Редон с Дюшато, к последним присоединился и добрый Портос.

Через пять с половиной дней пароход достиг Скагуай, конечного пункта его пути. Началась высадка и таможенные формальности, так как Скагуай лежит на американской территории и, чтобы попасть в него, надо миновать Канаду.

Благодаря терпению и нескольким долларам, незаметно спущенным в руки «неподкупных» американских таможенных чиновников, Дюшато выиграл время и проводил в город свою храбрую маленькую компанию. Хорошо изучив путеводитель, он избрал дорогу через Бе-

лый проход, хотя и более длинную, но зато несравненно более удобную, чем через проход Чилкот. Разборка пакетов, переговоры с держателями перевозов, нагрузка многочисленных тюков на лошадей и мулов заняли немного времени — и скоро наша компания отправилась в путь. Дорога, пролежавшая через Белый проход, называлась также «Дорогой мертвой лошади». Это название ей дали потому, что в течение последней осени более трех тысяч лошадей пало на этой дороге, усыпав ее своими скелетами. Проход по ней длится около 3 дней, кроме того, вверху постоянно дует страшный ветер, еще более усугубляющий трудности пути.

Наконец, благополучно справившись с ужасной дорогой, путники прибыли к озеру Беннету, где начинается уже речной путь, и здесь сели на пароход «Флора». Путники приобрели себе места в «Беннет-Клондайк Компании», владевшей тремя пароходами.

III

На «Флоре». — Высадка. — Юкон. — В Доусон-Сити. — Действие оттепели. — «Высший свет» страны золота. — Гостиница Бель-Вю. — Ценою золота. — Конная полиция. — Безопасность.

От озера Беннета до Доусон-Сити около 870 километров, т. е. почти такое же расстояние, как от Парижа до Марселя. По расчетам пароходного начальства, чтобы пройти его, требуется пять суток. В действительности же получилось иначе, так как свободному плаванью мешали многочисленные пороги, которые нужно было обходить с осторожностью. Пословица «человек предполагает, случай располагает» особенно справедлива при путешествии. Прежде всего, пароходы совершали здесь первые рейсы. Неизвестно еще было, как пройдут они два очень быстрых и гибельных пролива. Река принимает в себя серию озер, которые сообщаются одно с другим естественными каналами.

За озером Беннет следует озеро Тажис. Их соединяет Ветряная рука. Озеро Тажис переходит в озеро Марс бродом Антилоп, и, наконец, довольно длинный канал соединяет озеро Марс с последним озером Лабарж.

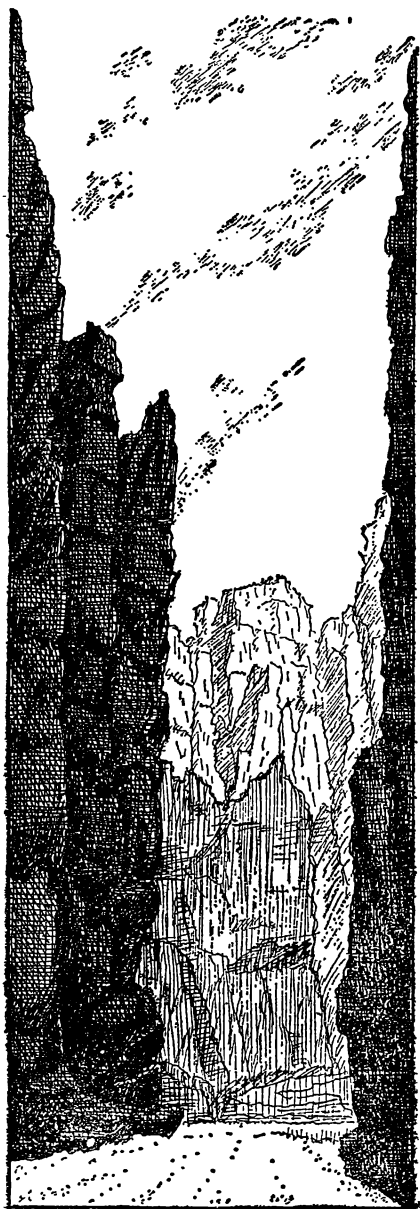
Этот канал и принимает в первой части своего пути название Миль-Канон, а в последней — Белая лошадь.

Это довольно узкий канал, где течение достигает, особенно в Белой Лошади, страшной быстроты — почти тридцати миль в час. Во время ледохода скорость еще более увеличивается, а с ней возрастают и опасности.

Стояла адская жара. Не будь в отдалении совершенно белых снежных гор и ледяных скал, можно бы подумать, что это Прованс.

Редон, вечно зябнувший и распевавший дифирамбы солнцу, схватил на оба уха по ожогу. Уши его покраснели, вздулись, и из нарыва потекла сукровица, даже немного крови. Он первый же, впрочем, начал смеяться над своей неудачей.

Между тем, пароход прибыл к устью от реки Лабарж. В обыкновенное время и в любой другой цивилизованной стране

самая элементарная осторожность требовала бы останавливаться ночью, но здесь в это время года нет настоящей ночи. Солнце едва заходит за горизонт в одиннадцать часов вечера и снова восходит через пару часов. Таким образом, заря смешивается с сумерками и день царит фактически в течение всех двадцати четырех часов. Поэтому пароход шел без передышки. Но вскоре начались первые трудности — страшные пороги «Пять пальцев» и «Ринк», находящиеся в четырех верстах друг от друга.

«Флора», счастливо переправившись через первые пороги, застряла на последних и дала течь. Нужно было направиться к берегу реки, укрепиться якорями, разгрузить кладь, облегчив судно, осмотреть трещину и заложить ее с помощью кусков дерева, пакли, моха, кожи и т. п.

Когда авария была ликвидирована, пароход двинулся дальше в сопровождении целой флотилии лодок с пассажирами и их пожитками... Вот и форт Селькир, один из старых укрепленных магазинов-факторий, какие компания торговцев мехами Гудзонова Залива строила повсюду. Вокруг фактории раскинулось шестьдесят индейских хижин и около двадцати палаток золотодобытчиков. Все вместе это составляло маленькую деревню, в которой энтузиасты видели даже будущую столицу канадской территории Северо-Запада.

Отсюда, уже по Юкону, одной из величественных рек Дальнего Севера, пароход дошел до Доусон-Сити — новой столицы золотой страны. Вид молодой столицы золотого царства, однако, не имел ничего привлекательного для людей Монреалья, более двух недель не знавших отдыха и вздыхавших по хорошей постели и ванне.

Капитан «Флоры» указал нашим друзьям меблированную гостиницу, самую «выдающуюся» в Доусоне, отель Бель-Вю, единственно подходящий для столь высоких лиц, какими казались все шестеро. Сюда и направились наша компания.

По примеру американских городов, Доусон состоит из широких авеню и пересекающих их под прямым углом улиц. Улицы тянутся с востока на запад, а авеню — с юга на север.

Первое авеню идет севернее Юкона и называется

Фрон-Стрит. Но вид его был далеко не привлекательный.

— Черт возьми! — произнес Редон, коснувшись почвы, — добрая пара непромокаемой обуви была бы не лишней!

— А еще лучше — маленькая плоскодонная лодка или плот! — прибавил Леон.

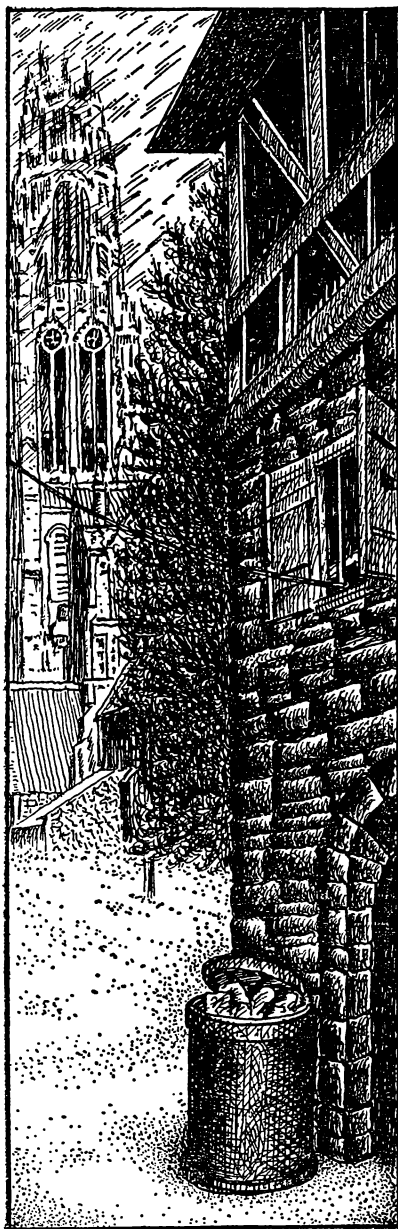
Авеню действительно походила скорее на болото. А, между тем, и здесь прогуливались, задравши нос и с сигарой во рту, «франты», сливки общества Доусон-Сити.

— Ну и ну?! — вскричал озадаченный Редон, глядя на них.

А удивляться было чему. Представьте себе, читатель, кучу грязных и причудливых лохмотьев, плешивые, паршивые, как спины бродячих собак, меха, желтые клеенки, рваные каучуковые сапоги с бесчисленными дырами, смятые до неузнаваемости шляпы, дырявые фланелевые рубашки, набросьте все это на части человеческого тела и конечности так, чтобы башмак был соседом сапогу, а меха — клеенчатым панталонам, затем прикиньте на плечи исхудалые головы с лихорадочно-горящими глазами, с растрепанными волосами и бородами — и вы получите настоящее представление о сливках «золотого» общества, бродящих по грязи в ожидании шести часов.

Весь этот маскаратно-пестрый, но самоуверенный люд обменивался короткими фамильярными поклонами и разговаривал о добытом вожаделенном металле с апломбом сказочно богатых миллионеров. Лохмотья, это видно сразу, ничего не значили здесь, и субъект, задирающий нос, у которого одна нога в сапоге, а другая в башмаке, штаны в заплатках, а на плечах дырявый каучуковый плащ, и в самом деле мог обладать полумиллионом золота, положенным в Клондайкский коммерческий банк. Поэтому никого не удивляло, что вполне прилично одетые дамы подают руки этим джентельменам, словно не замечая, что у тех на ногах.

Да и сам вид столицы «золотого царства» производил отталкивающее впечатление своей грязью и вонью. Зимой пятидесятиградусный холод придавал всему плотность камня и скрывал эти грехи общественного благоустройства. Зато летом... Везде стоят лужи, тепловатые, отвратительные, с тучами moskitov, так как

земля не всасывает уже воды. А на глубине семи вершков вечная мерзлота — непроницаемая и жесткая, как скала. Ко всему этому еще и страшная сырость, рождающая лихорадку и невообразимую вонь от гниющих остатков пищи, валяющихся горами всюду.

Несмотря, однако, на все это, в Доусон-Сити живут весело: всевозможные казино, игорные дома, рестораны, танцевальные залы процветают, как нигде.

В такой-то город судьба и забросила наших друзей. Придя в отель Бель-Вю, Редон, как опытный путешественник, прежде всего справился о цене у клерка:

— Сколько за день?

— Десять долларов с персоны! — был ответ.

— Хорошо, нас шестеро!

— Тогда 60 долларов... плата вперед!

— Мы рассчитываем пробыть два дня, а потому вот 120 долларов!

— Собака остается с вами?

— Да, а что же?

— Ее содержание будет стоить два доллара в день.

— Bravo! Вот кто умеет обделывать дела!

— О,— продолжал с важностью клерк,— собака такого джентльмена, как вы, не может искать себе пищу в кучах мусора!

Вообще, как оказалось, все в Доусон-Сити баснословно дорого. Свежий картофель стоит три франка... штука, дороже трюфелей во Франции, апельсин — 5 франков, яблоко — 2,5 франка, пара цыплят — 170 франков, а в ресторане даже — 120 франков за штуку, кусок бифштекса с вареным картофелем 30 франков, бутылка абсента, коньяка или даже простого виски — 100 франков, бутылка пива от 25 до 30 франков, за шампанское же и другие вина платятся вообще баснословные суммы: в 300 франков и более.

Соответственно этому и цены на квартиры. А, между тем, это, собственно говоря, и не квартиры даже, а грязные вонючие конуры!

Словом, жизнь в Доусон-Сити возможна только для проезжающих, которые остаются в городе всего на несколько дней, или для тех, кто, обогатившись на приисках, желает спустить здесь известную часть своей добычи.

Понятно, что при такой дороговизне только очень богатые решаются жить на центральных улицах города; обитатели же поскромнее нанимают квартиры на окраинах, где можно найти хижину в 2 комнатки за «скромную» цену: 1000—1500 франков в месяц.

Наконец, в самом конце Седьмого «авеню», почти за пределами города, тянутся пустыри, которые вскоре, конечно, приберут к рукам ловкие спекулянты, если только Доусон-Сити будет продолжать расти с той же ужасающей быстротой. Пока же здесь раскинулся настоящий палаточный городок. На грязной, вонючей почве разбито сотен семь — восемь парусиновых палаток, где летом задыхаются от жары, а зимой мерзнут от холода злополучные золотоискатели, которым еще повезло.

Эти палатки служат вместе с тем и провиантскими магазинами. Здесь в течение почти семи месяцев все съестные припасы, сыпучие, мясные, жидкие, не исключая даже и спирта, замерзают, как камень, так что двое приятелей, желая угоститься рюмочкой вина, просто

подходят к небольшой дощечке, служащей подносом, где стоят две небольших ледяных сосульки в виде наперстков, берут их прямо рукой, чокаются и затем препровождают в рот, где замороженная водка и тает. Просто, мило и оригинально!

Что касается общественной безопасности, то Редон получил следующий ответ клерка.

— О, вы можете быть в этом отношении полностью спокойны! Здесь никогда не бывает ни краж, ни насилия, ни каких-нибудь покушений, нарушающих общественную тишину и спокойствие, несмотря на то, что население города состоит в большинстве из весьма и весьма подозрительных элементов. Это объясняется тем, что у нас здесь превосходная конная полиция из 250 человек самой бдительной стражи, строго наблюдающей за всем, что только происходит в городе и его окрестностях!

— Это люди недюжинной силы, необычайно выносливые и весьма уважаемые, вследствие чего каждый гражданин охотно оказывает им содействие, когда это понадобится. На их ответственности всецело лежит и общественная безопасность всех жителей города, и неприкосновенность богатств, которыми может похвастать этот город, где скопилось золота миллионов на пятьдесят. И сколько помнят местные золотоискатели по настоящее время не было ни одной серьезной попытки украсть чужое золото! Что же касается съедобных припасов, то их вообще принято оставлять в палатке или в избушке незакрытыми. И никогда ни крохи не пропадало!

«Просто досюда, наверное, еще не добрались ловкие и искусные воры и мошенники,— подумал про себя Поль Редон,— такие, скажем, как банда «Коричневая Звезда».

IV

Новички.— Хозяйки и работники.— Законы, указы и концессии.— Сколько золота! — Явились или слишком рано, или слишком поздно.— Эксплуатация золотоносных участков.— Первая промывка золота.— Разочарование.— Находка Портоса.— Гнездо самородков.

Наши будущие миллионеры стали понемногу устраиваться. Прожив два дня в гостинице, они наняли по-

том квартиру на Шестом авеню стоимостью тысячу франков в месяц, куда сложили провизию и зимнее снаряжение, а сами поселились в палатке за городом, где жили уже тысячи рудокопов.

Настала новая жизнь, полная странностей и неожиданностей и лишенная самого элементарного комфорта. Спать пришлось на земле, подостлав шкуры вместо матрасов, чтобы предохранить себя от сырости пропитанной водой, как губка, почвы.

Девушки жили в палатке с провизией и снаряжением, необходимых для ежедневного употребления. Они стряпали и занимались хозяйством, в то время как мужчины носили воду и заготавливали дрова, что было нелегким делом.

Жанна Дюшато стала для Марты Грандье опытной и любящей наставницей. Оказалось, что молодая канадка еще раньше сопровождала отца с дядей в далекие экспедиции летом и зимой и умела найти выход из любого положения. Так, с помощью простого сучка она могла развести огонь и при ветре; ящик из-под консервов и кусок доски, все находило у нее применение и приносило свою пользу.

Ее отец, в свою очередь, объяснял своим новым друзьям трудное и особенно утомительное дело дровосеков. Путь за дровами был неблизкий, так как лесистые некогда окрестности Доусон-Сити были уже вырублены, и топливо приходилось искать все дальше и дальше. Обыкновенно на эти поиски отправлялись Леон, Поль и Жан под предводительством канадца. От непривычной работы на руках молодых людей вздувались пузыри, поясицу ломило, градом катился пот. Но это не удручало их, особенно Поля Редона, зато, когда они, нагруженные, как мулы, возвращались домой, их встречал превосходный стол из поджаренного сала, овсяного супа и тяжелых, как свинец, блинов.

Так прошло несколько дней в ожидании короткого путешествия из города в золотоносные поля. Вокруг наших друзей шумела толпа, где каждый жил сам по себе, не заводя никаких знакомств, не интересуясь соседями, даже не глядя на них, как будто сама мысль о золоте убила вокруг всякую общительность.

Всех занимало только золото и золото...

Теперь, чтобы читатель точнее мог понять все нью-

ансы нашего повествования, нужно объяснить организацию золотодобычи в Клондайке.

Золотоносные участки северо-западной территории Канады разделены на четыре округа, получивших название по имени главных рек, протекающих здесь. Это — округ Юкона, округ Клондайка, Индиан-Ривер и Стеварт-Ривер. В долинах рек и речек, протекающих в названных округах, и встречается золото в виде россыпей и самородков. Каждый золотоискатель, прибывший сюда, имеет право за семьдесят пять франков купить клэм (или участок) в каждом округе и может взять таких клэмов только четыре за всю свою жизнь. Зато ему предоставлено право перекупать, сколько угодно клэмов у других. Получив право на клэм, охотник за золотом выбирает свободное место для работы, руководясь своей опытностью, раскопками, предварительной разведкой. Когда это сделано, является правительственный землемер и определяет границы для эксплуатации. Участки, перпендикулярные реке, имеют обыкновенно с каждой стороны около сорока ярдов, если они лежат на плоскогорье или в долине, и полтора с небольшим на склоне; если же они лежат по реке и занимают берега ее, то примерно по сорок ярдов с каждой стороны. После этого золотоискатель получает документ, утверждающий его права и определяющий обязанности. Он имеет исключительное право производить разработку золота на своем участке, построить там дом, пользоваться продуктами своего производства и может бесплатно пользоваться водой, конечно, протекающей через указанный участок, чтобы промывать землю. На самое же землю концессия не дает никаких прав. Она отбирается как только участок перестает постоянно и добросовестно разрабатываться.

Так что быть свободным золотоискателем в Клондайке не легко и не дешево. Поэтому для свободной добычи золота сюда идут люди с капиталами. Но нередко, после тщетных попыток найти богатое месторождение благородного металла, деньги оказываются выброшенными на ветер. Тогда неудачник-золотоискатель становится носильщиком, поваром, землекопом, словом, работает на других, являя собой пролетариат, впрочем, совершенно безобидный, так как с законом тут не шутят. Да и суд Линча иной раз о себе напоминает ужасными приговорами...

Впрочем, довольно отступлений! Возвратимся к нашему рассказу.

Дюшато и его дочь, грациозная Жанна, Марта Грандье, Леон Фортен, Поль Редон и Жан Грандье — все шестеро сделались свободными золотоискателями, так как Канадский закон дает мужчинам и женщинам равные права на владения участками. Все затруднение было только в возрасте шестнадцатилетнего Жана Грандье, ибо по закону свободный искатель золота должен иметь полных восемнадцать. Но, когда все шестеро представились правительственному агенту, чтобы сделать свои заявления, последний при виде высокого роста, широкой груди, развернутых плеч и пробивающихся усов Жана Грандье даже и не помыслил, что перед ним подросток, и, как и остальным, дал право взять по четыре концессии или двадцать четыре участка для эксплуатации. Ради предосторожности они выбрали по одному участку в каждом округе.

Когда все формальности были заключены, компании покинули Доусон-Сити и направились на золотое поле вынимать первые номера грандиозной лотереи, возбуждающей до помрачения ума 20 тысяч лихорадочных больных, собравшихся со всех концов света.

Дорога к этому Эльдorado была ужасная. Грязь стояла по колено, а тут еще целая стая москитов, укусы которых может довести непривычного человека до бешенства. Можно было вообразить, каково было при таких условиях тащить поклажу! К счастью, средства наших друзей позволили нанять две повозки, хотя цена на них стояла чудовищная. Бедняки еле тащились, согнув спину.

Но золото, притягивающее всех подобно магниту, заставляло забывать про все эти неудобства: люди свыкались с дороговизной и с москитами, и с усталостью, только бы найти золото!

Вопреки представлениям, лето здесь — мертвый сезон. Работают только от шести до восьми недель, и единственно те, кто с ноября до конца апреля рыли шурфы и извлекали из них золотоносный песок. Этот песок, сложенный в кучи, содержит золото во множестве. Приемы извлечения металла, орудия и приспособления у рудокопов самые примитивные. Ну, например, шлюзный ящик.

Он представляет собой деревянную трубу, открытую

с обоих концов в форме корыта. Дно ее устлано шерстяным ковром с продольными перекладинами. Несколько таких ящиков ставят один на другой и накладывают под углом в 30° с помощью подставок. Сюда и сыплют золотоносную землю, направляя на нее сильную струю воды, искусственно отведенную из соседнего ручья. Вода увлекает глину и камни по деревянным желобам, а золото остается на шерстяной ткани.

Когда рудокоп находит, что намыл достаточно, он очищает шерсть жесткой щеткой, потом продолжает промывку.

Существует еще один, широко распространенный у приискателей прибор — качалка, то есть колыбель, составленная из железных сит, прикрепленных к качающейся раме. Рудокоп кладет в сито столько земли, сколько может уместиться, потом одной рукой, с помощью тяжелого ковша, льет воду, а другой — действует, как бы качая колыбель. Вода отделяет примесь и увлекает золото, проходящее через сито и падающее на платформу, покрытую шерстяным покрывалом.

Вот и все! И такие несовершенные инструменты дают сказочные сборы — так много в Клондайке золота!

Но необходимо трудиться всю зиму, чтобы добрать до промывки. Поэтому новоприбывшие, надеявшиеся собирать здесь золото наподобие картофеля, смущенно посматривали друг на друга и печально возвращались в Доусон. Им пока нечего было делать, ибо летом рыть ямы невозможно: земля не тверда, ямы обваливаются, нужно дожидаться, пока почва замерзнет.

Можно понять, какое отчаяние распространяется тогда среди несчастных, если у них не хватит средств до окончания зимы!

Но наши друзья довольно спокойно переносили это препятствие, даже Редон, и хотели уже возвращаться в Доусон-Сити, когда Марте пришла в голову новая мысль:

— Так как мы имеем клэмы по соседству, то должны познакомиться с ними, — предложила она. — Там моя концессия, и я предчувствую, что наше путешествие не будет бесполезным.

И вот они снова пустились в путь и шли более полусуток, совершенно выбившись из сил. С помощью плана нашли свой участок на склоне холма. Благодаря

этой покатости, вода здесь медленно сбегала, и потому можно было двигаться посуху.

Наши друзья разбили палатки и поспешили прежде всего приготовить обед. Впрочем, это был скорее ужин, так как часы показывали уже одиннадцать ночи, хотя солнце еще не зашло. Наконец, за полчаса до полуночи оно скрылось, и наши золотоискатели, отложив до следующего дня свои дела, легли заснуть. Но уже в половине четвертого утра все были на ногах. Солнце, поднявшееся двумя часами раньше, стояло уже высоко и сильно пригревало.

Люди, успевшие здесь получить участки, давно были за работой — довольные, что день продолжается без малого круглые сутки и можно работать целый день. Они и работали, точно негры-невольники или каторжники, до истощения сил, до полнейшего изнурения.

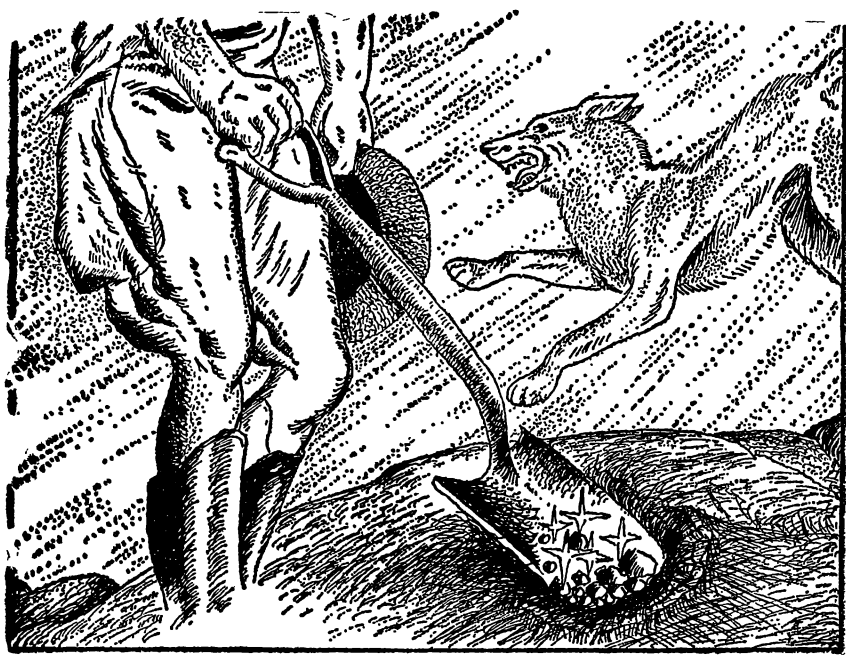
Соседи знакомились между собой, вступали в разговоры, но и здесь все интересовались только золотом, говорили только о нем.

Однако участки тут были бедны, что не мешало все же пытаться свое счастье: «Авось, — думал каждый, — я наткнусь на богатое месторождение».

Работа была, в сущности, очень несложной. Сперва подымали верхний слой почвы, затем рыли все глубже и глубже, отваливая большие комья земли, которые клали на железное корытце, вмещающее полпуда. С этим корытцем шли к ручью, где, присев на корточки, погружали его в воду по самые края, все время перемешивая взятый образец земли. Мало-помалу камешки, глина и другие примеси отделялись и уносились водой, а на дне корытца оставалось чистое золото.

Этот простой прием очистки золота требовал тем не менее, известной ловкости и умения, которые иным золотоискателям даются как-то само собой. Обыкновенно соседи всегда с охотой обучают новичков этому способу промывки, и обе наши девушки не преминули этим воспользоваться, сразу выказав при этом большую ловкость и проворство, в то время, как мужчины оказались менее способными в этом отношении.

Все шестеро горячо принялись за дело, но — увы — на первых порах их ждало разочарование: после самой тщательной промывки на дне лотка оказывалось мизерное количество золотого песка, вернее — почти ничего. Проработав таким образом 12 часов без пере-

рыва, наши друзья решили прекратить работу и усталые, измученные и разочарованные хотели уже возвратиться в свой бивуак. Вдруг, какой-то маленький зверек, выпрыгнув из своей норки, стремглав кинулся между лапами Портоса. Обрадовавшись этому развлечению, собака стала гоняться за зверьком, но едва успела сделать три-четыре скачка, как грызун скрылся, словно провалившись под землю.

— Ищи! Ищи! Портос! — крикнул ему Жан.

Собака принялась разрывать землю.

— Апорт! — командовал лицейст.

Портос на мгновение уткнулся носом в землю, и вытащил что-то, но затем, бросив этот предмет, стал рыть глубже. В этот момент луч солнца, упав на брошенный собакой предмет, заиграл ослепительно-ярким блеском. Жан поспешно схватил его и взволнованно произнес:

— Здесь более 10 фунтов и, мне кажется, что это золото!

— Золото! Покажи-ка! — Кусок металла стал пере-

ходить из рук в руки.— Вот когда счастье-то привалило! — воскликнул Редон.

Услышав про находку, с соседних участков сбежались золотоискатели.

— Да, это в самом деле золото, самое чистое, самое превосходное, какое мне только случалось видеть, а я ведь 20 лет пекусь и мерзну в этой проклятой стране! Поверьте мне, друзья, этот самородок стоит не менее 10 тысяч франков! — проговорил один старый рудокоп.

10 тысяч франков за этот кусок металла величиной с крупную картофелину мутно-желто-землянистого цвета!

Между тем Портос усердно продолжал рыть лапами землю.

— Надо посмотреть, нет ли там еще таких самородков! — проговорил Жан, взглянув на собаку. Все кинулись к яме, и громкий крик радости вырвался из уст присутствующих.

— Клянусь честью! — воскликнул старый рудокоп, — вот гнездо самородков, какого я еще никогда не видел! Ну, в добрый же час вы начали свое дело!

V

Что называется гнездом самородков.— Золотая лихорадка.— Кровь и золото.— На замерзшей почве.— Почему не делают раскопок летом? — Дровосеки.— Землекопы.— Журналы, газеты и их делегаты.— Известность.— Планы бандитов.

И в Калифорнии, и в Южной Африке, и в Австралии рудокопы называют гнездом самородков такое место, где лежит в куче известное число разной величины самородков, подобно клубням картофеля, на которые эти самородки чрезвычайно походят по своему внешнему виду. В данном случае таких самородков оказалось более 12 штук, причем самые мелкие были величиной с хорошее куриное яйцо, а наиболее крупные — много больше мужского кулака.

— О, вы счастливые люди! — воскликнул старый рудокоп, весь бледный от волнения при виде этого не-

ожиданного богатства,—ведь это сразу целое состояние! Все будут завидовать вам!

— Но это еще не все! Я уверен, что мы будем золотыми королями! — воскликнул Поль Редон и, взяв в руки два клубня, стал подбрасывать их, взвешивая на руке, играя с ними.— Я никогда не поверил бы, что вид этого богатства так подействует на меня: мне хочется петь, плясать и скакать от радости. Да, я вижу, что и вас всех, друзья мои, охватила та же золотая лихорадка, такой же золотой бред, как и меня. Вы хотя и молчите, но у всех у вас безумные глаза!

И, действительно, золото вообще как-то притягательно действует на человека, опьяняя подобно хорошему, крепкому вину. Ведь странно, когда люди натапливаются на громадные залежи и жилы железа, меди, угля, представляющие собой тоже миллионы и сулящие людям несравненно большие богатства, чем какое бы то ни было гнездо самородков,—совсем не бывает такого безумного бреда, таких галлюцинаций, грозящих потерей рассудка. Происходит ли это от того, что золото даже и в грубом виде является воплощением всех человеческих наслаждений и радостей жизни и предметом роковой, тяжелой борьбы целой жизни,—трудно сказать. Но даже суровый канадец сперва поблел, затем покраснел и был не в силах произнести ни одного слова, а между тем глаза его горели, как раскаленные угли.

— О, и я хочу видеть... Хочу дотронуться руками до этого золота... Дайте, дайте мне его сюда! — с трудом выговорил он, наконец.

— Ах, Жанна, дитя мое... наконец-то мы с тобой будем богаты!... Жанна, слышишь ли?.. Ведь это богатство, громадное богатство!...

Девушка также оживилась, за ней — Леон, потом сама Марта. Только Жан остался нечувствительным к припадку сумасшествия, произведенному этим ударом судьбы, и было отчего: для Дюшато и его дочери это открытие полагало конец убогой жизни, без радости и надежды в канадской хижине; Марте оно давало обещанную независимость; Леону Фортену облегчало жизнь родителей и помогало осуществлению проектов будущего. А Жан, кроме источника богатства, видел в золоте прежде всего средство отомстить за смерть отца. Но поможет ли ему в этом золото? Вот о чем ду-

мал бедный юноша, не принимая участия в общем ликовании.

Между тем, пока люди волновались около самородков, Портос продолжал ожесточенно рыть землю и добрался-таки до грызуна, послужившего причиной находки. Это была бедная маленькая землеройка, которая билась, вся трепеща, в зубах ньюфаундленда.

Но, увлеченные видом золота, Редон и его друзья не обращали на это внимания.

— Но сколько здесь... скажите? Тысяч на сто франков будет? — спросил журналист с лихорадочно блестящими глазами.

— Как знать?! — отвечал старый рудокоп. — Когда найдена жила, этим дело не кончается! — С этими словами он взял кирку и с удвоенной силой увеличил отверстие. Камни полетели и всюду засверкали блестящие точки.

— Вот! Я говорил! — продолжал он прерывающимся голосом. — Вот! Вот! Еще... еще!.. Но что вы смотрите? Возьмите лопату и поднимите это все... Прекрасно, золотая масса!

Редон схватил лопату и бросился к груде обломков, среди которых блестили новые самородки. Он рылся с жадностью, чувствуя в себе силу атлета: из груди его вылетали короткие восклицания — «ах, еще, еще».

Канадец собирал куски и клал их в кучу.

Вдруг кирка ударилась о твердое, как скала, препятствие.

— Кончено! — сказал канадец, бросая орудие.

— Как? Нет больше золота? уже! — вскричал разочарованным тоном Редон.

— О, его еще множество, я это чувствую, даже уверен, но я коснулся замерзшего слоя, а люди еще не выдумали инструмента, чтобы раздробить такую землю!

— Но как же вы делаете зимой?

— Зажигают огонь в ямах: через 12 часов лед растает, и земля размягчится на два фута. Вот эту землю и кладут около жерла, для летнего промывания.

— Значит, надо подождать зимы?

— Да, 2,5—3 месяца.

— Нет, я хочу сейчас же начать разработку, как зимой! Не правда ли, ведь это и твое желание, Леон? И ваше, Дюшато?

— Конечно! — энергично отвечали оба.

— Смотрите, опасно, — проговорил старик. — Почва не тверда: по мере того, как вы будете рыть, она начнет обваливаться, и вы рискуете быть засыпанными.

— Можно укрепить лесами.

— Вода доберется до вас.

— Мы вычерпаем ее.

— Летом из глубины почвы выходят смертоносные газы, они вас задушат.

— Умирать только один раз.

— Ну, и молодец же вы! — воскликнул восхищенный рудокоп. — Право! Дайте мне хорошую цену, и я готов на всякий риск!

— Сколько же вам угодно за день?

— Сто франков, если не дорого!

— Вы получите 200. Мои друзья согласны?

— Да! Да! 200 франков, — вскричали в один голос молодые люди.

Итак, несмотря на опасности, эксплуатация началась. Теперь нужно было добыть дров. Немедленно приступили к делу. Леон, Поль и канадец под предводительством старика, очистили место и стали копать четырехугольное отверстие. Жанна же, Марта и Жан отправились за дровами. При помощи рюкзаков и топоров они скоро набрали по связке сучьев. Молодой человек помог своим спутницам взвалить эти связки на плечи, положил свою на голову, и все трое, обливаясь потом, пошагали к участку. Потом пришлось принести еще столько же. Затем дрова сложили в яму и зажгли.

— Теперь, — сказал Редон, — пока земля оттаивает, нам не мешает пополнить чемоданы!

Эта мысль прилась всем по душе.

Самородки были собраны, отнесены под просмоленную покрывку.

Неслыханное обилие и чрезвычайная величина их произвели настоящий столбняк: на памяти золотоискателей не было ничего подобного. Здесь, считая по самой скромной оценке, золота было не менее 60 килограммов, на сумму 180 тысяч франков.

Весть о счастливой находке наших друзей быстро распространилась между рудокопами, полетела в Доусон-Сити и произвела там всеобщую сенсацию. Репортеры двух главных в «столице золота» газет — «Клондайкский самородок» и «Юконская полночь» — немед-

ленно выехали на клэм, еще не имеющий названия. Им нужны были автографы, интервью, документы, фотографии счастливых! Конечно, Редон, как собрат по оружию, прекрасно принял их.

Новые знакомые проглотили несколько кусков мяса и сухарей, выпили по стакану виски и уехали через 2 часа.

Работа, прерванная на некоторое время, возобновилась, так как почва уже оттаяла на глубину метра. Оставалось только удалить пепел и затем продолжать работу.

Кирки старого рудокопа и канадца застучали по горячей земле, а Леон Фортен и Поль Редон стали поднимать лопатой куски и бросать их наружу. Здесь Жанна, Марта и ее брат осматривали каждый кусок, чтобы выбрать большие и маленькие самородки. Засучив рукава рубашек, они целиком ушли в работу, напрягая все силы.

— Ну, друзья мои, и денек! — сказал Редон, вытирая движением руки пот, струившийся по его лицу. — Мы зарабатываем тысячу франков в час. Недурно!

— Черт возьми! — произнес в это время старый рудокоп. — Взгляните-ка сюда, можно подумать, что мы нашли мать золота, пресловутое золотое гнездо Юкона! — с этими словами он расколол киркой камень, почти такой же величины, что нашел Портос.

Леон и Поль взглянули на него и друг на друга без слов поняли все.

— Ну, товарищ, берите его в свою собственность! — сказал восхищенный журналист.

Старик сначала не понял.

— Берите же, говорю вам, — продолжал Редон, — это вам. Не так ли, мадмуазель?

— О, от всего сердца, — воскликнули девушки.

Старик побледнел от волнения, кровь прилила к его худому лицу, побуревшему от четвертьвековой работы на открытом воздухе, и он едва мог произнести:

— Вы... золотые сердца... как этот металл! Вы — достойны... своего счастья! Моя благодарность... принадлежит вам навсегда! Я — ваш... берите меня, вы увидите, я буду вам полезен. Это также верно, как мое имя — Пьер Лестанг, уроженец прихода Св. Бонифация, близ Виннипега, в Канаде.

— А, моя родина! — вскричал Дюшато, протягивая

ему руку.— Я должен бы догадаться об этом по вашему произношению!

— Но мы все соотечественники! Да, но старой Франции,— прибавил Фортен.— И вы будете таким образом вдвойне наши!

Во время этого разговора к золотоносной яме приближалась небольшая группа людей подозрительного вида. Лохмотья доусонцев были все-таки не лишены живописности, а вид подошедших свидетельствовал, ка-

залось, о преступных замыслах, но счастливые искатели золота не обратили на это внимания и в порыве радости не заметили взглядов, брошенных вновь прибывшими на палатки, яму и на кучу самородков.

После долгого немом созерцания эти люди с наружностью бандитов медленно удалились, как бы с сожалением, к досчатому погребку, где наскоро был устроен трактир. Незнакомцы уселись за бутылкой виски, а один из них, оглянувшись кругом, тихо сказал своим товарищам:

— Все ли вы видели, смотрите не забудьте! Особенно позаботьтесь о собаке! Черт возьми! У них более 100 кг золота! Это по крайней мере 300 тысяч франков! Нужно, чтобы оно стало нашим в течение двух дней!

VI

Два человека конной полиции.— Западня.— Два трупа.— Страшная резня.— Еще один мертвец.— Упорный сообщник.— Пожар.— Мнимые полицейские.— Охрана для гнезда самородков.

Неделю спустя зловещие знакомцы, метившие на золото наших друзей, собрались в селении Фурш. Расположенная при слиянии двух рек, Эльдорадо и Бонанзо, Фурш была малой копией Доусон-Сити, ибо здесь были те же грязь и вонь, те же увеселительные места, такие же люди. Только общественная организация была здесь еще первобытнее, а жизнь дороже и суетливее и удовольствия грубее.

Имелся здесь полицейский пост, но из-за своей малочисленности и множества дел его полицейские никогда не сидели на одном месте, находились постоянно в разъездах. При случае же, никогда не отказывались от угощения.

Около трех часов того же дня, после возвращения подозрительных знакомцев, два полисмена вернулись в Фурш. Дойдя до первого дома, харчевни, где радостно веселилась маленькая группа рудокопов, они были остановлены одним из хвастунов, казалось, поджидавшим их, который, пожелав им по-английски доброго дня, пригласил к своему столу:

— Вы чокнетесь с нами, не так ли?

— Идет! — ответил один из полисменов. — Мы уже четыре дня в дороге и хотим пить, а особенно есть!

— Ура! Мы нашли «гнездо самородков» и по этому случаю собрались пить и есть! Вот вы и помогите нам!

— Но позвольте раньше вычистить лошадей!

— Ни за что! Это сделает харчевник!

Хозяин харчевни явился. Высокий и крепкий мужчина лет тридцати, с белокурой бородой и волосами, он с видом знатока осмотрел обеих лошадей.

— А, — сказал один из полицейских, — я вас не знаю!

— Ничего нет удивительного! Я здесь только неделю... Я наследовал Жое Большой Губке, умершего от белой горячки.

— Это должно было произойти! — подхватил второй полицейский. — Этот бедный Жое не пил менее галлона в день, что было уже лишнее!

— Мы познакомимся, господа, и вы будете приняты с меньшим радушием, чем у моего предшественника! Но довольно болтать!.. Входите же... я займусь лошадьми.

Сопровождаемые человеком, пригласившим их на улице, полисмены вошли в довольно большую залу, где только четверо собеседников с аппетитом пили и ели. Их познакомили и дали место за громадным столом, заставленным напитками и съестным. Перед ними поставили два бокала, наполненные до краев, и для начала все звонко чокнулись.

Привыкнув к шумному радушию рудокопов, уверенные в честности, зная, что, в случае нужды, ничто не в силах заставить их пренебречь своими обязанностями, оба полисмена спокойно принимали угощение, не дожидаясь упрасиваний.

Хорошие едоки и бесконечные питухи, что не удивительно в людях, проводящих службу среди жестоких морозов, они пили полными стаканами и ели с поспешностью солдат во время похода.

Хозяин харчевни вернулся с новыми бутылками и закуской. Обменявшись с одним из четверки выпивавших значительным взглядом, он проговорил:

— Лошади приведены в порядок, джентльмены, вы можете быть спокойны!

Полисмены поблагодарили и беззаботно продолжа-

ли пиршество, расстегнув сюртуки, ослабив пояса. Энергично работая челюстями, они слушали застольную песню одного из собеседников.

Время шло. Спohватившись, наконец, полисмены объявили, что обязанности службы заставляют их удалиться.

— Как! Уже?! — огорченно вскричали их собеседники.

Но полисмены решительно встали.

— Ну, еще бокал... прощальный! Стакан вишневого ликера... из Черного Леса, 20 долларов бутылка!

На посошок полисмены согласились. Вдруг глаза их расширились и остановились, рты судорожно сжались, пальцы скрючились, и стаканы выпали из рук. Обоих конвульсивно продернуло, и оба, без крика и вздоха, упали замертво.

— Готовы, Фрэнсис? — спросил один из пьяниц.

— Да, — без колебания и угрызений совести ответил тот, кого sobутыльники называли Фрэнсисом. — Добрая порция синильной кислоты в виски — и порядок! Перешли ребята от жизни к смерти без всяких страданий и стенаний.

— Но против нас может подняться все население... Повесят или линчуют...

— Не бойся, и за убийство, и за кражу — возмездие одно и то же. Но довольно болтать! Нужно раздеть догола этих джентльменов, пока они еще не остыли. — С этими словами разбойник стал раздевать несчастного, который лежал около него, согнувшись пополам и упав лицом на стол. Он расстегнул пояс, к которому была прикреплена кожаная кобура с револьверами, стянул один рукав доломана, потом другой и сказал:

— Мы одинакового роста, его форма будет мне как раз впору!

Но тот, кто высказывал опасение о возмездии, возразил:

— Мы не согласны убивать, я хочу воровать, но отказываюсь убивать... слышишь, Фрэнсис?.. Не рассчитывай на меня, ярываю с этого момента наш договор!

— Это твое последнее слово?

— Да!

— Подумай, ведь ты получишь на свою долю более миллиона фунтов.

— Цифра, конечно, умопомрачительная, но повторяю, не хочу я быть убийцей!

Тогда с быстротой молнии Фрэнсис схватил револьвер полисмена и выстрелом в упор наповал убил собеседника.

— Сам виноват, дурак! Я хочу иметь дело только с готовыми на все людьми и устраняю слабых, которые завтра могут сделаться изменниками!

— Bravo, Фрэнсис! — вскричал нетрезвым охрипшим голосом один из трех оставшихся собутыльников. — Ты — настоящий предводитель! Мы последуем за тобой на дно ада, если тебе угодно будет туда спуститься.

— Да!.. Да!.. Фрэнсис хорошо сделал. — Долой трусов! Долой изменников!

В этот момент в залу, наполненную пороховым дымом, вошел содержатель харчевни.

— Пистолетный выстрел! Фрэнсис, ты виноват! Вспомни, однако, что мы не в Калифорнии и не в Австралии.

— Так нужно, Боб. Он был ненадежен! Но теперь нас только четверо, а должно быть пятеро!

— Ба! Брось. Мы подыщем здесь пятого товарища, а если понадобится, призовем одного из наших братьев

из Англии. Там видно будет! А пока надо убрать тела! Может быть, зарыть их здесь на дворе? — сказал хозяин.

— Ты забываешь, что земля промерзла на два фута глубиной и что она тверда, как скала!

— Верно! Какая идиотская страна!

— Ну, не говори — это страна миллионов!

— Я вижу только одно средство сбавить эту кучу мяса, — предложил один из разбойников, — разрезать на куски, зашить их в брезент и бросить в воду или опустить в какую-нибудь заброшенную рудокопями яму!

— Великолепно! Ну, не будем терять ни минуты. Я закрою заведение и начнем!

Раздев несчастных полисменов донага, бандиты положили их на стол и принялись кромсать. Страшная работа была быстро исполнена злодеями, которых ничто не трогало и которые с окровавленными руками отпускали непристойные шутки и пили вино. Внутренности и члены были запакованы в просмоленное полотно и завязаны так, что их можно было принять по виду за свертки провизии. Оставался только труп их недавнего

товарища. С ним собрались поступить точно так же, но тут Боб Вильсон, ударив себя по лбу, вскричал:

— У меня возникла гениальная мысль, которая избавит нас от лишней работы.

Не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, он взял веревку, довольно длинную и прочную, сделал петлю и затянул ею шею мертвеца.

— Мы представим дело так, будто он повесился, или точнее повешен. Лучший способ узаконить выстрел в голову.

— Не понимаю! — проговорил Фрэнсис.

— Увидишь!

Вильсон взял кусок белого картона и написал на нем: «Обвиненный и казненный за кражу судом Линча», повесил картон на грудь несчастного и сказал:

— Воспользуемся двумя темными часами ночи, чтобы унести его отсюда и повесить на дереве.

— Чудесно, Боб!

Фрэнсис переоделся в форму полисмена и сказал Бобу:

— Делай то же!

Боб не заставил себя ждать. Форма неузнаваемо изменила бандитов. В костюмах конных полисменов они могли теперь обмануть самый опытный глаз. Между тем, два соучастника вымыли стол, на котором производилась ужасная операция, потом принесли новые бутылки — и попойка продолжалась, словно ничего не произошло.

Неожиданно раздались удары в дверь.

— Кто там? — проревел Боб. — Убирайтесь. Здесь сидят счастливы, желающие веселиться без посторонних! Приходите завтра!

Стук прекратился: новые посетители удалились, хорошо понимая желание миллионеров веселиться в своей компании.

Время шло. Настала темнота. Двое переодетых в полицейских бандитов с бесконечными предосторожностями вынесли труп товарища и, не встретив никого, повесили его на первое попавшееся дерево и возвратились в харчевню, где Фрэнсис дал своей команде последнее наставление:

— Договоритесь относительно исчезновения человеческих останков! Будьте осторожны, никоим образом не возбуждайте подозрений и терпеливо ждите нашего

возвращения в таверну «Человек-Пушка». От этой операции зависит ослепительное богатство, которое я обещаю вам... Миллионы!

— Можете рассчитывать на нас!

Мнимые полисмены немедленно отправились в конюшню, оседлали лошадей и поехали по направлению к холмам. В харчевне остались их соучастники, чтобы укрыть трупы двух конных полицейских.

Последнее вызвало немало затруднений. Прежде всего, встал вопрос, куда девать шесть тяжелых, почти по шестидесяти фунтов каждый, тюков? По совету Фрэнсиса бросить их в заброшенные ямы? Но таких по соседству не было. Бросить в воду? Но они могли всплыть потом, да и до реки недалеко. Тогда одному из бандитов пришла в голову мысль разломать внутренние перегородки харчевни, сложить доски в костер и прикрыть ими останки. Кроме того, они сложили туда и все твердые съестные припасы — мясо, окорок, сало, чтобы сделать сожжение более легким, потом выпили сколько могли спирту, остатки выплеснули в огонь и, подожгя, вышли, заперев дверь. Все это в мгновение ока воспламенилось, как пакля.

В деревне Фурш не было ни пожарной каланчи, ни пожарных — и жители, селившиеся из опасения пожаров подальше друг от друга, теперь спокойно созерцали, как огонь делал свое дело, уничтожая последние преступные следы. Полюбовавшись на дело рук своих, два товарища медленно двинулись в Доусон-Сити на свидание с ложными полисменами. Между тем, последние неторопливо ехали по течению Эльдорадо, проводимые по дороге поклонами и приветствиями, получаемыми не по праву.

Богатые участки следовали один за другим, затем, по мере того, как приближалась цепь холмов, отделявших бассейн Бонанзы от бассейна Индианы, они стали попадаться реже.

Тут бандиты, дав отдохнуть лошадям, продолжили свой путь, направляясь к участку Редона и его компаньонов, который и был целью их поездки.

Они приехали в тот момент, когда утомленные, но счастливые рудокопы сели за стол; его, впрочем, заменяла простая подставка, перед которой каждый присел на корточки, как в деревне. Полицейских встретили приветливо.

Их пригласили освежиться и разделить трапезу.

Те с готовностью приняли приглашение. А когда, наконец, они присели перед брезентом, счастливые этим приемом, но стесняющиеся немного своих образованных хозяев, старый рудокоп Пьер Лестанг вскричал:

— Вот так счастье! Я перевожу в банк более двухсот фунтов золота, эти двое молодцов будут сопровождать нас!

— Это действительно счастье! — сказал Редон. — Нам много говорили относительно безопасности в этой стране, но я не совсем доверяю живущей здесь бедноте!

— Я тоже, — прибавил Леон, — и буду спокоен только тогда, когда наше имущество будет в надежном месте!

— Вы можете рассчитывать на нас! — с важностью произнес мнимый полисмен Фрэнсис.

— Это наша обязанность, и мы скорее позволим себя убить, чем дотронуться до вашего добра! — подтвердил его соучастник Боб.

— Мы верим вам и будем спать как убитые! — заключил канадец.

VII

Хитрость разбойников. — Во время сна. — Гнездо самородков переходит в другие руки. — Умерли ли они? — Хлороформ. — Неприятное пробуждение. — Обкрадены. — Бешенство Редона. — Поиски Леона. — Тревоги ученого.

Полицейские казались очень утомленными, что для рудокопов не показалось удивительным. И потому, когда ужин подошел к концу, французы предложили им отдохнуть. Те сначала отговаривались, впрочем, больше для приличия, потом согласились; им отвели место для ночлега в большой шелковой палатке мужчин.

Наступила ночь, и громадное багряное солнце скрылось за горизонтом, но все-таки царивший полумрак давал возможность смутно различать на известном расстоянии окружающие предметы.

Участки золотоискателей погрузились в сон. Наши друзья Леон Фортен, Поль Редон, Дюшато, старый ру-

докоп Пьер Лестанг и Жан Грандые растянулись на своих постелях и крепко заснули. Полисмены расположились близ входа в палатку, чтобы наблюдать за лошадьми, стреноженными в десяти шагах.

Прошло около получаса. Из входа в палатку высунулась голова, через минуту — другая. В палатке почувствовался эфирный запах, запах странный, возбуждающий. Послышался неясный шепот:

— Дело сделано! Я валил изрядную дозу, способную превратить их в деревянных человечков.

— А собака?

— И она, кажется, готова! Теперь можно приняться за сокувище!

— У меня захвачена свечка, чтобы рассмотреть самородки.

— А если вдруг кто-то проснется и зашумит?

— Зарежу, как цыпленка! Но я спокоен...

— Идем же!... И без малейшего шума, чтобы не разбудить женщин в другой палатке!

Один из разбойников наполовину выпрямился, чиркнул спичкой, зажег свечу и внимательно осмотрелся вокруг.

Все спали, разбросавшись по палатке в живописном беспорядке.

Лица мужчин, бледные и вытянутые, при колеблющемся свете казались лицами трупов. Губы были сжаты, ноздри раздуты, глаза плотно закрыты, руки скрещены. Одна собака лежала с широко раскрытыми, тусклыми, мертвыми глазами.

Человек, державший свечу, был Фрэнсис. Он потрогал своими массивными сапогами со шпорами эти неподвижные тела, как бы желая убедиться в их полной нечувствительности, потом пробормотал:

— Их не разбудит и пушка... Все идет хорошо! Боб, держись наготове! — Бандит бесшумно, ползком выбрался из палатки, держа кинжал в зубах. К счастью, утомленные Жанна и Марта спали очень крепко, не то негодяй безжалостно прирезал бы их.

Самородки были разделены на четыре пакета, каждый весом около пятидесяти фунтов, пакеты эти лежали под матрацами четырех компаньонов в маленьком углублении.

Фрэнсис без всякого стеснения воткнул свечу в землю и, приподнимая одной рукой одно за другим

эти неподвижные тела, другой стал выбрасывать пакеты с золотом, а его соучастник принимал их. В десять минут все было кончено. Обокрав дочиста компанию золотодобытчиков, бандиты оседлали лошадей, крепко привязали золото к седлам и спокойно двинулись по направлению к северу. Через несколько минут они исчезли в пустынной дали, не будучи замечены редкими соседями, отдыхавшими в своих палатках.

Между тем, в два часа ночи девушки пробудились и, удивленные мертвой тишиной, поднялись. Жанна первая покинула свою палатку, которую Редон в шутку называл дамским купе. Она подошла к мужской палатке и стала звать отца, не понимая, почему деятельный канадец, всегда встававший раньше других, до сих пор спит.

— Ну, отец, вставай! Солнце уже высоко!

В ответ ни звука, ни движения, ни даже лая собаки, обыкновенно очень бдительной.

Девушку охватил страх, и она позвала подругу:

— Марта! Идите скорее... Что-то случилось!.. О, Боже мой!.. Я боюсь.

Марта, вся бледная, быстро откинула вход в палатку и при виде пяти неподвижных, как трупы, мужчин, испустила горестный крик:

— Мертвы... о! Нет... это невозможно!

Обезумев от ужаса, она бросилась в палатку и остановилась, пораженная каким-то запахом, напоминавшим запах хлороформа. В то же время ее подруга обнаружила отсутствие лошадей.

— Полицейские уехали!

Подозрение закралось в сердце Марты, невольно спрашивавшей себя, чем объяснить это внезапное исчезновение, однако рассуждать было некогда. Призвав на помощь все свое самообладание, она закричала подруге:

— Воздуху! Нужно воздуху!.. Скорее!.. Вынесем их отсюда.

С силой, какой они даже не подозревали в себе, девушки по очереди вынесли из палатки всех четырех мужчин и положили на землю.

— Жанна!.. Холодной воды... Быстрее, пожалуйста!

Пока канадка, захватив кружку, бегала к ручью, Марта расстегнула ворота неподвижных мужчин, обнажила им грудь и стала растирать, но вскоре пришла в отчаяние, видя бесполезность своих усилий. Возвратившаяся с водой Жанна, намочив платок, стала прикладывать его к неподвижным лицам.

— Растирайте их, Жанна, трите сильнее! — сказала Марта подруге.

Лицо канадца стало розоветь, — и Марта решила сделать искусственное дыхание. Средство оказалось действенным и старик вскоре стал слабо шевелиться. Очередь была за Леоном.

Руки девушки дрожали при прикосновении к доброму, преданному другу. Язык его был сжат зубами и пульс почти не прощупывался. Марта схватила железную ложку, всунула ручку между челюстями Леона и с силой разжала их, влив в раскрывшийся рот большой глоток виски. А нужно заметить, что Леон спиртного не употреблял совершенно. Поэтому, как только горячительный напиток коснулся полости его рта и обжег ее, горловые мускулы молодого человека подернулись, а живот слегка поднялся. И тотчас же кровь хлынула к

лицу, легкие наполнились воздухом, тело шевельнулось, глаза открылись — Леон ожил.

Он энергично поднялся на ноги и нетвердым еще голосом произнес:

— Мадемуазель Марта, я спасен вами, благодарю!

Тут он заметил других мужчин, все еще распростертых на земле, и Жанну, смачивавшую их лица водой. Он сразу же подумал об отравлении ядовитыми газами, вырвавшимися из почвы.

— Задушены? — спросил он девушку.

— Преступное покушение, полисмены исчезли... — объяснила Марта.

Леон склонился над Жаном, насильно открыл ему рот, схватил пальцами, обернутыми носовым платком, язык его и произвел несколько ритмических движений. Это очень быстро возвратило к жизни молодого человека. То же самое Леон проделал и с Редоном, в то время как Марта занималась старым рудокопом, а Жанна — своим отцом.

— А Портос? — вспомнили о собаке. Однако ньюфаундленд отлично обошелся без врачебной помощи. Он явился из глубины палатки, зевая и шатаясь, как пьяный. Собака присоединилась к группе людей, старавшихся придти в себя и утвердиться на колеблющихся ногах.

— Где же полицейские? — спросил, едва ворочая языком, репортер.

— Скрылись!

Этот отъезд, слишком похожий на бегство, показался всем более, чем подозрительным.

— А не обокрали ли они нас?! — воскликнул Леон.

Обеспокоенные, все бросились осматривать кладовые под своими постелями. Они были пусты. Только присутствие девушек могло остановить поток яростных проклятий.

— Нас провели самым жестоким образом! — вскричал Дюшато.

— Но глупее всего, — пробурчал Редон, — что мы стыдно обкрадены в тот момент, когда журналы Доусона публикуют наши интервью, наши портреты, наши фотографии, когда всякий завидует нам, когда о нас рассуждают на все лады, когда мы, наконец, богатейшие, счастливейшие, сказочные владельцы знаменитого «гнезда самородков»!

— Ба! — философски вмешался Леон Фортен, — лучше внушать зависть, нежели жалость! Мы поквитаемся, добыв новое богатство.

— Болтай себе на здоровье! — возразил на это с комическим оттенком Редон. — Неужели ты думаешь, что найдется еще одна землеройка, которая покажет Портосу на новое «гнездо»?

— Попробуем! Ищи, Портос!.. Ищи, животное...

Но собака, едва державшаяся на ногах, лишь слабо вильнула хвостом.

— Ты не расходился еще, не так ли, мой бедный песик?

— Ты прекрасно видишь, что у Портоса нет более нюха...

— Вместо Портоса я сам мог бы действовать!

— Так не теряй времени и поищи! Скучно заносить в разряд убытков великолепную грудку золота, похищенного полицейскими! А я находил их такими добряками!

— Ну, дай же мне начать поиски!

— Ты хочешь остаться один?

— Да!

С этими словами Леон повернулся спиной к остальным членам группы и стал медленно пересекать клэм по всем направлениям. Время от времени он наклонялся, потом на минуту становился на колени и вскоре продолжал поиски. Такой прием, живо заинтересовавший его друзей, продолжался около часа. Потом утомленный, покрытый потом Леон возвратился к палатке, где его ждал накрытый стол.

Леон сохранил непроницаемость, заставившую девушек улыбаться, но раздражавшую мужчин и особенно Редона.

Завтрак затянулся. За исключением Марты и Жанны каждый чувствовал боль в голове, затрудненное дыхание и боль в членах. К физическим последствиям действия хлороформа присоединилось еще уныние по поводу кражи. Наконец, Редон, будучи не в силах сдерживаться, воскликнул:

— Ну!.. Пожалуйста, скажи нам о золоте. Раз ты имеешь дар предвидения, то скажи, что ты нашел?

— Немного! Клэм почти везде имеет золото, но в малом количестве!

— Ах, Боже мой! Мадемуазель Марта, ваш клэм плох! Итак, ни малейшего гнезда самородков?

— Я нашел кое-что, но не смею раскапывать. Я слишком боюсь неудачи!

— Напротив, возьмем кирки и лопаты, осмотрим место и — в дело мускулы! А ты, дружище Портос, сопровождай нас!

Все семеро, мужчины и женщины с ньюфаундлендом быстро оставили палатку и отправились к месту, указанному Леоном Фортеном.

Последний, слегка побледнев, кусал свой длинный ус и казался сильно взволнованным. Конечно, в нем сказывался обыкновенный человек, который никогда не может равнодушно смотреть на золото. Но ученый имел другую причину волноваться: он хотел знать, чего стоит его необычайное и гениальное открытие, а именно, открытие особого металла, притягивающего золото.

VIII

Новое открытие.— Не случайность.— Гнездо самородков.— Редон пал духом.— Избалованный счастьем.— Золотая буссоль.— Периодический закон Менделеева.

Итак, Леон Фортен направился в клэм в сопровождении всей компании, включая и девушек. Все были крайне заинтересованы поведением молодого ученого. Дюшато просто решил, что Леон не в своем уме, очень уж странным показалось ему, как тот размахивает своим брелоком. Старый канадец, с двадцатилетнего возраста скитавшийся по золотым полям и принадлежавший к числу самых опытных рудокопов континента, с насмешливой иронией улыбался затее, напоминая тех крестьян, которые, слушая речи профессора земледелия, говорят под сурдинку:

— Посмотрите, этот прекрасный господин из города хочет научить нас, как выращивать морковь и капусту!

Группа пересекла клэм и почти подошла к западной границе его, до которой едва осталось два метра.

— Здесь! — произнес немного дрожащим голосом Леон, обозначив место крестом, начертанным на почве,

— Ну, будем рыть! — сказал Редон, делая первый удар киркой.

Старый канадец пожал плечами и заметил вполголоса Дюшато:

— Нет... это детская затея... ничего не найдут!

Тот тоном сострадания ответил:

— Э, я и сам хорошо знаю! Но если это составляет удовольствие вашим землякам! — и принялся за работу, которая теперь уже спорилась в его руках.

Рыли уже полчаса. Шурф расширялся и углублялся. Через минуту должна была начаться мерзлота. Вдруг лопата журналиста наткнулась на какое-то твердое тело и издала отчетливый звук.

— Что это?

Старый рудокоп, бросив свою кирку, наклонился и, подняв что-то, вскричал с изумлением:

— Боже!.. золото!

Потом, как будто бы взятый предмет жег его, он бросил к ногам Фортена прекрасный слиток золота, величиной с каштан.

— Черт возьми! — вскричал в свою очередь Редон, разрывая рукояткой своей лопаты кусок земли, — жила возвращается. Bravo! Мы вновь разбогатеем!

— Это опять счастливый случай, или француз приходится сродни дьяволу!

Леон подобрал слиток, поднес его Марте и с улыбкой сказал ей:

— Надеюсь, мадемуазель, что в этом открытии нет ни малейшей случайности, как думает наш бравый товарищ!

— О! Это было бы слишком хорошо! Впрочем, я верю вам!

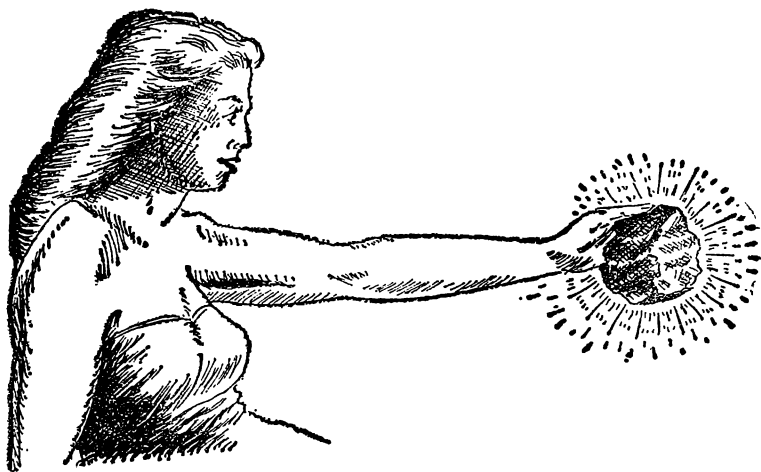
— Это чисто научное открытие... Если позволите, я объясню вам немного позднее поистине необычайный секрет его!

— А мне, мосье Леон, скажете? — спросил Жан, внимательно смотревший на слиток в руке сестры.

— Да, друг мой, так как, на случай несчастья, я хочу вас сделать своим наследником, а это наследство сделает вас царем золота!

— О, не говорите так! Вы не знаете, какое горе причиняете мне!

Восклицание Дюшато прервало эту беседу, ведущуюся вполголоса.

— Еще слиток!.. меньший по величине, но такой же чистоты!

Действительно, второй кусок золота был величиною с орех.

— Еще один! — на этот раз кричал старый рудокоп Лестанг.

Мало-помалу, после трех часов работы, самородков набралось около трех килограммов, т. е. на кругленькую сумму в 10 тысяч франков, чего еще никогда не видано было на участках Клондайка. Самые недоверчивые воспылали бы энтузиазмом от подобного результата, превосходившего самые смелые надежды.

Однако вскоре все стали чувствовать сильное недомогание. Было ли это следствием хлороформа или просто усталостью — не известно. Только журналист, Леон и Жан отказались от работы.

— В таком случае, господа, мы с Жанной останемся здесь, чтобы окончить разборку земли,— проговорила Марта.

— Но, мадемуазель...

— Пожалуйста, идите отдохнуть! Мы прекрасно поработаем без вас и... за вас!

Мужчины медленно удалились и молча пересекли клэм наискось.

На губах Жана Грандье был вопрос, и он посмат-

ривал на Леона, колеблясь спросить, но все-таки в конце концов сказал:

— Мосье Леон, вы обещали сейчас...

— Что, мой дорогой друг?

— Сказать Марте и мне... секрет открытия... золота... Марты нет, правда... но вы можете объяснить ей потом... Я так бы рад был узнать...

— Шш!.. тише... войдем в палатку... вы узнаете все!

Убедившись, что ни одно нескромное ухо не услышит их, Леон вынул из внутреннего кармана своего жилета маленький инструмент, насаженный на прочную никелевую цепочку.

— Поль, ты хочешь спать?

— О, нет,— вскричал журналист,— я узнаю штучку, которая помогла вам открыть золото... по крайней мере твое... хотя вернее, что Портоса!

Леон улыбнулся и, обращаясь к Жану, проговорил:

— Видите ли эту «штучку», как ее назвал сейчас этот шутник Редон? На самом деле это — буссоль, но буссоль особенная: ничто не может привести в движение ее силу. Поворачивайте ее, отклоняйте, направляйте по всем четырем странам света, она останется неподвижной. Но, если, держа ее правой рукой, левой я поднесу кусок золота, то игла приходит в движение и направляется к золоту, которое притягивает ее, как магнит железо. Видите: она вертится, отклоняется направо и налево по мере того, как я перемещаю кусок золота. Прибавим еще, что способность к движению проявляется только в присутствии одного золота за исключением всех до сих пор известных металлов.

— Но, мосье Леон, это ведь чудо! — с удивлением вскричал молодой человек.

— В результате, да, это чудо!

— Я бы очень хотел знать причину этого странного явления!

— И я также,— отвечал добродушно ученый,— я констатирую факт, как и вы... пользуюсь им, но не знаю больше ничего.

— Из какого же металла сделана игла?

— Это я могу объяснить, так как сам открыл его. Я нашел его за некоторое время перед теми ужасными событиями, и назвал его «металл х», как Рентген свои знаменитые лучи. Но Редон настоял, чтобы я дал ему мое имя, и вследствие этого я окрестил Леониум.

После этих первых объяснений Леон продолжал:

— Я не думал поразить ученый мир своим открытием, с которым вы теперь знакомы, а решил испытать его пока здесь, в Клондайке. Ведь эта игла и привела меня сегодня ко второй залежи клэма, точно указав место, где лежит «гнездо», разрываемое в этот момент канадцами.

— Как это? Скажите, мосье Леон!

— Очень просто! Положив буссоль в руку, я руководился ею, как руководствуются мореплаватели магнитной буссолью. Я держал свой инструмент поочередно в вертикальном и горизонтальном положении. Сначала игла оставалась неподвижной, потом направилась прямо к западу... Тогда я стал держать ее горизонтально, и это дало мне направление. Я поставил ее вертикально — и игла, повернувшись вокруг своей оси, как стрелка компаса, образовала некоторый угол. Таким путем мой маленький инструмент и вел меня, пока игла не остановилась вертикально. Здесь обозначились залежи золота, которые мне кажутся хорошим предвестником наших будущих разведок!

— Тогда мы можем отнестись философски к краже, совершенной мнимыми полисменами? — произнес все более пораженный молодой человек.

— Судите об этом по себе!

— Что же касается Леониума, вашего металла, то я воображаю, скольких трудов и неприятностей он стоил вам.

— О, нет, — возразил Леон. — Вся моя заслуга, если только она была, состоит в том, что я воспользовался периодическим законом знаменитого русского химика Менделеева!

— Как это?

— Вы хотите знать?

— Чрезвычайно любопытно!

— Я постараюсь, насколько возможно, объяснить вам. Как известно, Лавуазье, исходя из того закона, что путь светила зависит от его массы, массы окружающих тел и от расстояния их, пришел к такому заключению: «В некотором месте небесной сферы существует планета, которую никто не видел и существование которой даже не подозревал. Эта планета занимает такое-то положение, весит столько-то, описывает такую-то орби-

ту... Ищите ее, направьте свои телескопы на такое-то место, и вы обязательно найдете ее».

Вычисления Леверье были так точны, что вскоре, действительно, астроном Галль нашел планету Нептун. Замечания Леверье аналогичны теории знаменитого Менделеева. С давних пор в химии было замечено, что некоторые элементы по своим химическим и физическим свойствам представляют некоторое сходство между собой, вследствие чего их и подразделили на группы, например: группа галоидов — брома, хлора, йода.

Позднее было установлено периодическое отношение между атомными весами тел и другими их свойствами. Эта идея была разработана, проверена, приложена ко всем известным фактам и дала возможность установить более рациональную классификацию. Менделеев еще глубже исследовал вопрос и придал ему полноту, приложив это периодическое отношение к будущим открытиям, так что теперь можно безошибочно обозначить свойства неизвестных еще элементов. Великий русский химик, исходя из того принципа, что эти «физические и химические свойства простых элементов составляют периодические функции масс атомов этих элементов», расположил элементы в группах, в порядке возрастания их атомных весов. Таким образом, получилась таблица, где были собраны все до сих пор известные элементы, но со значительными промежутками между ними. Менделеев утверждал, что эти промежутки будут заполнены впоследствии открытием новых, еще неизвестных элементов, и затем определил физические и химические свойства их, следуя закону периодичности, связывающему эти свойства с атомными весами.

— О! — произнес Редон со вздохом, похожим на мычание, — кровь прилила мне к голове, в глазах мутится, хочется рычать, делать выстрелы из револьвера, разбить что-нибудь! Леон, друг мой, говори со мной по-китайски, по-ирокезски, по-патагонски, на овернском и нижне-бретонском наречии, но, ради нашей дружбы, ради моего бедного мозга, ради всего, что тебя трогает, не говори более химическим языком! Умоляю тебя об этом!

— Но все это очень ясно, не правда ли, Жан? — сказал Леон. — Вы хорошо поняли?

— Гм! Немного... Мне кажется, по моему слабому разумению, вы хотите сказать, что, как Леверье мог

утверждать после своих вычислений: «Там существует планета», так и Менделеев может говорить химикам: «Там существует простое тело, ищите его».

— Вот именно! И он оказался прав. Упорные, настойчивые умы долго бились и, наконец, заполнили некоторые пробелы в «таблице элементов» Менделеева. Для примера назову вам: Галлий, открытый нашим соотечественником Лекоком де-Буабодраном, Скандий, открытый шведом Пильсоном, и Германий, открытый немцем Винклером. Все свойства этих элементов в точности соответствуют тому, что предвидел Менделеев... Со своей стороны, и я пожелал прибавить свое звено в эту цепь. После долгих трудов мне удалось открыть «Леониум», как его называет Поль.

В этот момент послышался громкий храп: то Редон, тщетно борющийся против одолевавшего его сна, поддался ему. Его примеру последовал и Жан, а Леон, посмотрев на них, решил, что и ему не мешает вздремнуть.

IX

Серьезный случай.— Спасение.— Серьезные раны.— Неожиданность.— Тоби № 2.— Выводы полицейского агента.— Удивление пострадавших.— Приходится покинуть участок.— Возвращение.— Тоби не терял времени.

Печальный случай увенчал открытие «золотого гнезда», найденного Леоном Фортенем с помощью таинственной буссоли.

Не подлежит сомнению, что лето действительно не подходящее в этих странах время для земляных работ: несмотря на все предосторожности, всегда следует опасаться обвалов, которые могут заживо погresti под собой неосторожных рудокопов. Другой, не менее страшной опасностью для золотоискателя является выделение газов, которое может быть вызвано каждым неосторожным движением.

Лестанг и Дюшато усердно работали на участке. Усомнившись сначала в таинственных свойствах буссоли Леона, они теперь горячо уверовали в ее сверхъестественную, как им казалось, способность и, подстрекае-

мые жаждой наживы, трудились, не жалея ни сил, ни пота, откапывая почву, кое-как подпирая стены ямы и углубляясь все дальше и дальше.

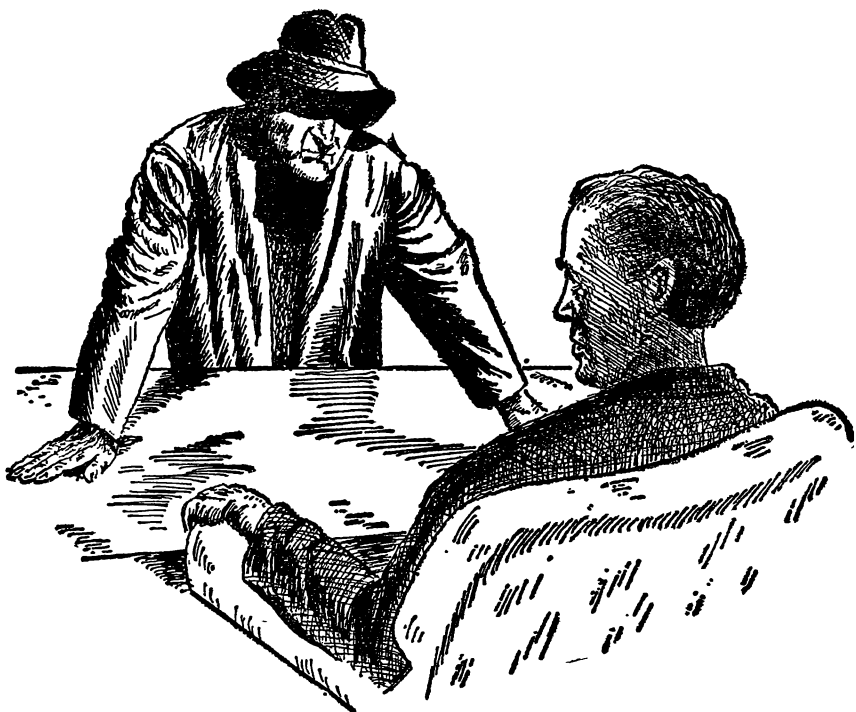
На третьей сутки случилась та катастрофа, какую и следовало предвидеть: произошел обвал и при этом сильнейшее выделение газов.

Жан, Марта и Жанна возвращались из леса с вязанками дров, а Леон и Поль вертели ворот над ямой, доставая с помощью большого ведра золотоносные комья земли со дна ямы, где работали канадцы. Вдруг послышался какой-то глухой шум и страшные крики: «Помогите, помогите!»! Одновременно с этим из ямы распространился удушливый, отвратительный запах сероводорода. Не теряя времени, Леон спустился на дно ямы и, убедившись, что рабочих засыпало чуть не до половины, крикнул:

— Скорей, давай лопаты, заступы! Спешите на помощь.

Подросшие в это время Жан и обе девушки спустились Поля Редона в яму. К счастью, выделение газов прекратилось, и на дне можно было дышать, хотя и с трудом. Подгоняемые страхом за своих друзей, молодые люди работали с удвоенной энергией и после двух часов усилий им удалось, наконец, высвободить двух несчастных, без признаков жизни, с запекшейся кровью на губах. С всевозможной осторожностью, совершенно изнемогая и задыхаясь, молодые люди извлекли своих пострадавших товарищей со дна ямы и, при содействии остальных, оказали первую помощь.

Удрученная горем Жанна с криками бросилась к отцу, которого считала уже мертвым. К счастью, Леон имел очень серьезные медицинские познания и скоро отстоял пострадавших. После двухчасовых усилий Дюшато и Лестанг были возвращены к жизни. К несчастью, первый получил в некоторых местах раны, а второй сломал ногу. С большой ловкостью Леон с помощью Жана и Поля занялся повреждениями. Раненые испытывали большое облегчение, но — увы — на долгие недели оказались неспособны ни к какой работе. Следовало во что бы то ни стало возвратиться в Доусон-Сити, чтобы посоветоваться с врачом и предоставить беднякам необходимый для них уход. Но это значило, что вся летняя кампания потеряна, работы на участках откладывались до конца зимы! Однако, ко всеобщему изумлению,

оба канадца встретили это известие скорее с радостью, чем со страхом.

— Наконец-то мы освободились от дела! — говорил старик, с благодарностью пожимая руки Леона. — Теперь обстоятельства не будут более противодействовать нам!

— Да, — прибавил Дюшато с покорной миной, — слишком большое счастье искуплено теперь нашими страданиями. Требовалась жертва — и ею явились мы! — И добряк продолжал с улыбкой: — Все шло слишком хорошо, нужны были жертвы, чтобы удовлетворить судьбу. А вы, господин волшебник, останетесь человеком легенды... Вы откроете в долине Юкона громадную сокровищницу золота... гору или пещеру... неизвестно... но «мать золота»... Вы найдете ее! Да, вы!

В этот момент бедно одетый человек, с утомленным видом, вежливо подошел к нашей компании. Он был один и, должно быть, пришел по долине речки.

Оба раненых находились уже в палатке вместе с девушками. Молодые люди вышли, чтобы позаботиться о возможно быстром переселении Лестанга и Дюшато в Доусон, и, увидев незнакомца, ответили на его поклон с заметной холодностью: печальное приключение с мнимыми полисменами сделало их подозрительными. Однако тот и не обратил внимания на такой прием и, любезно улыбнувшись, сказал:

— А, мосье Редон... как я счастлив видеть вас!

Удивленный журналист внимательно посмотрел на незнакомца и вдруг воскликнул:

— Тоби!.. Вы здесь, мой brave Тоби! — протянул ему обе руки, обменялся коротким и дружеским пожатием и прибавил, — Дорогой Леон, позволь представить тебе мистера Тоби № 2, правую руку знаменитого Мелвиля. Мой добрый Тоби, друг мой Леон Фортен, первая жертва Коричневой Звезды!

Оба энергично пожали друг другу руки, и Редон, который еще не пришел в себя от этой встречи, спросил Тоби:

— Каким добрым ветром занесло вас сюда, дорогой друг?

— Усердным преследованием бандитов, которым я объявил беспощадную войну!

— Ах, сколько произошло необыкновенных событий, Тоби, со времени получения вашей депеши из Бремена! Но, скажите, пожалуйста, вы знали, что найдете нас здесь, или только случайность привела вас сюда?

— Вы забываете о Доусонских журналах, где помещены и биографии, и портреты, и автографы, и сообщение о ваших чудесных работах. Сообщение очень опасное, поверьте мне, так как лучше скрывать свое богатство, чем кричать о нем на всех углах!

— Кому говорите вы это?

— Разве произошло уже несчастье?

— Нас обокрали, украли все наше золото, около трехсот тысяч франков. И это было сделано с неслыханной ловкостью и смелостью!

— Так, значит, я прибыл еще раз слишком поздно. О, почему вы не написали мне, как я просил, в Ванкувер или в Доусон-Сити!

— Глупость с моей стороны... непростительная забывчивость.

— Несчастье!.. большое несчастье!.. худшее, может

быть, чем вы думаете, если мои подозрения основательны.

— Но извините, дорогой Тоби, я заставил вас стоять и даже не предложил выпить и закусить. Извините меня и не думайте худо о нашем гостеприимстве! Удовольствие и неожиданность вашего визита — единственная причина этого! Все, что здесь находится, принадлежит вам. Распоряжайтесь им по своему усмотрению! — прибавил Леон.

— Благодарю, господа, от всего сердца, но не сейчас! Поговорим пока, так как время не ждет!

— Ну, что же?

— Меня привело сюда не только желание увидеть вас: я выслеживаю.

— И местная полиция не хочет помочь вам?

— Она пускает в ход все средства, чтобы затормозить мои усилия, и даже не хочет признавать меня!

— Почему же?

— Потому что желает во что бы то ни стало скрыть все преступления, даже мелкие, совершающиеся здесь ежедневно. И все это делается для того, чтобы не мешать притоку золотоискателей — главному источнику процветания Клондайка. Да, надо во что бы то ни стало, чтобы люди и капиталы были в полной безопасности... нужно, чтобы царило доверие, хотя бы минимальное... Таким образом двое конных полисменов обратились в дезертирство...

— Черт возьми! Наши воры! — вскричал Леон. — Они отправились в путь сейчас же и, если все едут, то должны быть далеко!

— Я имею основание думать, что их исчезновение не будет оглашено. Его скроют с большим старанием и, может быть, если заявят семейства, их отнесут к умершим случайно во время исполнения своих обязанностей.

— Но это преступление!

— Но, господа, не думаете же вы, что начальник полиции будет рассказывать о нем каждому встречному. Я тоже подозреваю, что это преступление и его, ожидаю, скоро подтвердят новые доказательства. Я предполагаю, что оба полисмена, завлеченные в западню, в Фурше, были убиты в харчевне, и трупы их сожжены...

— Черт возьми! Что вы говорите, Тоби?!

— Убийцы, же, взяв их форму, вооружение и лошадей, отправились в северо-западный клэм и украли у его хозяев сто килограммов золота...

— Тоби!

— После этого они проехали Клондайк, убили лошадей, сожгли форму, уничтожили оружие и вернулись пешком в Доусон-Сити; украденное же золото превратили в слитки и обменяли на банковые билеты... Войдя во вкус, бандиты остались в Доусоне, часто посещают увеселительные заведения, готовят новый удар и ждут благоприятного момента, чтобы действовать, не подвергаясь излишнему риску и опасностям.

— Но, Тоби, вы рассказываете ужасные вещи!

— Факты! И они, конечно, не способствуют поддержанию того доверия, которое до сих пор царило здесь. Понятно, что ни слова не будет сказано, все скроют, как при появлении эпидемии в гавани! Я один только буду знать, что убийцы несчастных полисменов и ваши воры, Фрэнсис Бернетт и Боб Вильсон, главари Коричневой Звезды.

— Тысяча молний! — вскричал Леон Фортен вне себя, — мои палачи!

— Мошенники, продырявившие мне кожу и желавшие отправить меня на тот свет! — прибавил журналист.

— Дерзкие, изощренные бандиты, — продолжал Тоби, — с которыми я один веду войну!

— Но мы поможем вам!

— Если так, господа, то я думаю, лучше мне остановиться здесь. Оба бандита не оставили никакого следа в этой пустыне, но предчувствие говорит мне, что они вернулись в Доусон. Сделаем то же, что и они, и нагрянем в столицу!

— Ну, хорошо! Время, однако, и поесть!

Полицейский агент был представлен компаньоном в качестве преданного друга из Европы, случайно встретившегося в золотых полях; впрочем, это была совершенная правда. За столом ему рассказали о краже, о бегстве двух ложных полисменов. И Тоби, слушавший внимательно, сказал уверенно: «Кража при помощи хлороформа — одно из их любимых средств. Сомневаться больше не приходится!»

По привычке настоящего полисмена Тоби бегло, но очень настороженно осмотрел канадцев. Это взволнова-

ло Редона. Как только они оставили палатку, он начал пылко протестовать:

— Дюшато — отец Жанны, этой удивительной девушки, которая находилась около мадмуазель Грандьё! Я люблю ее от всего сердца, и выказать недоверие невозможно!

— Кому?.. Отцу или дочери? — с улыбкой спросил Тоби.

Редон не ответил, засмеялся и вернулся в палатку, где Жан и Леон начали уже приготовления к отъезду. Через несколько часов все было кончено, оставалось только условиться с перевозчиком, что было сделано в минуту. Затем положили в повозку обоих раненых, и она медленно двинулась.

Это путешествие задерживало Тоби. Наконец, он потерял терпение и сказал:

— Я поеду вперед и подожду вас близ вашей гостиницы. У меня будут уже, наверное, новости!

Он не ошибся. Когда, тридцать часов спустя, караван остановился перед скромным приютом, Тоби, загримированный, неузнаваемый, мог сказать Редону:

— Я не потерял даром времени! Как только вы устроитесь, я покажу вам ваших воров!

Х

Увеселительные места в Доусон-Сити.— Тоби сдержал свое слово.— Лицом к лицу.— Воры и убийцы.— Скандал и арест.— Перед судом. Обвинение.— Свидетель.— Поражение.— Приговор.— В тюрьме.— Торжество бандитов.

Тоби № 2 сдержал свое слово.

Наши друзья провели в Доусон-Сити уже двадцать четыре часа. Удобно устроив раненых во второй хижине, соседней с первой, они пригласили американского врача, — больные терпеливо ожидали своего выздоровления. Никаких осложнений не предвиделось.

Тоби прибыл живописно одетый в широкополую шляпу, в голубую куртку с золочеными пуговицами, высокие сапоги и огромный круглый воротник с галстуком цвета индиго с белыми горошинами. При этом у него

был монокль в глазу, закрученные усы, довольный вид, словом, он выглядел настоящим франтом...

— Идите! — сказал он тихо в тот момент в одиннадцать часов.

Сделавшись равнодушными к обычаям европейской моды, одев панталоны в сапоги, измятые шляпы, фланелевые рубашки и куртки сомнительной свежести, Леон и Поль последовали за полицейским.

Оборванцы, покрытые живописными лохмотьями, фланировали по улицам и медленно направлялись к увеселительным местам.

Самые разнообразные инструменты рассыпались в нестройных музыкальных аккордах, прерываемые выкриками зазывал, наперебой привлекающих посетителей в увеселительные места. Тоби провел своих спутников в обширное помещение, разделенное на три части, соответствующие концертному, бальному залу и салону. В первом отделении бритые мужчины и крашенные дамы выкрикивали модные куплеты. Во втором джентльмены и леди, руководимые дирижером, усердно тряслись. В третьем играли в рулетку, трант-карант, в покер и баккара, и во всех трех вообще пили, курили и жевали табак.

Однако не замечалось ни тени веселости. И веселились, и танцевали, и аплодировали без увлечения и страсти, легкости и шаловливости, словно по заказу.

Но содержатели таких притонов удовольствий знают, что делают. На концерте посетители мало-помалу приходят в возбужденное состояние, влекущее их к напиткам. После танцев гости переходят в игорную залу; они уже оказываются достаточно готовыми...

Леон, Поль и Тоби, остановившись на несколько минут из любопытства в бальной и концертной залах, прошли в салон.

— Вы игроки? — спросил Тоби.

— Нет! — ответил Леон.

— А я слегка! — сказал в свою очередь журналист.

— Тем лучше! Здесь проигрываются огромные суммы, и я подозреваю, что банкометы ловко передергивают!

Здесь рассчитывались не деньгами, а жетонами, обменянными на золото в кусках или в виде песка, которые тут же взвешивали на весах.

В зале в носы нашим друзьям ударил дым папирос

и сигар, спиртной запах и прочие подобные же ароматы. Относительная тишина царила лишь в обширной зале, среди игроков, теснившихся у столов, при свете керосиновых ламп. Здесь слышался только шепот, и то скоро смолкавший, звяканье стаканов, глухой шум постоянной ходьбы, прерываемый яростными криками крепкой брани,— и над всем этим возвышался сухой, отрывистый голос банкометов, произносивших таинственные слова:

— Господа, ставки!.. Больше нельзя!.. Нечет, чет, красное!..

Пробыв несколько минут в зале и привыкнув к его атмосфере, Поль и его друг остановились близ стола, перед которым восседали двое мужчин. Они были видны только на три четверти, но голоса их заставили привскочить наших друзей. Тоби бросил на них быстрый взгляд и прошептал одно слово:

— Подойдем!

Они, ловко маневрируя среди понтеров, скоро пробрались в первый ряд, и здесь до них совершенно отчетливо долетали два голоса. Пришедшие посмотрели на лица говорящих, и взгляды их скрестились со взглядами более чем когда-либо невозмутимых банкометов. Молодые люди едва могли подавить крик удивления и гнева.

— Но это они!.. Ложные полисмены!.. Воры!.. Двое негодяев, злоупотребивших гостеприимством и похитивших самородки!

Больше сомневаться было невозможно. Друзья побледнели в сильном возбуждении, не слыша даже Тоби, напоминавшего о спокойствии. Наконец, не в силах сдержаться, они раздвинули игроков, подошли к банкометам и, ни слова не говоря, схватили их за шиворот. Последовало минутное оцепенение, приковавшее к месту присутствующих. Застигнутые врасплох, банкометы стали сопротивляться и призывали на помощь, но руки Поля Редона и Леона Фортена держали их, как в тисках.

— Что это значит? Зачем это насилие? — вмешались недоумевавшие понтеры, готовые принять сторону банкометов.

— Это значит,— вскричал звонким голосом журналист,— что эти люди — бандиты! На этой неделе они украли у нас двести фунтов золота, переодевшись в форму полисменов, которых они убили!

А Леон подхватил с еще большей горячностью:

— Да, бандиты, совершившие в Англии и Франции самые ужасные преступления! Перед вами главари Коричневой Звезды!

Подобное обвинение вызвало взрыв негодования. Некоторые игроки стали даже награждать тычками банкометов, лишенных возможности бежать. В интересах правосудия и справедливости Тоби взял инициативу в свои руки.

— Джентльмены! — вскричал он. — Прошу выслушать! Вот указ об аресте, подписанный лорд-шефом лондонского суда с приказанием задержать этих людей во всяком месте британской территории...

— Хорошо! Арестуем их! — прервал один игрок.

— Отведем к начальнику полиции! — поддержал другой.

— В суд! — сказал третий.

С последним бандиты поспешно согласились:

— Мы лучшего и не желаем! Ведите нас к судье! Он оправдает нас!

Два добровольных полисмена, какие всегда находятся в подобных случаях, взяли по веревке и крепко связали руки банкометов. Бандиты, больше всего боявшиеся линчевания, заметно ободрились, подняли голову, расправили плечи и уже посматривали по сторонам иронически, словно говоря: «Смеется тот, кто смеется последним!»

Это была невиданная дерзость, и французы едва сдерживались.

Судьи не оказалось дома, как и начальника полиции. Тем не менее, согласно имеющемуся у Тоби указанию на арест, бандиты были препровождены в тюрьму.

Через сутки, как предписывает английский закон, состоялся первоначальный допрос в присутствии двух адвокатов со стороны подсудимых: как и везде, в Доусон-Сити появились адвокаты, ищущие золота и кляузных дел. Тоби № 2 и оба француза присутствовали здесь в качестве свидетелей обвинения.

Подследственные назвали вымышленными именами: Робеном Смитом и Жое Нортон.

— Это ложь! — воскликнул Тоби. — Высокого зовут Боб Вильсон, а низенького — Фрэнсис Бернетт! Они известны лондонской полиции. Вот дело, собранное на них в Скотланд-Ярде, а вот факты, добытые инспектором

Мелвилем. Я отдаю их вам, господин судья, под присягою.

Судья взял бумаги, просмотрел их, обратив особое внимание на приметы, которые он тут же сопоставил с приметами представших перед ним обвиняемых и сказал:

— Не приходится сомневаться... Впрочем, я громко прочту вам эти документы, чтобы все, адвокаты, свидетели и обвиняемые, могли удостовериться в тождестве!

Когда он кончил, сами адвокаты не могли удержать многозначительной гримасы: невозможно было отрицать тождество банкометов с убийцами.

— Что вы имеете сказать? — спросил судья обвиняемых.

— Прежде всего, в чем нас обвиняют? — нахально спросил Робен Смит, или Боб Вильсон, до сих пор молчавший.

— Потрудитесь сформулировать свои жалобы! — обратился судья к трем друзьям.

— Я обвиняю этих людей в том, что они украли у нас из палатки около двухсот фунтов золота, погрузив нас при помощи хлороформа в глубокий сон! — сказал Леон Фортен.

— А я, — подхватил Тоби, — обвиняю их в том, что в деревне Фурш они завлекли в ловушку двух конных полисменов, убили их и сожгли вместе с домом, где совершили преступление, трупы своих жертв.

— Есть у вас доказательства? — спросил судья.

— В свое время я представлю их!

— Хорошо! Это все!

Между тем, обвиняемые только улыбались, тихо переговариваясь с адвокатами. Наконец, Редон заговорил.

— Я в свою очередь обвиняю их в попытке умертвить меня около шести месяцев тому назад в Париже... в подлом убийстве старика в Мезон-Лафите, в преступлениях, при разборе которых предписано было британскими властями выдать преступников французскому суду...

— А я,— опять поднял голос Леон Фортен,— обвиняю их в дьявольских махинациях, доведших до самоубийства француза Грандые... обвиняю в том, что они в свое время выдали меня за виновника их преступлений!

— Подтверждаю, что это истина! — прервал Тоби.— Я был тогда во Франции по приказанию своего начальника, инспектора Мелвиля. Потеряв и вновь найдя след этих людей, слишком поздно, к несчастью, я плыл вместе с ними пятого мая в Бремен и Нью-Йорк на «Императоре Вильгельме». До сих пор я выслеживал их шаг за шагом...

— Но,— спросил судья,— почему же вы не арестовали их раньше?

— Потому, что английские власти не позволяют этого в случае, если преступления совершены во Франции. Кроме того, я не получал еще приказа об аресте, потребованного по телеграфу. Наконец, я не мог самостоятельно применить к ним меру пресечения, поскольку они еще не совершили преступления на канадской территории. Условия для законного ареста появились всего только несколько дней назад.

— Это верно! — согласился судья и прибавил, обращаясь к подсудимым: — Что вы имеете сказать?

— Многое, господин судья! — отвечал Жое Нортон, или Фрэнсис Бернетт.— Прежде всего, несмотря на сходство примет, вы в заблуждении, я это сейчас докажу. Полицейский агент, обвиняющий нас, утверждает, что мы 5 мая сели в Бремене на немецкий корабль. Вот паспорт и расписание, доказывающее, что мы сели седьмого мая в Ливерпуле, на «Луканию», судно общества Кунарда. Агент был, вероятно, жертвой сходства или мистификаций, так как, с другой стороны, легко доказать, что мы были в Ливерпуле между 5 и 7 мая. Это

могут под присягой подтвердить капитан, счетный агент и пассажиры «Лукании». Далее, ваши обвинители утверждают, что мы убили в Фурше двух полицейских и украли на клэме 200 фунтов золота. Я прошу их сказать в какой день и час совершены были оба преступления. Это можно?

— Конечно! — сказал судья. — Господа, вы слышали вопрос обвиняемого, потрудитесь отвечать.

— Убийство полисменов было совершено 2 июля между четырьмя и шестью часами вечера! — сказал твердым голосом Тоби.

— Вы хорошо знаете день и час?

— Наверное.

— Что касается кражи, — сказал в свою очередь журналист, — то она была совершена четвертого июля, между одиннадцатью часами и полночью.

— Хорошо! — проговорил Жое Нортона. — Теперь мы уличим вас в клевете и ложном свидетельстве.

— Посмотрим!

— Господин судья, прикажите, пожалуйста, привести всех свидетелей, обыкновенно посещающих наш дом. Мы, мой товарищ и я, представим вам лист с 30 подписями... можете получить и еще столько же, если пожелаете!

— Значит, вы не признаете себя виновными?

— О, мы невинны, как новорожденные младенцы!

Судья приказал отвести их в тюрьму, пока не будут допрошены свидетели, назначил полдень для аудиенции и прибавил, обращаясь к трем друзьям:

— Что касается вас, господа истцы, то потрудитесь пожаловать в этот же час!

Леон, Поль и Тоби удалились, заинтересованные и даже обеспокоенные такой уверенностью бандитов, дьявольская ловкость которых была им известна. Сыщик, быстро оценив ситуацию, сказал:

— Надо ожидать всего, даже невозможного, особенно — невозможного и неправдоподобного!

И он не ошибся. На другой день тридцать наиболее почтенных граждан Доусон-Сити явились в суд. Эти граждане, честные и справедливо уважаемые, шумно болтали, курили, жевали усердно табак, спрашивая себя, зачем их вызвали. Здесь были представители всех стран, особенно канадцы и янки, и несколько правительственных чиновников.

В то же время прибыли адвокаты и обвинители: последние все больше беспокоились. Затем ввели обвиняемых — и допрос свидетелей начался.

Фрэнсис Бернетт с ироническим спокойствием сказал судье:

— Мы, мой товарищ и я, обвинены в том, что совершили убийство в деревне Фурш, 2 июля, между 4 и 6 часами вечера, и на другой день украли между 11 часами вечера и полночью двести фунтов золота на клэме верхнего Эльдорадо. Хорошо! Я клятвенно утверждаю, что мы не покидали своего жилища с самого приезда в Доусон, что нас никто не видел эти дни и что, стало быть, мы не могли быть разом в двух местах, лежащих на расстоянии трехдневного или четырехдневного пути друг от друга. Потрудитесь допросить свидетелей!

Это заявление произвело действие взрыва и сразило троих друзей.

Первый свидетель сказал свое имя и прозвище, положил губы на переплет библии и громко произнес:

— С первого июня я посещаю каждый день учреждение господ Робена Смита и Жое Нортон. Я утверждаю, что с 1 июня я видел того и другого по крайней мере 2 раза в течение суток.

— Не помните, видели вы их 2 и 4 июля? — спросил судья.

— Я только что сказал и повторяю — все дни без исключения!

— Хорошо! Другой свидетель!

Второй свидетель дал аналогичное показание. Он также часто бывал в заведении, в шесть часов и в полночь. Никогда Смит и Нортон не отсутствовали.

Третий, четвертый видели их каждый день, говорили с ними, пили в их компании, проигрывали деньги за их игорными столами.

Остальные, вплоть до двадцатого, тридцатого и далее, подтвердили то же.

Ни Ребен Смит, ни Жое Нортон, обвиняемые в преступлениях, для совершения которых необходимо было несколько дней, не покидали даже на шесть часов Доусон-Сити.

Леон, Поль и Тоби не верили своим глазам и ушам.

Конечно, свидетели говорили правду. Но трое друзей сохраняли, несмотря на это, уверенность, которой

ничто не могло поколебать. К несчастью, это загадочное явление было необъяснимым, а уверенность их была недостаточна, требовались доказательства. Между тем, бандиты, спасенные благодаря алиби, считали себя уже оскорбленными. Устами своих адвокатов они принесли на обвинителей жалобу в преступном доносе, ложной клятве, незаконном аресте, оскорблении чести и т. д., и т. д. Обвинители стали обвиняемыми! Толпа свидетелей покрыла их руганью, а судья приказал взять под стражу и заключить в тюрьму. Но и это было еще не все: Смит и Нортон, в которых наши друзья более, чем когда-либо, видели Бернетта и Вильсона, потребовали вознаграждения в сумму 20 тысяч долларов.

Тоби, Поль и Леон, бывшие только что героями дня, вооружили против себя общественное мнение. Голос народа, редко бывающий голосом Бога, осудил их единодушно.

Судья также осудил их, и даже жестоко, назначив каждому трехмесячное заключение в тюрьме и 10 тысяч долларов судебных издержек в пользу Ребена Смита и Жое Нортон. Это наказание было всеми одобрено, находили даже, что цифра вознаграждения ложно обвиненным мала.

Затем судья приказал немедленно отвести виновных в тюрьму и дал только три дня на собрание денег.

Леон и Поль с твердостью приняли этот страшный удар и не произнесли ни слова. Тоби же повернулся к негодяям и, взглянув им прямо в лицо, сказал на прощанье:

— Не торжествуйте сильно! Мы еще встретимся!

ЧАСТЬ III

МАТЬ ЗОЛОТА

I

Восход и заход солнца.— Пятиминутный день.— При 45° ниже нуля.— Ружейный выстрел.— Возвращение Жана.— Караван.— В пути.— В стране холода.— Жестокое разочарование.

— Ну, что? Сколько градусов?

— Да всего только 45 ниже нуля!

— Только!? Вот это мило!

— Но, что ни говори, а ты, мой милый Поль, как вижу, не так уж зябок, как пытаешься представить. Скажи на милость, для чего ты вылез из своего спального мехового мешка?

— Все приедается, мой милый, даже и сон, а я ведь проспал почти целые сутки и теперь захотел взглянуть на восход солнца. Только и лениво же оно здесь! Ну, поторопись сонное светило, мы ждем тебя!

В ответ на это раздался звонкий молодой смех.

Стоявшие среди круга, образуемого рядом нагруженных саней, на гладкой снежной полянке, Поль Редон и Леон Фортен обернулись.

В десяти шагах от них стояла заиндеветая юрта, откуда вышли две человеческие фигуры, пол и возраст которых трудно было определить. Залитые красноватым светом багрового сияния эти две фигуры приближались к молодым людям.

— Здравствуйте, мадемуазель Марта, не правда ли я угадал, что это вы?

— Ну да, на этот раз угадали! — отвечала Марта Грандье.

Поль Редон и Жанна Дюшато также обменялись рукопожатиями.

— Не правда ли, мы теперь похожи на медведей, поднявшихся на задние лапы? — засмеялась Марта.

— Редон и я, пожалуй... но вы...

— Да и мы похожи до смешного в этом полярном наряде, с поднятыми меховыми воротниками, доходящими до глаз, в этих шапках, надвинутых по самые брови, в этих меховых шароварах, заменяющих юбку — отличительный признак нашего женского достоинства, в этих синих очках, скрывающих глаза, нас, право, трудно отличить друг от друга!

— Не желаете ли прогуляться немного? — предложил журналист.

— Охотно! — согласилась девушка, а Жанна сказала: — Но надо надеть наши лыжи. Не бойтесь, я не буду смеяться, если вам случится разок-другой растянуться на снегу с непривычки. Умение пользоваться лыжами необходимо в этих странах, и я уверена, что с моей помощью вы научитесь очень скоро!

И обе молодые пары, надев лыжи, обошли круг, огражденный санями и охраняемый надежной стражей из упряжных собак, тоже проснувшихся и лениво потягивающихся на снегу, зарывшись в который, они провели всю ночь на дворе.

Такие встречи и прогулки происходят ежедневно во время восхода солнца, когда звезды постепенно блед-

неют и затем исчезают, а утренние сумерки становятся все лучезарнее, и вдали выплывает из тумана безбрежная, снежная равнина, окутанная идеально чистой и прозрачной атмосферой. В воздухе так тихо, что не ощущается ни малейшего дыхания ветерка. Только благодаря этому обстоятельству и можно выносить такие страшные морозы, какие бывают здесь. Но вот по краю бесконечного горизонта появляется, наконец, краешек багрово-красного круга, который затем медленно выплывает из-за снеговой линии горизонта, образуя громадный малиновый диск, окрашивающий своими лучами девственно белый снег в нежно-розовый тон. Соприкасаясь нижним своим краем с линией горизонта, этот диск минуты две-три остается неподвижным, а затем постепенно начинает убывать, уходить за горизонт и, наконец, совершенно исчезает.

Это внезапное исчезновение дневного светила невольно производит удручающее впечатление как на людей, так и на животных и, хотя после этого несколько часов длятся сумерки, но все-таки день, в астрономическом смысле этого слова, уже прошел, и до следующего восхода остается ждать не более, не менее, как 23 часа и 50 минут.

За это время наши друзья готовили обед, снимали кое-что из верхней одежды, грелись у печки, затем опять выходили на двор кормить собак, а в промежутках между делом дрогли на месте, в юрте и во дворе, у печки и в постели, словом повсюду и везде.

— Бррр! Однако не сладко зарабатывать свой насущный хлеб в этом Ледяном аду!

— Не грехи! Мы получили 120 тысяч долларов за наш клэм. Разве это худо? Право, нам уже не так плохо живется здесь!

— О, ты неисправимый оптимист! По-твоему, все прекрасно?

— Да, это потому, что я счастлив! — сказал Леон Фортен, бросив многозначительный взгляд на Марту, опирающуюся на его руку.

— Да, конечно! Ты счастлив, но, при всем этом, страшный холод и наше счастье — много ниже нуля. Вперед, мадемуазель Жанна, не то я чувствую, что сейчас превращусь в ледяной столб.

— Во всяком случае, ваш язык еще не замерз, мосье

Поль, это не подлежит сомнению! — отвечала девушка, и все трое весело рассмеялись.

— Вы называете эту страну льдов и морозов Ледяным адом, господа, но, право, грешники в этом аду — люди веселые, хотя иные и ропщут порой на свою судьбу!

— Как долго нет Жана, — проговорила вдруг Марта, слегка озабоченная его продолжительным отсутствием.

— Не беспокойтесь о нем, — сказала Жанна, — ведь он уже не ребенок, ему семнадцатый год, а в этом возрасте наши молодые канадцы предпринимают в одиночку такие экспедиции, которые продолжаются иногда целые недели. К тому же он, вероятно, скоро вернется!

В этот момент, как бы в подтверждение ее слов, в тощих кустарниках, росших на гряде низеньких возвышенностей, тянувшихся к западу, раздался выстрел.

— Вот видите! — воскликнула Жанна. — Это его винчестер!..

— Я решительно ничего не вижу, — произнес журналист, — и положительно не понимаю, как вы можете отличить выстрел из его ружья от выстрела такого же винчестера вашего батюшки или Лестанга!

— Выстрел — это голос ружья, и каждое ружье имеет свой характерный, особый звук, который для нас, детей страны охоты, представляет ту же разницу, как и голоса людей! — наставительно проговорила канадка. — Что же касается отца или Лестанга, то они не могут вернуться раньше, чем через два дня, с тем индейцем, который покажет нам дорогу к Золотой Горе.

— У вас решительно на все имеются ответы, и мне волей-неволей приходится молчать! — отвечал молодой человек.

Между тем Жан на своих легких лыжах с удивительной быстротой приближался к ним. Чувствуя себя превосходно в своем наряде эскимоса, бодрый и румяный, юный лицеист казался сильным, здоровым мужчиной в полном смысле этого слова.

— Ну что? Какова была нынче охота? — спросил Леон.

— Очень удачна, — весело отозвался юноша, — я уложил двух зайцев, белых, как горностаи, и, кроме того, прелестное животное, которое по некоторым соображениям принял за вапити (канадский олень), ростом с

жеребенка с роскошными рогами. Я захватил с собой всего один окорочек, но и тот весит не менее 20 фунтов.

— Ну да, конечно, это вапити,— подтвердила молодая канадка,— с таким трофеем можно поздравить вас: им гордятся даже самые ловкие и смелые охотники моей страны.

— Нет, право, удивительный молодчина наш юный Немврод: по двадцать часов кряду проводит в снегах, без всяких путеводителей, кроме небесных звезд да своего компаса, спит под открытым небом при морозе, когда и белые медведи замерзают,— и все ему это ни-почем!

— Нет, мосье Поль, прошу извинить на этот раз, я спал не под открытым небом, а в чудном гроте или, вернее, пещере с песчаной почвой, где температура даже без костра и печей весьма сносная, чтобы не сказать более. Туда я стащил, как мог, разрубленного топором на части вапити и, завалив вход в пещеру снегом, явился сюда, чтобы захватить здесь салазки или санки и затем отправиться туда обратно за остальным мясом, которое, судя по всему, должно быть превосходнейшего вкуса!

— О, ваше открытие, Жан, бесценно для нас! Мы превратим вашу пещеру в склад для провианта и, если она достаточно велика, то можем даже поселиться в ней на время, пока будем разыскивать «Мать Золота».

— По всей вероятности, она должна быть очень велика, так как над ней возвышается целый холм!

— А далеко это отсюда?

— Да часов семь ходьбы для привычного человека, а для нашего каравана с собаками и санями не менее полусуток!

— Ну, все равно, как только Жан успеет обогреться и отдохнуть, надо будет пуститься в путь. В этой пещере, если только в ней можно будет поселиться, нам будет несравненно лучше, чем под открытым небом!

— Я готов хоть сейчас! — сказал Жан.

— Нет! Нет! — необходимо плотно покушать на дорогу и собраться!

После хорошей, основательной закуски стали снимать палатку и вырывать железные скобы, служившие для ее установки. Все это сложили, равно как и всю домашнюю утварь и пожитки, затем маленький кара-

ван, состоявший из пяти саней, запряженных двадцатью эскимосскими собаками, бодро тронулся в путь.

Земля почти повсюду была совершенно ровная, а наст был настолько плотен, что полозья саней почти вовсе не уходили в него, и сани легко скользили по поверхности, что значительно облегчало путь собакам. Люди же на лыжах шли за санями, частью управляли, частью подсобляли собакам, подталкивая сани сзади. Жанна направляла передние сани, и собаки, повинаясь ее голосу, весело бежали по направлению к востоку. Луна светила, что называется, всюю, и на снежной равнине было светло, как днем. Время от времени Жанна останавливала свои передние сани, причем разом останавливались и все остальные. Кто-нибудь из мужчин брал привязанную сверху к саням лопату, взрывал ею снег так, чтобы из него образовалась высокая кучка, и поезд трогался дальше. Эти возвышения или кочки должны были служить путеводными столбами для отсутствующих, когда они вернутся к месту прежней стоянки.

Конечно, и от саней остается след на снегу, но его всегда могло занести, поэтому и использовался столь простой и вместе с тем верный способ указать то направление, по которому следовал маленький караван к своему новому становищу.

Долгое время путь был ровный и гладкий, томительно-однообразный, но удобный. Вдруг местность совершенно изменилась, со всех сторон обступили темные глыбы камней, казавшихся черными при ярком свете месяца. Следуя за Жаном, маленький поезд спустился в небольшую ложбинку, окруженную со всех сторон беспорядочно разбросанными скалами и замыкаемую высоким холмом, почти горой, у подножия которого, точно туннель, чернел вход в пещеру.

— Вот она! — воскликнул Жан.

Еще минута — и все принялись весело отрывать вход, который молодой охотник из предусмотрительности завалил снегом. Туша вапити была здесь, только успела совершенно закаменеть на морозе. Собак выпрягли, предоставив их самим себе, а сани выстроили полукругом перед входом. Затем наши друзья начали осматривать свое новое жилище.

Усталость дальнего перехода давала о себе знать, и каждый думал прежде всего об отдыхе и сне. Все

спешили достать из саней предметы первой необходимости и устроиться на ночлег, а Жан, вооружившись маленьким фонариком, проник вглубь пещеры. Суженная у входа, пещера эта представляла собой вначале нечто вроде коридора, затем вдруг расширялась настолько, что образовывала большую круглую залу, стен которой поначалу не было видно.

Здесь было настолько тепло, что в меховых одеждах становилось жарко. Все еще больше обрадовались открытию Жана, сознавая, что впоследствии, когда входное отверстие будет завешено какой-нибудь шкурой, ничего лучшего не останется и желать. Поставили печку, зажгли лампу и принялись готовить чай. А Леон стал проверять свою «буссоль для золота». Чувствительность Леониума к золоту и удивительная точность прибора, изобретенного молодым ученым, была такова, что ни разу с того момента, как наши путешественники вступили на золотоносную землю, игла этой буссоли ни минуты не оставалась абсолютно неподвижной. Так как золото здесь встречается почти повсюду, то игла постоянно находилась в движении, указывая на присутствие драгоценного металла. Но на этот раз Леон впервые заметил, что его стрелка встала совершенно неподвижно. Напрасно он наклонял и встряхивал свою буссоль, напрасно постукивал по ней ногтем — ничто не помогало. Он встревожился, уж не испортился ли инструмент, и, достав из маленького кожаного мешочка самородок золота, величиной с орех, поднес его к своей буссоли. Обыкновенно в таких случаях игла моментально реагировала и следовала направлению самородка, но теперь она осталась неподвижна. Холодный пот выступил на лбу у молодого человека — очевидно, его Леониум утратил свою былую способность, так как золото уже не действовало на него... Что же теперь делать?

II

Фанатики золота.— Тайна индейца Атна.— Отправление.— В пути.— Ожидание.— Надо воздействовать.— Первая победа.— Подвиги школьника.— Пир.— Кошмар.— Смертельная опасность.

Все золотоискатели Клондайка одержимы мечтой найти «Мать золота», ту сказочную залежь драгоцен-

ного металла, которая, по рассказам, должна содержать золота более, чем на целый миллиард. На эту тему существует даже целая легенда, известная индейцам с незапамятных времен и распространяемая теперь с особым усердием золотоискателями. Многие уже стали жертвой своего легковерия, но легенда эта по-прежнему находит все новых приверженцев и фанатиков, которые добровольно переносили самые страшные мучения и погибали, не отказавшись от своей золотой мечты.

Это — те же алхимики средних веков, ищущие философский камень: им мало богатейших россыпей золотоносного песка, мало даже и самых крупных самородков, подавай те сказочные залежи, те сплошные пласты драгоценного металла, что прозваны здесь «Матерью золота». Это какие-то маньяки, загипнотизированные жадной несметных богатств. Одним из таких фанатиков был и старый Пьер Лестанг, канадский рудокоп и страстный золотоискатель, всю свою жизнь преследовавший химеру о «Матери золота». Между тем, он был, пожалуй, единственным человеком, упорные усилия которого могли в конце концов увенчаться успехом, так как долгие годы он жил среди индейцев, очень скрытных и недоверчивых по отношению к бледнолицым, к которым в конце концов ему удалось войти в доверие и завести с ними дружбу. Более того, в прошлом году, когда ему с риском для себя посчастливилось спасти жизнь одного из индейских вождей, тот поведал ему о местах богатых золотом, в знак благодарности и признательности.

— Я знаю, что ты хотел бы найти «желтое железо», до которого так жадны все бледнолицые,— сказал ему однажды индеец,— и укажу тебе место, где его так же много, как простых камней, и где глыбы его так велики, как вот эти обломки скал!

Лестанг слушал его с замиранием сердца. А индеец говорил, что залежи «желтого железа» находятся очень далеко, что доступ к нему трудный и опасный, что только человек, упорный в труде и настойчивый, смелый и отважный, в конце концов может достигнуть этих мест.

— О, это, наверное, «Мать золота»! Да! Да! Это не подлежит сомнению! — мысленно повторял Лестанг, обезумев от одной этой мысли.

— Знаешь, брат мой, надо идти отыскать это «желтое железо»! — сказал он краснокожему вождю.

— Если мой брат хочет, пойдем! — просто ответил тот.

Дело было зимой, а в том году холода доходили до 52° ниже нуля. Но это не помешало им пуститься в трудный и дальний путь. Претерпевая страшные мучения и лишения, эти отважные люди упорно добивались к своей цели, однако, несмотря на все усилия, им не удалось достигнуть обетованной земли. Лишившись всего необходимого, полуживые от холода и голода, съев по дороге своих собак, их шкуры и даже ремennую кожаную упряжку саней, они вернулись к индейцам, больше похожие на живые скелеты, чем на людей.

Тогда Лестанг понял, что для достижения его цели необходимы другие средства и условия, и, расставшись со своими друзьями-индейцами, отправился на Юкон, где нанялся в землекопы и стал копить деньги, в надежде собрать необходимую сумму для снаряжений новой экспедиции в поисках «Матери золота».

Случай столкнул его с нашей маленькой дружной компанией франко-канадцев, и вскоре он сделался одним из ее членов, окружившей его участием и заботами, как родного, и вызвавшей в нем ответное чувство глубочайшей признательности и безграничной преданности, что побудило его, подобно индейскому вождю, открыть друзьям все, что он знал о «Матери золота». И все единодушно решили: надо идти туда, надо отыскать эти залежи золота!

Сейчас такого рода экспедиция была особенно желанной. После первого блистательного дебюта в стране золота и льдов наше маленькое дружеское общество попало в полосу тяжелых неудач: кража «гнезда самородков»; несчастный случай с двумя канадцами, чуть было не стоивший им жизни; несправедливое осуждение и трехмесячное тюремное заключение со штрафом в 10 тысяч франков, которым подверглись Леон Фортен, Поль Редон и Тоби. Когда же они вышли на свободу, а пострадавшие от несчастного случая совершенно оправились, пришла уже зима, холодная, суровая. Грело только то, что это самая благоприятная пора для земляных работ.

Однако гораздо хуже было другое. Большинство золотоискателей смотрело на наших друзей косо и недо-

верчиво после их пребывания в тюрьме. Благодаря интригам двух господ, которых наши друзья по-прежнему считали Бобом Вильсоном и Фрэнсисом Бернеттом, общественное мнение с каждым днем все больше настраивалось против них. Им не хотели сдавать в наем ни одной, даже самой жалкой лачуги под жилье, никто не соглашался, даже и за большие деньги, работать на их клэме, при случае они наталкивались и на публичные оскорбления. Все это наводило их на мысль, что дальнейшее пребывание в Доусон-Сити для них невозможно, и они решили пустить в продажу свой великолепный золотоносный участок. За него они получили 120 тысяч долларов, хотя эта концессия и стоила вчетверо больше.

И вот, ничем не связанные более, они решились, не взирая на ужасы «ледяного ада», отправиться на розыски «Матери золота». Поспешно снарядили экспедицию, сделали необходимые запасы провианта, одежды, динамита, оружия, снаряжения, керосина, предназначенного служить и топливом, и осветительным материалом одновременно, и прочих нужных вещей. Все это было размещено на шести санях таким образом, чтобы на каждые из них приходилось по шестой части всего, что везли с собой наши отважные золотоискатели. Такого рода мера являлась крайне разумной на случай гибели или пропажи одних или даже нескольких саней.

Каждые сани были запряжены пятью сильными, здоровыми и привычными к дальним переходам ездовыми собаками, но для экономии их сил, столь необходимых для успеха полярной экспедиции, Лестанг предложил, чтобы по крайней мере первую часть пути собаки были заменены лошадьми. С этой целью ему удалось нанять, правда, за неслыханно высокую плату, нужное количество лошадей, на которых решено было везти всю кладь на расстояние 80 миль от Доусон-Сити к востоку.

Маленький караван двинулся через проход Юкона по льду. Лошади везли кладь, а сами участники экспедиции шли пешком, почти по колено в снегу.

В шесть дней они успели пройти условленные 80 миль, затем лошади с проводниками вернулись обратно в Доусон-Сити. Теперь компаньоны были предоставлены собственным силам. План старого Лестанга, избранного единогласно начальником экспедиции, заклю-

чался в том, чтобы прежде всего достигнуть того места, до которого они в предыдущем году доходили с индейцем, затем, обустроив лагерь для длительного пребывания и оставив там караван и остальных товарищей, вдвоем с Дюшато отправиться в индейскую деревню за индейцем Атна. Захватив же его с собою, двинуться дальше по пути, прокладываемому краснокожим вождем к таинственному месту, где, по словам легенды, находится золотая житница Юкона — «Мать золота», о которой так страстно мечтают все золотоискатели.

Теперь, когда первая половина программы была выполнена, молодые люди вместе со своими мужественными спутниками ожидали возвращения двух канадцев с индейцем Атна. Прошло более двух недель с тех пор, как Лестанг и Дюшато ушли. Для остальных же потянулась однообразная жизнь в палатках среди снеговой равнины.

Чтобы избежать слишком сидячей жизни, столь пагубной во всех полярных экспедициях, молодые люди ежедневно посвящали несколько часов движению на вольном воздухе. Леон и Марта совершали длинные прогулки, беседуя о прошлом и делая прогнозы на будущее. Что же касается журналиста, то он сначала предпочитал оставаться в палатке, греясь у печки и отбиваясь от нападков товарищей, и его пытавшихся вытаскать на свежий воздух. Только Жанне удалось в конце концов переупрямить его.

Это была первая победа молодой канадки над этим парижским зябликом, чем девушка в душе очень гордилась. Ей удалось заставить его выходить ежедневно на улицу хоть на полчаса, и с этого времени здоровье его стало заметно улучшаться.

Редон понемногу стал привыкать к морозу и, хотя иногда снова впадал в свой прежний грех, кутался в меха и грелся у печки, все же теперь находил в себе силу противиться этой привычке, тем более, если за дело бралась Жанна.

Напротив, Жан Грандье превосходно мирился со всеми ужасами «ледяного ада» и чувствовал себя в этой насквозь промерзшей стране, как в родной стихии. Смелый и отважный, полный сил и здоровья, он не пугался никакой стужи, никакой непогоды, охотился целыми днями и почти никогда не возвращался без до-

бычи. Этот шестнадцатилетний мальчик, не поморщившись, шел на медведя, на вапити, на карибу и большого северного оленя, который, даже раненый насмерть, обыкновенно кидается на охотника и одним ударом рогов пропарывает ему живот. Презируя всякую опасность, юноша уходил один, в сопровождении только своего верного ньюфаундленда Портоса, который также чувствовал себя прекрасно в этой стране морозов и снегов.

Во время одной из своих охотничьих вылазок юноше и удалось, как мы знаем, найти пещеру, где теперь экспедиция располагалась с неменьшими удобствами, чем в любом, даже лучшем из местных жилищ. Здесь им уже не грозила никакая опасность ни от мороза, ни от диких зверей, ни от людей. При более основательном осмотре оказалось, что совсем недалеко от входа температура была не ниже 3°, а немного подальше вглубь термометр стоял на нуле, тогда как в палатке, несмотря на раскаленную печь, температура никогда не поднималась выше 15°

Пещера эта уходила очень далеко вглубь и разветвлялась в разные стороны в виде гусиной лапы тремя узкими коридорами.

Герои наши не стали осматривать эти коридоры, не имея на то никакой надобности, а разместились в средней круглой зале, достаточно вместительной и просторной. Собаки устроились у входа на мелком, мягком песке и тут же принялись пожирать отбросы и остатки от убитого Жаном вапити, между тем хозяева их принялись с особым наслаждением жарить на вертеле, приспособленном к печке, сочный окорок этой дичины. Вкусный запах жареного мяса распространился по всей пещере, проникая и во все темные коридоры. После долгой, веселой беседы все с особенным удовольствием предались сну.

Только одна маленькая лампа, залитая керосином и надетая на высокую бамбуковую трость, освещала эту общую спальню, разделенную надвое занавеской из палаточных полотнищ той же палатки.

Все мирно отдыхали уже в продолжение нескольких часов. Вдруг Поль Редон, спавший в глубине пещеры, внезапно пробудился от страшного кошмара. Какая-то чудовищная тяжесть придавила ему трудь. Он чувствовал, как кто-то перекатывает его с бока на бок

и топчет ногами, хотел кричать и не мог. В висках у него застучало, сердце усиленно забилося, наконец, он сделал большое усилие и открыл глаза.

Ужасное зрелище представилось ему при свете маленькой лампы: его кошмар оказался действительностью, смертельная опасность грозила ему и всем друзьям...

III

Серый медведь.— Прерванный сон.— Выстрел.— Жан и Леон.— Редон представляет собой поле битвы.— Героиня.— Самообладание.— Свойство минеральной эссенции.— Необычайная смерть гризли.

Без сомнения, самое свирепое, громадное и сильное животное из всех диких обитателей дремучих лесов Нового Света — серый медведь, или гризли. Несмотря на свои громадные размеры, он проворен и ловок, как пантера, сильнее, чем бизон, и всегда находится в ярости, всегда готов с остервенением накинуться на любое препятствие и всюду оставляет за собой смерть и разрушения. При всем при том отличается необычайной живучестью: были примеры, когда пробитый несколькими пулями медведь, из которого кровь лилась, как вино из бочки, нагонял коня, пущенного вскачь, ударом своей могучей лапы переламывал ему хребет, сбрасывал всадника и, растоптав его ногами, раздирал в клочья обоих.

Облеченный почти непроницаемой броней из мускулов, жира и толстой, плотной шкуры, он почти неуязвим. Не только холодное оружие, а даже и пули редко могут достичь главных жизненных органов этого зверя. Уложить его можно лишь в том случае, если пуля прошла ему в глаз, ухо или прямо в сердце.

Вот почему ожерелье из когтей серого медведя считается самым главным и драгоценным украшением у индейского воина, как явное доказательство несомненного мужества, ловкости и силы. К счастью, эти страшные звери встречаются редко, но зато там, где они появляются, наводят ужас на целую окрестность.

Благодаря какой-то чрезвычайно несчастной случай-

ности, пещера, открытая Жаном, оказалась берлогой пары таких страшных зверей. Находясь в состоянии полуспячки, эти медведи, вероятно, еще недавно поселились в одном из темных ходов, выходящих в среднюю круглую залу пещеры, но так как зимняя спячка у некоторых медведей довольно слабая, то они весьма легко пробуждаются, а под влиянием приятной теплоты, распространяемой печкой и вкусного запаха жареного мяса, и совсем проснулись. Кроме того, быть может гризли, отличающиеся вообще чрезвычайно развитым обонянием, почуяли и присутствие человека, и так как они весьма лакомы до человеческого мяса, то не мудрено, что один из них отправился прямо туда, где наши друзья так прекрасно расположились на ночлег.

В первый момент этот обитатель полярных стран остановился, удивленный видом стольких непривычных ему предметов новой и дикой для него обстановки, среди которой лежали на земле неподвижные фигуры спящих. Поднявшись на задние лапы, медведь как будто размышлял; нечто, похожее на зверскую усмешку, изказило на мгновение его громадную пасть. Но любопытство взяло верх, и он стал оглядывать все. Вот, опустившись на все четыре лапы, зверь осторожно под-

нялся к ближайшему от него меховому мешку, где лежал весь укутанный в меха Поль Редон.

— Медведь! Медведь! Помогите! — закричал не своим голосом несчастный, как только успел придти в себя.

Леон выскочил из своего мешка и стал озиаться кругом, отыскивая ружья. За ним последовал и Жан. Крик ужаса невольно вырвался у обоих.

От этого крика пробудились и девушки. Не понимая, что случилось, они засуетились, опрокидывая кое-какие вещи на своем пути, и произведенный ими переполох смутил на мгновение непрощенного гостя. Тем временем Жан схватил свое ружье, а у Леона очутился в руках нож. Между тем, зверь при виде врагов с жутким ревом встал на задние лапы.

— Не стреляйте! — крикнула Жанна, к которой теперь вернулось ее обычное самообладание.

Но было уже поздно. Раздался выстрел — и густое облако дыма застлало на минуту все кругом. Жанна прибавила света в лампе, чтобы мужчины в суматохе не поранили друг друга. Выстрел раздробил зверю челюсть, но это сделало его еще более опасным. Он конвульсивно замотал головой, душераздирающий рев огласил пещеру, кровь ручьем полилась из раны, но чудовище продолжало стоять на задних лапах и как будто топтало что-то под ногами.

Боже правый! Да ведь это Леон, кинувшийся с ножом на медведя, Леон, который одной рукой вцепился в косматую шерсть зверя, а другой наносил ему бешеные удары ножом в грудь и живот! Сам того не подозревая, отважный молодой человек повторил в данном случае прием индейцев-охотников, решающихся вступить в рукопашный бой со страшным гризли.

Помертвев от страха, бледная, как саван, Марта, полагая, что Леон безвозвратно погиб, отчаянно протянула к нему руки и со стоном лишилась чувств. Жанна подхватила ее, брызнула в лицо водой, не успевшей еще замерзнуть после ужина, и стала тереть виски, с замиранием сердца следя за ходом борьбы. Вдруг, среди наступившей минуты затишья, когда слышалось одно тяжелое дыхание борющихся, раздался прерывающийся подавленный голос:

— Черт возьми, господа, я никак не могу выбраться из своего мешка... Пощадите, вы совсем растоптали ме-

ня, я положительно все время представляю собой поле битвы!

Это был голос Поля Редона, принужденного лежать неподвижно в полном бездействии, так как он не мог шевельнуться, не то что подняться: гигантский медведь и оба борца топтали его ногами. Все это разом стало ясным для его товарищей. Жан сделал другой выстрел, на этот раз пуля снесла половину морды и глаз, но все-таки не проникла в мозг, и потому чудовище все еще оставалось на ногах, хотя, по-видимому, уже не надолго.

Тогда, почти задыхаясь под тяжестью громадного зверя, Леон всадил нож по самую рукоятку в живот медведя. Зверь разжал свои лапы, пошатнулся и опрокинулся навзничь. Все было кончено. Опасность миновала, теперь можно было свободно вздохнуть. Жан, бросив ружье, поспешил на помощь к Леону, который хотел помочь Полю Редону, наполовину раздавленному тяжестью медведя. Вдруг, из глубины пещеры появился другой медведь, еще больших размеров и с ревом бросился на золотоискателей. Мужчины, не успев отойти от борьбы с издыхающим врагом, не смогли сразу прийти на помощь двум бедным девушкам, на которых и кинулся второй медведь. При виде грозящей ей гибели, Марта, непривычная к такого рода ужасам, едва придя в себя, снова лишилась чувств. Жанна же, более сильная, находчивая и энергичная, не найдя под рукой оружия, схватила висевшую над печкой салфетку, макнула ее в керосин, а затем, обмотав ею конец бамбуковой палки с железным острием, служившей для установки палаток и валявшейся теперь без употребления, воспользовалась моментом, когда косматый зверь с громким рычанием, широко раскрыв пасть, двинулся на Марту, всунула ему в пасть, по самую глотку этот импровизированный горящий банник, который она успела зажечь над лампой. Смоченная керосином салфетка мигом воспламенилась подобно факелу. При виде огня медведь на несколько мгновений приостановился, но затем расвирипел еще более. Тогда мужественная девушка стала тыкать шест в самую морду зверя, в раскрытую пасть. Мгновенно шерсть его на морде опалилась: язык, небо, гортань и бронхи — все было опалено и сожжено. Несчастное животное опрокинулось, забарахталось, сжимая передними лапами обгорелую

морду, затем началась мучительная агония, длившаяся, впрочем, всего несколько минут, после чего чудовище успокоилось.

Между тем, и Леон, залитый кровью, и Жан поднялись на ноги. Опрокинутые медведем, оглушенные его ревом, сию минуту выбиться из железных когтей зверя, они поздно заметили появление второго медведя и не видели, какая драма разыгралась рядом с ними. Марта в нескольких словах рассказала про бесстрашное поведение своей подружки.

— В минуту опасности всякий делает, что может и что знает! — скромно отвечала молодая героиня на общие поздравления.

— Да, — сказал Редон, — а я служил только подмостками для трагической сцены, в которой вы, господа, были героями и героинями!

— Тут гора мяса и пара славных шкур на одеяла! — заметил Жан, задумчиво глядя на двух гризли.

— Эти чудовища не менее ужасны, чем даже пресловутая «Коричневая Звезда»! — сказал Поль Редон.

Леон невольно вздрогнул при этом упоминании.

— Впрочем, что вспоминать об этих негодях теперь, когда они нашли в Доусоне свою «Мать Золота», им, вероятно, нет никакой охоты преследовать нас еще здесь! — закончил журналист.

Леон задумчиво покачал головой:

— Как знать!

IV

*Возвращение.— Канадцы и краснокожий.— Ожерелье
вождя.— Неутомимые.— В пути.— Стрелка вновь вра-
щается.— Сомнения.— Кто прав? — «Здесь!» — сказал
индеец.*

Четверо суток прошло с тех пор, как новые обитатели медвежьей пещеры поселились в ней. Людям, рожденным в средних широтах, очень трудно бывает привыкать к этому постоянному зимнему мраку полярных стран. Мерцающий звездный свет, лучезарные сумерки и пламенеющие северные сияния — лишь временами и на короткое время врываются в царство тьмы «Ледяного ада». Трудно привыкнуть после бесконечного лет-

него дня к этим постоянным сумеркам, среди которых люди двигаются, как тени, в тумане своих испарений в морозном воздухе, среди этой снежной равнины, заглушающей шум шагов и всякий другой живой звук. Полярная ночь удручающе действует даже на самых бодрых. Кажется, что и дух и тело начинают погружаться в спячку, и единственным развлечением является восход и невероятно быстрый закат солнца. Но и это развлечение вскоре должно было прекратиться, так как солнце вскоре должно было окончательно уйти за линию горизонта на несколько долгих зимних месяцев.

Впрочем, путешественникам и в вынужденном ожидании компаньонов-канадцев забот хватало: туши гризли были освежаваны, шкуры превращены в покрывала, а мясо разрублено, заморожено и убрано в одну из боковых галерей, превращенную в кладовую.

И вот на пятую ночь, когда обитатели медвежьей пещеры спали, вблизи нее послышались человеческие голоса. Собаки глухо рычали, проворные тени сновали у входа в пещеру в облаке беловатого тумана. Наши друзья, проснувшись, вышли на этот шум и обрадованно приветствовали вернувшихся канадцев.

— Отец! Это вы! — воскликнула Жанна.

— Да, да, дитя мое!

— Ну, все благополучно? Никаких бед?

— Все, как по маслу! — отвечал Лестанг.

Собаки вновь прибывших спутников радостно бахталась с остальными собаками. Только один Портос продолжал рычать: с двумя возвратившимися канадцами был еще и третий, и Портос не мог успокоиться из-за этого незнакомца.

— Молчи, Портос! — крикнул на него Жан, — а вас, друзья, прошу пожаловать в нашу обитель! — пригласил он, указывая рукой на внутренность пещеры.

Почти закоченев от холода, трое путников с помощью остальных прежде всего распрягли своих собак и прибрали сани, а уж затем осторожно, чтобы не задохнуться от внезапного перехода к теплу после пятидесятиградусного мороза, направились внутрь пещеры. Очутившись в круглой зале, где весело топилась печь, они сбросили с себя свой меховой наряд и ощутили блаженное состояние тепла и отдохновения после всех трудностей своего пути.

— А вот и грог готов! Как мы рады, что вы вернулись и все обошлось благополучно!

— Грог — дело доброе, — произнес Лестанг, — но всему свое время, позвольте мне сначала познакомить вас с моим другом — Серым Медведем, обладателем тайны местонахождения «Матери Золота», тайны, которой он готов поделиться с нами!

— Ах, так его зовут Серый Медведь! Какое стран-

ное совпадение! — воскликнул журналист, кидая испытующий взгляд на вновь прибывшего, типичнейшего представителя краснокожей расы, с горбоносым профилем, с железными мускулами, телом, точно вылитым из бронзы, с глазами, черными, как уголь, и блестящими, как алмаз. Одет он был в простую охотничью блузу, индейские штаны с кисточками и мокасины, а на плечах носил шерстяной плащ, заколотый спереди длинной косточкой.

— Да... этот человек не зябкий, — подумал про себя Редон, — в такой мороз и так налегке! — При этом он заметил на шее индейца любопытное ожерелье из медвежьих когтей.

— Это ожерелье вождя! По нему узнают человека, отважного героя! — пояснил Лестанг, хорошо знакомый с нравами и обычаями краснокожих.

— А, ведь и нам, Лестанг, здесь кое-что пришлось пережить: мы убили двух гризли! — сказал один из молодых людей.

Девушки в это время разносили кипящий грог. Индеец, немало живший среди канадских охотников, научился понимать по-французски.

— Ах! — воскликнул он, — брат мой убил двух гризли? Брат мой — великий вождь!

— О, восторг! Он говорит языком героев Купера и Эмара! — воскликнул журналист. — Нет, уважаемый краснокожий, не я, увы, могу похвастать славным подвигом, а вот эта молодая особа, мадемуазель Дюшато, и мой товарищ, Леон Фортен — этот отважный Галл, воин, ученый знахарь, да еще вот этот юноша! — указал он на Жана, — настоящий прирожденный траппер и вольный охотник!

Заинтересованный индеец попросил подробно рассказать ему все, как было. Леон тотчас же согласился удовлетворить его любопытство, и старый вождь почувствовал невольное сердечное влечение к этим бледнолицым, совершившим то же, чем он сам снискал себе славу.

Мало-помалу разговор перешел на тему, наиболее волнующую всех, — о золоте. Под влиянием общего дружеского настроения, сердечного приема, какой встретил здесь краснокожий, и сам он стал дружелюбен, общителен и рассказал, что «желтого железа» там, куда он хочет их свести, много-много.

— Так много, что вот настолько от земли! — говорил он, показывая рукой на добрые три четверти аршина от земли. — Тянется оно далеко-далеко! — И он принялся шагать большими шагами по пещере, приговаривая: «Вот столько, еще больше, еще больше!..»

Очевидно, индеец говорил о целом пласте золота таких колоссальных размеров, что это не укладывалось в голове.

— Нет сомнения, что это и есть сама «Мать Золота»! — воскликнул Лестанг.

— Да, да! — согласился Редон. — И это все будет наше, и золото, и его мамаша!

— Надо посмотреть, так ли это все на самом деле, — заметил вполголоса Леон. — Во всяком случае, такие пласты золота — нечто невероятное, но если моя стрелка оживет и к ней вернется ее прежняя чувствительность, то мне весьма любопытно знать, на каком расстоянии леониум укажет нам присутствие металла в этой золотой равнине!

— Скажите, краснокожий брат мой, далеко ли отсюда это золото? — спросил он вождя.

— На расстоянии приблизительно восьми дней пути!

— Да, но каких дней? Как теперь, в пять минут солнца и света и три часа сумерек, или же летних дней, когда солнце стоит полные 24 часа над горизонтом?

— Не слишком длинных и не слишком коротких дней! — серьезно отвечал индеец.

— Ну, если так, отправимся теперь же! — предложил журналист. — Впрочем, может быть, вы утомились в пути?

Индеец рассмеялся, как будто Редон сказал что-нибудь детски забавное и совершенно несерьезное.

— Утомился? Я не знаю, что это такое! — сказал он. — Я готов тронуться в путь хоть сейчас!

— Тогда, отдохнув все-таки несколько часов, мы двинемся в дорогу. На этом и порешим!

Поскольку путешествие должно было занять всего каких-нибудь 20 дней, решили часть багажа и запасов оставить в пещере, где их зарыли в мелкий сыпучий песок, которого в гроте хватало с избытком. Затем, облачившись в костюмы эскимосов, наши друзья запрягли собак и, когда все были готовы, весело пусти-

лись в путь, рассчитывая недели через три, в крайнем случае, через месяц вернуться обратно и провести в медвежьей пещере всю остальную часть зимы. Санний поезд бодро скользил по твердому, хрустящему снегу. Мороз был настолько силен, что, несмотря на меха и усиленные телодвижения, казалось, что кровь стыла в жилах и дыхание спиралось в груди.

— Пятьдесят ниже нуля! — пробормотал журналист, взглянув на миниатюрный термометр, прикрепленный к первым саням.

— Да что вы смотрите на эту мерилку мороза! Смотрите лучше на индейца: глядя на него, не пове-ришь в мороз! — посоветовал Лестанг.

Серый Медведь в это время занимался своеобразной гимнастикой. Отойдя немного в сторону, вероятно, из чувства стыдливости, он разделся донага и стал кататься по снегу, кувыркаясь, подскакивая и ныряя с удивительным проворством. И это на морозе, от которого трескаются камни, трещат и распадаются на щепки громадные деревья! Поль Редон смотрел и положительно не верил своим глазам, а между тем Серый Медведь, вдоволь набарахтавшись и накувыркавшись, проворно надел свой несложный наряд, накинул на плечи плащ и, бодрый и веселый, разгоряченный движением, присоединился к остальным.

— Ну, что? — спросил его Редон.

— Даже жарко теперь! — отвечал индеец.

Мало-помалу и остальные стали понемногу согреваться от упорного движения. Но надо было быть осторожным. Малейшее прикосновение к чему-либо металлическому приводило к болезненному ожогу на таком морозе. Это первым испытал на себе Леон. Вечно озабоченный своей «буссолью», он вздумал взглянуть на нее, чтобы еще раз убедиться, окончательно ли она утратила свою способность. Сняв на мгновение перчатку, он достал ее из внутреннего кармана меховой куртки, рассчитывая, что мороз не сразу успеет остудить металлическую оправу прибора настолько, чтобы он мог примерзнуть к его пальцам. Но, увы! Прежде, чем Леон успел произвести желаемый опыт, он почувствовал, как кожа пальцев крепко пристала к металлу, так, что с трудом удалось отодрать ее от буссоли. Несмотря на сильную боль, Леон поспешно натянул перчатку и все же продолжил свой опыт.

Теперь стрелка вращалась и дрожала, но все-таки упорно останавливалась на одном и том же месте,— и странное дело, указывала отнюдь не в ту сторону, куда двигался маленький караван, а в направлении той медвежьей пещеры, которую наши путешественники покинули шесть часов назад.

Удивленный до крайности этим обстоятельством, Леон положил свою буссоль обратно в свой карманчик и надолго задумался.

— Куда же ведет этот индеец, который, по-видимому, совершенно уверен в себе? Следует ли так сильно доверяться ему? Уж не хочет ли он завести в какие-нибудь дебри, чтобы завладеть санями и упряжками, несравненно более драгоценными для него, чем самые громадные глыбы золота? — невольно приходило Леону в голову.— Кому верить, индейцу или его, Леона, непогрешимой до сих пор буссоли?

Наконец, Леон пришел к тому заключению, что его стрелка после необъяснимого, странного повреждения там, в медвежьей пещере, хотя и стала снова действовать, но уже в обратном направлении, как это бывает иногда и с магнитной стрелкой после сильной бури и грозы.

Усталые и истомленные трудным и длинным переходом, наши путники сделали привал под защитой снеговой стены, нанесенной недавним бураном. Голодные, мучимые жаждой, они с томительным нетерпением ждали горячего грога, который готовился тут же, на маленькой печке, отапливаемой керосином. Жажда, даже еще более мучительная, чем та, которой страдают путники в песчаных пустынях, здесь, на снежных просторах, тем более ужасна, что искушение утолить ее горстью снега представляется на каждом шагу; но стоит только поддасться этому искушению, чтобы минутное облегчение превратилось в нестерпимую пытку: все внутренности начинают гореть, слюна пересыхает, язык прилипает к гортани, словом, человек начинает испытывать такие мучения, какие не поддаются никакому описанию.

Наши друзья, зная это, с нетерпением дожидались грога. Кроме того, их ожидала еще одна нелегкая работа: откупорить жестянки с консервами и сварить сушеный картофель.

Благодаря печке, в палатке потеплело до минус де-

сяти градусов, что было уже вполне терпимо. Расположившись на своих меховых мешках, служащих и постелями, и коврами, сложив ноги калачиком, они с особым удовольствием принялись за свой скромный ужин. Разговор не клеился: все были измученными и усталыми; печку зарядили на 24 часа и затем каждый, зарывшись в свой тройной меховой мешок-постель, постарался заснуть. Индеец же, которому была не по душе атмосфера шатра с запахом керосина, приютился под открытым небом между собаками, сбившимися в кучу, и только по настоянию друзей согласился укрыться медвежьей шкурой. И то ему было жарко, и он время от времени вставал, чтобы освежиться, а затем снова ложился на свое прежнее место.

После восьмичасового сна краснокожий разбудил своих приятелей-канадцев, и те принялись за стряпню. Вскоре пробудились и остальные. Жан, босой, без перчаток и с непокрытой головой, вышел из шатра.

— Куда ты, Жан? — встревоженно спросила его сестра.

— Иду снегом умыться! Это прекрасно, разом разогреешься! Лучше, чем у печки! — ответил он, и действительно, спустя несколько минут, возвратился в шатер бодрый, веселый и румяный, так что остальным было просто завидно смотреть на него. Индеец тоже взглянул с одобрением и, подойдя к нему, крепко пожал руку юноше. Все сели за завтрак, ели с охотой, особенно Поль Редон. Леон, заметив это, сказал:

— Здесь ты не можешь похвастать отсутствием аппетита!

— Да, моя диспепсия, от которой я столько лечился, глотал пилюли и всякое другое лекарство, исчезла на пятидесятиградусном морозе! В Париже год-другой, и меня пришлось бы, наверное, тащить на кладбище, а здесь я становлюсь настоящим обжорой! Жаль только, что это лечение такое архигиперборейское!

Все рассмеялись.

— Ну, пора в путь! — и поезд саней с провожатыми на легких, больших лыжах тронулся в том же порядке, как накануне.

Дни шли за днями без малейшего разнообразия: все та же беспредельная снеговая равнина, те же привалы, те же ночлеги под открытым небом, те же утомительные переходы и тот же мороз. Прошло три,

четыре, пять дней, люди шли вперед все дальше и дальше, как автоматы, почти не сознавая своей усталости, но с каким-то ноющим чувством томления, шли потому, что остановиться было нельзя и невозможно идти обратно, потому что сам организм их требовал движения, потому, что надо было бороться со стужей, проникавшей повсюду. Несмотря на это, Леон еще раз справился со своей буссолью, и стрелка ее опять показала направление, обратное тому, которому они следовали, т. е. медвежьей пещеры.

Прошло еще два дня. Путь становился все труднее и труднее; вместо снежной равнины нашим путешественникам приходилось теперь идти какой-то взрытой холмистой местностью, напоминавшей взбаламученное море с внезапно оледеневшими волнами. Затем пришлось подниматься в гору. Наши друзья стали падать духом, но индеец поддерживал их бодрость.

— Еще, братья, немного терпения — и мы будем у цели! — обещал он.

В конце концов, настал момент, когда все окончательно выбились из сил. Тут, вдруг, небо зарделось северным сиянием. Окрестности вспыхнули чудным пурпурным заревом, придававшим всему окружающему какие-то фантастические размеры и очертания.

Тогда краснокожий, вытянувшись во весь свой богатырский рост, указал величественным жестом на откос скалы, залитый металлическим отблеском красного сияния, и воскликнул:

— Бледнолицые братья, я сдержал свое слово! Вот желтое железо!

— Светло, как днем. Очевидно, эти роскошные бенгальские огни предназначены для того, чтобы осветить наше торжество! — сказал журналист.

— О-о! Так это и есть «Мать Золота»! — в великом возбуждении закричал Дюшато.

— Тот кошель с золотом, который я искал на протяжении целых двадцати лет! — иступленно бормотал Лестанг.

Что касается Леона, то он, вопреки всем, думал только о своей буссоли и своей леониумовой стрелке, упорно направленной и теперь в сторону Медвежьей пещеры, и вместо крика радости, крика торжества, с его губ сорвалось слово сомнения: «Как знать?!»

V

Золотой бред.— Вожделения.— Взрыв динамита.— Недоумение.— Разочарование.— Медь.— Легенда об Эльдорадо.— Вознаграждение.— Возвращение.— По пути к Медвежьей пещере.

Какое-то безумие, какой-то золотой бред охватил разом всех, при вести об открытии «Матери Золота», только бесстрастный индеец, не знавший цены золота, и рассудительный ученый Леон Фортен не разделили общего восторга. Между тем, благородный металл действительно был здесь в изобилии, виднеясь всюду толстыми пластами среди каменных глыб.

Индеец был прав: они видели перед собой феноменальную золотую залежь, сплошной слиток, представляющий собой целый пласт, на высоте полутора сажен от земли.

Лестанг с неописуемым восторгом простер руки:

— Именно так я и представлял себе «Мать Золота»! Да! Сразу видно, что здесь золота на многие миллионы.

Дюшато тоже обезумел:

— Жанна, дитя мое,— кричал он в восторге,— теперь мы с тобой богачи! Теперь мы будем счастливы!

Жан на радостях дал несколько выстрелов в воздух, а Редон громко воскликнул:

— Да здравствуют морозы и мы... и все, и все!.. Ура!

— Все они сошли с ума, их хоть веревкой вяжи! — шепнул Леон Марте.

— А вас, друг мой, это нисколько не волнует?

— Нет, я даже сам себе удивляюсь, или, быть может, вид этих маньяков, изображающих в данный момент что-то очень похожее на пляску медведей, так расхолаживает меня, только я не испытываю ни малейшего волнения при виде этих сказочных богатств!

Между тем проводник-индеец равнодушно смотрел на происходившее вокруг, небрежно прислонившись к откосу скалы.

После первых минут дикого восторга компаньоны понемногу начали приходить в себя, и Дюшато первый заявил, что необходимо придумать, каким способом добыть хоть часть этого золота.

— Добыть! Но как? — вздыхал Лестанг.

— Несколько зарядов динамита сделают свое дело в несколько минут,— утешил его Леон.

— Да, правда! Динамит разом поможет нашему горю!

Действительно, в ледяных равнинах Клондайка, где рабочие руки так дороги и работа так страшно тяжела, горящие нетерпением золотоискатели постоянно прибегают к помощи динамита, запас которого имелся под рукой и у наших друзей. Правда, оказалось, что динамитные заряды совершенно замерзли. Тогда Дюшато, Поль, Леон, Жан и Лестанг, взяв каждый по заряду, запрятали их под свои одежды, чтобы дать им оттаять. Затем старый Лестанг и Леон стали отыскивать в скале трещину или щель, куда можно было бы подвести мину. Пока Леон и Лестанг готовили взрыв, остальные отводили подальше сани и собак. Наконец, когда все было готово, Леон подошел к фитилям с дымящимся трутом, спокойно зажег их и отошел в сторону. Минуты через четыре послышалось что-то похожее на глухой подземный удар, земля как будто дрогнула под снежным покровом, и высокий белый столб дыма

поднялся к небу. После этого раздалось еще несколько глухих раскатов, наконец, целый град обломков взлетел на воздух и посыпался во все стороны, как при извержении вулкана. Собаки взвыли и пустились бежать, люди же, напротив, ринулись вперед к месту взрыва. Часть отвесной скалы оказалась взорванной и ее черные, еще дымившиеся обломки валялись всюду. Часть металлического пласта также отделилась, и обнаженный разрыв выступил ярко-желтой, блестящей полосой на темном фоне скалы. Индеец не мог надивиться тому, что только что видел: взрыв представлялся ему невероятным, сверхъестественным колдовством.

Все устремились к громадной глыбе металла, и прежний безумный восторг был уже готов снова сразить их, но несколько недоверчивых, скептических слов Леона невольно остановили этот новый порыв. Нагнувшись и подняв с земли осколок величиной с крупный орех, Фортен с минуту внимательно рассматривал его, затем проговорил как бы про себя:

— Дурной цвет и скверный вид!

Сердца остальных учашенно забились, дыхание стеснилось в горле, все подвинулись ближе к молодому ученому. А он, сильно потеряв кусок металла о свою меховую куртку, поднес его к носу и сделал еще один вывод:

— Скверный запах!

— Что вы хотите этим сказать?..— спросил его дрожащим голосом Лестанг, у которого даже в глазах стало мутиться от волнения.— Вы пугаете меня...

— Увы, мой бедный друг,— произнес Леон,— как ни неприятно мне разочаровывать вас, но я должен сказать, что это не золото... а просто медь!

— Медь! Медь! — воскликнуло несколько голосов, полных отчаяния.— Возможно ли, о Боже!..

— Правда, это превосходнейшая руда, наверное, лучшая в целом мире! — продолжал Леон, который до известной степени был уже подготовлен к подобному разочарованию, благодаря упорству своей непогрешимой леоннумовой стрелки.

— Медь! Это медь! Значит, этот индеец — наглый лжец и обманщик! — раздраженно воскликнул Дюшато.— Значит, он насмеялся над нами!

— Но ты вполне уверен в том, что это медь? — спросил Поль Редон своего приятеля.— Докажи нам!

— Смотри,— ответил молодой ученый,— ты, верно, слышал о существовании пробирного камня?! Это — особого рода твердый базальтовый камень, посредством которого испытывают золото! Кусок испытываемого металла трут о пробирный камень, на котором остается желтая полоса от легкого слоя металла, приставшего к шероховатой поверхности камня. На эту желтую полосу наливают несколько капель соляной кислоты, и, если данный металл — медь, то она мгновенно исчезает, так как медь растворяется в соляной кислоте, если же золото, то оно останется без изменения вследствие своей безусловной нерастворимости... Все это мы имеем здесь под рукой, стоит только достать из саней...

— Не утруждайте себя напрасно, мосье Леон,— вмешался старый Лестанг разбитым голосом,— я могу похвалиться двадцатилетним опытом рудопромысла и могу смело подтвердить, что вы правы! Это действительно медь... стоит только попробовать на язык... Да и как можно серьезно смешивать такой подлый металл с настоящим золотом?! — презрительно добавил он.— Правда, в первый момент я хотел себя уверить, что это и есть та самая «Мать Золота», о которой я мечтал целую четверть столетия. Да, но...

— Все это вина индейца! — воскликнул Дюшато, не желавший примириться со случившимся.

— Как же ты обещал нам золото, а оказалась простая медь?! — стал укорять Дюшато индейца.

— Я не знаю, что значит золото и медь,— спокойно отвечал краснокожий,— знаю только, что я обещал Лестангу указать ему и его бледнолицым друзьям место, где много-много желтого железа или, как вы говорите, желтого металла! Скажи же, разве это не металл? Разве он не желтый? Разве его здесь мало? Отвечай, так это или нет?

— Да, так!

— Так на что же ты жалуешься?

— И ради этого мы претерпели столько мучений!.. — убито проговорил Лестанг, но тут же упрямо встрепенулся: — А все-таки легенда о «Матери Золота» — не пустой вымысел!

— Что ни говорите, а я очень опасаясь, что «Мать Золота» — то же Эльдорадо полярных стран или, иначе говоря, плод воображения! — возразила Жанна.— Но вы, дорогой Лестанг, не знаете, что такое Эльдора-

до? Я сейчас объясню. Близ экватора, в Гвиане, также стране золота, но где царит не мороз, а жара и невыносимый зной, сохранилось предание о том, что где-то в таинственном, почти никому не доступном месте, стоит великолепнейший дворец — Эльдорадо, то есть золотой, принадлежащий одному знатному властелину, богатств которого нельзя даже и счесть. И весь этот дворец, гласила молва, был из литого золота, вся мебель, утварь, украшения, словом, все, даже статуи, изображавшие людей в полный рост, были из литого золота. Дворец сей люди отыскивали в течение нескольких веков и многие пали жертвой своей страсти. Но вот однажды, кому-то случайно посчастливилось найти громаднейший грот, поддерживаемый бесчисленными колоннами, где все горело и блестело, как чистое золото. В пещере двигались люди, совершенно нагие, но походившие на золотые статуи в натуральную величину. Оказалось, что стены грота, колонны и сам грот снаружи и даже люди, все это было натерто порошком мика (блестняка).

— Что же теперь делать? — задали все вопрос.

— Забыть о своем разочаровании, не оглядываться назад и бодро идти вперед! — отвечала Жанна.

— Да, дитя мое, ты права! Я был жестокий безумец, когда так резко и неблагодарно отнесся к бедному индейцу! — покаянно произнес Дюшато, — он повинен, так как для него нет разницы между золотом и медью. Он сдержал свое обещание и самоотверженно переносил ради нас все, не рассчитывая ни на какое вознаграждение. Я того мнения, что его следует отблагодарить за труды и доброе намерение!

— Да, да! — единодушно согласились остальные.

— Брат мой, ты сдержал свое слово, не твоя вина, что и ты, и мы обманулись! — обратился Дюшато к краснокожему, — видишь эти сани со всем их снаряжением, с поклажей и собаками? Возьми их, они твои.

Такой подарок в полярной стране представляет собой громадную ценность, особенно для индейца, который ничего не имеет и постоянно ведет самое жалкое существование. Потрясенный проводник долго-долго смотрел на теперь уже свои санки, на собак, на тщательно увязанные тюки и на всю упряжку и, наконец, произнес:

— Ах... белые люди добры и щедры! Серый Мед-

ведь никогда не забудет этого: он будет братом для белых. Прощайте!

С этими словами индеец тронулся в путь и скоро исчез во мраке.

— А мы что будем делать? — осведомился Редон.

— Возвращаться в Медвежью пещеру! — был ответ Леона.

VI

Стая волков.— Нападение.— Резня.— Как Редон греет свои пальцы.— Отступление.— Они пожирают друг друга.— Медвежья пещера.— Взрыв.— Исчезли.— Замурованы живьем,

Но возвращение в таких условиях, когда стужа упорно держится пятидесятиградусной отметки, когда возбуждение, поддерживавшее до сих пор бодрость и силы, исчезло, сменившись унынием, было делом не легким. Ко всему присоединились еще и опасности, грозившие со стороны свирепого, хищного врага — волков, ужасных полярных волков. Животные эти, обладающие поистине удивительным обонянием, чуют на громадном расстоянии всякую живность: человека, собаку или какое-либо другое животное, — и потому не удивительно, что уже на второй день обратного путешествия они появились вблизи санного поезда. Резкий, хриплый вой этих вечно голодных разбойников преследовал наших друзей среди томительного полумрака полярной ночи. К счастью, мужчины, скорее, впрочем, по привычке, чем из предусмотрительности, имели при себе ружья и потому не испугались непрошенных гостей. Зато собаки, охваченные паническим ужасом, вдруг остановились и, сбившись в кучу, жались к ногам людей или прятались за сани.

— Берегите заряды! — вскричал канадец, видя, что его товарищи готовы дать общий залп в громадную стаю волков, выделявшуюся темным пятном на белом снегу.

Мужчины и женщины выстроились полукругом, оцепинившись сплошным рядом ружейных стволов, но против них была целая орда волков, по меньшей мере штук

двести. Фосфорический блеск их глаз виднелся уже на расстоянии 50 шагов. Лестанг первый выстрелил — и один из волков передовой линии упал на месте. За первым выстрелом последовали другие — и полдюжины волков не стало. Выстрелы раздавались подобно грому среди морозного воздуха снежной пустыни. Испуганные в первый момент, волки на минуту приостановились, но затем устремились к каравану с новой силой.

Пальба продолжалась, но боеприпасы были не бесконечны и через некоторое время такой канонады они могли придти к концу. Что тогда делать людям, как отразить страшное нападение голодных волков?

Еще две атаки были с успехом отражены отважными путешественниками. Более половины волков полегло под этим почти непрерывным огнем. Наконец, звери перестали подступать,

фосфорический блеск их глаз как будто угас, затем послышался хруп костей и слабый вой, точно плач ребенка; очевидно, уцелевшие пожирали теперь убитых и раненых собратий.

— Ну, я думала, что нам пришел конец! — сказала Жанна, с видимым облегчением опуская свое ружье.

— Однако, как это ни прекрасно, что они отстали от нас, а все-таки у меня руки замерзли, особенно правая! — сказал Жан.

— И у меня тоже! И у меня! И у меня! — слышалось со всех сторон.

— А у меня руки теплые, — подсмеивался над ними Редон.

— Быть не может? Вы — вечный зяблик!

— Честное слово! Последуйте только моему примеру и вы легко поверите: грейте руки о горячие стволы ваших ружей! Это прекрасный способ!

— Да, но что нам делать теперь?

— Бежать, как англичане, — отвечал Лестанг, — теперь волки занялись своим делом, — и дня два их не отогнать от этого места, а мы за это время успеем далеко уйти, так что, когда они опять проголодаются и вспомнят о нас, нас и помину не будет. Не так ли, друзья?

— Да! Да! Вперед, не теряя времени! — поддержали остальные.

Собаки, обезумевшие от близости волков, и без того так и рвались вперед, их едва можно было держать на месте. Экспедиция тронулась с места и без оглядки полетела вперед, сколько хватало сил.

Изнеможденные, разбитые от усталости, путники остановились на ночлег среди равнины, где, разбив палатку и сварив ужин, обогрелись, насколько было возможно. Собак же пришлось стреножить, чтобы они не разбежались: воспоминание о волках, очевидно, преследовало их до сих пор. К счастью, ночь прошла спокойно, и после десятичасового отдыха наши друзья снова пустились в путь. Новый день прошел также, как и остальные; волки больше уже не показывались. Однако канадцы, знавшие настырность волчьей натуры, не рассчитывали, что опасность совершенно миновала, и были постоянно настороже.

Вдруг Жан, шедший в хвосте поезда и поминутно оборачивавшийся, крикнул «волки!», затем, не теряя

времени, вскинул ружье к плечу и выстрелил. За ним Дюшато. После этого они стали стрелять поочередно, и каждый выстрел убавлял число серых врагов. Вот уже не менее дюжины их осталось лежать на снегу. Уцелевшие волки приостановились, но все-таки не обратились в бегство: очевидно, голод их был сильнее страха, они стали под выстрелами, как и в тот раз, пожирать своих павших собратьев.

Этим и воспользовались наши друзья, поспешив к Медвежьей пещере, где они могли быть в полной безопасности и от стужи, и от зверей, и от людей. Но — несчастье! — волки тоже последовали за ними, правда, теперь уже, наученные горьким опытом, они не нападали сплошной стаей, а действовали отдельными разрозненными группами, в пять, шесть волков, или же разом со всех сторон. Пришлось выцеливать их чуть ли не по одиночке, что под руку только искусным стрелкам. Наконец, четвероногие хищники немного поотстали.

Пользуясь этим, утомленные путешественники сделали привал, поужинали и расположились на ночлег. Пока они спали, собаки перегрызли свои путы и пустились бежать в разные стороны, чуя за собой близость погони. Но на каждую из них пришлось по десятку волков. Пробудившись, наши друзья с ужасом заметили отсутствие собак. Как же быть с санями? Волей-неволей пришлось тащить их на себе по глубокому снегу и одновременно обороняться от волков.

До Медвежьей пещеры оставалось еще два дня пути. В первую очередь впряглись в сани Леон, Дюшато и Редон, а обе девушки, Жан и Лестанг подталкивали их сзади. Это было очень трудно, и не раз наши друзья спотыкались и падали, проклиная убежавших собак. Но деваться некуда — и скрепя сердце, обливаясь потом, экспедиция продолжала путь. Наконец, показалась Медвежья пещера!

— О! — со стоном вырвалось из груди каждого. — Мы спасены!

Напрягая последние силы, несчастные достали из саней свои меховые мешки, служившие им постелями, втащили их под своды пещеры, где было куда теплее, чем снаружи, затопили печь, зажгли лампу. Но ни у кого не хватило сил приняться за приготовление ужина, ни у кого не хватило сил бороться против непрео-

долимой сонливости, и все, кое-как устроившись, немедленно завалились спать. Тяжелый крепкий сон сковал их веки; казалось даже пушечный выстрел не в состоянии разбудить теперь измученных людей.

Между тем Портос, единственный верный пес, оставшийся при своем господине, давно уже рычал и злился. Наконец, он громко залаял и выскочил наружу, оскалив зубы и ошетинившись, как еж.

Более чуткий, чем остальные, Жан, сделав над собой усилие, встал, едва держась на ногах. Вдруг ему стало ясно, что там, перед пещерой, происходит нечто необычайное. Очнувшись окончательно, он ползком направился к выходу, следом за своим верным Портосом. Здесь, потеряв лицо снегом, чтобы отогнать одолевающий его сон, он дополз до собаки, схватил ее за ошейник и вместе с ней исчез во мраке. Остальные продолжали спать мертвым сном.

VII

Пробуждение.— Это динамит! — Опять враги! — Быть может, Коричневая Звезда? — Золото! — Вот она — «Мать золота»! — Суждено ли погибнуть!

Трудно сказать, сколько времени продолжался этот тяжелый сон, похожий скорее на летаргию, во всяком случае, несколько часов, после чего наступило ужасное пробуждение. Жан не вернулся в пещеру, но никто даже не подозревал его отсутствия. Вдруг почва заколебалась, точно при начале землетрясения, как будто готовая развалиться под спящими — и пещера сотряслась до самого основания. Одновременно раздался оглушительный удар, и целый град обломков обрушился внутри пещеры, как при взрыве. Пробудившиеся стали тревожно окликать друг друга.

— Жанна! Жанна, где ты?

— Марта! Жан!

Ни слова в ответ.

— Лестанг! Лестанг!

— Я здесь! — отозвался старый рудокоп, — а молодежь-то где? Господи! Боже! Да где же они?

— Огня! Огня! Скорее огня! — кричал Редон.

У каждого были постоянно при себе кремьень и огниво, коробка спичек и свечка в небольшом футлярчике. Канадец проворно зажег свою свечу и прежде всего осмотрел постели. Постель Жана не только была пуста, но и совершенно холодная, как и постели обеих девушек, следовательно, отсутствовали они продолжительное время. Необъяснимое исчезновение товарищей до того поразило оставшихся в пещере, что они даже забыли на мгновенье о страшном взрыве.

Мужчины направились к выходу, чтобы взглянуть, что стало снаружи, но, к их удивлению, выхода не оказалось: взрыв уничтожил его, завалив громадными обломками. Несчастные были заживо замурованы в пещере.

— Черт побери! Что же такое случилось? — воскликнул журналист. — Может быть, произошел какой-нибудь обвал?

— Да разве ты не чувствуешь запаха? — прервал его встревоженным голосом Леон. — Ведь это запах динамита!

— Да... Да... Но неужели ты полагаешь, что это был умышленно подготовленный взрыв? Кто же мог его сделать?

— Кто? Да те, кто похитил наших дорогих спутниц и Жана.

— Ах, черт возьми! А ведь ты, пожалуй, прав! Я готов был допустить все, что угодно, кроме умышленного злодеяния... Это весьма похоже на дело рук «Коричневой Звезды»!

— Да, я тоже так думаю, и это-то именно и пугает меня! — сказал Леон.

— Как бы то ни было, но нам следует как можно скорее приняться за дело! Где наши заступы и кирки?

— У нас унесли решительно все: и оружие, и орудия труда, и съестные припасы — словом, все!

— Будем искать выход! — заявил решительно Дюшато. — Здесь ютились двое медведей, стало быть, в пещере есть и другой выход!

— Да, это весьма возможно, надо постараться найти! Прежде всего, осмотрим коридор, из которого про-

никли к нам в пещеру медведи. Я пойду вперед, следуйте за мной, друзья! — сказал канадец.

Они вышли в коридор, широкий и высокий вначале, но затем постепенно суживавшийся и шедший книзу, так что местами приходилось пролезать ползком. Кроме того, временами становилось настолько душно, что несчастные стали бояться задохнуться от недостатка воздуха. Наконец, они очутились в своего рода яме, где можно было стоять во весь рост. Яма эта с мелким, мягким песком на дне вся была устлана мягким мхом, на котором еще валялись там и сям обглоданные кости.

— Это — спальня медведей, — сказал Лестанг. — Как видите, они любят удобства! Какая у них мягкая постель!

Стены ямы тоже были из мягкого сыпучего песка, и Редон полусуто заявил:

— Будь у нас когти, как у медведей, мы могли бы прорыть себе выход!

— Ничего здесь не поделаешь, — проговорил Леон, — выхода нет, я осмотрел все!

— Надо проверить и другой коридор! — предложил Дюшато.

И они снова, где ползком, где на четвереньках выбрались в главную круглую залу пещеры.

Второй коридор был гораздо ближе к месту взрыва и потому значительно пострадал от него: свод его был сильно расшатан, и некоторые глыбы над проходом едва держались, грозя ежеминутно обрушиться. В виду чего, прежде, чем решиться войти сюда, наши друзья сочли необходимым отделить отделившиеся от свода глыбы; для этого было достаточно малейшего прикосновения к ним. Леон, как самый физически сильный, принял эту задачу на себя.

— Берегись! — крикнул он, хватаясь руками за одну глыбу.

Все посторонились, раздался треск, оглушительный шум. Когда поднятая падением пыль немного улеглась, из уст наших друзей единодушно вырвался изумленный крик при виде целой груды мутно-желтых комьев. При свете одной из свеч в руках компаньонов трудно было хорошенько разобратся, сколько тут золота, но, во всяком случае, на многие миллионы. У всех мелькнула одна и та же мысль. Лестанг первый высказал ее:

— «Мать Золота»! Вот она, настоящая «Мать Золота»!

На этот раз глаз рудокопа не ошибался: это было, действительно, золото, чистое золото, а не «желтое железо» простодушного индейца.

Старик Лестанг набросился на эти глыбы, прижимаясь к ним грудью, смеясь и плача, лепеча, точно ребенок:

— Да... да... это она, та, кого я столько искал и уже не надеялся найти. О, как это чудесно!

Несмотря на весь ужас своего положения, и остальные невольно поддались этому странному, опьяняющему обаянию золота. Всех невольно тянуло взглянуть на это сказочное богатство. Поль Редон и Леон зажгли свои свечи, чтобы также насладиться зрелищем. И пред золотыми горами все забыли про грозящую им ужасную

смерть. Любящий отец Дюшато забыл даже про свое дитя, свою единственную дочь, а бескорыстные и, в сущности, прекрасные молодые люди забыли про своих исчезнувших подруг. Все было забыто, все, кроме какого-то безотчетного чувства алчности, какого-то опьянения золотом!

— Глыба эта обрушилась оттуда,— точно в бреду бормотал Лестанг.— Там, может быть, есть еще золото... может быть, еще много, много!

Несчастному золотоискателю показалось уже мало свалившихся миллионов, мало всех этих несметных богатств под его ногами, он простирали свои дрожащие от волнения руки к своду, сверкавшему самородками, при свете поднятой вверх свечи.

Дикий порыв безумия снова охватил всех этих людей, но вскоре Дюшато и двое молодых людей очнулись, вспомнив, наконец-то, о дорогих их сердцу существах.

— О, Жанна, дитя мое ненаглядное, где ты? Ведь все это я желал только для тебя! — воскликнул несчастный отец.

— Марта, это все было для вас! — шептал Леон.

— Какая злая насмешка судьбы! Теперь, когда мы стали царями золота, мы пойманы здесь, как в ловушке, зарыты, замурованы!

— Надо придумать что-нибудь, чтобы выбраться отсюда, если мы не хотим умереть с голода!

— Умереть! Теперь! Кто сказал это страшное слово? — воскликнул старик Лестанг.— Теперь, когда мы стали царями земными, когда мы овладели «Матерью Золота»! Я ничего более не желаю... ничего не хочу... это золото теперь наше!

«А ведь моя стрелка была права,— думал между тем Леон,— вот почему она оставалась неподвижной здесь, здесь повсюду золото; напротив, во все время нашего злополучного путешествия она упорно сохраняла направление этой пещеры!»

Наконец, и старый Лестанг пришел в себя и понял весь ужас положения: новоиспеченные миллионеры оказались несчастнейшими из людей, ибо им среди груд золота грозила голодная смерть! У них не было ни капли воды, ни крохи пищи, а между тем, ведь все они легли без ужина, и голод начинал уже давать себя знать. А выхода все-таки не находилось: второй коридор был совершенно завален обрушившимися обломка-

ми. Итак, приходилось возложить все надежды на главный выход, хотя и он был завален так, что при самом тщательном осмотре нигде не оказалось ни малейшей щели, через которую можно бы было вырваться на свободу. Видя напрасность всех их усилий, Леон мрачно произнес:

— Нет, друзья, то, что создал динамит, может разрушить только динамит же, а те, кто думал похоронить нас здесь заживо, позаботились, чтобы у нас не осталось ни крохи его!

— Стало быть, нам остается только ожидать помощи извне!

— Да, но могут года пройти, прежде чем явится эта помощь! — с горькой усмешкой отвечал Леон.

— Как знать! Ведь все может случиться, даже и невозможное! — произнес Лестанг. — А Жан, а наши братья?

— Но, может быть, они более нас нуждаются в помощи!

— А мне кажется, что они помогут нам, и на них я и рассчитываю, так как они на воле, а мы здесь — в заключении!

— Дай Бог, чтобы стало по-вашему! — проговорил с глубоким вздохом Дюшато.

VIII

Подвиг лицеиста.— Человек и собака.— След.— Под сенью шатра.— Бандиты и их жертвы.— Мертвецки пьяные.— От жизни к смерти.— Новый подвиг Жана.— Те, кого не ожидали.

Встревоженный сердитым рычанием Портоса, Жан, наконец, преодолел свой сон и в сопровождении собаки вышел из пещеры, чтобы убедиться в чем дело. Он отошел уже шагов на двести от пещеры, когда вдруг спохватился, что при нем не было ни оружия, ни даже простой палки, а вблизи, может быть, бродят волки, и решил вернуться обратно. Но едва успел он повернуться, как Портос, вырвавшись от него, с громким, яростным лаем кинулся вперед. Вслед за этим из мрака раздался чей-то резкий и странный голос:

— Да возьмите же вашу собаку: мы — друзья!

— Люди, здесь? — подумал удивленный молодой человек. — Портос! Сюда, ко мне!

Собака с видимой неохотой повиновалась, но продолжала рычать, за ней появилась кучка людей, похожих на тени в расстоянии нескольких шагов. Вскоре Жан ясно мог различить очертания пяти мужчин, укутанных в меха. Один из них обратился к нему по-французски, но с сильным английским акцентом.

— Мы — золотоискатели, наши сани и собаки немного поотстали! Мы возвращаемся в Доусон-Сити и ищем, где бы нам укрыться на ночь!

Голос незнакомца показался знакомым Жану, и закралось какое-то предчувствие, что эти люди — враги. Тем не менее он вежливо отвечал:

— Здесь неподалеку есть пещера, где находятся мои товарищи! Если хотите, я провожу вас туда!

С этими словами он кинулся к пещере, надеясь добежать туда раньше и поднять тревогу, чтобы встретить, как должно, этих людей. Но, увы — его окружили со всех сторон.

— Уложите его на месте, как молодого волчонка! — крикнул тот же жесткий голос. — Это маленький братец, я признал его!

Сильный удар в голову ошеломил Жана, инстинктивным движением он протянул было вперед руки, но тут же упал, с мыслью в угасающем сознании: «Они убили меня! Марта, Леон... Я умираю!»

Верный Портос с остервенением кинулся на злодеев, но сильный удар заставил его выпустить свою жертву, которую он успел было схватить за горло — и верный пес упал почти замертво подле своего безжизненного господина.

— Ну, а теперь в пещеру! — скомандовал злодей, которому беспрекословно повиновались остальные. — Надо воспользоваться минутой, пока они еще не пробудились!

— Но этот-то, по крайней мере, не встанет?

— Этот? — презрительно повторил бандит, — о нем нечего беспокоиться. — Молокосос, мальчишка! Таких я разом отправлял на тот свет!

И они поспешили далее, оставив на снегу, в луже крови, несчастного мальчика и его верную собаку без признаков жизни.

Однако Портос остался жив. Эти громадные сильные собаки вообще очень живучи. Вскоре он стал шевелиться, сопел, чихал и, наконец, совершенно пришел в себя. Увидев своего господина, верный пес стал лизать ему лицо, отогревая его дыханием, но так как это не действовало и юноша не оживал, то умная собака стала разрывать вокруг него снег и легла к нему как можно ближе, стараясь отогреть его теплотой своего тела. Затем она опять стала лизать ему лицо...

Вдруг раздался глухой подземный гул, затем звук взрыва, и почва заколыхалась, дрогнула; юноша очнулся — и слабый крик вырвался из его груди. Портос, услышав его, стал всячески выражать свою радость, визжал и ластился к своему хозяину. Сделав над собой усилие, Жан разом припомнил все, и ужас охватил его при мысли о той страшной опасности, какой подверглись остальные там, в пещере. Он хотел встать, бежать к ним на помощь, но не мог подняться; подтаявший под ним снег успел уже снова оледенеть, меховые одежды его примерзли к снегу, и, несмотря на слабые усилия, он остался неподвижен. Сознание своей

слабости и беспомощности вызвало невольные слезы у смелого юноши.

— Но ведь мне надо же идти! Надо спасти их или умереть вместе с ними! — шептал он и снова стал шевелиться, делая попытки приподняться; ему удалось ухватиться за ошейник Портоса, и доброе животное стало тянуть со всей силы, пока, наконец, не оторвало его от земли.

Жан приподнялся, в ушах у него шумело, в голове ощущалась страшная боль, в глазах стоял туман, в груди он чувствовал леденящий холод, и что-то теплое, мокрое, липкое, намочило его рубашку и нижнюю одежду. Мучительная жажда томила юношу, но он не поддавался соблазну, чтобы утолить ее снегом.

Вдруг вдали послышался легкий скрип лыж. Портос глухо зарычал.

— Молчи, Портос, молчи! — стал унимать Жан и, опасаясь, как бы собака не выдала его своим лаем, одной рукой зажал ему морду. Слышны были и голоса. Он узнал их — голос убийцы, угрожающий, злобный, и голос Марты, его сестры, молящий и рыдающий.

— Боже! Они уведят мою сестру!.. О, я найду в себе силы последовать за ними! Я сумею справиться с этими негодяями! — думал отважный юноша.

Да, Марта плакала и вырывалась из рук злодеев. С ней была и Жанна, но никто не мог помочь им!

При этой мысли у бедного раненого как будто выросли силы, из слабого ребенка он стал гигантом. Забыв и жажду, и слабость, и раны, он рванулся вперед в сопровождении своего верного пса, который, хотя и сильно хромял, тем не менее не хотел отстать от хозяина. Шатаясь, спотыкаясь на каждом шагу, Жан следовал за похитителями, не упуская их из виду.

Умная собака поняла, что надо следовать крадучись, и перестала рычать.

Голосов уже не стало слышно, но Портос безошибочно вел хозяина по следу похитителей, руководствуясь своим чутьем. Несмотря, однако, на прилив энергии, бедный Жан чувствовал, что силы его уходят с каждым шагом, что он все больше и больше слабеет.

— Но я дойду, дойду! — шептал упрямо юноша, хрипло дыша.

Вскоре он увидел перед собой большое темное пятно на снегу. Ему показалось, что это — ряд саней, а за ними палатка. Не подлежало сомнению, что это был лагерь бандитов. Но вот и шелковая палатка. Жан припал к ней ухом и стал слушать с замирающим сердцем. Оттуда доносились грубые, пьяные голоса.

— Итак, милые курочки, вы не хотите пунша? — кричали они.

— Полно же, пейте, пунш прекрасный, да не плачьте! У меня сердце чувствительное, я не могу видеть женских слез!

— Скажите же, негодяи, что вы от нас хотите? — слышался голос, дрожащий от негодования.

— Чего мы хотим? Жениться на вас. Мы люди честных правил, к тому же brave парни! Посмотрите-ка лучше на нас! Я и Боб молодцы, хоть куда!..— Будь здоров, Боб!

— За твое здоровье, Фрэнсис!

Дальше слов было почти не разобрать.

Несмотря на пронизывающий холод, Жан продолжал стоять и прислушиваться, едва держась на ногах от слабости.

— Да, имейте в виду, что товарищи ваши не спасут вас: мы раз и навсегда отбили им охоту тягаться с нами! — Услышал Жан.

— Вы убили их! — Воскликнул голос Жанны, полный ужаса и отвращения.— О, будьте прокляты, прокляты навсегда!

— Пустяки, пейте! Это и греет, и утешает! Вы не хотите? Ну и не надо... Пойдите, я расскажу кое-что; все равно вы — наши будущие жены. Мы, конечно, не без греха, но хотим быть богаты... Вот с этой целью мы и основали общество... Коричневой Звезды... Но что же из того? Мы — настоящие джентльмены... Да, что это я хотел сказать?.. Ну, словом, эти ваши господин Редон

и Фортен, ваши покойные друзья, так подгадили нам, что нам пришлось покинуть Доусон-Сити... Но мы не так просты... Мы следили за вами, как краснокожие, подстерегающие врага, и смогли узнать, подслушав ваши разговоры, о чудесной буссоли, о вашем намерении отыскать «Мать Золота» и о тех шансах, которые вы имели на успех. Мы предоставили вам возможность работать, чтобы впоследствии воспользоваться плодами ваших трудов, словом, заставили вас таскать для нас каштаны из огня. Вы видите, как я откровенен с вами, мой голубки!

— Ну, и вы нашли эту «Мать Золота»? Нашли? Да, отвечайте же! А, вы не хотите сказать, ну так мы заставим вас. Знайте, что ваши друзья все до одного покоятся под развалинами вашей пещеры, которую мы разрушили до основания взрывом динамита. Знайте это! Вы плачете! — пробормотал Фрэнсис с пьяной икотой, прерывавшей его слова, — плачете... А эти каналы все спят... Да все... Не плачьте... У меня сердце доброе... Я настоящий джентльмен... Покойной ночи... Меня клонит ко сну!

Негодяй грузно свалился на медвежью шкуру, разостланную на полу, и почти тотчас же захрапел.

Бедные девушки, связанные веревками по рукам и ногам, тихо плакали, прижавшись в углу палатки. Вдруг легкий звук привлек их внимание: острое лезвие ножа пропороло тонкую шелковую ткань палатки, и покрытый инеем человек в сопровождении такой же заиндевелой собаки очутился внутри.

— Жан! — прошептала Марта.

— Тихо! Ни звука! — проговорил он чуть слышно и склонился над спящим разбойником: схватил его за бороду и хладнокровно, как присяжный палач, перерезал ему горло от одного уха до другого. Слабый храп, фонтан крови — и дело было сделано. Затем он точно также поступил со следующим. Обезумевшие от ужаса и отвращения при виде луж крови девушки закрыли лицо руками и прижались еще плотнее одна к другой. А Жан продолжал свою кровавую расправу.

— Хватит ли только сил! — прошептал он, снова принимаясь за кровавое дело.

Еще один из негодяев отправился на тот свет. Рядом с ним лежал совершенно без всяких признаков жизни его сообщник, которого Жан, собрав остаток сил,

тоже прирезал. Оставался еще один. Надо покончить и с ним! Жан и ему нанес удар, но ослабевшая рука юноши не смогла заколоть негодяя, а только легко ранила его. Тот вскочил на ноги и, схватив юношу поперек тела, в один миг обезоружил его.

Еще секунда — и отважный мальчик сам стал бы жертвой. Но Портос, видя, что его хозяину грозит опасность, оскалив зубы и ошетилив шерсть, сильным прыжком кинулся на негодяя, опрокинул его, схватил за горло и довершил дело Жана. В этот момент за палаткой слышались запыхавшиеся голоса.

— Сдавайтесь или вы все не сойдете с места! — И трое мужчин ворвались в палатку с заряженными пистолетами в руках.

Марта узнала одного из них.

— Мистер Тоби! — воскликнула она. — О, мистер Тоби! Помогите ему, пока еще не поздно... Жан лишился чувств!

— Вы здесь? Как вы сюда попали, милые барышни?

— После, после, помогите ему!

Но Жан уже очнулся, шатаясь, поднялся на ноги и с довольной улыбкой оглянулся кругом. Мистер Тоби резал веревки, которыми были связаны девушки.

— О! Мы опоздали! — проговорил он. — Все сделал один мистер Жан! Вы — герой, мистер Жан!

IX

Сила воли.— Возвращение к пещере.— Живы.— Опять динамит! — На свободе.— Рассказ Тоби.— Вознаграждение.— Выяснившаяся тайна.— При свете пламени.— Коричневая Звезда.— Последнее открытие.

— Жан! Жан! — воскликнула Марта, кинувшись на шею брата. — Боже! Ты ранен, на тебе кровь! Жанна, помогите мне сделать ему перевязку!

— Да, да, дорогая Марта, но какой холод! Надо закрыть эту щель какой-нибудь шкурой! — проговорил юноша.

— Сейчас, барышни, дайте нам только убрать отсюда эту падаль! Тут можно потонуть в крови! — проговорил Тоби и принялся вместе со своими товарищами

вытаскивать одно за другим тела убитых из палатки.

Девушки суетились около Жана, желая ему помочь.

— Не надо,— сказал он,— я чувствую только некоторую тяжесть в голове, но это пройдет на морозе. Здесь душно и смрадно! Я ничего не ощущаю теперь в груди, если и есть там рана, то кровь на ней застыла и теперь она заживет сама собой. Поспешим скорее туда, к пещере, где остались наши друзья! Пока оставим все так, как есть, но захватим с собой одни сани: они ограбили нас дочи́ста!

— Зато у нас наши сани в полной исправности! — возразил мистер Тоби.

— Тем лучше! Избыток имущества никогда не мешает, захватим все!

Порешив на этом, все без дальнейших проволочек направились к Медвежьей пещере, отстоявшей в полу-миле отсюда. Жан и обе девушки слышали, что им говорили разбойники, но им положительно не верилось, что их друзья безвозвратно погибли, хотя все они слышали взрыв. Но вот они на месте преступления; кругом царил мертвая тишина.

Тем не менее, Тоби схватил кирку и принялся бить ею что есть силы по стене и, вдруг,— о, радость — изнутри также послышались ответные удары и крики.

— Они живы, живы! Скорее сюда петарду!

Чтобы избежать обвала, Тоби поместил заряд как можно выше и крикнул что есть мочи:

— Отойдите, господа, в самую глубь пещеры: сейчас мы взорвем верхний свод!

Спустя несколько минут послышался взрыв, и когда дым рассеялся, Тоби воскликнул:

— Ура, друзья мои!

— Ура! — отозвались изнутри знакомые голоса.

— Все ли живы?

— Все! Живы и невредимы!

Погребенные заживо вышли через брешь, сделанную взрывом, последовали объятия, бессвязные, радостные восклицания, поцелуи.

Выждав, пока первый прилив радостного волнения схлынул, мистер Тоби, со свойственной англичанам корректностью, поспешил представить своих помощников: мистера Паскаля Робена и мистера Франсуа Жюно.

Все принялись благодарить их, а Леон сказал:

— Все мы, мистер Тоби, обязаны вам и вашим спут-

никам своей жизнью, а потому у вас в неоплатном долгу. Мы просим вас, мистер Тоби, принять от нас миллион, а вас, господа — по пятьсот тысяч!

— Правильно! — поддержали все остальные.

Затем все отправились в пещеру, затопили печь, стали готовить ужин. Здесь, расположившись на медвежьих шкурах у печки, Тоби рассказал своим друзьям, каким образом он явился так кстати.

— Я принадлежу к числу тех людей, — говорил он, — которые, начав какое-нибудь дело, любят непременно довести его до конца. И вот эта история с Жоем Нортоном и Робеном Смитом не давала мне покоя. Я решил во что бы то ни стало разгадать эту мистификацию.

— И вам удалось?

— Сейчас узнаете. Это было не легко. Я выслеживал и в конце концов убедился, что Жоем Нортоном и Робеном Смитом не одно и то же, что Боб Вильсон и Фрэнсис Бернетт, как мы полагали!

— Значит, судьи были правы?

— И да, и нет! Существуют все четверо: и Смит, и Вильсон, и Нортон, и Бернетт, причем Жоем — двойник Боба, а Робен — двойник Фрэнсиса. Сходство между этими негодьями до того поразительно, что при помощи легкого грима, каблучков повыше или пониже, подкрашенной бороды или волос, их нельзя было отличить друг от друга. В этом и весь секрет! Узнал я это с помощью целого ряда фотоснимков. Фотографии показали и сходство, и некоторое характерное различие этих столь похожих, на первый взгляд, личностей, которые, надо заметить, никогда не бывают в присутствии друг друга!

— Вы просто гений, Тоби!

Тот самодовольно улыбнулся и продолжал:

— Заручившись снимками и сдружившись вот с этими господами, которые во всем оказывали мне помощь и содействие, я обратился к суду, и так как последний отнесся к делу довольно холодно, я написал большую обличительную статью, в которой подверг беспощадной критике и суд, и судей, изобличал и всех четверых негодяев, означая все их преступления и злодеяния. Одна из популярных газет напечатала статью, имела такой успех и так подействовала на судей и на общественное мнение, что немедленно были приняты меры для ареста четырех негодяев, но те успели бежать. Тогда суд пере-

смотрел дело, и все мы были полностью оправданы. Негодяев преследовали, однако они успели скрыться и только таким образом по поры до времени избежали возмездия.

Тогда я и двое моих товарищей с тремя санями и полным снаряжением полярной экспедиции пустились преследовать их по снежной пустыне. Вдруг мы заметили, что их след сливается с другим следом, с вашим. Это так напугало нас, что мы с удвоенной быстротой стали нагонять их, но, несмотря на все усилия, если бы не мистер Жан, явились бы слишком поздно!

— Но скажите, что же стало с Коричневой Звездой?

— Вы желаете знать, что с ней стало? Прекрасно! Потрудитесь последовать за мной!

Все вышли и быстро направились к шелковой палатке.

Не доходя шагов пятидесяти до нее, Тоби попросил всех остановиться и подождать немного, а сам побежал вперед, вылил на снег свою бутылку керосина и зажег его. Громадное пламя взвилось кверху и озарило кровавым заревом снеговую равнину. Крик ужаса вырвался из груди зрителей: на снегу обрисовались пять окровавленных тел. Случайно или умышленно эти объятые пламенем тела расположены были правильной пятигранной звездой.

— Вот она, Коричневая Звезда! — воскликнул Тоби, указывая на них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь нашим друзьям предстоял выбор между зимовкой в Медвежьей пещере и зимовкой в Доусон-Сити. Все единогласно решили вернуться в молодую столицу Клондайка, где могли найти все удобства жизни; они задержались только на несколько дней, пока Жан совершенно не оправился от своей раны, а за это время добыли большое количество золотых слитков и нагрузили ими сани убитых членов Коричневой Звезды. Золота оказалось по меньшей мере на 9.000.000 франков, но, произведя расчистку второй галереи, старик Лестанг воскликнул:

— О, нет, это уж слишком много! Смотрите! Ведь

здесь все своды и стены из чистого золота! Право, я умру! Тут более чем на сотни миллионов!

— Да, это поистине сон из «Тысяча и одной ночи»! — согласились с ним остальные, но теперь вид этих несметных богатств уже не опьянял их, теперь их всецело охватило лихорадочное желание вернуться скорей на родину и бежать из этой безлюдной пустыни, из этого «ледяного ада», где жизнь была одной сплошной пыткой как для тела, так и для души.

И они поспешили захватить из таинственной сокровищницы столько золота, сколько только могли увезти их сани. Навалив его целыми горами, они тотчас же отправились в путь.

Возвращение совершилось сравнительно благополучно, без особых печальных приключений, а въезд в столицу Клондайка явился настоящим триумфальным шествием. За время их отсутствия враждебное отношение к ним сменилось восторженным благоговением к счастливым обладателям миллионов. Но и эта слава, и роскошь обстановки лучшей гостиницы — уже не удовлетворяло наших друзей. Не занимал и не радовал их и Доусон-Сити, он был теперь лишь первым этапом на пути в возлюбленную Францию, о которой все они мечтали и куда стремились всей душой.

— Скорей, скорей во Францию! — Торопились наши герои.

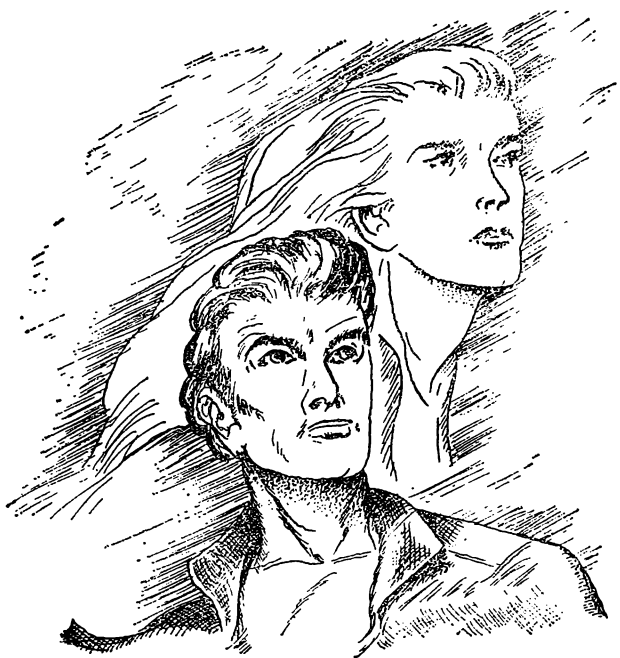
Один только старый Лестанг пожелал здесь и умереть, в этой стране золота.

— Я, видите ли, — говорил он, — должен остаться здесь! Я буду вашим доверенным, управляющим и уполномоченным, и поверьте, никто лучше меня не сумеет вести ваше дело! Кроме того, никто, кроме меня, не должен эксплуатировать «Мать Золота»!

Все согласились с Лестангом.

Предстоящее путешествие во Францию приводило в восторг и Дюшато, и его дочь: ведь осуществилась их заветная мечта — мечта каждого канадца французского происхождения, мечтающего хоть раз в жизни повидать свою «старую родину».

Надо понять ту страстную привязанность, какую эти люди питают к своей далекой прародине, чтобы поверить, насколько сильно в них это желание. Кроме того, наши искатели золота так сроднились за это время, что

не могли даже и подумать о разлуке: сама мысль об этом казалась до того ужасной для Поля Редона, что он лучше готов был расстаться с жизнью, чем с отважной, мужественной и прекрасной девушкой, уроженкой далекой Канады,— и ему вдруг стало ясно, что без нее он не может жить!

Все эти общие печали и радости, общие волнения, лишения и опасности до того сблизили их, что даже Жанна, далеко не сентиментальная, положительно не могла себе представить разлуки со своими друзьями.

Само собой стало ясно, что Поль Редон и Жанна созданы друг для друга, так же как и Леон и мадемуазель Марта.

— Не подлежит сомнению,— сказал по этому поводу Леон Редону,— что по возвращении во Францию, все это кончится, как в романе, двойной свадьбой, и если ты ничего не имеешь против, то мы поженимся в один и тот же день!

— Браво! Во всяком случае, я благославляю эту

страну морозов, где я нашел свое счастье! — вскричал Поль.

— До сих пор ты, кажется, только проклинал этот «ледяной ад»!

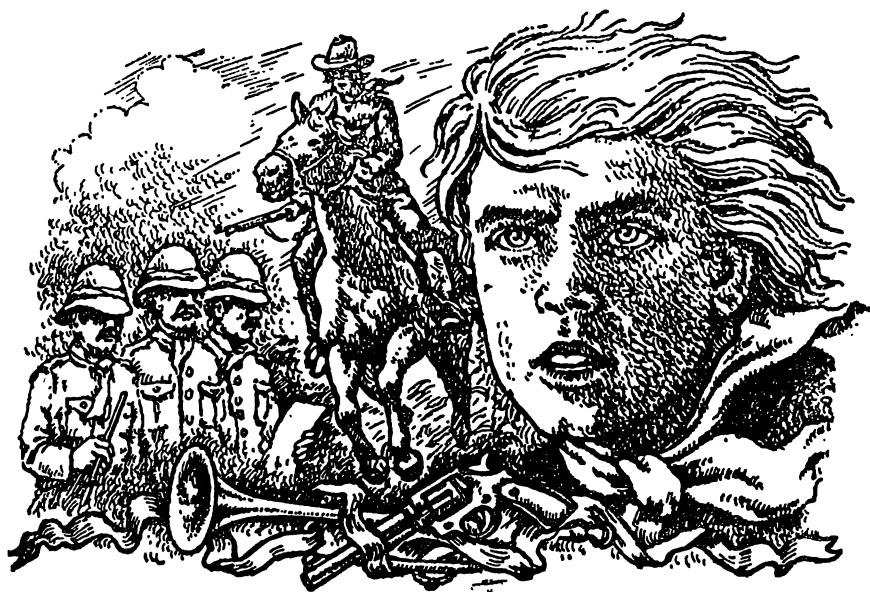
— Пусть же он отныне будет «снежным раем»! — воскликнул журналист, — я никогда не буду называть его иначе!

ЧАСТЬ 2

Луи Буссенар

КАПИТАН СОРВИ-ГОЛОВА

ЧАСТЬ I

МОЛОКОСОСЫ

I

Смертный приговор.— Бур и его друг, молодой француз.— Отказ приостановить исполнение приговора под миллионный залог.— Осужденный сам роет себе могилу.— Казнь.— Трагическая сцена.— Мсть.— Капитан Сорви-голова и погоня за ним.

Старший сержант, исполняющий обязанности секретаря военно-полевого суда, поднялся. В руке у него клочок бумаги с приговором, который он только что нацарапал.

Резким и сухим голосом, отчеканивая каждый слог, он прочитал его осужденному:

— «Совет полка, заседаая в качестве военного суда, единогласно приговорил к смертной казни Давида Поттера, виновного в отравлении двадцати пяти лошадей четвертой артиллерийской батареи. Приговор оконча-

тельный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно».

Пять членов суда в белых касках, с кобурами на поясных ремнях сидят на складных стульях, небрежно придерживая коленями сабли; у них надменный и презрительный вид джентльменов, вынужденных исполнять неприятную и скучную обязанность.

Один из них, молодой капитан, даже пробурчал сквозь зубы:

— Бог мой!.. Столько церемоний, чтобы отправить на тот свет какого-то мужика-мошенника, белого дикаря, мятежника, грабителя и убийцу!

Но председатель суда, красивый мужчина в форме полковника гайлендеров Гордона¹, остановив его легким движением руки, обратился к осужденному:

— Что можете вы сказать в свое оправдание, Давид Поттер?

Бур, который был на целую голову выше своих конвойных артиллеристов, стоявших по обе его стороны с шашками наголо, лишь презрительно пожал плечами. Потом отвернулся от членов суда и через тройную цепь солдат, выстроившихся с примкнутыми штыками вокруг судилища, устремил свой ясный взгляд туда, где стояли его неутешные родные.

Там, возле фермы, рыдала, ломая в отчаянии руки, молодая женщина, душераздирающе кричали дети, несчастные родители осужденного грозили завоевателям своими немощными кулаками.

А яркие лучи солнца, словно желая подчеркнуть эту скорбную картину; пробиваясь сквозь причудливую листву акаций и гигантских мимоз, светлыми зайчиками играли на лугу, травяные волны которого уходили в недоступную для глаза даль.

Здесь он жил, любил, страдал и боролся до последнего дня.

На какой-то миг его взор затуманился слезой умиления, но ее тотчас же осушил гнев.

Он выпрямился и, сжав кулаки, хриплым голосом ответил полковнику:

¹ Гайлендеры — горцы-шотландцы. Здесь речь идет о полке, которому присвоено имя офицера и географа шотландца Чарлза Джорджа Гордона. (Это и все последующие примечания, кроме специально оговоренных, сделаны переводчиком.)

— Вы осудили меня за то, что я защищал свободу и независимость своей родины... Что же! Вы сильнее — убейте меня!

— Мы судьи, а не убийцы! — с негодованием прервал его председатель. — Вы, буры, ведете бесчестную, недостойную цивилизованных людей войну... Война тоже имеет свои законы, и мы судим вас по этим законам.

— А по-вашему, это честная война, когда десять, пятнадцать, двадцать человек нападают на одного? — вскричал бюргер¹.

— Мы сражаемся с открытым забралом при помощи нашего оружия. И мы не судим тех, кто воюет с нами таким же оружием. А прибегать к яду подло, — продолжал полковник. — Сегодня вы травите лошадей, завтра возьметесь за людей... Это заслуживает сурового наказания.

Бур, не разбиравшийся в таких тонкостях, гневно возразил:

— Я действовал как патриот, который уничтожает все, что служит войне: людей, скот, военные материалы. И вам не удастся втолковать мне, почему убивать людей из ружья почетно, а травить ядом лошадей подло.

— От этого животного толку не добьешься, — снова процедил капитан, в глубине души смущенный наивной логикой крестьянина.

— Слушание дела закончено! — властно вмешался председатель. — Давид Поттер, приготовьтесь к смерти.

— А я и не прошу пощады. Если бы вы оставили меня в живых, я снова принялся бы за прежнее. Но я буду отомщен!.. Да, жестоко отомщен! Пролейте мою кровь... Пусть она льется рекою!.. Кровь мучеников за независимость — это роса, питающая свободу!

Эти слова, произнесенные громовым голосом, бросили в дрожь людей, собравшихся перед фермой. А пораженный ими старший сержант, крикнув, возобновил чтение приговора:

— «Осужденный сам выроет для себя могилу. Приговор будет приведен в исполнение взводом из двенадцати человек. Ружья зарядит сержант. Причем только шесть из них должны быть заряжены боевыми патронами, остальные же — холостыми».

¹ Бюргер — бур-гражданин, то есть коренной бур, пользующийся правами гражданства,

Услышав этот странный параграф приговора, осужденный разразился смехом, жутко прозвучавшим в такую минуту.

— Ха! Ха! Ха! Понимаю... Мне как-то говорили об этом, да я, признаться, не верил! — воскликнул бюргер. — Вы боитесь, как бы солдаты не стали жертвами мести за расстрелянных? И надеетесь такой уловкой отвести от них эту месть? Вы думаете, что если солдат, убивающий патриота, сам не знает, заряжено боевым патроном его ружье или нет, то другие и подавно не знают?.. Глупцы! Солдатам нечего бояться: моя месть не падет на головы этих невольных соучастников вашего преступления. Она настигнет вас... да, только вас, так называемых судей, истинных и единственных виновников. Вас пятеро, вы сильны и здоровы, за вами английская армия численностью в двести тысяч человек — и все равно месть поразит вас всех пятерых, и вы погибнете злою смертью, потому что я присуждаю вас к ней — я, обреченный на смерть.

Председатель встал и бесстрастно произнес:

— Мы судим по праву и совести, и ваши угрозы не трогают нас. По закону вам не дозволяется общение с людьми, но из человеколюбия я разрешаю вам проститься со своим семейством.

По его знаку тройная цепь солдат разомкнулась. Через образовавшийся проход ворвались убитые горем родные осужденного.

Их человек тридцать; впереди жена Давида. Вне себя от горя, она бросается на грудь любимого и верного спутника своей жизни и истступленно сжимает его в объятиях. Она не в силах вымолвить ни слова, убитая неотвратимостью страшной беды.

Возле нее красивый юноша. На нем охотничий костюм отменного покроя, изящество которого, так резко отличавшееся от скромной одежды буров, возбудило любопытство англичан.

Грустная улыбка озарила лицо осужденного при виде юноши.

— Давид!.. Мой хороший, добрый Давид!.. Вот как нам довелось свидеться! — воскликнул молодой человек.

— Вы? Неужели это вы, мой дорогой мальчик?.. Как я счастлив!.. Видите, они схватили меня — это конец... Не видать мне торжества нашей свободы и независимости.

— Погодите отчаиваться!.. Я попробую поговорить с ними,— произнес юноша.

Он подошел к собиравшимся уже уйти членам военного суда. Сняв шляпу, но не теряя чувства собственного достоинства, он обратился к председателю:

— Умоляю вас, милорд, прикажите отсрочить казнь... Сжальтесь над этой несчастной женщиной, над детьми, над этим человеком, действиями которого руководило лишь благородное чувство патриотизма. Вы сыны великой, сильной нации, будьте же великодушны!

— Мне очень жаль,— ответил полковник, отдавая честь затянутой в перчатку рукой,— но я бессилен помочь.

— Несколько дней жизни!.. Всего лишь несколько дней! Одну только неделю — и я берусь выхлопотать для него помилование.

— Не могу, молодой человек. Приговор произнесен именем закона, а все мы рабы закона, начиная от ее величества королевы и кончая последним из наших парней.

— Я внесу залог.

— Нет.

— Десять тысяч франков за каждый день...

— Нет.

— Сто тысяч франков за день... Это составит миллион за десять дней!

— Миллион? Но кто же вы такой?

— Человек, умеющий отвечать за свою подпись,— ответил юноша с характерной для него вызывающей, но исполненной достоинства дерзостью.— Давид Поттер спас мне жизнь, и, если понадобится, я отдам за него все до последней копейки, до последней капли своей крови!..

— Такое чувство делает вам честь,— прервал его полковник,— но на войне трудно руководствоваться чувствами. А теперь выслушайте меня внимательно,— продолжал он.— У меня есть сын, примерно вашего возраста, он служит офицером в моем полку. На нем сосредоточил я всю свою отцовскую нежность, все честолюбие солдата... Так вот, предположим, что он находится в плену у буров и должен быть расстрелян, как будет сейчас расстрелян этот человек. Предположим также, что мне, его отцу, предлагают его жизнь в обмен на жизнь Давида Поттера...

— И вы?.. — задыхаясь от волнения, спросил юноша.

— Не принял бы предложения, и мой единственный сын погиб бы!

Словно оглушенный этими словами, юноша опустил голову. Он понял: ничто уже не может спасти осужденного и настаивать бесполезно. Впервые постиг он весь ужас этого страшного бича, этого бедствия, которое превращает убийство в закон и нагромождает горы трупов, этого позорящего человечество чудовища, имя которому война!

Вернувшись к буру, окруженному рыдающими родными, он взял его руку в свои и с неизъяснимым выражением нежности и сожаления воскликнул:

— Мой добрый Давид!.. Я думал смягчить их — ничего не вышло. Надеяться больше не на что.

— И все же я так благодарен вам, мой маленький храбрый француз, за ваше участие, — ответил бюргер. — Бог свидетель, на сердце становится теплей, когда видишь, что за наше дело борются такие люди, как вы!

— Неужели я ничего не могу сделать для вас? — прошептал юноша.

— Можете! Пробыть возле меня вместе с моей женой и детьми до последнего моего вздоха... Отомстить за меня! Всегда сражаться так же, как... поняли? И ни слова больше... Здесь слишком много ушей...

— Обещаю, Давид!

Офицеры между тем расходились по своим палаткам, с любопытством поглядывая на этого мальчика, который жонглировал миллионами и говорил, как мужчина.

Остались только старший сержант, два артиллериста и пехотинцы, окружавшие место, где стояли осужденный и его близкие. Сержант резким голосом приказал одному из солдат одолжить осужденному свою лопатку.

Солдат отстегнул подвешенную на поясе, пониже рюкзака, валлийскую лопатку, которыми снабжена вся английская пехота, и подал ее буру, а старший сержант, указав пальцем на землю, пояснил:

— Dig!.. Копай!..

Пожав плечами, бур спокойно ответил:

— Я не прикоснусь к этому английскому изделию, не стану марать своих рук, да и родную землю, в которой мне суждено покоиться вечно. Принесите-ка мне

кирку да лопату, славные мои орудия. С их помощью я вспахал эту девственную землю, опустошаемую теперь завоевателями.

Ему принесли. Он схватил рукоятки, отполированные долгим трением о его огрубевшие от труда руки, и блестящее железо зазвенело. Потом двумя длинными шагами он отмерил на красноватой земле свой гигантский рост и засек две глубокие зарубки. Английские солдаты, умеющие ценить мужество, не могли скрыть восхищения.

Бур поплевал на ладони, сжал рукоятку кирки и целиком ушел в свою зловещую работу.

— Ну-ка, Давид,— бормотал он,— пошевели-ка в последний разок вскормившую тебя землю.

Согнув спину, напрягая руки и шею, на которых, словно веревочные узлы, выступили мускулы, он мощными ударами стал вгрызаться в землю вельдта¹, и она, проносясь между его ног, послушно ложилась позади него. Затем он старательно выровнял лопатой яму, придав ей форму могилы.

Жена и дети, стоя на коленях под знойными лучами солнца, которое было уже в зените, тихо плакали.

Солдатам разрешили присесть. Они стали закусывать, вполголоса переговариваясь. Время между тем шло, и могила углублялась. Великан-бур все глубже и глубже уходил в землю, лишь изредка прерывая свою ужасную работу, чтобы тыльной стороной руки отереть струившийся по лицу пот. Время от времени он взглядывал украдкой на жену и детей. И тогда, невзирая на усталость, начинал работать быстрее, спеша поскорее покончить со столь страшным для них зрелищем.

Один из солдат, охваченный состраданием, протянул буру флягу, полную виски.

— Выпейте, товарищ, это от чистого сердца,— ласково сказал он.

— Виски?.. Нет, спасибо. Еще подумают, что я выпил для храбрости. Но я охотно приму от вас немного воды, товарищ!

Друзья и родные, окруженные цепью солдат, не могли пойти за водой.

¹ Вельд, или вельдт — название степи в Южной Африке. Говорят: «Трансваальские вельдты».

Солдат сбегал в дом и принес деревянный ковш свежей воды. Давид, припав к нему губами, жадно пил, а солдат возвратился на свое место, рассуждая:

— Вода!.. Ну разве может она сойти за христианский напиток, особенно в тот час, когда человек должен навсегда забыть вкус виски? Да если бы я был так же близок, как он, от того, чтобы сыграть в ящик, уж я бы не постеснялся осушить фляги всего взвода. Это так же верно, как то, что меня зовут Томми Аткинс!

А время шло, безжалостно текли минуты. Солнце склонялось к западу. И все глуше звучали удары кирки в зияющей яме, поглотившей бура уже до самых плеч. Жена его распростерлась на земле и, с ужасом сознавая приближение роковой минуты, не отрывала глаз от двух огромных бугров, нарастающих по обе стороны могилы.

Послышался треск затворов. То старший сержант, достав из патронташа двенадцать патронов и вырвав из шести патронов пули, заряжал ружья.

Вот он уже принес винтовки и бросил их на землю. Затем, подойдя к буру, который продолжал копать землю, сказал:

— Давид Поттер, приготовьтесь к смерти!

А тот, прервав работу, поднял голову и спокойно ответил:

— Я готов.

Уложив рукоятку лопаты поперек ямы и ухватившись за нее, он подтянулся на руках, одним прыжком перемахнул через могильный скат — и вот он уже стоит на земле, измазанный красноватой землей, освещенный косыми лучами солнца, огромный, трагически величественный.

Жена и дети бросились к нему, но караул по знаку сержанта оттеснил их. И тотчас же выступили вперед двенадцать невооруженных солдат, назначенных в этот страшный наряд. Разобрав наугад принесенные сержантом ружья, они выстроились в ряд. К осужденному подошел старший сержант, чтобы завязать ему глаза и поставить на колени. Бура энергично запротестовал:

— Единственная моя просьба к англичанам — позволить мне умереть стоя, глядя на божье солнце, и самому скомандовать: огонь!

— Я не могу отказать в этом столь мужественному человеку, как вы,— ответил сержант, козырнув ему по-военному.

— Благодарю.

Взвод находился на расстоянии примерно пятнадцати шагов.

Бур стал лицом к солдатам, спиной к могиле.

Мертвая тишина повисла над лагерем. Смолкли рыдания и стоны. Жгучая мука охватила все сердца.

Короткая команда, мгновенное дребезжание металла, и двенадцать стволов вытянулись ровной сверкающей линией: солдаты взяли бура на прицел.

Осужденный стоял с обнаженной головой и открытой грудью.

Глубоко вздохнув, он воскликнул:

— Прощайте, жена, дети, свобода! Прощай все, что я любил! Да здравствует независимость!.. А вы, солдаты: огонь!

Грянули двенадцать выстрелов, сопровождаемые глухим эхом. Бур пошатнулся и тяжело рухнул навзничь на один из могильных скатов.

Из уст жены вырвался крик отчаяния, заголосили дети.

Взвод взял на караул, сделал полуоборот и двинулся в лагерь. Отряд, служивший оцеплением, разомкнулся и открыл наконец доступ к могиле.

Бур умер мгновенно. Из его груди, изрешеченной всеми шестью пулями, хлестали потоки крови.

Несчастливая жена, тяжело опустившись на колени, благоговейно закрыла его глаза, даже в смерти сохранившие твердость. Потом, омочив свои пальцы в крови, ярко алевшей на разодранной одежде мужа, она осенила себя крестом и сказала детям:

— Сделайте, как я... И никогда не забывайте, что ваш отец — убитый англичанами мученик, кровь которого вопиет о мщении!

Дети последовали ее примеру. А старший сын, рослый четырнадцатилетний мальчик, решительно подошел к французу, который тоже плакал, и, взяв его за руку, твердо сказал:

— Ты возьмешь меня с собой. Правда?

— Да,— ответил француз,— у меня найдется для тебя и пони и мушкетон.

— Иди, дитя мое! — воскликнула, услышав его, мать. — Иди сражайся за независимость, как подобает мужчине, и отомсти за отца!

Из дома принесли широкую простыню и веревку: простыню — чтобы завернуть в нее тело, веревку — чтобы опустить его в могилу.

Но тут прибежал запыхавшийся и взволнованный, коренастый и юркий, как белка, подросток.

Увидев молодого француза, он бросился к нему и тихо сказал:

— Нас предали!.. Беги, спасайся!.. Англичане знают, что ты на их передовой позиции. Скорей! Скорей!.. Лошади уже здесь.

— Благодарю, Фанфан... Иду. — И, обратившись к юному буру, француз сказал: — Обними свою мать, Поль, и следуй за мной.

Мальчик, названный Фанфаном, уже исчез. Сын казенного и молодой незнакомец последовали за ним.

Фанфан направился к заросли колючих мимоз, метко называемых в тех местах «подожди немного». Там, покусывая ветки, переминались с ноги на ногу два сильных пони, снаряженных по-боевому, с мушкетонами у седла и с туго набитыми походными сумками.

Ловко вскочив на одного из них, француз крикнул Полю:

— На круп позади Фанфана — и в галоп!.. Дело будет жаркое.

С аванпостов уже донеслось несколько выстрелов, а над головами беглецов зажужжали пули, когда их пони взяли с места бешеным галопом. Возле дома Давида Поттера поднялась невообразимая суматоха.

— Окружить дом! Никого не выпускать! — крикнул примчавшийся на взмыленном коне полковой адъютант. — Где старший сержант?

— Здесь, господин лейтенант! — ответил сержант.

— Вы не заметили тут юношу, вернее — мальчика в охотничьем костюме?

— Так точно, господин лейтенант, заметил!

— Где он?

— Я думаю, на ферме.

— Немедленно схватить его и доставить в штаб полка живым или мертвым.

— Живым или мертвым?.. Да ведь это же безобидный ребенок.

— Круглый идиот!.. Этот ребенок настоящий дьявол, он стоит целого полка! Это проклятый капитан Сорви-голова, командир разведчиков... Живо, живо! Всем кавалеристам, которыми вы располагаете,— в седло!

В одно мгновение были взнузданы и оседланы тридцать коней.

И началась бешеная погоня...

II

Гон.— Человек в роли дичи.— Дичь защищается.— Первые подвиги капитана Сорви-голова.— Бесстрашные юнцы.— Инстинкт лошадей.— Обходное движение.— Колючий кустарник.— Фанфан ранен.— Отчаянное бегство.— Пони убит.— Смертельная опасность.— Между двух огней.

У англичан, этих страстных любителей спорта, все может послужить предлогом для неистовых скачек.

Если нет лисицы для травли с собаками, довольствуются маленькими комочками бумаги. Егерь, изображающий собой зверя, разбрасывает их как попало.

Охота для потехи или даже подобие такой охоты вполне удовлетворяет спортсмена, лишь бы скакать через самые неожиданные препятствия и испытывать опьянение, которое так волнует искусного наездника.

Но когда в перспективе у джентльмена охота за человеком! Когда человек становится дичью, которую нужно взять или убить!.. О! Тогда национальная страсть, помноженная на врожденную первобытную свирепость — homo homini lupus est¹, превращается в настоящее неистовство.

Перед такой охотой меркнут и rally parer² и fox hunting³.

Гнаться за человеком, присутствовать при его агонии — что за наслаждение для цивилизованных варваров!

«Вперед! Вперед!..» У англичан этот возглас означает: «Кто придет первым».

Офицеры, пользуясь своей властью, приказали солдатам спешиться и бесцеремонно забрали их коней. Взвод

¹ Человек человеку — волк (лат.).

² Потеха с бумажками (англ.).

³ Охота на лисиц (англ.).

сформировался в одно мгновение. Он состоял из драгун, улан, гусар и нескольких уеопангу¹, этих бесстрашных охотников, еще более одержимых, чем их товарищи по регулярной армии.

«Вперед! Вперед!..»

Долг солдата и спортивный азарт подхлестывают друг друга, придавая особую напряженность скачке, которая с ходу приняла бешеный характер.

«Вперед!.. Вперед! Охота за человеком!»

Взвод улан то смыкался, то растягивался, в зависимости от темперамента всадников и горячности их коней.

Впереди молодой уланский лейтенант на великолепном, породистом скакуне. С каждым его скачком офицер все больше удалялся от взвода и приближался к беглецам, которые опередили погоню не более чем на шестьсот метров.

Бедные мальчики мчались во весь опор на пони, неказистых с виду, но смелых и умных животных, честно исполнявших свой долг.

Вот оба отряда вступили в полосу высоких трав. Здесь пони приобрели некоторые преимущества: они перешли на своеобразный аллюр, при котором их передние ноги идут рысью, а задние галопом, что дает им возможность, почти не снижая скорости и не путаясь, пробираться среди высоких трав. На голой равнине их настигли бы за каких-нибудь десять минут, в прериях же удавалось сохранять расстояние, отделявшее их от преследователей.

Только уланский лейтенант да еще трое всадников постепенно нагоняли беглецов.

Пони молодого француза, которого англичане прозвали капитаном Сорви-голова, не обнаруживал еще ни малейших признаков усталости. Но удмила пони, на котором скакали Фанфан и юный Поль, уже были покрыты обильной пеной; он явно начал уставать.

— Фанфан! — крикнул Сорви-голова. — Ты не на деревянном коньке карусели, а в седле! Отдай поводья, положишься на коня!

— Ладно, хозяин! — ответил Фанфан. — Придется тебе, Коко, думать за нас обоих, — ласково потрепал он по шее пони. — Впрочем, это не так уж трудно для тебя.

¹ Добровольческая кавалерия в Англии (англ.).

Сорви-голова между тем обернулся. Обеспокоенный приближением англичан, он отстегнул мушкетон.

— Внимание!..— вполголоса обратился он к своим спутникам.

Затем раздался его свист, услышав который оба пони мгновенно остановились и замерли на месте.

Проворно соскочив с пони, Сорви-голова пристроил на седле ствол своего мушкетона и, наведя его на уланского офицера, осторожно спустил курок. Раздался сухой выстрел. Несколько мгновений Сорви-голова стоял не шелохнувшись, с широко раскрытыми глазами, словно желая проследить полет пули.

Офицер, сраженный на всем скаку, выпустил поводья и, взмахнув руками, опрокинулся на круп коня. Лошадь шарахнулась в сторону, офицер, мертвый или тяжело раненный, свалился наземь, а обезумевший от испуга конь, подстегиваемый бьющимися о бока стремениами, понесся куда глаза глядят.

— Благодарю вас, Сорви-голова! Может быть, это один из тех, кто убил моего отца! — воскликнул Поль Поттер.

Послышался второй выстрел.

То Фанфан, увидев, что Сорви-голова стреляет, решил последовать его примеру, без малейшего, впрочем, успеха.

— Эх! Чистый проигрыш,— проворчал раздосадованный мальчик.

Три кавалериста, скакавшие за лейтенантом, остановились, чтобы оказать ему помощь. Образовалась маленькая группа.

Бах!..

Фью-ю-ю-ю-ю...— запела, разрывая воздух, пуля.

То снова выстрелил Сорви-голова.

В группе англичан поднялась на дыбы лошадь и, пройдя на задних ногах, подобно геральдическим коням, несколько шагов, грохнулась, подмяв под себя всадника.

— И второй! — с дикой радостью завопил маленький бур.

Бах!.. Это опять так же азартно выстрелил Фанфан — и опять так же успешно промахнулся.

— Ты стреляешь, как сапожник, Фанфан! — крикнул взбешенный Сорви-голова. — Передай свое ружье Полю.

— Давай; давай! — обрадовался сын казенного. — Посмотришь, как я стреляю.

С аккуратностью старого солдата мальчик щелкнул затвором, вложил патрон в казенную часть, спокойно навел ружье на одного из двух оставшихся в живых улан маленького английского авангарда и выстрелил в тот самый миг, когда уланы возобновили преследование.

— Ух, здорово! — воскликнул Фанфан, радуясь успеху маленького бура, снявшего всадника с коня.

— Ну, Поль! Четвертый — на нас двоих! — крикнул Сорви-голова. — Тебе — человек, мне — конь.

И два выстрела слились в один.

Всадник и конь, пораженные на полном скаку двумя не знавшими промаха стрелками, упали и скрылись в траве.

— Да, ты будешь отомщен, и хорошо отомщен, бедный мой отец! — воскликнул побледневший от гнева мальчик.

Эта страшная расправа, такая долгая в рассказе, совершилась в какие-нибудь полминуты.

Пора было, однако, удирать. Все кавалеристы примчались к месту, где погибли их товарищи. Отряд перестроился.

Уже садясь на пони, Сорви-голова заметил, что все англичане, у которых было огнестрельное оружие, целятся в них.

Он едва успел пронзительно свистнуть и крикнуть: — Ложись!

Прекрасно выдрессированные животные, услышав знакомый сигнал, распластались на земле одновременно со своими хозяевами.

Над беглецами просвистал град пуль.

Фанфан болезненно вскрикнул.

— Только без глупостей! — воскликнул Сорви-голова, но голос его звучал тревожно.

— Угостили... — ответил Фанфан. — Нечего сказать, угостили!

— Гром и молния!.. Бедный Фанфан! — воскликнул Сорви-голова. — Покажи!

— В левую ходулю угодили, — пытался отшутиться Фанфан. — Погоди... Поломки, кажется, нет — только голень продырявили, и все. Кровоточит, правда, но ничего, не очень больно. Обмотаю ее платком и стану таким же петухом, как и раньше.

— Дай перевяжу.

— Не стоит. Потом как-нибудь... Сейчас дела куда поважнее. Становится жарко.

Действительно, становилось жарко.

Англичане, взбешенные сопротивлением и не ожидавшие встретить таких опасных противников в каких-то мальчишках, которых они думали взять голыми руками, переменили тактику и приступили к новому маневру.

Их двадцать четыре человека. Семеро поскакали направо, семеро — налево, описывая полукруг, чтобы отрезать отступление беглецам. Десять остальных, оставшись на месте, рассредоточились и стали поддерживать огонь в том направлении, где прижались к земле юные партизаны.

— Теперь уж не до смеха,— сказал Сорви-голова. Приподняв голову, он осматривал местность.— Они хотят взять нас в клещи обходным движением. Но посмотрим!.. Придется отступать. Ты сможешь, Фанфан?

— Каждый может все, чего захочет, хозяин. Будь покоен! Уж я-то не повисну колодой на ваших ногах.

— Нам грозит смертельная опасность,— предупредил Сорви-голова.

— Вся наша жизнь смертельная опасность,— ответил молодой парижанин.— Не разбив яиц, и яичницы не приготовишь. Если бы я дрожал за свою шкуру, я остался бы у себя на родине, на улице Гренета¹.

Пока Фанфан философствовал, Сорви-голова не терял даром времени. Он установил по компасу, что в полудень направо от них находится хорошо знакомый большой лес, затем связал узлом стремяна пони, предварительно перекинув их на седла. Все это он проделал так, чтобы англичане ничего не заметили. А те продолжали лениво постреливать, решив, по-видимому, не предпринимать более энергичных действий, пока их товарищи не завершат окружения. Сорви-голова между тем перекинул через плечо свой мушкетон и, приказав товарищам следовать за ним, с удивительной быстротой пополз среди высоких трав.

Поль и Фанфан, видно тоже знакомые с этим приемом индейцев, повиновались, и вскоре все трое исчезли

¹ Улица в одном из рабочих предместий Парижа.

в гигантской растительности вельдта. Их пони, распротертые на земле и скрытые густой травой, остались на месте.

Англичане, ставшие более осмотрительными, приближались осторожно, мелкой рысью, время от времени переходя даже на шаг.

Не обращая на них никакого внимания, Сорви-голова двигался направо, к опушке леса. Противник не переставал постреливать наугад, и Сорви-голова, продолжавший ползти с проворством ящерицы, сказал вполголоса:

— Только бы не искалечили они наших лошадок! Эх! Будь со мной хотя бы дюжина моих Молокососов, ни один из этих хаки не вернулся бы в свой лагерь.— И, обернувшись затем к Фанфану, он спросил: — Как дела, старина?

— Потеем, трудимся,— ответил Фанфан.— Не ручаюсь, что мог бы прыгнуть с трамплина, но что касается ходьбы на четвереньках... одной лапой больше, одной меньше — невелика важность.

К счастью, трава в тех местах была вышиною в метр, а то и больше; только это и спасало бесстрашных сорванцов. В другой обстановке они давно уже были схвачены или подстрелены англичанами.

В самом деле, представьте себе луг с Марсово поле¹, на котором играют в прятки, но только всерьез и под угрозой смерти, трое против двадцати четырех.

Какая выносливость, какая ловкость, сколько удачи потребуется этим троим, чтобы благополучно ускользнуть!

Между тем правый и левый отряды англичан завершили полуокружение. Теперь совместно с третьим, оставшимся на месте взводом, они готовились сомкнуть кольцо вокруг того места, где, по их мнению, находились беглецы.

Но те, пробираясь между травами, прошли уже расстояние в четыреста метров под прямым углом к их первоначальному направлению. Прежде они скакали на север, теперь же ползли на восток. Просто чудо, что англичане до сих пор не заметили их передвижения. До спасительного леса оставалось еще не менее полу-

¹ Большая площадь в Париже, где обычно происходили парады войск.

тора тысяч метров. Будь у них достаточно времени, они, конечно, доползли бы до него, но этот невероятно трудный способ передвижения скоро совсем истощил силы раненого Фанфана. При всем своем мужестве он не способен был ползти дальше.

Ослабленный потерей крови, которая не переставала струиться из раны, чувствуя, что с каждой минутой все больше слабеет, еле волоча за собой ноги, он умолял товарищей бросить его.

— Ни за что! Или ты вернешься в лагерь вместе с нами, или мы все погибнем здесь! — воскликнул Сорви-голова.

— Но подумай! Командующий ждет результатов разведки. От них зависит судьба всего командо¹, — спорил Фанфан.

Вместо ответа Сорви-голова только пожал плечами. Присев на корточки и чуть высунув голову из травы, он беглым взглядом окинул равнину.

Юноша заметил, как сильно они опередили англичан. От врагов их отделяло теперь не менее пятисот метров.

О, если бы только они могли и дальше продвигаться вот так же, под прикрытием травы! Но Фанфан! Бедняга Фанфан!.. Надо спасти его во что бы то ни стало.

Не видя другого выхода, Сорви-голова решил поставить на карту все.

Вложив пальцы в рот, он трижды пронзительно свистнул.

И тогда произошло нечто поистине изумительное. Бурские лошадки, притаившиеся в траве и до сих пор не обнаруженные англичанами, стремительно вскочили и понеслись бешеным галопом, с раздувающимися ноздрями, прыгая над травой, как антилопы. Безошибочный инстинкт полудиких животных не обманул их. Тонкий слух верно уловил направление сигнала, а чутье, более острое, чем у ищеек, вело их по правильному пути.

Растерявшись от изумления, англичане послали было вдогонку смелым животным несколько выстрелов, но увидев, что пони без седоков, перестали обращать на них внимание.

¹ Коммандо — подразделение трансваальской армии. В начале войны командо насчитывало до 1000 бойцов, в конце войны состав его уменьшился до 500—600 бойцов.

Преследователи, разумеется, также слышали свист. Но их отряды находились довольно далеко друг от друга, и потому они не могли определить место, откуда он доносился. Больше того, каждый из отрядов принял свист за сигнал другого отряда к атаке. И все они поторопились сойтись в той точке, где никого уже не было.

Нельзя не признать, что для троих ребят, один из которых был к тому же ранен, это был блестящий маневр. К несчастью, опасность еще не миновала. Пони примчались к ним как вихрь. Немного привстав, Сорви-голова остановил их легким прищелкиванием языка и в какие-нибудь две секунды развязал стремяна.

— В седло, Поль! — скомандовал он. — Не заботься обо мне и скачи прямо в лес.

А пока маленький бур садился на лошадь, он поднял Фанфана, усадил его верхом на холку пони и, вскочив позади раненого в седло, устремился за буром.

Англичане, поняв наконец, что их одурачили, послали вслед беглецам, мчавшимся как ветер, залп проклятий и открыли по ним адский огонь.

Пули свистели, выли, жужжали вокруг Молокососов, срезали стебли трав; музыка была не из приятных.

Пока одни англичане стреляли, другие возобновили погоню. Каких-нибудь пять-шесть минут — и беглецы достигнут леса, где их ожидает спасение.

Да, но пять минут!

Внезапно лошадка Поля отпрянула в сторону, зашаталась и чуть не упала. На левом боку животного показалась длинная струя крови.

— Держись, Поль, твой пони ранен! — крикнул Сорви-голова.

Бур и сам уже почувствовал, что лошадь под ним оседает. Напрасно он подбадривал ее голосом и вонзал ей в бока шпоры. Боясь, что пони упадет, и стремясь продвинуться как можно дальше, Поль стал даже покатывать его ножом.

То и дело спотыкаясь, доброе животное пробежало еще метров триста, потом зашаталось и тяжело повалилось на землю. Из рта и ноздрей его показалась кровь.

— Бедный Коко! — всхлипнул Фанфан, обожавший своего коня.

А маленький бур, этот ловкий наездник, успел уже соскочить и стоял целый и невредимый.

Остановив своего пони, Сорви-голова крикнул:

— Вскарabкайся позади меня, Поль, и держись крепче. Чем мы хуже сыновей Эмона?¹

Уставший и перегруженный пони уже не мог бежать так быстро, как до сих пор. И хотя до леса оставалось не более трехсот метров, расстояние между беглецами и англичанами уменьшалось с каждой секундой.

Раздался новый залп, и Поль, застонав, скатился в траву.

Правда, он тут же вскочил и крикнул, догоняя товарищей:

— Ничего страшного, я только обезоружен!

Пуля угодила ему между лопаток, но, по необыкновенно счастливой случайности, сплющилась, ударившись о дуло ружья, причем искривила его и разбила ложе приклада.

Еще полтора метра!

Англичане приближались, улюлюкая, с неистовыми криками «ура». Еще бы! Что за чудесная охота!

Маленький бур бежал по траве вслед за пони, но трава теперь была уже не такая густая и высокая.

А тут еще пони, попав ногой в разрытый муравейник, упал на колени, и Сорви-голова с Фанфаном, перелетев через его голову, шлепнулись оземь шагах в шести от него.

Полуоглушенный, Сорви-голова мгновенно вскочил, но его товарищ лежал без сознания.

— Сдавайтесь!.. Сдавайтесь!.. — заорали англичане.

— Ни за что! — гаркнул им в тон Сорви-голова, наводя на них свое ружье.

С изумительным хладнокровием он выстрелил три раза подряд и сшиб с коней трех мчавшихся впереди англичан.

Потом, передав свое ружье Полю, он произнес:

— В магазине осталось еще четыре патрона. Задержи врага, а я унесу Фанфана.

Фанфан по-прежнему лежал без памяти. Сорви-голова поднял его и побежал к лесу.

Он уже почти достиг опушки, как вдруг всего в нескольких шагах от себя услышал раздавшийся из ле-

¹ Четыре сына Эмона — легендарные странствующие рыцари. Во время походов Карла Великого против мавров они совершили множество подвигов. Часто их изображают путешествующими на одном коне, знаменитом Байяре.

са громоподобный голос: «Огонь!» И в то же мгновение он очутился среди дыма и пламени: со всех сторон громыхали выстрелы.

Капитану Сорви-голова показалось, что он в настоящем аду.

III

Воспоминание о «Ледяном аде». — Замысел молодого миллионера. — За буров! — Встреча с Фанфаном. — В путь! — Набор добровольцев. — В заливе Делагоа. — Португальская таможня. — Претория. — Президент Крюгер. — Молокососы.

Не так давно «Журнал путешествий» опубликовал под заголовком «Ледяной ад» рассказ о приключениях французов в Клондайке, стране богатейших золотых россыпей. Напомним кратко об этой захватывающей драме.

Несколько молодых французов, жертвы прославившегося своими злодеяниями бандитского сообщества «Коричневая звезда», отправились искать счастья в это таинственное Эльдorado Полярного круга. Ценою невероятных страданий и смертельных опасностей им действительно удалось добыть баснословное состояние. Но бандиты, не упуская их из виду, тайно отправились за ними в Клондайк. Там они узнали, что французам посчастливилось открыть «Золотое море» — богатейшие россыпи, упорно разыскиваемые всеми золотоискателями. Разумеется, бандиты решили завладеть этим сокровищем, которое, даже по предварительным подсчетам, превышало, и значительно превышало, ослепительную цифру в сто миллионов.

Героями этой драмы золота и крови было семь человек: молодой ученый Леон Фортэн и его прелестная невеста Марта Грандье, газетный репортер Поль Редон, присоединившийся к ним старый канадец Лестанг, Дюшато и его отважная дочь Жанна и, наконец, брат Марты — Жан Грандье.

Жану Грандье, воспитаннику коллежа Сен-Барб¹, было тогда всего пятнадцать лет. Природа одарила его недюжинным умом, физической силой и необыкновенной

¹ Коллеж — средняя школа во Франции. Коллеж Сен-Барб — один из старейших парижских коллежей.

для юноши его лет выносливостью. Этот школьник, умевший храбро противостоять всем испытаниям, совершил там чудесные, почти легендарные подвиги.

Не будем говорить о его изумительной способности переносить мороз в пятьдесят градусов, о необыкновенной ловкости, проявленной им в борьбе с дикими зверями — огромными полярными волками, — скажем лишь, что, тяжело раненный, обмороженный, ослабленный потерей крови, он собственноручно убил пятерых бандитов из шайки «Коричневой звезды» и освободил свою сестру и Жанну Дюшато, находившихся в плену у этих злодеев. Во Францию он вернулся и сказочно богатый и одержимый той жаждой приключений, которая знакома и не дает покоя всем, кто хоть раз вкусил прелесть этой волнующей жизни.

Отдохнув несколько месяцев, Жан заскучал. Его деятельная натура требовала применения своим силам. Он решил было, став во главе какой-нибудь географической экспедиции, проникнуть в не исследованные еще страны или взяться за какое-либо другое смелое и полезное дело, но тут вспыхнула англо-бурская война.

Пылкая и благородная душа Жана Грандье мгновенно загорелась сочувствием к двум маленьким южноафриканским республикам, боровшимся за свою независимость.

Его восхищали спокойствие, достоинство и величие старого, патриархального президента — благородного Крюгера, в котором он видел живое воплощение древних добродетелей мужественного бурского народа.

Он влюбился в буров, этих солдат-добровольцев, ненавидевших войну и взявшихся за оружие только ради защиты святого дела национальной независимости. В то же время он от всей души возненавидел англичан-завоевателей, которые развязали войну, бросив многочисленную и могучую английскую нацию против двух крошечных государств. Уже один только этот факт вопиющего неравенства сил казался ему величайшим преступлением против человечества.

С одной стороны — могущественная, богатейшая в мире империя с населением в четыреста миллионов человек, с превосходной армией, флотом, колониями, первоклассной промышленностью, огромными финансовыми ресурсами. Колосс, господствующий на морях и на

суше — целой трети земного шара! С другой стороны — два крошечных народца, едва насчитывающих четыреста тысяч жителей, мирных крестьян, занимающихся земледелием и мечтающих только о том, чтобы жить в мире и быть подальше от всех тревог, которые потрясают человеческое общество.

Он трепетал за них, изумлялся равнодушию цивилизованных народов, возмущался тем, что ни один из этих народов не посмел или не смог помешать этому несправедливому нападению, совершенному на другой же день после «международной мирной конференции».

Он говорил себе:

«Если большие государства так эгоистичны и подлы, а эта отвратительная вещь, которую называют политикой, потворствует их эгоизму и подлости, то все честные люди, люди большого сердца должны откликнуться и действовать, не щадя своей жизни. Я молод, смел и свободен в своих поступках, я люблю приключения, меня влечет ко всему величественному и доброму. Я готов отдаться душой и телом благородному делу защиты слабых. И потому я стану добровольцем трансваальской армии».

Он поделился своим проектом с сестрой Мартой и ее мужем, Леоном Фортэном. Те от души его одобрили.

Да и кто бы мог помешать ему свободно распорядиться своей жизнью и своим состоянием?

После трогательного прощания со своим другом Полем Редоном, женившимся к тому времени на Жанне Дюшато, он отправился в намеченное путешествие.

Марта и Леон провожали Жана Грандье. Он уезжал в 8 часов 40 минут с вокзала П. Л. М.¹ скорым поездом, идущим в Марсель, откуда ему предстояло отплыть в бухту Делагоа².

Когда они подкатали к огромному вокзалу, какой-то подросток лет пятнадцати бросился открывать дверцу роскошного экипажа. Но соскочивший в ту же минуту с козел лакей Жана, обиженный непрошеным вмеша-

¹ Париж — Леон — Средиземное море — железнодорожная линия, соединяющая Париж со средиземноморскими портами Франции.

² Делагоса — залив на юго-восточном побережье Африки, в бывшей португальской колонии Мозамбик. В глубине залива — город Лоренсу-Маркиш, естественный порт трансваальской равнины, откуда начинается железная дорога.

тельством в его служебные обязанности, так грубо отшвырнул мальчика от кареты, что тот растянулся во весь рост, больно ударившись лицом о мостовую.

Богатство не ожесточило сердца героев Клондайка. Все трое невольно вскрикнули, а Жан, поспешно выйдя из кареты, подхватил парня под мышки и поставил его на ноги:

— Не очень больно?.. Все цело?.. Прости, друг, и, прошу тебя, прими маленькое вознаграждение.

А подросток, хотя у него обильно струилась из носа кровь и ему было очень больно, заставил себя улыбнуться и пробормотал:

— Вы очень добры, но право, ничего...

Ни упрека, ни малейшего намерения поскандальить, чтобы извлечь выгоду из происшествия.

От взгляда Жана не ускользнуло, что у подростка приятная внешность, что одет он опрятно и что в нем нет ничего от классического типа открывателя каретных дверей¹. Облик Гавроша², но отнюдь не уличного хулигана. Все это мгновенно промелькнуло в голове Жана. Порывшись в жилетном кармане, он вытащил оттуда горстку луидоров³ и протянул их мальчику.

— Бери, не стесняйся,— сказал Жан Грандье,— и не поминай лихом нашу встречу.

Мальчик краснеет, бледнеет, смотрит, разинув от изумления рот, на золотые монеты и наконец восклицает:

— И все это мне? Из-за какого-то шлепка о мостовую? Здорово!.. Благодарю вас, князь! Наконец-то я выберусь за фортифы⁴ и полюбуюсь на белый свет!

— Ты любишь путешествовать? — спросил Жан.

¹ В Париже существует особая категория вечерних оборванцев. Они дежурят у театров, ресторанов, вокзалов и т. п.; как только подъезжает экипаж, они бросаются открывать дверцы, награждают выходящего княжеским титулом: «Прошу, князь» — и тут же протягивают руку за подачкой.

² Гаврош — маленький герой романа Виктора Гюго «Отверженные». Это парижский мальчик из народа, остроумный, насмешливый, смелый и великодушный. Его имя стало нарицательным.

³ Луидор — золотая монета в 20 франков.

⁴ Когда-то Париж был окружен в целях защиты высоким земляным валом. Эти фортификации во время Коммуны помогали парижанам выдерживать осаду версальцев, а позже — прусских войск. Теперь этот вал лишен всякого военного значения; парижане называют его «фортифами».

— До безумия! С пеленок мечтал... А теперь вот благодаря вам я могу купить билет до Марселя.

— Постой, постой, но почему же именно в Марсель? — воскликнул Жан.

— Потому что уж там-то я как-нибудь обернусь и непременно попаду в страну буров.

— Что?! Ты хочешь в волонтеры?! — невольно вырвалось у Жана.

— Да. Уж больно хочется поколотить этих англичаншек, которые мучают буров.

Леон Фортэн и его жена с интересом прислушивались к разговору, в котором собеседники перескакивали с пятого на десятое.

— Как тебя зовут? — без лишних предисловий спросил Жан.

— Фанфан.

— Где живешь?

— Раньше жил на улице Гренета, двенадцать, а теперь так, вообще... ну, просто на улице.

— Родители есть?

— Отец. Он пьянствует все триста шестьдесят пять дней в году и уж никак не меньше двух раз в сутки награждает меня колотушками. А позавчера совсем из дому выгнал.

— А мать?

— Пять лет, как умерла, — ответил мальчик, и на глазах у него блеснули слезы.

— Так, значит, ты твердо решил записаться в трансваальскую армию?

— О да!

— В таком случае, Фанфан, я беру тебя с собой.

— Не может быть!.. Благодарю от всего сердца! С этой минуты я ваш, и на всю жизнь! Увидите, как предан будет вам Фанфан!

Так капитан Сорви-голова завербовал первого добровольца в свою роту разведчиков.

В Марселе Жан завербовал еще одного добровольца, который работал раньше поваренком на морском пароходе, а теперь был без места. Его, как и всякого провансальца, звали Мариусом, и он охотно отзывался на прозвище «Моко».

В Александрии Жан завербовал сразу двоих. То были юнги: один — итальянец, другой — немец; оба они только что вышли из больницы и ожидали отправки на

родину. Немца звали Фрицем, итальянца — Пьетро. Рассмеявшись, Жан сказал Фанфану:

— Четыре человека — целый полувзвод, и я его капрал!

Вербовка этого разноязычного интернационального отряда продолжалась всю дорогу.

В Адене Жан наткнулся на двух алжирских арабов. Их вывез из Алжира губернатор Обока¹, но они бежали от него и теперь старались как-нибудь устроиться. Они говорили на ломаном французском языке и охотно согласились следовать за внушавшим доверие молодым человеком, который к тому же предложил им великодушное жалование.

Наконец, уже на пароходе, Жан Грандье встретился с семьей бедных французских эмигрантов, отправлявшихся попытать счастья на Мадагаскар.

Их было пятнадцать человек, считая племянников и других дальних родственников. И, увы, все они были так бедны, что даже легендарная, ставшая нарицательной нищета Иова², наверное, показалась бы им богатством.

Молодость и энтузиазм Жана произвели сильное впечатление на этот маленький клан, и ему удалось уговорить трех юношей последовать за ним в Трансвааль. Под предлогом возмещения убытков за потерю трех пар здоровых молодых рук, которых он временно лишал семью, Жан вручил главе семьи десять тысяч франков и обещал выплатить столько же после окончания кампании.

«И все же мне хотелось бы пополнить свой отряд до дюжины», — думал Жан, превратившись из капрала во взводного.

Результаты, которых он добился в этом отношении по прибытии в Лоренсу-Маркиш, превзошли все его ожидания.

Жан, как человек, привыкший надеяться только на самого себя, привез из Франции на сто тысяч франков оружия, боеприпасов, одежды, обуви, предметов снаряжения и упряжи. Он знал, что на войне все может понадобиться. Правда, его немного тревожил вопрос о вы-

¹ О б о к — порт. Расположен у самого входа в Красное море, в заливе Аден.

² И о в — библейский персонаж, прославившийся своим благочестием и покорностью.

грузке этого более чем подозрительного багажа на португальской территории. Однако, несмотря на свою молодость, наш друг был достаточно дальновидным и опытным парнем, ибо опасные приключения являются лучшей школой жизни. Поэтому, когда корабль пришвартовался, Жан преспокойно оставил на его борту огромный груз, а сам отправился на дом к начальнику португальской таможни.

Лузитанское¹ правительство плохо оплачивало своих служащих. Жалование им выдавали редко, а зачастую и совсем не выдавали. Им предоставлялась полная свобода выкручиваться как угодно из этого неприятного положения. Они и выкручивались, да так ловко, что жили совсем неплохо и даже довольно быстро наживали состояние, и это, несомненно, свидетельствовало об их изумительных административных способностях.

Жан Грандье, осведомленный об этой особенности их существования, поговорил несколько минут (ведь время теперь — деньги!) с его превосходительством и тут же получил разрешение на немедленную выгрузку своей поклажи.

Его превосходительство потребовал лишь заверения, что в многочисленных и тяжелых ящиках находятся орудия производства.

Жан, не моргнув, охотно уверил его в этом и уплатил таможенные пошлины.

Многим эти пошлины показались бы, вероятно, несколько раздутыми, ибо они составили кругленькую сумму в тридцать пять тысяч золотых франков, из которых лишь пять тысяч приходились на долю правительства, остальные же тридцать шли в карман его превосходительства. Но ведь его превосходительство, в свою очередь, должен был вознаградить за временную слепоту английских контролеров, а это стоило ему нескольких крон.

Жан был в восторге от своей сделки и приказал, не мешкая ни минуты, выгружать «орудия производства», которые тут же были отправлены по железной дороге в Преторию².

Неистощимое великодушие и неиссякаемая веселость Жана производили сильное впечатление на всех, кто

¹ Лузитания — древнее название Португалии.

² Претория — столица бывшей Трансваальской республики.

сталкивался с ним. Его умение, не командуя, одним лишь словом или даже просто жестом заставить повиноваться себе, его сдержанность, его исполненная собственного достоинства непринужденность в общении с людьми, его уверенность в себе — все выдавало в нем вождя.

Первые его товарищи, фанатически поверившие в него, вербовали ему все новых и новых сторонников. Так, они привели к нему двух молодых креолов из Реюньона¹, которые, попытав счастья в шахтах Трансвааля, возвращались домой без единого лиарда². Затем были завербованы два молодых португальских солдата, дезертировавшие по какой-то веской причине из своих частей, и, наконец, юнга торгового флота, страстный любитель приключений, который немедленно покинул свой корабль, чтобы примкнуть к ним.

Теперь их собралось пятнадцать парней, мечтавших о подвигах. И хотя среди них были представители самых различных национальностей, все они отлично уживались друг с другом, слившись в тесную, дружескую семью.

Двадцать четыре часа спустя поезд мчал их в преторию, куда они прибыли без особых приключений. Жан Грандье отправился к президенту Крюгеру и был тут же принят вместе со своими товарищами.

В Трансваале не существовало никаких преград между президентом и его посетителями: ни приемных, ни адъютантов, ни секретарей, — свободный доступ для всех, у кого была надобность к этому высокочтимому народом государственному деятелю, чью нечеловеческую энергию, казалось, впитал в себя весь храбрый, сражавшийся за свою независимость народ Трансвааля.

Волонтеров во главе с их командиром ввели в обширный зал. Здесь у заваленного бумагами письменного стола сидел президент, черты лица которого были известны всему миру по фотографиям.

Секретарь, стоявший рядом с ним, перелистывал депеши и по указанию президента быстро делал на них пометки. В уголке крепко сжатых губ старика свисала его неизменная трубка, дымившая после методических и коротких затяжек.

¹ Реюньон — группа островов (прежнее название — остров Бурбон).

² Лиард — старинная французская монета.

Выразительное, с крупными чертами и массивным подбородком лицо этого крепко сбитого великана было обрамлено густой бородой, а чуть прищуренные глаза пронизывали собеседника острым взглядом, смущавшим своей твердостью и внутренней силой.

О нет, ничего общего с Крюгером на английских карикатурах!

Достаточно взглянуть на него, увидеть его медлительные, почти вялые движения, его высохшее лицо, его словно высеченный резцом ваятеля корпус, его атлетическое телосложение, чтобы почувствовать огромную дремлющую в нем силу, железную, ничем не сокрушимую и непреклонную волю.

Да, этот человек производил внушительное, даже величественное впечатление, несмотря на простоту его нескладно скроенной одежды, несмотря на этот вышедший из моды, смешной, единственный в своем роде и неизменный, как и его трубка, шелковый цилиндр, без которого он нигде и никогда не появлялся.

А впрочем, эта шляпа действовала неотразимо. Ведь она, так сказать, была частью самого президента Крюгера, вернее, столь же неотъемлемой характерной чертой его внешности, как чепчик королевы Виктории, как монокль мистера Джозефа Чемберлена¹ или треуголка Наполеона.

И впечатление, производимое ею, было настолько сильно, что у Фанфана, ошеломленного этим шедевром шляпного мастерства, невольно вырвалось по меньшей мере непочтительное восклицание:

— Боже! Ну и колпак!

К счастью, президент не очень-то разбирался в тонкостях парижского жаргона. Он не знал, точнее, уверял, что не знает и не понимает ни одного языка, кроме голландского.

Благодарзнее, конечно, было бы не очень доверять этому.

Президент медленно обернулся к Жану Грандье, легким кивком ответил на его приветствие и спросил через своего переводчика:

— Кто вы, и что вам угодно?

¹ Вождь английских консерваторов. В начале войны с бурами занимал пост министра иностранных дел.

— Француз, желающий драться с врагами вашей страны,— последовал лаконичный ответ.

— А эти мальчики?

— Завербованные мною волонтеры. Я на свой счет вооружаю, снаряжаю и одеваю их, покупаю им коней.

— Вы так богаты?

— Да. И я намерен завербовать сотню молодых людей, сформировать из них роту разведчиков и отдать ее в ваше распоряжение.

— А кто будет командовать ими?

— Я. Под начальством одного из ваших генералов.

— Но ведь они еще совсем молокососы.

— Молокососы? Неплохо! Отныне так и будем называться: отряд Молокососов. Могу вас заверить — вы не раз услышите о нас!

— Сколько же вам лет?

— Шестнадцать.

— Гм... молодо-зелено.

— В шестнадцать лет вы, кажется, уже убили вашего первого льва?

— Верно! — улыбнулся Крюгер.

— И потом юность... Разве не в этом именно возрасте человек полон дерзновенных мечтаний, беззаветной преданности, жажды самопожертвования, презрения к опасностям и даже к самой смерти!

— Хорошо сказано, мой мальчик! Будьте же командиром ваших Молокососов, вербуйте сколько хотите волонтеров и превратите их в солдат. Бог свидетель — вы мне нравитесь, и я поверил в вас.

— Благодарю вас, господин президент! Вот увидите, как славно мы у вас поработаем!

Но старик уже поднялся во весь свой рост, намереваясь на конец аудиенции. Он пожал капитану Молокососов руку, да так стиснул ее, что у другого бы она хрустнула, и при этом убедился, что рука Жана Грандье тоже не из слабых.

— Верю, что этот маленький француз совершит большие дела,— сказал он улыбаясь.

Старый президент, или, как его любовно называли буры, «дядя Поль», оказался хорошим пророком.

На другой день пятнадцать Молокососов шагали по улицам Претории в полном боевом снаряжении, с маузерами за плечами, с патронташами на поясных ремнях, в широкополых фетровых шляпах.

А еще через пятнадцать часов у них уже были свои пони, на которых они молодцевато гарцевали живописной кавалькадой.

О, этот юный капитан не в игрушки играл! Какое глубокое знание людей обнаружил он! Как верно рассчитал, что нет лучшей рекламы для набора волонтеров, чем появление на улицах этого маленького кавалерийского отряда.

Волонтеры так и стекались к нему со всех сторон. Не прошло и недели, как Жан Грандье набрал свою сотню Молокососов, самому младшему из которых было четырнадцать, а старшему — семнадцать лет. А так как весь этот народ изъяснялся на какой-то невообразимой тарабарщине, Жан стал искать переводчика, который знал бы английский, французский, голландский языки и хотя бы несколько слов по-португальски.

И он нашел. Это был тридцатилетний бур с длинной волнистой бородой. Мальчики прозвали его «Папашей». На седьмой день эскадрон Молокососов парадным маршем прошел перед домом президента. Президент, с трубкой во рту и в своем неизменном «колпаке», произвел смотр.

Дядя Поль слегка улыбался. Эта улыбка, от которой давно уже отвыкли его губы, походила скорее на растроганную гримасу, на немую ласку, обращенную к юным храбрецам, готовым отдать свою жизнь благородному делу борьбы народа за независимость.

IV

Война — не всегда сражение. — Разочарование. — Обозники и землекопы. — Боевое крещение. — Атака. — Победа. — Песенка Фанфана-Тюльпана становится походным маршем Молокососов. — Сорви-голова и его генерал. — Конец рейда. — Появление Молокососов там, где их меньше всего ждали. — Послание английским судьям.

Осажденный бурами Ледисмит находился тогда почти в полном окружении. Сюда-то в распоряжение генерала Вильжуэна и был доставлен по железной дороге интернациональный эскадрон.

Начало кампании оказалось довольно тягостным для маленькой кавалерийской части и разрушило немало иллюзий молодых людей.

Как известно, всякий доброволец мечтает о подвигах, а в армию идет для того, чтобы драться. И вот первое и довольно жестокое разочарование: сражение на войне — редкость.

Война — это прежде всего нескончаемые походы и переходы, марши, контрмарши и маневры; прибавьте сюда караульную службу, ночные обходы при любой погоде, бессонные ночи, утомление, недоедание и всякого рода лишения; приказы, контрприказы; неизбежную при этом суматоху, — короче говоря, целую кучу вещей, ничего общего не имеющих с боевыми делами и угнетающе действующих на нервы солдата-добровольца.

Война, видите ли, нечто обратное параду, изнанка всего того, что увлекает вас своим блеском.

А в этой войне была и другая неприятная сторона. Известно, что в мирное время буры самый гостеприимный народ; они принимают путника с таким сердечным и щедрым радушием, которое зачастую граничит с расчётливостью.

Но вот что достойно удивления: во время войны с англичанами эти же самые буры холодно, почти с недоверием встречали иностранных добровольцев, стекавшихся к ним со всех концов света.

Ведь они же никого не звали себе на помощь, и потому их как будто удивляли все эти энтузиасты, которые несли им в дар свою жизнь и кровь. Замешательство, с каким они принимали бескорыстное самопожертвование добровольцев, граничило с неблагодарностью.

Что же произошло с Молокососами?

Бурский генерал, принявший Молокососов более чем холодно, не мог придумать для них ничего лучшего, как конвоирование и охрану обозов.

Подумать только! Они, эти одержимые страстью к подвигам юнцы, переплыли океан, проехали тысячи километров, а их обрекли на конвоирование обозов. Занятие, бесспорно, полезное, но весьма прозаическое.

Жан Грандье еще сдерживался, но остальные Молокососы роптали не хуже ворчунов старой гвар-

дии¹. Даже переводчик Папаша, наделенный присущим бурам хладнокровием и крепкими нервами, ругался и клал судьбу на всех четырех языках.

Так шли дни за днями, не принося никаких изменений, если не считать земляные работы, на которые их иногда посылали. Хуже этого нельзя было ничего придумать.

Между тем люди эскадрона все теснее сближались друг с другом. Молокососы знакомились, у них появилось чувство локтя, они начали — о, пока еще очень смутно! — понимать друг друга.

Кроме того, молодые буры, — а их было большинство в эскадроне, — занялись дрессировкой пони и превратили их прямо-таки в ученых животных.

Но вот наконец в тот самый момент, когда у наших сорванцов совсем опустились руки и бедные ребята готовы были пасть духом, внезапно была замечена кавалерийская разведка англичан.

— Враг! Враг! Хаки!.. Там!..

— Где?..

— Направо!..

— Они отрежут нас!..

Все кричали разом и на разных языках. Пони, настрожившись, рыли копытами землю. Молокососы ждали приказа, но приказа не было. И тогда Фанфан, зевака по натуре, не в силах совладать с любопытством, вскочил на пони и поскакал вперед.

За ним последовал второй Молокосос — он тоже сгорал от любопытства, затем еще четверо, потом десять, пятнадцать и наконец весь эскадрон. Ведь это же война, самая настоящая война, с битвой, тут, у них под руками... О нет, этого случая они не упустят!..

Юные безумцы помчались во весь опор, с криком, с гиканьем, думая только об одном — столкнуться с англичанами, ударить по ним.

Сорви-голова, захваченный врасплох, даже не пытался остановить Молокососов или внести какой-то по-

¹ Имеется в виду так называемая старая гвардия Наполеона. Она пополнялась самыми опытными и стойкими солдатами. Их ворчливость вошла в поговорку.

рядок в эту ураганную атаку. Он бешено пришпорил своего коня, вынесся вперед и голосом, покрывшим весь этот гам, командовал:

— Вперед!

Поистине великолепно была эта атака, пускай неожиданная, беспорядочная, но исполненная отчаянной решимости и неистового мужества.

Обычно кавалеристы пользуются при атаке шашкой или пикой, но так как у молокососов не было ни того, ни другого, они мчались на врага, потрясая своими маузерами. Это глупо, это безумно, это нелепо. Пусть будет так. Но именно это и принесло им успех.

Английские кавалеристы — народ нетрусливый и отнюдь не из тех, кого легко захватить врасплох. Обнажив шашки, они ринулись на скачущий врассыпную эскадрон. Сейчас должно произойти страшное столкновение, а сорванцы даже не перестроились согласно законам кавалерийского боя.

Но тут Жан, сохранивший еще кое-какие крохи хладнокровия, за несколько секунд до трагического столкновения прибегнул к последнему средству. Он бросил поводья, мгновенно прицелился, выстрелил и закричал во всю глотку:

— Огонь!.. Целься пониже!..

Папаша проорал этот приказ по-голландски. И началась ожесточенная пальба. Магазины их маузеров были полны. Каждый молокосос успел выстрелить по три раза.

Лошади англичан стали валиться одна на другую вперемешку со своими всадниками. Невообразимый беспорядок мгновенно охватил весь отборный отряд, контратака захлебнулась.

Больше того. Пони Молокососов, не чувствуя натянутых поводьев, понесли. На полном скаку они врзались в английский эскадрон, промчались сквозь его ряды и полетели дальше. Некоторые пони, увязнув в гряде валявшихся коней, поднимались на дыбы и в свою очередь опрокидывались.

Получилась ужасная мешанина из убитых и раненых людей и лошадей. Воздух огласился проклятиями, стонами и предсмертными хрипами.

Но никому не было до этого дела.

Англичане — их было шестьдесят человек — потеряв треть своего состава и предполагая, что за Молокосо-

сами следует другой, более сильный неприятельский отряд, повернули коней и бросились наутек к своим аванпостам. Однако на полдороге они снова наткнулись на тех Молокососов, пони которых пронеслись сквозь строй англичан. Сорванцы, успев перестроиться, опять напали на них с фронта.

Нет спасения от этих одержимых юнцов! Они окружили врагов и, под угрозой расстрела в упор, потребовали, чтобы англичане сдались. И те вынуждены были сдаться.

Потери англичан: тридцать убитых и раненых и почти столько же пленных, которых Молокососы с торжеством повели к своему генералу.

Потери Молокососов: трое убитых, шесть человек раненых и десять искалеченных лошадей.

Вот это война!.. Чудесно!

Сражавшийся с неистовой отвагой Фанфан, который, кроме воинских талантов, обладал красивым голосом, по пути в лагерь громко затянул песенку Фанфана-Тюльпана¹. Его товарищи-французы хором подхватили ее, остальные подпевали вполголоса.

Песня была дьявольски живая и веселая.

— Великолепно! — воскликнул восхищенный ею Жан Грандье. — Это твоя песенка, Фанфан?.. Теперь она станет песней Молокососов.

— Отлично, хозяин, — нашим боевым маршем. Да, черт возьми, вперед! С этой песней ты всегда будешь вести нас к победе... О, простите! Я и позабыл, что вы мой хозяин и благодетель...

— Слушай, Фанфан, ты просто злишь меня своими бесконечными «хозяин» да «благодетель». Хватит! Тут теперь одни товарищи — солдаты, только что получившие боевое крещение. Отныне я ввожу обязательное «ты» между всеми нами... А теперь продолжай свою песенку.

Генерал горячо поздравил отважных сорванцов, когда они привели к нему пленников.

До сих пор он почти не замечал их и теперь не мог прийти в себя от изумления. И действительно, рядом с

¹ Фанфан, по прозвищу Тюльпан — тип французского солдата, созданный народным воображением. Это храбрый и веселый любитель приключений, всегда готовый стать на защиту дела, которое он считает справедливым,

гигантами — английскими кавалеристами юнцы на своих пони выглядели как мартышки, вскочившие верхом на собак.

— Да ведь это же дети, настоящие Melkbaarden (молокососы), — сказал Вильжуэн.

Папаша перевел его слова, а сорванцы воскликнули в один голос:

— Ну и что же! Молокососы, а работали за больших.

— Что же касается вас, — продолжал генерал, обращаясь к Жану, — должен признаться, вы сманиеврировали, как настоящий Temmer van wilde paarden. Но будьте осторожны: во второй раз это может кончиться не столь удачно.

Папаша — переводчик, дойдя до тяжелой, как булыжник, фразы генерала: Temmer van wilde paarden, что означает дословно «укротитель диких лошадей», удачно нашел для нее точный и меткий перевод в чисто французском выражении: «Сорви-голова».

— Сорви-голова? Подходит! Как раз по мне. К тому же меня и в Клондайке так звали.

— Да здравствует капитан Сорви-голова! — воскликнул Фанфан.

Так закончилось это горячее дело.

Молокососы доказали, что они пригодны для более значительных дел, чем конвоирование обозов. Отныне они были зачислены в качестве разведчиков в команду генерала Вильжуэна и проявляли поистине удивительную ловкость, энергию и выносливость на этой тяжелой службе.

Однажды Сорви-голова, задавшийся, казалось, целью оправдать свое многообещающее прозвище, находился в разведке на левом берегу Тугела¹. Не желая подвергать риску своих волонтеров в местности, где на каждом шагу их стерегла смертельная опасность, он действовал тут в одиночку. Как вдруг английские кавалеристы, скрывавшиеся за каким-то холмиком, заметили его и, кинувшись за ним вдогонку, прижали к самому берегу.

¹ Река, у берегов которой происходили сильные бои между англичанами под начальством генерала Уайта и бурами под водительством генералов Кронье и Девета.

Сорви-голова понадеялся на силу своего пони и заставил животное одним прыжком броситься в реку. Англичане не решились последовать за ним, но открыли бешеную пальбу с берега.

До слуха Жана со всех сторон доносились зловещие звуки... то барабанил по воде град преследующих его пуль, и просто чудо, что ни одна из них не задела его.

Но с пони что-то случилось: он стал бить ногами по воде и пошел ко дну, увлекая за собой всадника.

Оторвавшись от седла, Сорви-голова некоторое время держался под водой. Стоило ему, однако, высунуть голову, чтобы глотнуть воздуха, как она превращалась в мишень для англичан. Он снова скрывался под водой, опять выплывал и в конце концов окончательно выбился из сил. Стало трудно дышать, одеревенели руки и ноги. Еще несколько секунд — и отважный юноша пойдет ко дну.

Эту отчаянную борьбу увидел человек, стоявший на другом берегу. Не обращая внимания на пули англичан, направивших теперь на него свой огонь, человек этот бросился в воду, быстро подплыл к Молокососу и подхватил его в то самое мгновение, когда Жан уже терял сознание.

Одна из пуль настигла храброго спасителя, задев его плечо. Не заботясь о ране, оставившей кровавый след на воде, он плыл с удвоенным упорством и, сам почти лишившись чувств, вынес на берег юного командира разведчиков.

Неизвестный, спасший Жана с опасностью для собственной жизни, был не кто иной, как фермер Давид Поттер. Храбрец отнес юношу к себе на ферму, находившуюся в двух километрах от берега, и стал ухаживать за ним с отеческой заботливостью.

Надо ли говорить о том, какую благодарность почувствовал молодой француз к своему спасителю! Выздоровев, он всякий раз, когда выдавалась свободная от службы минутка, приезжал на ферму пожать шершавую руку бурского фермера и отдохнуть несколько часов в тесном кругу его семьи.

Выше мы уже рассказали, при каких страшных обстоятельствах и как трагически оборвалась эта дружба.

Читатель вполне может теперь представить себе, в какую ярость привела капитана Сорви-голова расправа

с его другом и спасителем, совершенная у него на глазах англичанами с утонченной жестокостью, недостойной солдат великой нации.

Он поклялся жестоко отомстить, а клятва, произнесенная таким человеком, как Жан Грандье, не могла остаться невыполненной.

Остальное нам уже известно.

К сожалению, в тот момент, о котором идет наш рассказ, капитан разведчиков был совершенно лишен возможности отомстить членам военного суда за убийство своего друга...

После головокружительного бегства по травянистой степи и хитрых, чисто индейских приемов, с помощью которых они вырвались из почти полного окружения англичан, юный Поль и Сорви-голова с Фанфаном на плечах очутились перед непроходимой чащей колючей мимозы. Они надеялись найти здесь спасение, как вдруг навстречу им и почти в упор раздалась частая пальба. Но что за чудо! Ни одна из пуль даже не задела Молокососов. И это было тем более удивительно, что таинственные стрелки, хорошо укрытые ветками и стволами деревьев, имели полную возможность спокойно целиться.

Зато с полдюжины англичан, подстреленных на расстоянии тридцати метров, как кролики, перекувырнулись в воздухе.

— Будь покоен, хозяин! — воскликнул ослабевший, но неунывающий Фанфан. — Будь покоен! Это друзья!

— Верно! — сказал Сорви-голова. — Верно, это свои. Вперед, товарищи!

Поль бесстрашно полез в чащу, покрытую колючками, за ним последовал Фанфан, и Жан замыкал шествие, подталкивая Фанфана и помогая ему.

Передвигаясь таким образом, они вскоре очутились перед строем гремевших маузеров, из стволов которых то и дело поднимались легкие клубы дыма. Около двадцати юнцов, притаившихся под листвой, встретили их радостным криком:

— Спасены!.. Спасены!..

Сорви-голова узнал в них самых отважных Молокососов. Их появление здесь граничило с чудом.

Тут и Мариус, по прозвищу Моко, и Фриц, и Пьетро, и юные арабы Макаш и Сабир, и Финьоле — юнга, и

три эмигранта — Жан Луи, Жан Пьер и просто Жан, и оба португальца — Фернандо и Гаетано, и шестеро молодых буров — Карел, Элиас, Жорис, Манус, Гюго, Иохим, и другие, лица которых трудно было разглядеть за стволами продолжавших трохотать маузеров.

Да, их было не меньше двадцати человек, и натворить они успели немало.

Кони английских кавалеристов представляли заманчивую мишень для таких метких стрелков, как Молокососы. Чудесно укрытые кустарником, они стреляли без перерыва и укладывали англичан одного за другим.

Что ж! И на этот раз сорванцы остались победителями в схватке с отборным войском ее королевского величества.

Почти все кони англичан уже валялись на земле, когда шести оставшимся в живых кавалеристам пришла в голову спасительная мысль повернуть их назад и помчаться к своим позициям.

Их бегство сопровождалось оглушительным «ура» сорванцов, которые вышли теперь из засады и чуть не задушили в объятиях спасенного ими капитана.

Впрочем, излияния длились недолго, рассказы пришлось отложить: на земле лежали раненые и контуженные, надо было подумать о них.

Сорви-голова направился к тем, которые только что преследовали его с торжествующими возгласами охотников, заметивших, что дичь выбивается из сил, и вообразивших, что уже держат ее в своих руках.

Помимо чувства человечности, еще одно соображение заставило капитана Сорви-голова поспешить на помощь своим врагам.

Его взгляд случайно упал на красивого парня, нога которого была придавлена мертвым конем.

В этом беспомощном «спортсмене» Сорви-голова узнал сержанта, исполнявшего обязанности секретаря суда. Его извлекли из-под коня, и Сорви-голова с удовлетворением отметил, что тот не ранен, а лишь слегка контужен.

— Хотите получить свободу? — без дальних оговорок спросил его капитан Молокососов.

— Конечно, — стараясь соблюсти чувство собственного достоинства, ответил солдат, — если только это не сопряжено с условием, противным моей воинской чести.

— Я слишком уважаю себя и дело, за которое сражаюсь, чтобы не уважать чести обезоруженного врага. И вот чего я требую от вас взамен предоставленной вам свободы: вы должны лично вручить мои письма каждому из членов военного суда, осудившего Давида Поттера.

— Охотно,— ответил англичанин, не ожидавший, что так дешево отделается.

— В таком случае, прошу вас сообщить мне их фамилии.

— Извольте. Председатель — лорд Ленокс, герцог Ричмондский, полковник гайлендеров Гордона. Судьи: Колвилл — майор третьего уланского полка, Адамс — капитан четвертой артиллерийской батареи, Руссел — капитан второй роты седьмого драгунского полка и Харден — капитан первой роты шотландских стрелков.

— Благодарю вас,— ответил Сорви-голова.

Жан Грандьё принадлежал к людям, которые не любят терять времени даром. Тут же достав из кармана бумажник, он извлек оттуда пять визитных карточек и быстро бисерным почерком написал на каждой из них следующие строки:

«Убитый вами ни в чем не повинный Давид Поттер приговорил вас к смертной казни. Я — исполнитель его мести. Где бы вы ни были, моя рука всюду сумеет настигнуть вас.

Вы были безжалостны, я буду таким же. И вы все погибнете.

Сорви-голова».

Надписав на обороте карточек адреса членов военного суда, он вручил их сержанту, сказав:

— Дайте честное слово доставить их по назначению.

— Клянусь честью! Ваши послания будут переданы мною их адресатам.

— Отлично. Вы свободны!

Сражение.— Гайлендеры Гердона и Молокососы.— Огонь! — Истребление офицеров.— Герцог Ричмондский и его сын.— Ожесточенная борьба.— Последний патрон.— Враги повержены! — Великодушные.— Волынычик.— Письмо.— Несчастливая мать.— Победа.

Служба Молокососов — не синекура¹. Из этих сорванцов выработался отборный отряд, в замечательных достоинствах которого с каждым днем все более убеждалось командование.

С ними считались, как со взрослыми, им поручали опасные дела.

Их капитан, недаром получивший свое прозвище Сорви-голова, водил их иногда чуть ли не в пасть к самому дьяволу и умел найти выход из любого положения.

Порой они несли тяжелые потери но это ничуть не уменьшало их энтузиазма.

Мы уже видели, в какой трагической обстановке происходила их разведка в расположении войск английского генерала Джорджа Уайта², явно готовившегося перейти в наступление.

Это если и не бесполезное, то, во всяком случае, преждевременное наступление началось на северо-востоке от Ледисмита, примерно в двадцати трех километрах по направлению к Эландслаагте.

Генерал Вильжуэн, основываясь на подробном докладе Жана Грандье о силах англичан, принял совместно со своим правофланговым соседом, генералом Жаном Коком, все необходимые для отпора врагу меры.

Буры заняли сильные позиции, удачный выбор которых говорил о том, что они мастерски овладели военным искусством. Позиции состояли из цепи пологих холмов, защищенных траншеями и находящихся под прикрытием скал. В густой траве была скрыта целая сеть заграждений из колючей проволоки, о которую

¹ Синекура — должность, дающая хороший доход, но не требующая труда.

² Английский генерал, командовавший группой войск в осажденном Ледисмите.

должен был разбиться боевой порыв наступающих. Там и сям в разбросанных на некотором расстоянии друг от друга передовых окопчиках засели стрелки. Под скалами, позади траншей, притаились бургские пушки, подле них — готовая к бою оружейная прислуга.

Поражала мертвая тишина, нависшая над трансвальскими линиями с их невидимыми защитниками. Словно по мановению руки, люди и кони в поразительном порядке, без шума и суеты занимали приготовленные позиции и вдруг исчезали, будто таяли. Лишь изредка то там, то здесь блеснет вдалеке и тотчас исчезнет бронзовый ствол маузера или покажется на секунду круп лошади, прижавшейся к скале.

Чем не фантазмагория!

Англичане же, наоборот, двигались по открытой степи и согласно всем правилам современной тактики: артиллерия, кавалерия, пехота.

У них замечательные войска, способные выдержать любое испытание, укомплектованные достаточным штатом опытных унтер-офицеров.

Любая великая держава могла бы гордиться такими солдатами. Эти молодцы были совсем неповинны в том, что их послали сражаться за несправедливое дело; не по доброй воле бесстрашно шли они проливать свою кровь, чтобы отнять у ни в чем не повинных людей их самое драгоценное благо — свободу.

Главнокомандующий англичан спешил начать сражение. Не столько ради того, чтобы, разомкнув кольцо осады, обрести свободу движений, сколько потому, что ему, лично ему, дозарезу нужна была победа. Она нужна была ему именно сегодня, и он был готов купить ее любой ценой.

Дело в том, что в Кейптауне уже высадился новый генералиссимус, сэр Редверс Буллер, а сэру Джорджу Уайту необходимо было доказать Англии, что гораздо проще было бы предоставить командование всеми английскими войсками ему, Уайту.

Такова истинная причина этого наступления, столь безумного, что бургские генералы долго отказывались в него поверить.

Из глубины долины донеслись глухие раскаты: английские пушки открыли огонь.

Снаряды, начиненные лиддитом¹, с пронзительным свистом рассекали воздух и, упав среди холмов, взрывались градом стальных осколков и клубами зеленоватого дыма.

Четыре непрерывно гремевшие батареи и колонны англичан, формировавшиеся на ходу, постепенно приближались к холмам.

Пушки буров лениво отвечали на этот скорее шумный, чем опасный, концерт. Их артиллеристы заранее разметили прицельные квадраты и теперь терпеливо ожидали, когда можно будет открыть огонь из всех орудий, чтобы разить врага с близкого расстояния.

Два пехотных полка, поддерживаемые двумя батальонами гайлендеров Гордона, выстроившись по ротам в колонны, приблизились к позиции буров и решительно бросились в атаку.

Генерал Вильжуэн, находившийся недалеко от Молокососов, внимательно следил за движением англичан.

— Безумцы! — воскликнул кто-то из его свиты.

— Храбрецы! — поспешно возразил генерал, отличный судья в вопросах доблести.

Стрелки, залегшие в передовых окопчиках, открыли ответный огонь. Несколько англичан упало.

Пушки неистовствовали; непрерывно шлепались и взрывались снаряды, зеленой пеленой расстилался дым; горнисты трубили в атаку, а шотландские волюнки наигрывали самые боевые свои мотивы...

Плохо защищенная первая линия траншей была взята англичанами без особых усилий.

Шагавшие в авангарде гайлендеры Гордона, опьяненные этим слишком легким успехом, который они приветствовали бурным «ура», гимнастическим шагом бросились вперед, но, запутавшись в сети проволочных заграждений, падали, кувыркались и застревали в таких комических позах, которые при других обстоятельствах вызвали бы смех.

Тогда своим невозмутимо спокойным голосом Вильжуэн скомандовал:

— Огонь!

И поднялась дьявольская пальба.

¹ Л и д д и т — взрывчатое вещество, приготовляемое из смеси пикрилина и пикриновой кислоты.

Привстав немного, Сорви-голова метнул взгляд на своих сорванцов и крикнул:

— Внимание!.. Беречь патроны! Каждому выбрать свою жертву и тщательно целиться.

В то же мгновение по всей линии загрохотали пушки буров, открыв огонь по врагу с дистанции всего лишь в девятьсот метров. На застрявшую в проволочных заграждениях английскую пехоту обрушился ураган снарядов.

Пули поражали солдат одного за другим, ядра косили их целыми рядами.

— Сомкнуть строй!..— командовали английские офицеры, хладнокровие которых ничуть не изменило им среди этой ужасной бойни.

Унтер-офицеры специальными ножницами перерезали проволоку, громче запели горны, с новой силой загнусавили волынки, и волна окровавленных людей с еще большим ожесточением бросились на приступ.

Весь путь англичан был усеян телами убитых и раненых; звуки труб сливались с предсмертными воплями людей, с жалобным ржанием искалеченных коней.

Буры встретили это неистовое наступление с непоколебимым мужеством, которое ничто не могло сломить.

Но вот они покинули один за другим три холма, связанных между собой системой защитных укреплений. Буры выполнили этот маневр в изумительном порядке, без малейшего признака смятения, не оставив врагу ни одного убитого или раненого. Они отошли на заранее приготовленные позиции. Все поле, представлявшее собою подход к этим позициям, было тщательно разграфлено на квадраты, каждый из которых находился на линии прицела бурских орудий.

Таким образом, буры превратили эти позиции в неприступную крепость.

Англичане не поняли, что отступление задумано умышленно, с целью заманить их в засаду, о которую неизбежно должны были разбиться их стойкость и упорство. Они были убеждены, что столь желанная победа уже в их руках, и продолжали наступать.

Молокососы также заняли новую позицию. Она господствовала над широким проходом, куда должны были ринуться наступающие гайлендеры Гордона.

Рядом с капитаном Сорви-голова залег его юный товарищ, Поль Поттер.

Одна и та же мысль промелькнула у них, когда они следили за неистовым натиском гайлендеров Гордона: «Полковник — герцог Ричмондский».

Взгляды юнцов были прикованы к самой гуще битвы, где они надеялись найти герцога. Он чудился им в каждом офицере, по которому они тотчас же открывали огонь.

Но разве можно распознать человека в этой сумятице! В конце концов оба кончили тем, что стали стрелять во всех офицеров без разбора.

— Перебьем всех офицеров-гордонцев! — воскликнул капитан Молокососов. — Тогда-то уж герцог непременно окажется в числе убитых...

— И мой отец будет отомщен! — в неистовом восторге подхватил сын расстрелянного бура.

Вскоре все войско втянулось в драку, мало похотившую на сражение. Никакого руководства. Даже роты потеряли свое боевое единство. В какой-то мере его сохраняли лишь взводы. Большинство бойцов, опьяненных убийством, орудовали каждый на свой страх и риск. Стреляли в упор, схватывались врукопашную. Даже раненые, катаясь в обнимку по земле, давили, душили и кусали друг друга.

В течение какой-нибудь четверти часа буры потеряли двух генералов.

Знаменитый начальник бурской артиллерии Жан Кок, пораженный двумя пулями, в грудь и в бок, испустил предсмертный вздох, воскликнув: «Да здравствует свобода!»

Вильжуэн, тоже раненный в грудь, упал со словами: «Бейтесь до последней капли крови, ребята!»

Утрата этих людей, столь жестокая для дела независимости южноафриканских республик, сопровождалась громом проклятий по адресу англичан.

Последние, впрочем, и так уже дорого заплатились: почти весь офицерский состав англичан был истреблен. На земле распростерлись тела трех полковников, пяти майоров, одиннадцати капитанов и двадцати шести лейтенантов. Часть из них были убиты, другие ранены.

Из четырнадцати офицеров второго батальона гордонцев уцелели только двое. Один из них казался неуязвимым, несмотря на то что выделялся среди всех своим ростом и блестящим мундиром. Находясь все время в первых рядах, он руководил атакой, спланивал лю-

дей, вел их на приступ, подбадривая примером собственного мужества.

Этот офицер — герцог Ричмондский.

Под ним пало уже три коня, он служит мишенью для пятисот стрелков, и все же он остается живым и невредимым, без единой царапины, под стальным дождем снарядов.

Теперь он бился пешим, так как под рукой не осталось ни одного свободного коня. Рядом с ним дрался горделивый юноша, вернее, мальчик, судя по внешности, принадлежащий к аристократии, в мундире младшего лейтенанта Гордоновского полка. У него то же, что и у полковника, несколько высокомерное мужество, то же презрение к смерти и, наконец, ярко бросающееся в глаза внешнее сходство.

Очевидно, это отец и сын.

Время от времени, не прекращая ни на секунду выполнять свой долг солдата, герцог бросает на сына взгляд, один из тех красноречивых, хотя и беглых, взглядов, в которых можно прочесть и страх за его жизнь, и восхищение его мужеством.

Сын уже не первый раз бросается вперед, чтобы прикрыть своим телом отца и начальника.

Но полковник неизменно отстраняет его жестом и кричит:

— На место, Патрик! Вернись к своим людям! Воинский долг прежде всего!

Младший лейтенант тоже невредим. И это также чудо, ибо пули словно ножом раскроили в нескольких местах его мундир.

В левой руке у него револьвер, в правой — тяжелая шотландская сабля со стальной рукояткой.

В жаркой схватке боя он сталкивается лицом к лицу с капитаном Сорви-голова. Англичанин и француз, сме-рив один другого взглядом, бросаются друг на друга. Маузер без штыка — единственное оружие француза. Он прицелился и на расстоянии четырех шагов спустил курок. Но в пылу боя он и не заметил, что израсходовал все патроны своего ружья, не оставив даже одного, на крайний случай. Курок щелкнул с сухим треском.

Англичанин тоже выстрелил; это был его последний заряд. Он стрелял почти в упор и все-таки промахнулся.

Капитан Молокососов схватил свой маузер за ствол и, замахнувшись им, как дубиной, обрушил бы смер-

тельный удар на голову шотландца, если бы тот не парировал его саблей. Стальное лезвие разлетелось в куски. Все же шотландцу удалось смягчить удар. Скользнув по его плечу, приклад маузера ударился о землю и разбился у самой казенной части.

Молодые люди, вскрикнув от бешенства, бросили обломки оружия и схватились врукопашную. Их силы равны, равно и ожесточение. Они падают, вскакивают, снова падают на землю, катаются по ней, крепко обхватив и стараясь задушить друг друга.

Вдруг Сорви-голова заметил на земле обломок только что разбитой им сабли. Рискуя искалечить руку, Жан схватил его и, замахнувшись им, как кинжалом, крикнул:

— Сдавайтесь!

— Нет! — зарычал офицер, бешено отбиваясь.

Жан ударил его острием клинка и снова крикнул:

— Сдавайтесь!.. Да сдавайтесь же, гром и молния!

— Ни за что! — истекая кровью, отвечал шотландец.

Видя, что сын упал, полковник поспешил к нему на помощь с поднятой саблей. Казалось, сейчас он рассечет голову капитана Молокососов, который в иступлении, ничего не замечая, все наносил и наносил противнику ожесточенные удары.

Но юный Поль Поттер спас своего друга.

Этот изумительно хладнокровный подросток в течение всего боя предусмотрительно и спокойно пополнял патронами магазин своего маузера. Он узнал полковника и, взревев от радости, прицелился и выстрелил.

Однако в тот самый миг, когда Поль спустил курок, волынщик, не перестававший наигрывать боевой марш гайлендеров Гордона, бросился вперед, чтобы заслонить собой своего начальника.

Это был красивый семнадцатилетний малый с румяным лицом, почти мальчик, как и большинство участников этой страшной драмы. Пуля, пронзив его навывлет немного выше сердца, угодила полковнику прямо в грудь.

Несчастный волынщик уронил свой инструмент и, зажав рукой рану, хрипло простонал:

— О, мама... бедная моя мама! Я умираю... Я знал, что это случится...

В то же мгновение герцог Ричмондский зашатался и, взмахнув руками, опрокинулся навзничь.

— Прощай, Патрик!.. Прощай, мой любимый!..— с усилием вымолвил он.

Еле дышавший Патрик сквозь красный туман в залитых кровью глазах увидел, как упал его отец. Отчаянным усилием он вырвался из рук Жана Грандые, поднялся на одно колено и тут заметил юного Поля, ружье которого еще дымилось.

Голосом, прерывающимся от рыданий, он воскликнул:

— Да будь ты проклят, убийца моего отца!

— Он убил моего! — ожесточенно возразил юный бур.

Но Патрик уже не слышал: кровавая пелена все гуще застилала его взор, прерывалось дыхание, и он упал без чувств к ногам капитана Молокососов.

Ярость Жана Грандые мгновенно угасла. Победенный противник был для него всего лишь страждущим человеком, душевные и физические раны которого священные. Сорви-голова тотчас же кликнул санитаров.

Они прибежали и, оказав первую помощь раненому, уложили его на носилки.

Снова слышались жалобные стоны умирающего волынищика. Слабеющим голосом он звал свою мать; похолодевшими уже руками он достал из кармана еще не запечатанное письмо и, протянув его Полю, пробормотал:

— Моей бедной маме... отправьте умоляю вас...

— Клянусь! — ответил юный бур, в глазах которого блеснули слезы.

— Благодарю...— прошептал умирающий.

Кровь двумя алыми струйками брызнула из его пронзенной груди, на губах показалась пурпурная пена, глаза остекленели, и все тело содрогнулось в предсмертной конвульсии.

— Письмо... мама...— в последний раз пробормотал он коснеющим языком.

И, сжав кулаки, вытянулся и умер.

На этом участке борьба окончилась поражением шотландцев. Остатки гордонцев стали поспешно отступать.

Буры, гуманность которых, проявленная во время этой войны, завоевала им всеобщую симпатию, поспешили оказать помощь раненым. Сорви-голова влил Патрику в рот несколько капель спирта. Шотландец вздрог-

нул, открыл глаза, узнал своего противника и, прочитав у него в глазах бесконечное сострадание, схватил его за руку и тихим, как дыхание, голосом произнес:

— Что с отцом?

— Пойду узнать... Сейчас вернусь.

Сорви-голова побежал к месту сражения и, найдя полковника среди груды тел, заметил, что тот еще дышит. Он поручил его санитарам, а сам уже собирался вернуться к Патрику, чтобы сообщить ему, что отец его жив и надежда на его выздоровление еще не потеряна, когда раздавшееся поблизости рыдание заставило его оглянуться. Он увидел Поля, который, стоя на коленях возле тела волышника, читал посмертное письмо шотландца к матери.

— Н-а, прочти,— сказал Поль, увидев Жана Грандье.— Как это ужасно!..

И Сорви-голова, взяв из его рук письмо, прерывающимся от волнения голосом прочитал:

«Под Ледисмитом, 23 ноября 1899 г.

Милая мамочка, сегодня не ваша очередь, сегодня я должен бы писать отцу. Но я не могу не писать вам, потому что какое-то предчувствие говорит мне, что это последнее мое письмо. Не понимаю, что со мной происходит; я здоров и чувствую себя превосходно. Но прошлой ночью я видел страшный сон... Мне кажется, что завтра буду убит. Так тяжело на душе, и сердце ноет... Только что я выходил из палатки — стоит чудная ночь. Я глядел на синее ясное небо, на яркую звезду над моей головой и подумал, милая мама, что она смотрит сейчас и на вас, и мне захотелось тоже взглянуть на вас...

Если бы вы только знали, что здесь творится!.. На днях возле меня в окопе упал один солдат моей роты. Он не умер сразу; осколок снаряда попал ему в живот. О, как страшно было смотреть на него!.. Он рыдал, умоляя врача прикончить его, чтобы избавить от страданий, и даже сам доктор не мог удержаться, чтобы не сказать: «Воистину проклятая штука война!»

И знаете, дорогая мама, мне очень не хотелось бы умереть такой смертью. Я думаю, вам было бы очень больно, если бы вы узнали об этом. Я хотел бы умереть побыстрее, чтобы не слишком долго страдать.

Но будьте покойны: что бы ни случилось, я честно исполню свой долг до конца. И хотя мне очень жаль покинуть вас, я все же счастлив, что отдал свою жизнь за нашу королеву и Великобританию.

Прощайте же, милая мама, крепко вас целую.

Джимми».

— И это я убил его! — дрожащим от слез голосом сказал юный бур.— Как ужасно! Сердце разрывается... И все-таки где-то в глубине души я чувствую, что только исполнял свой долг.

— Верно, Поль, и ты выполнил его с честью,— ответил Сорви-голова, указав рукою на отступавшие по всей линии английские войска.

Королевская армия разбита. Ее потери — две тысячи человек и двенадцать пушек. Бессовестные политики, рыцари разбоя и наживы, развязавшие эту войну, могут быть довольны!

Грохот сражения сменился мертвой тишиной. Англичане, потерпевшие еще одно поражение, в беспорядке отступили в Ледисмит. Буры укрылись в своих неприступных укреплениях, с замечательным искусством возведенных вокруг Ледисмита. Это был своего рода укрепленный лагерь, охраняемый выдвинутыми вперед «патрулями»¹.

В лагере закипела мирная жизнь. На скорую руку исправляли всякие повреждения, чистили орудия, перевязывали раненых коней, чинили разорванную одежду, подлечивали раны. С невозмутимым спокойствием люди готовились к новой битве.

Под защитой холма, прикрывающего их от снарядов, вытянулись четыре большие палатки, над которыми развевался белый флаг с изображением красного креста.

Это бурский походный госпиталь.

В каждой палатке до сотни раненых — буров и англичан, причем последних вдвое больше. Все они лежат кто на маленьких походных койках, кто на носилках, а кто и прямо на земле. Примиренные одинаковыми страданиями, буры и англичане относятся теперь друг к другу без всякой вражды.

¹ Охранение буров, вообще поставленное крайне небрежно, поручалось мобильным кавалерийским отрядам, так называемым «патрулям». В «патруле» насчитывалось до сотни человек.

Все раненые перемешаны здесь по-братски: рядом с бородатыми, заросшими до самых глаз бурами — королевские стрелки атлетического сложения, краснощекие юноши и рослые шотландские горцы, отказавшиеся сменить свой национальный костюм на форму хаки¹. Бледные, исхудавшие, потеряв много крови, они мужественно подавляют стоны, боясь, очевидно, уронить жалобами свое национальное достоинство.

VI

Бурский походный госпиталь.— «Современные ранения».— Доктор Тромп.— «Гуманная пуля».— Об одном оригинале.— На войне идут умирать всегда одни и те же.— Чудесные исцеления.— Последствия ранений осколками.— Душа англичанина.— Непризнанные герои.— Ночной выстрел.

И среди всех этих страдальцев бесшумно сновали скромные ловкие женщины, исполненные сочувствия к несчастным и желая помочь им. Они разносили чашки с укрепляющим бульоном, сосуды с разведенной карболовой кислотой, компрессы.

Это жены, матери и сестры бойцов, покинувшие фермы, чтобы идти вместе с близкими им людьми на войну. С одинаковым самоотвержением ухаживали они не только за своими, но и за теми, кто угрожал их жизни и свободе.

Ждали доктора. В одну из палаток вихрем влетел Жан Грандье в сопровождении своего неразлучного друга Фанфана. Хотя юный парижанин еще прихрамывал и волочил ногу, он был счастлив, что не числился уже больным. А в ожидании того дня, когда, оправившись окончательно, он смог бы вернуться к своей суровой службе разведчика, Фанфан взялся за работу санитаря полевого госпиталя.

Взгляд капитана Молокососов тотчас же устремился к двум койкам, стоявшим рядом в центре палатки. На одной из них лежал герцог Ричмондский, на другой — его сын.

¹ Шотландские горцы вместо брюк носят короткую юбочку-шотландку.

Герцог, казалось, умирал. Из его груди вырывалось тяжелое дыхание, бледный, как полотно, он сжимал руку с отчаянием глядевшего на него сына.

Сорви-голова, быстро подойдя к ним, снял шапку и сказал молодому человеку:

— Простите, я запоздал. Я прямо с дежурства. Как себя чувствуете?

— Неплохо... Вернее, лучше... Благодарю. Но мой бедный отец... Взгляните!

— Доктор сейчас придет. Он обещал мне заняться вашим отцом в первую очередь. Я уверен, он извлечет пулю.

— Благодарю вас за участие! Вы благородный и честный противник. От всего сердца благодарю вас! — сказал молодой шотландец.

— Ба! Есть о чем говорить! На моем месте вы, наверное, поступили бы так же.

— Судя по вашему произношению, вы — француз?

— Угадали.

— В таком случае, мне особенно дорого ваше дружеское расположение. Вы даже не представляете себе, как мы с отцом любим французов! Однажды вся наша семья — отец, сестра и я — очутились в страшном, прямо-таки отчаянном положении. И французы вырвали нас буквально из объятий смерти.

— А вот и доктор! — воскликнул Сорви-голова, тронутый доверием, оказанным ему его вчерашним противником.

Они оглянулись на вошедшего. Это был человек лет сорока, высокий, сильный, ловкий в движениях, с чуть обозначившейся лысиной, со спокойным и решительным взглядом; плотно сжатые губы его оттенялись белокурыми усами. За спиной у него висел карабин, а на пояском ремне — туго набитый патронташ. Всем своим видом он походил скорее на партизанского главаря, чем на врача. Ни галунов, ни нашивок, ни каких бы то ни было других знаков отличия.

Голландец из Дортрехта¹, ученый-энциклопедист и замечательный хирург, доктор Тромп после первых же выстрелов в Южной Африке прибыл в Оранжевую республику и вступил добровольцем в армию буров. Он мужественно сражался в ее рядах вместе со своими братьями — бурами, а в случае необходимости превра-

¹ Город в Голландии, на реке Мерведе, притоке Мааса.

щался во врача. Добрый, человеколюбивый, самоотверженный, он страдал только одним недостатком — был неисправимым болтуном. Впрочем, недостаток ли это? Он действительно по каждому поводу мог разразиться целым потоком слов, но мысли его были настолько интересны, что все его охотно слушали.

Доктор достал из подвешенного под патронташем холщового мешка свои медицинские инструменты, быстро разложил их на походном столике и сразу же потерял свой воинственный вид.

Со всех сторон к нему неслись теплые слова приветия; вокруг него хлопотали санитарки. Одна принесла ему воды, в которую он погрузил губку, другая зажгла большую спиртовку. Добродушный доктор улыбался направо и налево, благодарил, отвечал на приветствия, мыл руки и приговаривал:

— Раствор сулемы! Превосходное антисептическое средство!.. Я к вашим услугам, Сорви-голова... Так. Отлично. Теперь оботрем губкой лицо.

Прокалив затем на спиртовке свои инструменты, он направился к полковнику.

Раненые, лежавшие поближе, заворчали.

— Терпение, друзья! Позвольте мне прежде сделать операцию этому джентльмену. Кажется, он при смерти...

У превосходного врача была своеобразная манера преподносить больным горькие истины.

С помощью Жана Грандье и Фанфана он усадил раненого на кровати, поднял его рубашку и, обнажив торс, воскликнул:

— Великолепная рана, милорд! Можно подумать, что я сам нанес ее вам, чтобы мне легче было ее залечить. Нет, вы только взгляните! Третье правое ребро точно резцом проточено. Ни перелома, ни осколка! Одно только маленькое отверстие диаметром в пулю. Затем пуля прошла по прямой через легкое и должна была выйти с другой стороны. Нет?.. Куда же она, в таком случае девалась? Странная история... Ба! Да она застряла в середине лопатки. Сейчас я извлеку ее... Потерпите, милорд. Это не больнее, чем когда вырывают зуб. Раз... два... Готово!

Глухой хрип вырвался из уст раненого; конвульсивным движением он до боли сжал руку сына.

Из раны брызнула сильная струя крови, и одновременно раздался тихий свистящий вздох.

— Чудесно,— продолжал хирург,— легкое освободилось... Дышите, полковник, не стесняйтесь!

Офицер глубоко вздохнул, в его глазах появилась жизнь, щеки слегка порозовели.

— Ну как, легче теперь, а?

— О да! Гораздо легче.

— Я так и знал!.. Ну, что вы теперь скажете, Сорви-голова? А? Терпение! Немного терпения, ребята...

Он говорил без умолку то по-английски, то по-голландски, то по-французски, но делал при этом все же гораздо больше, чем говорил. Обратившись к шотландцу, он произнес:

— Через три недели вы будете на ногах, милорд. Видите ли, эта маузеровская пуля — прелестный снарядец, и притом же чистенький, как голландская кухарка. Благодаря своей огромной скорости — шестьсот сорок метров в секунду — он, как иголка, проходит через живую ткань, не разрывая ее. Ничего общего с этим дурацким осколочным снарядом, который все рвет и ломает на своем пути. Нет, решительно, маузеровская пуля очень деликатная штука... словом, а *gentlemanly bullet*¹.

И неумолчный говорун, ни на секунду не прерывая потока слов, вставил в отверстия, пробуровленные пулей при ее входе и выходе, большие тампоны гигроскопической ваты, пропитанной раствором сулемы, затем наложил на них обеззараживающие компрессы и закончил очередную перевязку словами:

— Вот и все! Диета? Супы, молоко, сырые яйца, немного сода-виски... А через восемь дней — ростбиф, сколько душа запросит. Благодаря вашей крепкой конституции у вас даже не повысится температура.

И, не дожидаясь благодарности, этот чудак крикнул: «Следующий» — и перешел к другому больному.

— А вы, Сорви-голова и Фанфан, за мной!

Молодой лейтенант, изумленный этим потоком слов, но еще более восхищенный счастливым исходом дела, нежно обнял отца. А доктор и его случайные помощники продолжали обход.

На каждом шагу им приходилось сталкиваться с необычайно тяжелыми на вид ранениями. Современная баллистика² словно глумилась над современной хирургией.

¹ Джентльменская пуля (англ.).

² Баллистика — наука о движении снарядов.

Четыре дня назад один ирландский солдат во время стычки на аванпостах был поражен пулей, попавшей ему в самое темя. Пуля пронзила мозг, нёбо, язык и вышла через щеку. Положение раненого считалось безнадежным.

В той же стычке другой ирландец был ранен в левую сторону головы. Пуля прошла через мозг и также вышла с противоположной стороны¹.

— Ну, что вы на это скажете, молодые люди? — с гордостью воскликнул доктор. — В былые времена, при старинном оружии, головы этих молодцов разлетелись бы, как тыквы. А деликатная, гуманная маузеровская пуля сумела нежно проскочить сквозь кости и мозговую ткань, причинив моим раненым только одну неприятность: временно лишив их способности нести боевую службу.

— Сногсшибательно! — воскликнул Фанфан, не веря своим ушам.

— Изумительно, — согласился Сорви-голова.

— Через две недели они будут здоровы, как мы с вами! — торжествовал доктор.

— И даже без осложнений? — спросил Сорви-голова.

— Даже без мигрени! — ответил доктор. — Я, впрочем, опасаюсь, как бы один из них не стал страдать страбизмом.

— То есть, попросту говоря, не окосел?

— Да, да, вот именно — не окосел. Именно так.

— Но какой же тогда смысл воевать, если мертвые воскресают, а убитые, восстав, получают возможность биться с новой силой? — изумился Жан.

— Напротив, раз уж наша идиотская и звериная цивилизация не в силах избавиться от такого бича, как война, надо, по крайней мере, сделать это бедствие как можно менее убийственным. В чем, в конце концов, цель войны? На мой взгляд, — в том, чтобы вывести из строя возможно большее количество воюющих, а не в том, чтобы уничтожить их. Значит, вовсе не надо уничтожить все и всех, чтобы одержать победу. Достаточно помешать в течение некоторого времени противнику драться, остановить его наступление, уменьшив количе-

¹ Об этих двух случаях, как, впрочем, и о других, не менее удивительных, рассказывает знаменитый английский хирург Мак-Корнек. (Прим. автора.)

ство его солдат. Таким образом, приобрело бы реальность фантастическое изречение одного ворчуна-генерала: «На войну идут умирать всегда одни и те же».

— А вот еще более удивительный случай! — воскликнул хирург, исследуя одного шотландского солдата.

— Да разве он ранен, доктор? — удивился Жан.

Солдат спокойно потягивал свою трубку и, казалось, чувствовал себя совсем неплохо. На его шее зияла рана, нанесенная «гуманной» пулей.

Пуля вошла чуть повыше левой ключицы в то время, когда гордонец, в ожидании атаки, лежал, прижавшись к земле.

Доктор принялся искать «выходное» отверстие и нашел его немного повыше правого бедра, в двух сантиметрах от подвздошной кости.

— Смотрите-ка! — восхищенно воскликнул он. — Пуля пробилась себе дорогу через легкие, брюшину, кишки, через таз и, наконец, через подвздошную кость. Таким образом, этот бравый горец прошит ею сверху донизу, сзади и спереди. Тут уж нам и вовсе нечего делать...

— Значит, он обречен? — печально спросил Сорвиголова.

— Напротив! Встанет на ноги без малейшего хирургического вмешательства, которое только повредило бы ему. Постельный режим. Диета: супы, сырые яйца, сода-виски и, разумеется, трубка, раз уж он такой курильщик. Продолжайте в том же духе, мой мальчик, и поправляйтесь. Следующий!

У этого поражена была печень.

— Тут нам тоже нечего делать. Иначе говоря, вмешательство излишне. Постельный режим, антисептика и поначалу легкая пища... Рана в пояснице? Такое же лечение. Ранение желудка? И в этом случае ничего другого рекомендовать не могу.

И при этом доктор каждый раз неизменно добавлял:

— Отлично. Все идет как по маслу. Быстрое и верное излечение.

Но вот он подошел к группе буров, лежавших на матрацах прямо на земле:

— Черт возьми, вот это мне уже не нравится!

Их было пятеро. Изуродованные, окровавленные, искалеченные, они без малейшего стога переносили ужасные страдания.

Это были жертвы крупнокалиберного английского снаряда, который попал в кучку солдат и, разорвавшись, убил наповал десять человек. Эти — единственные оставшиеся в живых. Но, боже, в каком они состоянии!

Растерзанные мышцы, раздробленные кости, разорванные сосуды — страшное месиво из мяса, обломков костей, тряпья и сгустков запекшейся крови. Вид этих несчастных был так страшен, что у Фанфана и Сорви-головы сжалось сердце.

Даже доктор утратил свой дар красноречия и умолк; несмотря на профессиональную выдержку, он был не в силах скрыть волнение.

Один, лишь с помощью Фанфана и Жана Грандье, исполненных усердия, но близких к обмороку от жалости и страха, доктор приступил к своей работе.

Что за ужасная работа! Он ампутировал конечности, резал живое тело, рылся в нем в поисках осколков или разорванной артерии, накладывал швы. Ему приходилось теперь иметь дело с огромными повреждениями, трудность излечения которых увеличивалась неизбежными осложнениями. Прибавьте к этому два потрясения: шок, причиненный ранением, и шок, вызванный самой операцией. Они ослабляют больного и уменьшают силу сопротивления организма, этого могущественнейшего помощника хирургии. А тут еще сильная потеря крови, вконец истощающая раненого.

Как долго тянулись и как мучительны были эти операции, производившиеся без наркоза! Но бесстрашные буры со свойственным им мужеством стойко переносили все страдания.

Закончив тяжелые операции, доктор Тромп направился к младшему лейтенанту, терпеливо ожидавшему своей очереди. Его левая ключица была надломлена ударом, который нанес ему Сорви-голова прикладом маузера; не действовала рука; грудь была исполосована глубокими ранами, нанесенными обломком сабли, превратившимся в руках капитана Молокососов в опасное оружие.

Доктор тщательно промыл раны обеззараживающим раствором и наложил тугую повязку, чтобы воспрепятствовать проникновению в них болезнетворных микробов. Затем, покончив наконец с печальными обязанностями врача, он вскинул на плечи свой карабин, нацепил на поясной ремень патронташ и уже готов был вновь на-

носить с помощью маленькой «гуманной пули» человеколюбивые раны, которыми он так восхищался, исцеляя их.

Сорви-голова и младший лейтенант гайлендеров сразу же почувствовали взаимную симпатию, несмотря на то, что во время первого своего знакомства они, мягко выражаясь, так неучтиво обошлись друг с другом.

Оба молодые, почти мальчики, в высшей степени храбрые и прямые, они были решительными противниками во время битвы. Но их благородным натурам чужда была и ненависть оскорбленного самолюбия, и низкая злоба расовой вражды. Отвага одного возбудила в другом лишь чувство уважения. Теперь уже не существовало ни англичанина, ни француза-бура, ни победителя, ни побежденного, а были двое отважных юношей, ставших друзьями.

Прошло около недели.

Ежедневно в свободное от службы время Сорви-голова часами просиживал у изголовья раненого, который встречал его неизменной улыбкой и дружеским рукопожатием.

Патрику становилось лучше, точно так же как и его отцу, хотя выздоровление последнего шло гораздо медленнее, чем предсказывал слишком уж оптимистически настроенный доктор.

Сорви-голова приносил им новости, стараясь чем только можно облегчить участь пленников. В дружеской беседе незаметно шло время. Патрик рассказывал о своих приключениях в Индии, Жан — о том, что пережил в стране «Ледяного ада». Все это — к немалому возмущению Поля Поттера, непосредственная и простая натура которого никак не могла примириться с этой дружбой между вчерашними смертельными врагами.

Ненависть к завоевателям пылала в душе юного бура с той же силой, как и в первый день их вторжения. Это чувство патриота обострялось еще ненавистью к убийце его отца. Ничто не могло ни смягчить, ни тронуть его. Затаив в душе мщение, он шел к намеченной цели, не сворачивая, и сожалел лишь о том, что пуля, уложившая волынщика, не покончила также и с полковником.

Неудивительно поэтому, что в его отношениях с начальником появился заметный холодок. А в душе его зрел мрачный план мести герцогу Ричмондскому.

Офицеры-шотландцы, в свою очередь, не могли понять, как это Жан Грандье, образованный и богатый человек, мог до такой степени увлечься борьбой каких-то мужиков южноафриканских республик за свою независимость.

Однажды Патрик, желая объясниться, со своей обычной прямоотой спросил Жана:

— Вы ненавидите Англию?

— Нисколько. Англия — великая страна, и я восхищаюсь ею. Но теперь она ведет несправедливую войну, и потому я сражаюсь против нее.

— Но это наше внутреннее дело: мы подавляем бунт в своей стране.

— Отнюдь нет. Буры не являются подданными Англии, следовательно, их нельзя рассматривать как мятежников.

— Не будем играть словами, — возразил Патрик. — Южноафриканские республики находятся в самом центре сферы английского влияния, и мы считаем, что они составляют неотъемлемую часть королевских владений.

— Но, черт возьми, тут я не согласен с вами!

— Напрасно! Они наши на том же основании, что и Бечуаналенд¹, и Родезия², и Капская земля³, и Англо-Египетский Судан⁴, и другие аннексированные империей территории. И разве буры не такие же дикари? Это тупые крестьяне, безграмотные в своей массе, отказавшиеся от благ современной цивилизации, нравственно и физически нечистоплотные люди, закосневшие в своих примитивных способах производства... Да, да, повторяю, — дикари, вернее, белые, вернувшиеся к первобытному состоянию. Мы, англичане, ставим их не выше

¹ Бечуаналенд — страна в Южной Африке, находившаяся под английским протекторатом. Коренное население — бечуаны, племена кафров.

² Северная и Южная Родезия, или Британская Замбези, — бывшие английские владения в Южной Африке и в бассейне реки Замбези.

³ Капская земля — бывшая английская колония в Юго-Западной Африке.

⁴ Находился в совместном управлении Египта и Англии. Теперь независимое государство.

краснокожих, или арабов, или каких-нибудь кочевников Центральной Азии...

При этих словах Сорви-голова вспыхнул, потом побледнел и готов уже был взорваться и выложить собеседнику начистоту свое возмущение, однако сдержался и, решив юмористически парировать этот выпад, ответил добродушным тоном:

— Но, милейший, эти дикари пользуются электричеством, строят железные дороги, у них есть типографии, они производят современное вооружение... Забавные дикари, не правда ли? Думаю, что они неплохо выглядели бы и в Европе, хотя бы, например, в вашей Ирландии! А?.. Что же касается главы этих «дикарей» — президента Крюгера, то князь Бисмарк ставил его куда повыше биржевых спекулянтов, этих вождей европейских сиуксов¹. А Бисмарк разбирался в людях!

— О, Крюгер! Бесхвостая макака!.. Шут, еще более смешной и нелепый, чем его изображают карикатуристы.

— А буры находят, что он самый прекрасный человек обеих республик, как и вы, вероятно, видите в своей королеве Виктории самую прекрасную женщину Соединенного королевства. Охотно присоединяюсь к обоим суждениям: старый бур и старая английская леди прекрасны, как полубоги, но каждый в своем роде.

Этот меткий ответный удар так точно попал в цель, что ни отец, ни сын не нашли слов для возражения.

После неловкого молчания полковник обрел наконец дар речи.

— Все это только слова, мой юный друг,— задумчиво произнес он,— одни слова. Война — страшная вещь, и тот, кто начинает ее, должен быть неумолим. Мой сын прав: буры — бунтовщики и дикари, и мы должны уничтожать их как бунтовщиков и дикарей. Мы пришли сюда не для того, чтобы сентиментальничать. Мы сражаемся здесь за самое существование Британской империи, и последнее слово в этой войне скажем мы, хотя бы ради этого нам пришлось принести в жертву двести тысяч человеческих жизней и потратить двести миллионов фунтов стерлингов.

Сорви-голова вторично был вынужден подавить свое негодование.

¹ Сиуксы — племя североамериканских индейцев.

Он как бы воочию увидел пропасть, которая отделяла его от джентльмена, только что обнажившего перед ним всю свою высокомерную, эгоистическую и жестокую душу английского аристократа. Жан вдруг почувствовал такой приступ возмущения, что голос его задрожал:

— Не говорите так, милорд! Посмотрите, как добры и человечны к пленным эти патриоты, которых вы хотите уничтожить. Они усердно ухаживают даже за вами, несмотря на то что вы так безжалостно поступили с фермером Давидом Поттером.

— Это был мой долг председателя военного суда, который я готов исполнить снова хоть завтра.

— Вы снова приказали бы убить, почти без суда и следствия, патриота, лишить семью супруга и отца только потому, что он защищал свою жизнь и свободу?

— Без колебания! В полном соответствии с волей ее величества королевы, желающей завоевать и окончательно присоединить к своим владениям обе республики.

Сорви-голова вскочил, готовый на решительный отпор. Его остановил чей-то крик, раздавшийся извне.

— Ты никого больше не убьешь, английский пес!

Угроза была произнесена дрожащим от ярости голосом. Капитану разведчиков показался знакомым этот юношеский голос.

Очевидно, кто-то подслушивал их разговор, стоя за тонкой полотняной стеной палатки.

Сорви-голова поспешно вышел, не сказав ни слова, отчасти для того, чтобы узнать, кто кричал, но больше с целью прервать этот возмущавший его разговор.

— Не сердитесь же! — крикнул ему вдогонку Патрик. — Все это ничуть не относится к вам. Лично вас мы глубоко уважаем. А угрозы мы не боимся. Каждый бур в этом лагере отлично знает, как жестоко поплатятся за убийство герцога Ричмондского буры, находящиеся у нас в плену.

Но до капитана Сорви-голова не дошел смысл этих слов.

В ушах у него шумело, лицо пылало от негодования. Машинально он обошел вокруг большой прямоугольной палатки, в которой помещался госпиталь, но никого не встретил.

Незнакомец, подслушивавший разговор, исчез. Тем не менее наблюдательный Сорви-голова увидел резко

выделявшееся на белизне полотна черное пятно, словно нанесенное углем.

Возможно, это было старое, не замеченное раньше пятно. Да и теперь оно бросилось ему в глаза только потому, что, как показалось Жану, пятно это находилось у того места палатки, где стояли кровати полковника шотландцев и его сына. Впрочем, Жан не придал никакого значения этому открытию, весьма существенному для герцога, которого Жану не суждено было больше увидеть.

Вечером того же дня Сорви-голова ушел на ночное дежурство с десятью Молокососами. С ними должен был идти и Поль Поттер. Однако юный бур, всегда добросовестно исполнявший свои воинские обязанности, почему-то не явился на перекличку. Это случилось с ним впервые.

Было около десяти часов вечера. Над обоими лагерями нависла тишина. Сквозь дымчатые облака струился мягкий свет луны.

Вдруг из ложбины, прикрывавшей госпиталь, выскользнула какая-то безмолвная тень и быстрым, решительным шагом направилась к палатке, в которой спали полковник и его сын.

Человек шел босиком, вероятно, для того, чтобы не шуметь, и с ружьем на перевязи. Подойдя к палатке, он оглянулся и, убедившись, что никто не следит за ним, остановился у черного пятна, несколько часов назад замеченного капитаном Сорви-голова.

Он достал из кармана нож и с бесконечными предосторожностями, не спеша, нитку за ниткой, стал разрезать толстую ткань палатки. Когда образовалось отверстие, достаточное, чтобы просунуть сквозь него руку, он заглянул внутрь палатки, освещенной тусклым светом ночников. Как раз против него стояла кровать, покрытая той клетчатой материей, из которой делается военная форма шотландцев.

Легкая дрожь пробежала по телу полуночника, когда он узнал мужественное лицо крепко спавшего полковника.

Обнаженная голова шотландца находилась всего в тридцати сантиметрах от полотна.

Без малейшего колебания незнакомец просунул в отверстие ствол своего ружья, приставил его к голове полковника и твердой рукой спустил курок.

Грянул выстрел, удушливый пороховой дым поплыл по палатке.

Поднялась невообразимая суматоха, и сестры милосердия, прибежавшие на крики испуганных больных, увидели младшего лейтенанта гордонцев бьющимся в жестокой истерике у тела своего отца, распростертого на кровати с пробитой головой...

VII

О том, к чему приводит излишняя бдительность.— Слишком сильное увлечение разведкой.— Пленник.— У англичан.— Известность, которая доставляет неприятности.— Неожиданные последствия некоторых писем.— Два члена военного суда.— Что понимают англичане под выражением «подколоть свинью».— Варварское обращение.— Генерал.— Великодушный враг.— «Вольно!»

В то время, когда так трагически погиб полковник герцог Ричмондский, Сорви-голова стоял на часах у самого переднего края.

Буры — храбрые, но беспечные воины — были плохими сторожами и разведчиками. Впрочем, дисциплина вообще не пользовалась особенно большим уважением в этой скроенной по-семейному армии. Приказы командиров выполнялись спустя рукава, а часовые были далеки от сознания лежащей на них огромной ответственности, которое свойственно дозорным европейских армий.

Трудно поверить, но именно наши юные сорванцы лучше всех справлялись с этой нелегкой задачей. Их бдительность никогда не ослабевала. И начальники бывали спокойны, когда ночная охрана бурского лагеря поручалась Молокососам.

В тот вечер Сорви-голова, который, подобно истому сыну могикан, смотрел во все глаза, заметил в зоне, разделяющей передовые линии обеих воюющих сторон, какие-то медленно движущиеся серые тени. Луна скрылась за облаками, стало темно.

Капитан Молокососов решил разобраться, в чем дело.

Лучше всего, конечно, пойти самому и посмотреть. Средство верное, но рискованное. Можно как раз угодить под перекрестный огонь буров и англичан.

И все же Сорви-голова отправился, взяв с собой юнгу Финьоле, бура Иориса, итальянца Пьетро, порту-

гальца Гаетано и креола из Реюньона. Все шестеро скинули маузеры, которые стесняли бы их движения во время разведки, оставив при себе только револьверы.

И вот они поползли, сдерживая дыхание, с чисто кошачьей ловкостью обходя малейшие препятствия.

Они продвинулись таким образом на триста-четыре-ста метров, когда Сорви-голова, находившийся впереди, различил шагах в двадцати от себя какую-то темную массу. Вглядевшись, Жан убедился, что ему навстречу, распластавшись на животе, ползет человек. Легкий, еле слышный шелест выдавал каждое его движение.

Благоразумие требовало от Жана Грандье сомкнуть линию разведки и поднять тревогу. Разведчик должен по возможности избегать боя.

Но попробуйте говорить о благоразумии с парнем, который на каждом шагу так и ищет случая оправдать свое энергичное и славное прозвище.

«Английский разведчик! — мелькнуло в голове Жана. — Я в два счета подцеплю его и возьму в плен.»

Сорви-голова поднялся, в несколько гигантских прыжков очутился возле английского разведчика, бросился на него и что есть сил сдвинул в своих объятиях. Но что за чудо!.. Его пальцы ощутили лишь пустоту, вернее, рыхлую грубошерстную ткань, по всей вероятности. Одеяло. Однако вместе с тем он почувствовал и сопротивление.

Что-то невидимые руки тянули к себе одеяло, очевидно, за привязанные к нему бечевки.

— Меня провели! — прошептал Сорви-голова, постигший наконец легкомысленность своего поведения.

Увы, провели не его одного! Его товарищи точно также, как и он, полонили вместо вражеских разведчиков тряпье.

Но к чему эта уловка?

Только для того, чтобы заманить их, взять в плен и напасть затем на бурских часовых, мирно дремавших с трубкой во рту.

Все произошло в несколько секунд.

Два взвода англичан — о, эти не скрывались! — окружили капитана Молокососов и его товарищей, схватили и повалили их, прежде чем они успели крикнуть.

Насмешливый голос сказал по-английски:

— Эти юные болваны попались на удочку.

Полузадушенный Сорви-голова зарычал от бешенства.

— Молчание или смерти! — приказал тот же голос. — Вперед, и без шума!

Сорви-голова понял грозившую бурам опасность. Во что бы то ни стало, надо предупредить их, поднять тревогу, хотя бы ценой собственной жизни.

Подобно рыцарю Д'Ассасу¹, он ни минуты не колебался.

Отчаянным усилием он вырвался из рук солдата, сжимавшего его горло, и пронзительно закричал:

— Тревога!.. Тревога!.. Англичане!..

Солдат занес саблю над его головой и непременно рассек бы ее, если бы Сорви-голова не уклонился. В то же мгновение он выхватил свой револьвер, и, выстрелив в упор, убил солдата. Потом, чувствуя, что все равно пропал, Жан крикнул насмешливо:

— Не вышло! Испорчен сюрприз, господа англичане!.. Навсегда запомните эту последнюю шутку, которую сыграл с вами Сорви-голова!

Он сделал было попытку выпустить во врагов еще несколько оставшихся в револьвере пуль, чтобы как можно дороже продать свою жизнь, но множество рук уже схватили его. В то же мгновение десятки здоровенных кулаков обрушились и на других Молокососов.

Жана, вероятно, прикончили бы тут же, если бы до чьих-то ушей не дошло так гордо брошенное им слово: «Сорви-голова».

— Не убивайте его! Это Брейкнек!² Тому, кто приведет его живым, обещано двести фунтов! — завопил кто-то истошным голосом.

¹ Рыцарь Д'Ассас, офицер Овернского полка, прославился своим подвигом (некоторые источники приписывают этот подвиг простому сержанту Дюбуа). Это случилось в 1760 году, в ночь перед сражением при Клостеркампе. Д'Ассас пошел в разведку в соседний лесок, где был схвачен вражескими солдатами, которые, приставив к его груди штыки, угрожали ему смертью, если он поднимет тревогу. Повинуясь долгу солдата, Д'Ассас крикнул во всю силу своих легких: «Ко мне, овернцы, тут враги!» Д'Ассас (или сержант Дюбуа) был немедленно заколот штыком. Но французская армия была предупреждена, избежала внезапного нападения и в разыгравшемся поутру сражении одержала победу над ганноверцами.

² Breakeck (англ.) — Сорви-голова.

Жану повезло, он оказался счастливей героя Клостеркампа: он жив и знает, что принесенная им жертва не оказалась напрасной,— буры услышали его крик и выстрел.

В бурском лагере уже протрубили тревогу. Мгновенно ожили окопы, загрели выстрелы, загудели большие пушки... Ночная атака была отбита.

Зато Сорви-голова и его товарищи попали в плен. Навсегда умолкли креол из Реюньона и молодой итальянец Пьетро. Один только капитан Брейкнек, как называли англичане Жана, мог самостоятельно передвигаться; остальные были в таком состоянии, что их пришлось нести.

Вот они уже в английском лагере. По тому, как часто повторялось его имя английскими солдатами, капитан Молокососов понял, что он пользуется тут столь же почетной, сколь и опасной популярностью.

Пленников побросали как попало в каземат, стены которого были выложены, словно блиндаж, железнодорожными рельсами, и заперли, не дав ни корки хлеба, ни глотка воды.

Бедные сорванцы провели тяжелую ночь; их мучила жажда, они истекали кровью и задыхались. Сорви-голова утешал и подбадривал товарищей, насколько это было возможно, но, несмотря на все старания, так и не смог перевязать их раны в этой крошечной тьме.

Наконец наступил день. Разумеется, он облегчит их участь!

Первым из каземата извлекли капитана Сорви-голова. Его привели к офицеру.

Судя по форме доломана цвета хаки, на эполетах которого вышиты две золотые звезды, это был драгунский капитан. С нескрываемой проницательностью он разглядел капитана Молокососов, которого окружили четыре английских солдата, прямые, как деревянные истуканы, и надменные, как истые англичане.

Вдоволь наглядевшись, драгунский капитан без дальних околичностей приступил к допросу:

— Так, значит, вы и есть тот самый француз, известный под именем «Сорви-голова», командир интернационального отряда юных волонтеров?

— Да, это я! — гордо ответил Жан Грандье, глядя прямо в лицо офицеру.

Офицер зловеще улыбнулся, расстегнул свой доломан, вынул из внутреннего кармана небольшой бумажник и достал оттуда сложенную вдвое визитную карточку.

С нарочитой и насмешливой медлительностью он разогнул ее и, поднеся к глазам Жана Грандье, произнес:
— Значит, вы — автор этого фарса?

Сорви-голова узнал одно из писем, которые он разослал после смерти Давида Поттера пяти членам военного суда.

Он напоминал в этом письме, что бур приговорил к смерти своих судей, а он, Сорви-голова, исполняя последнюю волю своего друга, поклялся истребить их всех.

Слово «фарс» прозвучало в ушах Сорви-головы как пощечина. Он покраснел и крикнул:

— Этот фарс кончится вашей смертью!

— Я капитан Руссел,— продолжал, улыбаясь, офицер,— командир второй роты седьмого драгунского полка. Как видите, осужденный на смерть чувствует себя неплохо.

— Поживем — увидим,— без признака смущения ответил Жан.

— Милый мой французик, вы настоящий хвастун. Советую вам прекратить эти шутки. Вам не удастся взбесить меня, честное слово! Скорее вы добьетесь кнута.

— Человека, голову которого оценили в двести фунтов, не наказывают кнутом... Между прочим, моя голова стоит гораздо больше. Кроме того, я — солдат и требую, чтобы со мной обращались, как подобает обращаться с пленным воином. Я убил столько ваших людей, что вполне заслуживаю такого обращения.

Офицер слегка побледнел, закусил ус и, перестав наконец улыбаться, отрывисто, точно пролаял, крикнул:

— Нужная информация! Отвечайте! Отказываться не советую. Все равно заставим.

— Спрашивайте!

— Сколько буров против наших линий?

— Восемь дней назад их было вполне достаточно, чтобы побить вас, хотя вас было во много раз больше.

Офицер побледнел еще сильнее.

— Сколько у вас ружей? — продолжал он.

— Маузеров? Не знаю. Но ли-метфордов¹ около тысячи: мы отобрали их у ваших солдат.

— Последний вопрос: что стало с герцогом Ричмондским и его сыном?

— Я лично приказал перенести этих двух тяжело раненных джентльменов в бурский госпиталь. Теперь они вне опасности.

— Достаточно. Вы отказались ответить на два первых вопроса, и я вынужден передать вас в распоряжение Колвилла — майора третьего уланского полка.

Это имя заставило молодого француза вздрогнуть.

Колвилл! Еще один из убийц Давида Поттера.

Сорви-голова, не скрывая ненависти, пристально взглянул на вошедшего Колвилла. Это был длинный, как жердь, сухопарый и желчный англичанин с высокомерным и жестоким выражением лица. Жан поклялся самому себе никогда не забыть его, если только удастся вырваться из этого осинового гнезда.

— Дорогой мой Колвилл, позвольте представить вам мистера Сорви-голова, небезызвестного вам нашего будущего палача.

— Вот как! — презрительно ответил майор. — Тот самый мальчишка, который осмелился послать офицерам ее величества свои идиотские и оскорбительные письма? Ну что же, теперь пришла наша очередь позабавиться.

— Клянусь, — пробормотал Руссел, — не хотел бы я очутиться в шкуре этого хвастунишки, над которым Колвилл собирается позабавиться.

Майор поднес к губам свой хлыст, рукоятка которого оканчивалась свистком.

На пронзительный зов свистка прибежал уланский сержант.

— Макссуэл, — процедил сквозь зубы Колвилл, — забери-ка этого парня и можешь позабавиться со своими товарищами игрой «подколем свинью».

«Pigsticking» — свирепая игра английских улан, которые любили предаваться ей, заменяя свинью пленниками «нижней расы».

Но никогда еще, насколько известно, белый человек не служил объектом этого варварского развлечения. Бедному Жану предстояло стать первой жертвой глум-

¹ Ли-метфорд — название ружья, бывшего на вооружении английской армии того времени.

ления, которое вскоре распространилось на многих пленных буров.

Услышав передававшийся из уст в уста призыв «rigsticking», десятка два улан схватили свое оружие и вскочили на коней.

Жана поставили лицом к полю, на котором выстроился взвод сержанта Максуэла.

Майор Колвилл, желая продлить удовольствие, приказал одному из пехотинцев:

— Дать ему ранец!

Передавая Жану военный ранец, солдат, более человечный, чем его начальник, шепнул:

— Защищайся им, как щитом. Главное, не бойся и старайся парировать удары.

Вокруг столпились офицеры всех родов оружия, с любопытством ожидая зрелища, жестокость которого не может сравниться ни с чем.

Прозвище «Сорви-голова» не сходило с их уст, но произносилось оно без ненависти, скорее с оттенком сочувствия, к которому примешивалась известная доля уважения.

— Сорви-голова!.. Так это Сорви-голова?.. Бедный парень!

— Смотрите, да он совсем и не боится. Ну и храбрец!

— Хотите пари, Руссел? — предложил майор. — Ставлю десять фунтов, что этот мошенник пустится наутек, как лисица от гончих, и его с одного маху подколют чуть пониже спины.

— Идет! — смеясь, ответил драгунский офицер.

Взвод стоял в двухстах метрах.

— Колоть! — проревел сержант. — Вперед!

И взвод помчался бешеным галопом...

На Жана Грандье несся ошетилившийся пиками, сзеркавший сталью смерч людей и коней.

Сорви-голова заслонил ранцем грудь и, крепко упершись расставленными ногами в землю, ждал удара.

И удар не заставил себя ждать. Ужасный удар!

Сорви-голова почувствовал, что его буквально подбросило в воздух, он два или три раза перекувырнулся и тяжело рухнул на землю.

Его левое плечо было изодрано, правая рука сильно кровоточила. Но все же ранец отвел и ослабил удары, направленные в грудь.

Под крики «ура» уланские кони молнией пронеслись мимо, даже не задев Жана.

— Вы проиграли, Колвилл! — воскликнул капитан Руссел. — Этот мошенник ведет себя неплохо.

— Подождем, — с холодной ненавистью ответил майор.

Оглушенный падением и тяжело дыша, Сорви-голова с трудом встал и поднял свой разодранный ранец.

Он был намерен бороться до конца, а уланы не теряли даром времени: проделав быстрый поворот, взвод перестроился.

Снова раздалась команда сержанта:

— Колоть! Вперед!..

Первоначальное сострадание сменилось у них нездоровым любопытством. Вид крови пробуждал в человеке зверя.

Сорви-голова выпрямился усилием воли и крикнул:

— Трусые! Подлые, низкие трусы!.. — и снова упал, сбитый сокрушительным ударом.

Против всяких ожиданий, ранец и на этот раз защитил его. Впрочем, уланы сами, рисуясь своим мастерством, старались попадать пикой только в импровизированный щит. Все, что было за ранцем, для них не существовало, они видели в Жана лишь осужденную на казнь жертву.

Несчастный мальчик совсем разбит. Одежда его изорвана в клочья, тело изранено. Он едва поднимается. Его ноги дрожат и подгибаются, его налившиеся кровью глаза потускнели, а шум в ушах заглушает ироническое «ура» англичан. Ослабевшие руки уже не в силах поднять защищавший его до сих пор ранец.

Он понял, что все для него кончено, что спасения нет: сейчас он будет растоптан безжалостным зверьем. Но у него хватило еще силы выпрямиться, скрестить на груди руки и с гордо поднятой головой, мужественно повернуться лицом навстречу уланскому взводу.

Мысленно он простился с жизнью, которая до сих пор так улыбалась ему, и послал последний привет своей сестре и своей горячо любимой родине, которую ему не суждено было больше увидеть.

И когда в третий раз прозвучала команда сержанта: «Вперед!» — он ответил на нее возгласом:

— Да здравствует Франция!.. Да здравствует свобода!..

Пригнувшиеся к шеем коней уланы проскакали уже половину расстояния, отделявшего их от Жана. Еще несколько секунд — и омерзительное преступление совершится.

Но вдруг какой-то всадник на всем скаку врезался между уланами и их жертвой. Это был один из тех замечательных наездников, при виде которых невольно вспоминается легенда о центаврах¹.

Всадник поднял хлыст и повелительно выкрикнул те слова, которые с равным успехом заставляют атакующих остановиться, а толпу — успокоиться:

— Стоп!.. Ни с места!..

Увидев генерала, — ибо всадник был английским генералом, — уланы так круто осадили коней, что те, вздыбившись, едва не опрокинулись вместе с наездниками.

Остановив своего скакуна в четырех шагах от пленника, генерал привстал на стремянах и оказался на целую голову выше смешавших свои ряды кавалеристов. Красный от гнева и отчеканивая слова, каждое из которых хлестало, как пощечина, он прокричал:

— Подлецы! Подлые трусы, позорящие английский мундир! Какой офицер разрешил это гнусное дело?.. Отвечайте, сержант!

— Майор Колвилл, — произнес Максуэл, превозмогая страх.

— Прислать его ко мне! Немедленно!

Сорви-голова окровавленной рукой отдал честь генералу. Тот в свою очередь поднес к козырьку каски пальцы, затянутые в перчатку, и, увидев перед собой мальчика, спросил его невольно смягчившимся голосом:

— Кто вы?

— Француз на службе бурской армии, — ответил пленник, держась почтительно, но с большим достоинством.

— Ваше имя?

— Жан Грандье, по прозвищу Сорви-голова, капитан разведчиков.

— Так, значит, это вы и есть знаменитый Брейкнек?.. Поздравляю! Вы храбрец!

¹ Центавры, или кентавры, по греческой мифологии, — народ, живший в Греции. Изображались в виде человека, сросшегося с туловищем лошади.

— Такая похвала, и к тому же из ваших уст, генерал... Я смущен и горжусь ею!

— Вы так молоды! Право же, любого пленника вашего возраста я тут же отпустил бы на свободу. Любого, да... Но вы слишком опасный противник и слишком много причинили нам неприятностей. Я оставляю вас в качестве военнопленного, но вы будете пользоваться всеми привилегиями, каких заслуживает столь храбрый враг.

Вконец обессиленный и оглушенный, Сорви-голова с великим трудом пробормотал несколько слов благодарности и тут же, страшно побледнев и мягко осев на землю, потерял сознание.

— Отнести этого юношу в госпиталь! — приказал генерал. — Я требую, чтобы о нем хорошо позаботились. Я сам присмотрю за этим. Слышали?.. А, вот и вы, майор Колвилл! За жестокую расправу с военнопленным — пятнадцать суток строгого ареста. Сержант, командовавший «pigsticking», лишается своего звания и переводится в рядовые уланы. Все уланы взвода назначаются на пятнадцать внеочередных полевых караулов. Вольно!

VIII

В вагоне.— На крейсере.— На рейде Саймонстауна.— Бегство.— Преследуемый акулами.— Лестница подземного хода.— Серое платье, белый передник и судки с провизией.— Оригинальное бегство.— Коттедж и англичанка.— Служанка на все руки.

Капитану Сорви-голова было нанесено много ран, но ни одна из них не оказалась тяжелой. После пятнадцати дней лечения в госпитале почти все они зажили. Приказ спасшего его генерала строго выполнялся, благодаря чему в течение двух недель Жан был предметом особого внимания врачей, что, разумеется, немало способствовало его быстрому выздоровлению. В душе поднявшегося с постели Жана навсегда осталось чувство бесконечной благодарности к великодушному джентльмену.

Теперь в качестве военнопленного Сорви-голова разделял участь трехсот буров, плененных в начале осады Ледисмита. Присутствие их в осажденном городе представляло немалую обузу для коменданта города, ибо несмотря на бдительный надзор, буры то и дело бежа-

ли, рискуя жизнью. Для большинства беглецов дело кончалось трагической смертью. Зато те, кому удавалось ускользнуть, доставляли осаждавшим важнейшие военные сведения.

К тому же питание пленных значительно уменьшало запасы пищи гарнизона. И если бы осада, как все предвещали, затянулась, это обстоятельство неизбежно сократило бы продолжительность сопротивления. Поэтому высшее командование распорядилось эвакуировать всех здоровых военнопленных в Наталь¹, а затем на Капскую землю.

В то время кольцо окружения было еще не столь плотным, и поезда могли время от времени пробиваться в Дурбан.

Хотя Колензо, наиболее важный в военном отношении пункт, и обстреливался бурской артиллерией, но все же находился пока в руках англичан, и мост через Тегелу мог еще служить для передвижения легких составов.

От Ледисмита до Дурбана около двухсот километров.

Несчастных пленников разместили в товарных вагонах, приставили к ним достаточное количество солдат-конвоиров — и в путь! Путешествие было рассчитано на один день. Однако, ввиду жалкого состояния железных дорог, переезд длился два дня. Двое суток без хлеба и воды, в вагонах, набитых людьми, как бочка сельдями. Пленные не имели возможности выйти оттуда ни на минуту. Подумай, читатель: ни на минуту!

Легко представить себе, в каком состоянии находились все эти несчастные, разбитые усталостью, стонавшие от голода и жажды и задохнувшиеся в насыщенных зловонием вагонах, тогда как англичане, удобно разместившись в блиндированных вагонах, ели, пили и шумно веселились.

Так различно складываются судьбы народов, разьединенных чудовищем, имя которому война!

В Дурбане английские власти приступили к мытью пленников и очистке вагонов. Делалось это очень просто: в вагоны направили рукава мощных насосов, служивших для мойки кораблей в доках, и стали обильно

¹ Наталь — бывшая английская колония на восточном берегу Южной Африки.

поливать водой все и всех. Насквозь промокшие, ослепленные сильнейшими струями хлеставшей по ним воды, буры отбивались, падали, фыркали, как жалкие тонущие собаки.

Но гигиена — прежде всего!

А теперь обсушивайтесь, как хотите.

А вот и еда. Огромные котлы, наполненные густой массой протухшего и полусырого риса. Ложек не полагалось. И хотя пленные вынуждены были черпать это отвратительное месиво прямо руками, они глотали его с такой жадностью, которая лучше всяких слов говорила о перенесенной голодовке.

— Плохое начало, — ворчал Сорви-голова. — Профессия пленника меня мало устраивает, и, разумеется, я тут не заживусь.

Пленных связали попарно и теми же веревками прикрепили последовательно одну пару к другой, так что весь конвоируемый отряд имел вид индейской цепочки¹.

Практичные люди эти англичане!

Наконец, несчастным объявили, что их посадят на военный корабль, стоявший на рейде, и повели.

Все население города сбежалось посмотреть на пленных. Люди тесными рядами стояли по обеим сторонам дороги.

Как страшен был путь побежденных среди враждебной и насмешливой толпы! Ее жестокость не знала пощады: оскорбления так и сыпались на бедняг, горькая участь которых должна бы, казалось, вызывать в людях святое чувство сострадания.

Потом под палящими лучами жаркого солнца, от которого трескались губы и, словно кипящий котел, дымилось мокрое платье, пленников стали размещать по шаландам. Когда последние были битком набиты, мрачный караван тронулся в путь и скоро подплыл к крейсеру «Каледония», стоявшему под парами на рейде.

Наконец-то можно будет хоть немного отдохнуть, растянуться где-нибудь, поспать, избавиться от голода и от оскорблений конвоиров.

Не тут-то было! Опять нумерование, опять переключ-ка, опять «куча мала» в бронированной башне, без воз-

¹ Американские индейцы в походе выступают один за другим, как бы связанные, не изменяя ни на одну пядь положенного в таких случаях расстояния.

духа, без света, где виднеются лишь смутно вырисовывающиеся жерла пушек, нацеленных на живую массу людей.

Протяжно завывала сирена, заскрипела якорная цепь, раздалось монотонное сопенье винта. Началась килевая и боковая качка, эти неизбежные предшественники морской болезни.

«Каледония» со скоростью акулы неслась по волнам бурного Индийского океана; буры, заключенные в башне, рыдали, как дети. Этим простым людям, никогда не видавшим моря, казалось, что их навсегда отрывают от родной земли и осуждают на вечное изгнание.

А «Каледония», немилосердно дымя, все плыла и плыла, разрезая волны и пожирая милю за милей. Она держала курс на Саймонстаун — морской форт в восьми милях к югу от Кейптауна.

От Дурбана до Саймонстауна тысяча четыреста километров. Сорок восемь часов пути, быть может, еще более тяжелого, чем переезд по железной дороге.

По прибытии крейсера на рейд пленных разместили на четырех понтонах¹, стоявших на якоре в трех милях от берега. А разгруженная «Каледония» снова взяла курс на Дурбан.

Сорви-голова и шестьдесят других пленных буров были интернированы на понтоне «Террор»².

Настоящий ад было это судно, необыкновенно метко названное. Войдите — и вам покажется, что вы в больнице, но в больнице, где нет ни сиделок, ни докторов, ни лекарств.

Грязная клетка, до отказа набитая людьми. Их тела покрыты ранами, по которым ползают насекомые. прибавьте к этому невыносимую жару, от которой можно сойти с ума, и питание, отпускаемое лишь в количестве, необходимом для «поддержания жизни». Прелестная формула, изобретенная англичанами. Под ней подразумевается паек, достаточный только для того, чтобы не дать пленнику умереть с голоду.

Как это экономно! И другое преимущество: ослабевшие от голода люди не могли бежать. Они мерли, как

¹ Понтон — старое судно, обращенное в плавучую тюрьму, или плоскодонная лодка для наведения временных мостов и перевозки грузов в порту.

² Террор — по-английски ужас, страх.

мухи. «Тем хуже для них!» Похороны были недолгими. Открывали орудийный люк и, недолго думая, бросали тело в залив, воды которого кишели акулами.

«Тем лучше для акул»,— смеялись англичане.

Уже через сутки Сорви-голова почувствовал, что не в силах больше терпеть грубого обращения, голода, вшей, жалкого вида товарищей по заключению, ослабевших, безжизненных, похожих скорее на призраков, чем на людей. Он твердо решил покончить со всем этим. Утонуть, быть расстрелянным, съеденным акулами — и то лучше, чем это медленное и мучительное умирание.

Он поделился своим планом с некоторыми больными товарищами. Однако те не решились одобрить его. План Жана показался им слишком рискованным. «Террор» стоял на якоре посередине залива в шесть миль шириной. Значит, до берега было по крайней мере три мили.

Хороший пловец и мог бы, пожалуй, доплыть, несмотря на акул, на часовых и на сторожевые суда, всегда готовые погнаться за ним. Но как проникнуть в Саймонстаун? В этом городе, представляющем собою одновременно военный порт, арсенал и судостроительную верфь, кажется, нет такого уголка, который не охранялся бы со стороны моря.

Но Сорви-голова не колебался. Будь что будет! В ближайшую же ночь он бежит.

Товарищи отдали ему веревку, похищенную где-то одним из пленных, у которого в первые дни заключения не хватило решимости бежать, а теперь не было на это сил.

Наступила ночь. В башне, едва освещенной двумя походными фонарями, было темно.

Сорви-голова разделся донага и ремнем привязал за спину свою одежду: штаны, куртку, шляпу, шерстяную фуфайку. Башмаки он не взял.

Кабельтов, привязанный к одному из передних пушечных люков, свешивался до самой поверхности моря. Стояла непроглядная тьма. Часовые, полагавшиеся на слабость узников, а еще того больше на акул, заснули.

Сорви-голова простился с товарищами, которые окружили его и не переставали восхищаться его силой и отвагой. Он смело подошел к люку и взялся за кабельтов, чтобы соскользнуть вниз.

— Who goes there?¹ — раздался над самой его головой окрик часового, стоявшего на баке.

Казалось бы, элементарное благоразумие должно было заставить Жана Грандье вернуться в башню и переждать несколько минут.

Куда там! Он с такой быстротой скользнул по стальному тросу, что содрал кожу с ладоней, и при этом у него не вырвалось ни одного крика, стога или даже вздоха.

Часовой услышал всплеск воды, но, подумав, что это резвятся акулы, снова задремал.

Теплая, насыщенная солью вода, будто серная кислота, обожгла ободранные руки беглеца.

«Ничего, соль обеззараживает раны», — подумал, ныряя, Жан с тем изумительным присутствием духа, которое никогда не покидало его.

Он проплыл под водой около двадцати саженей, потом вынырнул, набрал воздуха и снова ушел под воду.

Бр-р!.. Под ним, над ним, во всех направлениях тянулись и пересекались длинные фосфорические полосы. Акулы! Не очень, правда, крупные и не очень проворные, но сколько же их было тут, этих невероятно прожорливых бестий!

Беглецу вспомнился совет побольше барахтаться, вертеться, дрыгать ногами и, наконец, в тот самый момент, когда акула повернется брюхом вверх, чтобы схватить его, нырнуть поглубже. И он вертелся что было мочи, дрыгал ногами, барахтался. Но кругом стояла такая темень, что разглядеть акул, этих морских гиен, не было никакой возможности; об их присутствии говорила лишь фосфоресценция.

Были минуты, когда он холодел от страха, чувствуя прикосновение плавника или слыша, как лязгают зубы хищника. Но ничего! Еще одно тяжелое переживание, еще одна ложная тревога — смерть и на сей раз промахнулась!

Проплыть три мили — это не шутка для мальчика шестнадцати с половиной лет, да к тому же едва оправившегося от ран и изнуренного двумя мучительными переездами — сначала в вагоне для скота, потом в бронированной башне крейсера. Тем более, что все последние дни он почти ничего не ел, теперь же его преследо-

¹ Кто идет? (Англ.)

вала целая стая акул, а морская вода, разъедавшая его израненные руки, причиняла невыносимо острую боль.

И все же наш храбрый Сорви-голова бесстрашно плыл вперед. Трудно было дышать, ломило все тело, волны то и дело опрокидывали его, ударяя по тюку с слеждой, который он, как улитка свою раковину, тащил на спине.

Ничего! Мужайся, Сорви-голова! Еще каких-нибудь четверть часа — и ты спасен. Крепись же, черт побери! Гсродские огни приближаются. Самое трудное уже позади.

Ну и молодчина этот капитан Молокососов!

Трудности и опасности только умножали его мужество. К несчастью, чтобы спастись от ожесточенно преследующих его акул, ему приходилось прибегать к довольно неритмичной гимнастике, и эти беспорядочные движения вконец истощили его силы.

Он ушел под воду и хлебнул изрядную порцию морской воды. О, только не это, Сорви-голова! Он тут же перестает барахтаться, координирует свои движения и снова продвигается вперед.

Опять ушел под воду. Опять глотнул соленой воды. Закашлялся. Сперло дыхание. Отяжелели ноги...

«Неужели конец? — подумал мужественный юноша. — Скверная штука!.. А впрочем, это все же лучше заточения!»

Бум! То загредел и отдался по воде пушечный выстрел, сопровождаемый вспышкой огня. В то же мгновение вспыхнули электрические прожекторы на кораблях и в форту. По воде забегали широкие полосы света, эти своеобразные бинокли кораблей. Стало светло, как днем.

Неужели конец? Такой героизм — и все напрасно.

Нет, это еще не конец.

В ту самую минуту, когда Сорви-голова уже считал себя погибшим, он почувствовал под ногами твердую почву. Его затуманенные глаза смутно различили в темноте за прожектором, светлый луч которого застыл посреди гавани, какую-то темную массу.

То была цель скал, выступавших из воды почти на уровне моря.

Ух! Он вылез и растянулся на них, чуть живой, и, зарывшись из предосторожности в густые водоросли, тут же заснул мертвым сном. Заснул под грохот пушек,

под ослепительными лучами электрических прожекторов. Казалось, пушки гремели, а прожекторы светили во славу его мужества.

Когда он проснулся, было совсем светло. Но морские водоросли отлично скрывали его. Он чувствовал себя менее утомленным, чем ожидал, но умирал от голода.

Кругом царила удивительная тишина. Раздвинув мягкие стебли водорослей и оглядевшись, Жан убедился, что нашел пристанище у самого основания форта Саймонстаун. Он лежал у подножия крепостной стены и так близко к ней, что его невозможно было увидеть ни через бойницы, ни даже с вышки форта.

Но как утолить волчий голод, от которого пучит живот и бурчит в кишках?

К счастью, тут было множество устриц. Под все заглушавший шум прибоя Жан стал разбивать камнем раковины и с неутолимой жадностью глотал одну устрицу за другой. Этот оригинальный завтрак длился до десяти часов. И неудивительно, если принять во внимание голод беглеца, род пищи и способ ее приготовления.

Насытившись, он снова уснул под благодетельным покровом морских растений. О, всего на каких-нибудь три часа! Небольшой послеобеденный отдых.

Потом, осмелев от царившей вокруг и ничем не нарушаемой тишины, Сорви-голова облачился на всякий случай в свое промокшее платье и приступил к разведке, желая запечатлеть в уме топографию местности, откуда ему придется выбираться ночью. Внезапно он провалился по самые плечи в яму под фундаментом крепости и тотчас же ощутил под ногами высеченную в стене лесенку, которая круто поднималась вверх до самой потерны¹.

«А что, если взобраться!» — подумал Сорви-голова.

На первый взгляд эта мысль может показаться безумной. Однако чаще всего бывает так, что самые дерзкие замыслы наиболее легко осуществляются. С наступлением сумерек он окончательно решился.

¹ Потерна в крепостных сооружениях — тайный проход, соединяющий крепость с внешними, расположенными за крепостным валом укреплениями. Потерной называется также галерея, перекинутая через крепостной ров в крепость. Буссенар использует слово «потерна» в его двух значениях — галереи и прохода.

Поднимаясь медленно и осторожно, он дошел до потерны и с изумлением заметил, что она не заперта. В нее можно было проникнуть по проходу, в стене которого оказалось окно в форме бойницы. Из-за окна доносился звон посуды. Очевидно, это была кухня или столовая, а может быть, кладовая.

Сорви-голова заглянул в бойницу и увидел пустое помещение, которое, в свою очередь, через полуоткрытую дверь сообщалось с другой комнатой, откуда, собственно, и доносился звон стаканов и тарелок.

На подоконнике стояли наполненные какой-то едой судки. Рядом висело серое домашнее платье и белый передник. Одежда, очевидно оставленная здесь служанкой.

У капитана Сорви-голова мелькнула нелепая, а быть может и гениальная мысль. Он схватил платье, влез в него прямо в своей мужской одежде, взял в руки судки и решительно толкнул дверь. На все это у него ушло гораздо меньше времени, чем у нас на описание.

Он очутился в узкой открытой галерее, затем вышел на небольшую площадку, охранявшуюся часовым, и, низко опустив голову, прошмыгнул мимо него.

— Как вы сегодня торопитесь, мисс Мод,— заметил ему вдогонку часовой.

Округлые щеки, свежий цвет и женственные черты юношеского лица Жана — все это при сумеречном свете ввело солдата в заблуждение.

Жан пошел вперед, обходя строения, пересек широкий двор, проскочил через ворота на подъемный мост и удачно проскользнул мимо другого часового, который крикнул ему вдогонку:

— Good night, miss Maud!¹

И вот с сильно бьющимся сердцем, сам не веря в свое освобождение, он уже шагает по улице. Если бы не боль в ладонях, с которых содрана кожа, все было бы прекрасно. Он превратился в известную всему гарнизону мисс Мод, платье которой надежно защищало его от подозрительных взглядов.

Кроме того, в его распоряжении оказался изрядный запас съестного, достаточный, чтобы накормить целый взвод английских солдат.

¹ Спокойной ночи, мисс Мод! (Англ.)

Он шел наобум; единственной его целью было поскорее выбраться из военной зоны, оставить позади все ее строения.

Скоро он вышел на широкую улицу, застроенную по обеим сторонам домами. Очевидно, это было предместье Саймонстауна. Послышались свистки паровозов и лязг вагонов.

Где-то поблизости находился вокзал. А он все шагал и шагал, преследуемый поднимавшимся из судков вкусным, щекочущим ноздри запахом.

«А не присесть ли пообедать? — подумал он. — Мой желудок уже давно успел позабыть об устрицах, и я голоден, как акула».

Он находился невдалеке от одинокого коттеджа, окруженного легкой проволочной изгородью, у подножия которой пышно разрослась высокая душистая трава.

Теплая ночь, луна... Как чудесно жить на свете! Особенно беглецу, счастливо вырвавшемуся из страшного каземата на понтоне.

Расположившись на траве, Сорви-голова открыл судки, извлек оттуда свежеспеченный хлеб, нежный и сочный ростбиф, полцыпленка, сыр, две бутылки эля и прочие деликатесы, неопровержимо свидетельствовавшие о разнообразии гастрономических вкусов солдат ее величества.

Он с жадностью заправского обжоры набросился на съестное, оросил его доброй порцией вина и нашел, что первое бесподобно, второе же прямо-таки божественно. А наевшись досыта, уснул сном праведника.

Разбудил его, уже на рассвете, яростный собачий лай. Жан почувствовал себя бодрым и веселым. Он потянулся и вдруг увидел по ту сторону изгороди датского дога, свирепо скалившего на него клыки. В нижнем этаже коттеджа открылась дверь, и в сад вышла старая леди, высокая, сухопарая, седая, с длинным, оседланным очками носом, с огромными зубами, похожими на кости домино, и не менее внушительных размеров руками и ногами, — словом, истая англичанка.

Увидев приближавшуюся к нему старую леди, Сорви-голова мысленно сказал себе:

«Ну, теперь не плошай, старина!»

А старая леди, погладив и успокоив ласковым словом собаку, обратилась к нему:

— Кто вы и что вам нужно, дитя мое?

Сорви-голова сделал реверанс, потупил глаза и, приняв скромный вид, который так удивительно шел к нему, тоненьким фальцетом¹ ответил:

— Я несчастная служанка, миледи... господа прогнали меня.

— За что же?

— Я наполняла лампу и нечаянно пролила керосин, он вспыхнул. Весь дом сгорел бы, если бы не эти бедные руки, которые я сожгла, гася огонь... Нет, вы только взгляните на них, миледи!

— О да, это ужасно! — сочувственно сказала старая леди.

— И, несмотря на это, меня выгнали, не заплатив ни шиллинга, не дав мне белья, почти без одежды!

— Жесткие люди!.. Но почему вы так плохо говорите по-английски? — недоверчиво спросила старая леди.

— Очень просто, миледи: я из Канады, а родители мои французы по происхождению. И мы никогда не разговариваем дома по-английски... Мое имя Жанна Дюшато. Я родилась в городе Сент-Бонифейс, что близ Виннипега.

— Что же мне с вами делать, дитя мое? Хотите поступить ко мне в услужение?

— Как мне благодарить вас, миледи?!

Вот так знаменитый Брейкнек, отважный капитан Сорви-голова, превратился в служанку миссис Адамс, старой леди из Саймонстауна.

Чего только не случается в жизни!

IX

Образцовая служанка.— Все в жизни приедается.— Телеграмма.— Ехать, и немедленно! — Санитарный поезд.— На пути в Кимберли.— О том, что может открыть путешествие по железной дороге.— Трудное путешествие.— Умер.— Несчастливая мать.— Бегство.— Между двух огней.— Белый чепчик.— Походный марш Молокососов.

Сорви-голова, не видя другого выхода из положения, вынужден был примириться с более чем скромным положением. Правда, та легкость, с которой он сошел за

¹ Фальцет — тонкие, сдавленные звуки женоподобного тембра.

девушку, немного удивила его, а может быть, даже задела где-то в глубине души его самолюбие.

Подумайте только: капитан разведчиков, герой осады Ледисмита, солдат, бежавший из плена,— и вдруг служанка.

Но события следовали с такой быстротой, что у него не хватало времени задуматься.

Старая леди уже ввела его в дом.

— Я буду платить вам один фунт в месяц. Согласны?

— На старом месте мне платили полтора,— не моргнув, ответила мнимая Жанна Дюшато.— Но леди так нравится мне, что я согласна и на один фунт.

— Отлично! Платье у вас еще довольно чистое, оставайтесь в нем. Я дам вам белье, башмаки и чепчик... Да, да, вы будете носить чепчик. Я на этом настаиваю. А почему вы так коротко острижены?

— У меня был солнечный удар, и косы мешали прикладывать лед, пришлось их обрезать. О, если бы вы только видели, миледи, какие они были длинные да толстые! А какого красивого, золотистого цвета! Я так горевала!..

— Довольно, довольно! Уж не кокетка ли вы? Терпеть этого не могу!

— Я?! Кокетка?.. Господь с вами, миледи! Я не ношу даже корсета.

— И хорошо делаете! Девушка вашего класса должна быть скромна, трудолюбива, бережлива, предана своим господам...

— Надеюсь, миледи скоро убедится, что я обладаю всеми этими качествами.

— Отлично!.. Вот кухня. Приготовьте чай.

Эта задача — сущий пустяк для капитана Сорви-голова: в бытность свою в Клондайке он приобрел недюжинные кулинарные познания.

Первый успех на новом поприще! Чай заварен отменно, тосты¹ запечены в меру, ветчина нарезана тонкими, как кружева, ломтиками, а сгущенное молоко разбавлено водой в должной пропорции.

Чепчик, надетый на слишком длинные для мужчины и слегка вьющиеся волосы,— новый успех!

¹ Тосты — тонкие куски хлеба, намазанные маслом и запеченные в духовке.

Когда Сорви-голова оставался один, он тщательно изучал перед зеркалом все повадки служанок: как придавать смиренное выражение лицу, опускать глаза и не сдвигать набекрень привычным мужским движением свой более чем скромный головной убор.

Переодевание удалось на славу! В этой высокой и сильной девушке, немного нескладной, молчаливой, застенчивой и охотно бравшейся за любую работу, трудно было бы узнать молодого борца за независимость Трансвааля. Настоящая находка эта служанка, мастерица на все руки.

О вы, герои трагических приключений в «Ледяном аду» — Леон Фортэн, Поль Редон, Лестанг, Дюшато, Марта Грандье, настоящая Жанна Дюшато, Тоби № 2, Серый Медведь, — поглядели бы вы на вашего Жана, охотника на гризли¹, победителя бандитов «Коричневой звезды», в комическом облике служанки!

Или вы, отважные Молокососы и мужественные буры, оплакивающие храбрейшего из храбрых — капитана Сорви-голова! Что стало бы с вами, если бы вы увидели, как он в белоснежном чепце, завязанном бантиком под подбородком, в юбке до пят и переднике, орудует возле печки, бежит на звонок и отвечает своим фальцетом: «Да, миледи... Нет, миледи...»

Нетрудно представить, какой бешеный взрыв хохота вызвал бы у вас этот маскарад, сменивший драму воинской жизни. А между тем для самого Жана Грандье в этом не было ничего забавного.

Дни шли за днями, не внося никаких изменений в его нелепое и полное риска существование, грозящее каждое мгновение при малейшей оплошности с его стороны превратиться в настоящую катастрофу.

Для человека более зоркого, чем старая леди, достаточно было бы одного неловкого движения или случайно вырвавшейся нотки мужского голоса, чтобы тотчас же разгадать тайну, скрытую от миссис Адамс. А это повлекло бы за собой страшные для беглеца последствия.

К счастью, вечно молчаливая, всегда чем-то озабоченная и часто грустившая старая леди жила в полном одиночестве. Провизию ей доставляли на дом. Единст-

¹ Г р и з л и — серый североамериканский медведь, отличающийся особой свирепостью.

венное занятие затворницы состояло в усердном чтении описаний военных событий в местных газетах.

Терпение Жана истощалось. С каждым днем ему становилось все труднее и труднее переносить «прелести» своего нелепого положения, безысходность которого он ощущал все более остро. Его тянуло на поле битвы, откуда до него доходили отрывочные известия о новых победах, одержанных его друзьями бурами.

Но как бежать из Саймонстауна без денег, без платья? Как пройти через всю Капскую землю, обмануть подозрения, которые навлекал на себя каждый иностранец, и ускользнуть от цепких лап полиции?

Оставаться служанкой миссис Адамс? Нет! Лучше смерть! Лучше сто смертей, только не это!

На шестнадцатый день своего пребывания у миссис Адамс Жан Грандье уже готов был совершить безумный шаг, как вдруг к нему явилось неожиданное спасение в образе телеграфиста.

Телеграмма для старой леди!

Она лихорадочно открыла ее, прочла и в полуобморочном состоянии упала на кушетку.

— Сын... Бедное дитя!.. Боже, помоги нам! — бормотала она.

Лжеслужанка привела ее в себя:

— Миледи, что с вами? О миледи!

— Мой сын, артиллерийский капитан, очень тяжело ранен под Кимберли, осажденным этими проклятыми бурами.

«Артиллерийский капитан Адамс? Знакомое имя! Уж не тот ли это самый Адамс, что был в пятерке палачей Давида Поттера?» — размышлял Жан Грандье.

Но раздумывать было некогда. Старая англичанка уже взяла себя в руки и поднялась.

— Немедленно туда! Ухаживать за ним, утешать, окружить его материнской заботой... Да, да, как можно скорей! — твердила она. — Готовы ли вы сопровождать меня, Жанна?

Сорви-голова замер от восторга при мысли, что ему представляется возможность без малейшего риска, без затрат и с наивозможной скоростью вернуться на театр военных действий.

— О, конечно, миледи! — ответил он.

— Благодарю вас, дитя мое, вы славная девушка! Ничего лишнего не брать, только самое необходимое.

По небольшому саквоюжу для каждой из нас — и в путь. О да, скорей, скорей в путь!

Она наскоро уложила вещи, набила карманы золотом, заперла дом на ключ, который отдала соседям, поручив их же заботам собаку, и устремилась на вокзал.

От Саймонстауна, или, вернее, от Кейптауна до Кимберли примерно девятьсот километров по прямой линии и тысяча сто по железной дороге, то есть столько же, сколько от Парижа до Ниццы. Но скорость путешествия не всегда пропорциональна расстоянию. Если, например, расстояние от Парижа до Ниццы экспрессы проходят за восемнадцать часов, то даже в мирное время самым скорым поездам требуется не менее тридцати часов, чтобы преодолеть путь из Капа до Кимберли. А во время войны тем более нельзя установить точного графика.

Человек, который не принадлежал к военному сословию, не был солдатом, хирургом или газетным корреспондентом, считал себя счастливым, если ему удавалось попасть на поезд. Именно перед такого рода затруднением и очутилась миссис Адамс со своей служанкой.

Каждую минуту отходили от дебаркадеров и медленно двигались на север поезда, набитые солдатами и трещащие под тяжестью пушек и снарядов. Протяжно выли сирены, лязгали вагоны, гроыхали поворотные круги; отовсюду несли адский концерт железа.

Напрасно несчастная мать бегала от одного железнодорожника к другому, напрасно расспрашивала, умоляла, раздавала золото. Все составы были до отказа набиты военными грузами. Среди этого невиданного нагромождения смертоносных машин и пушечного мяса не нашлось бы места даже для крысы.

Миссис Адамс уже совсем отчаялась и пустилась в слезы при мысли, что ей никак не попасть туда, где страдают и терпят жестокие лишения несчастные жертвы войны. Как вдруг перед ней остановился с почтительным поклоном человек в форме капитана медицинской службы. Это был знакомый миссис Адамс военный хирург.

Узнав его, старая леди воскликнула:

— Доктор Дуглас! Если бы вы только знали!..

— Миссис Адамс! Какими судьбами? Вы покинули Англию?

— Для того чтобы отыскать своего сына, а вашего друга, нашего дорогого Дика. Он тяжело ранен под Кимберли, а я лишена возможности поехать к нему. Мне повсюду отказывают. Подумайте только: нет места для матери, которая стремится к своему умирающему сыну! Какая жестокая вещь эта война!

— Так едемте со мной, миссис Адамс! Через десять минут отправляется в Магерсфонтейн санитарный поезд номер два. Я его начальник. И будьте уверены, уж у меня-то найдется местечко для матери лучшего друга.

— Да благословит вас бог, доктор!

Доктор подхватил миссис Адамс под руку и повел к поезду, а нагруженная двумя саквояжами лже-Жанна замыкала шествие. Расталкивая толпу, наше трио направилось на запасный путь, где уже пытел и весь содрогался под парами санитарный поезд.

Поезд состоял из кухни, аптеки и двенадцати просторных вагонов с расположенными одна над другой койками; на дверцах вагонов были изображения красного креста.

Два хирурга, четыре сестры и двадцать четыре санитаров ожидали там своего начальника. Из них состояло пока все население поезда.

Не успел доктор Дуглас, миссис Адамс и лже-Жанна разместиться в одном из его вагонов, как раздался свисток паровоза, состав тронулся и мягко покатило по единственному еще свободному пути.

Если в дороге ничего не случится, поезд будет останавливаться лишь для того, чтобы набрать воды или сменить паровоз. Ему справедливо присвоена привилегия обгонять другие поезда, которые почтительно уступают ему дорогу.

И вот они мчатся на всех парах через горы, равнины, долины, проносятся мимо городов, сел и деревушек, догоняя и обгоняя воинские составы, которые непрерывно следуют один за другим. Сорви-голова, в ком снова проснулся дух разведчика, не в силах был даже сосчитать эти поезда. Количество их изумляло, а еще больше тревожило капитана Молокососов.

Какая напряженная жизнь, что за неистовое движение царит на этих стальных путях! Эскадроны, пушки, батареи, артиллерийские парки, штабы, полки, скот, фураж, продовольственные склады — целая армия, да

нет, целых две армии вторгались на всех парах в маленькие южноафриканские республики!

Вся Англия, вся Британская империя вместе с войсками своих колоний шла на приступ Трансвааля и Оранжевой республики.

Грандиозное, потрясающе жуткое зрелище!

Канадцы, африканцы, австралийцы, бирманцы, индусы вперемешку с бесчисленными солдатами метрополии! И все поют. Впрочем, солдаты, идущие в бой, всегда поют: ведь надо же как-то забыться.

Но, увидев поезд с красными крестами, они мгновенно умолкают. Этот поезд открывает перед ними завесу той жестокой действительности, которая ожидает их впереди.

«Бедные буры!» — с грустью думал Сорви-голова, глядя на всю эту силу, на это огромное скопище людей. Тут, как нигде, чувствовалась железная решимость врага победить любой ценой, даже если бы для этого пришлось пожертвовать последним золотым и послать на убой последнего солдата.

Но и это еще не все! Чтобы обеспечить безопасность движения этой армии, другие тыловые воинские части охраняли железнодорожные пути, вдоль которых повсюду виднелись сторожевые посты, окопы, редуты для защиты виадуков, мостов, туннелей и станций. В целом это была прекрасно продуманная система неприступных укреплений.

— Их слишком много, — забывшись, прошептал Сорви-голова, но голос миссис Адамс вывел его из раздумья:

— Жанна, сходите за чаем!

Жанна?.. Ах да! Ведь он все еще служанка на все руки у старой англичанки.

В санитарном поезде жизнь протекала, как на корабле. Персонал ел, пил и спал, не выходя из вагона. А лже-Жанне по-прежнему приходилось обслуживать свою хозяйку.

Впрочем, не такое уж это было тяжелое бремя. Миссис Адамс не отличалась требовательностью; к тому же все необходимое находилось под рукой. Старуха совсем ушла в свое горе. Снедаемая тоской и тревогой, она целые часы проводила в молчании. Ей казалось, что поезд совсем не движется. Каждую минуту она спрашивала себя: «Успею ли?»

А между тем поезд неся с поразительной скоростью: двадцать пять миль в час, более сорока пяти километров! Настоящее чудо в условиях войны. До железнодорожного узла Де-Ар он прошел более восьмисот километров, не потеряв ни единого часа.

Но тут с графиком было покончено. Теперь приходилось идти вперед кое-как, наудачу: поезд приближался к театру военных действий.

До английских линий, вернее, вспомогательной армии англичан оставалось еще около двухсот пятидесяти километров, но уже здесь образовалась плотная пробка, казавшаяся непробиваемой.

Санитарный поезд свистел, шипел, фыркал, то двигался вперед, пробиваясь на десяток километров, то отползал назад километра на два, потом снова полз вперед и благодаря настойчивости и ловкости машиниста достиг наконец реки Оранжевой.

Ему удалось проскочить через мост, и он продолжал свой путь с бесконечными предосторожностями, то и дело топчась на месте. Это начинало действовать на нервы. Создавалось впечатление, будто исполинская черепаха старается побить рекорд медлительности.

В Бельмонте три часа стояли; все наспех проложенные саперами боковые пути были забиты вагонами. Но вот между двумя составами показался просвет. Санитарный поезд проскользнул в него и со скоростью тачки, подталкиваемой инвалидом, с грехом пополам дотащился до Граспана.

Новая остановка, на этот раз на четыре часа! Опять протяжные свистки, лязг тормозов, выхлопы пара, внезапные толчки, рывки с места и прочие прелести. На путях все оглушительней грохотало железо, все чаще попадались обугленные и изрешенные снарядами станционные постройки, все сильнее подсакивали вагоны на исправленном кое-как полотне... Было с чего сойти с ума!

Но все же поезд пробивался вперед.

А вот и Моддер¹ — река, прославившаяся теперь на весь мир. Между двумя крутыми берегами катит она

¹ Моддер — река, у берегов которой происходили многочисленные и решающие бои. Англичане сосредоточили тут армию в пятьдесят тысяч человек, оснащенную сильной артиллерией. Против этой армии долгое время успешно сражались несколько тысяч буров.

свою красноватую муть — человеческую кровь, смешанную с охрой вельдта. Разрушенный бурами мост восстановлен, и тоже на скорую руку. Поезд с огромными предосторожностями пробирался по шпалам.

Теперь он был всего в восемнадцати километрах к северо-западу от укрепленного лагеря Магерсфонтейна.

Недремлющее око капитана разведчиков высматривает удобный случай для побега. Доктор Дуглас спрашивает всех встречающих о своем друге. Старая мать, обессиленная тревогой, не в состоянии произнести ни слова.

— Не слышали ли чего о капитане Адамсе? — кричит доктор проходящим мимо раненым офицерам.

— Нет.

— Адамс — артиллерийский капитан с четвертой батареи, — настаивает Дуглас.

— Знаем только, что батарея сильно пострадала, но о капитане ничего не слыхали.

Тот же вопрос и тот же ответ немного дальше. Миссис Адамс рыдает. Бедная женщина в отчаянии; она постигла наконец оборотную сторону военной славы, питаемой кровью сыновей и материнскими слезами.

Навстречу попадались платформы, нагруженные пленными бурами. Конвоиры пели иронические куплеты по адресу мистера Чемберлена и лорда Солсбери.

Другие горланили «Rule Britain»¹, с которой чередовался гимн «God save the Queen»². Они словно жевали слова, выплевывая отдельные слоги, и, как пули, бросали в лицо пленникам эпитеты «victorious» и «glorious»³. А те только пожимали плечами.

Эти песни причиняли душевную боль миссис Адамс, воинственные чувства которой, еще недавно столь пламенные, совершенно испарились во время этого скорбного пути.

Наконец они в Магерсфонтейне! А вот и укрепленный лагерь, где заканчивалась главная магистраль, раскинувшаяся веером запасных путей.

¹ Английский гимн «Правь, Британия!».

² «Боже, храни королеву» (англ.).

³ «Победоносная» и «прославленная» (англ.) — имеется в виду армия.

— Где Адамс?.. Кто знает, где капитан Адамс из четвертой батареи? — без передышки выкрикивал доктор Дуглас.

— Я знаю, — ответил наконец один сержант. — Капитан Адамс ранен в грудь пулей навывлет. Лежит в дивизионном госпитале, что в Олифантсфонтейне.

— Благодарю! А как его состояние?

— Безнадежен. А может быть, уже и скончался.

— Тс... тише! Тут его мать.

Но несчастная женщина уже услышала. Душераздирающий вопль вырвался из ее груди:

— Нет, нет, неправда, он не умер! Мой Ричард... Не может этого быть, чтобы его отняли у меня! Ведите меня к нему!.. Скорее, доктор, умоляю! Вылечите его! Ваше искусство совершит чудо, вы вернете мне сына!..

— Располагайте мною, миледи, — грустно ответил доктор. — Вот достану только коляску, и поедем.

Экипаж скоро нашелся. Это была санитарная повозка, которую предоставил в распоряжение доктора один из его братьев по ремеслу.

Олифантсфонтейн находился в трех лье, добрый час пути. Доктор и миссис Адамс со служанкой добрались туда без помех.

Вот наконец и дивизионный госпиталь, над которым на высокой мачте развевается белый флаг с красным крестом.

— Он тут... — чуть слышно прошептала миссис Адамс.

Опираясь на руку доктора, она в полуобморочном состоянии вошла в госпиталь. Сорви-голова все с теми же двумя саквояжами остался у входа.

Аванпосты буров прямо рукой подать, в каких-нибудь двух километрах к северо-востоку, а возможно, и ближе.

Искушение было велико.

Около госпиталя рыла копытами землю великолепная офицерская лошадь, привязанная недоуздом к столбу. Весь этот участок, отведенный для раненых, был почти безлюден. Искушение удрать все сильнее мучило Жана.

Из госпиталя донесся пронзительный крик. То миссис Адамс остановилась возле санитаря, прикрывавшего простыней лицо только что скончавшегося раненого.

Несчастливая мать узнала своего сына; его отняла у нее война, развязанная английскими биржевиками.

— Ричард! — нечеловеческим голосом выкрикнула миссис Адамс и упала, точно сраженная громом.

— Несчастливая мать... — прошептал доктор.

И пока санитар укладывал на койку старую леди, которая была в обмороке, доктор Дуглас обратился к вошедшему врачу:

— Капитан Адамс был моим лучшим другом. Отчего он погиб?

— Его поразила пуля необычайной величины и совсем не военного образца. Вероятно, то была пуля старинных голландских ружей, так называемых «роёр». Рана оказалась неисцелимой.

Разговор их был прерван криками и бешеным конским галопом. Это Сорви-голова, воспользовавшись отсутствием часовых, подошел к лошади, отвязал ее от столба и, несмотря на то что юбка сильно стесняла его движения, одним прыжком вскочил в седло. Чистокровный конь, разгоряченный сильными ударами, которые Сорви-голова под прикрытием юбки непрерывно наносил ему каблуками, пустился с места в карьер.

Никто из встречных, видевших эту мчавшуюся верхом женщину, не мог сообразить, в чем дело, тем более, что Сорви-голова все время выкрикивал своим фальцетом:

— Остановите лошадей!.. Я служанка миссис Адамс!.. Остановите!.. Умоляю!..

Никто, однако, так и не решился остановить взбесившуюся, как видно, лошадь. Люди склонны были скорее посмеяться над ошалевшей от страха потешной амазонкой.

Ухватив коня за холку, подскакивая при каждом прыжке и ежесекундно рискуя свалиться, лжеслужанка орала во всю глотку, в то же время незаметно и с изумительной ловкостью управляя конем. Зеваки тщетно ждали неизбежного падения наездницы, заранее предвкушая это удовольствие. А конь, все более горячася, набирал скорость.

Он мчался вихрем, проходя не менее восьмисот метров в минуту. Таким аллюром он, пожалуй, скоро перемахнет через английские позиции.

А Сорви-голова все орал уже охрипшим голосом:

— Остановите!.. Спасите служанку миссис Адамс!..

Он проскакал мимо нескольких кавалеристов. Вдруг один из них, внимательно наблюдавший за наездницей, воскликнул:

— Глядите-ка! Эта женщина держится в седле с ловкостью циркача. Нас провели — это шпион!.. Вперед! В погоню! За мной!..

Все энергично прищипорили коней, и погоня началась. Раздались револьверные выстрелы.

Пули, пущенные на полном скаку, редко достигают цели, и все же они свистали у самых ушей беглеца:

«Черт возьми! Дело как будто портится», — подумал Сорви-голова, пригибаясь к шее коня.

Конь домчал его до передового окопа, к стенке которого прильнули шотландцы. Двое из них попытались преградить путь штыками.

Но Сорви-голова с непостижимой силой и ловкостью заставил коня одним броском перескочить окоп, оставив позади солдат, штыки — все!

— Огонь! — командовал командир шотландцев.

Загремели сотни выстрелов. Однако, как всегда бывает в таких случаях, стрелки, поторопившись, лишь щегольнули друг перед другом своими промахами.

А тут и буры, со своей стороны, подняли пальбу, и наш бедный Сорви-голова очутился между двух огней.

Друзья-буры были сейчас для Жана страшнее, чем враги-англичане.

Как дать им знать, что он свой? Как прекратить эту пальбу, которая при баснословной меткости буров может оказаться для него гибельной?

У него нет белого платка. Но зато у него есть чепчик! Сорвав его с головы и держа за одну из тесемок, Жан принялся отчаянно размахивать им в знак своих мирных намерений.

Эмблема мира остановила огонь.

И вовремя! До трансваальских линий оставалось всего триста метров. Пораженный в грудь, конь капитана Сорви-голова захрипел и стал припадать на ноги. Еще минута — и он упадет. Беглец соскочил на землю, сорвал с себя женское платье и предстал перед бурами в шерстяной рубашке и в засученных до колен штанах. Он сохранил только чепчик, эту единственную принадлежность его женского одеяния, и вертел им, как пращой.

Так добежал он до траншеи, где его весьма неучтиво схватили руки друзей.

— Кто ты? — основательно встряхнув его, спросил обросший до самых глаз бородатый гигант.

— Капитан Сорви-голова, командир разведчиков.

— Врешь!.. А пароль знаешь?

— Болван! Ты, может быть, думаешь, что англичане сообщили его мне? Мне неизвестен пароль, но зато я знаю марш разведчиков.

И звонким голосом он затянул веселую песенку, которая разнеслась далеко по окопам, вызывая улыбку на хмурых лицах буров:

Хоть мужа моей мамы
И должен звать я папой,
Скажу — ко мне любви он не питал.
Однажды, добрый дав пинок,
Меня он вывел за порог
И, сунув мелкую монету, заорал...

А где-то за дальней грядой земли молодой смешливый и звонкий голос подхватил припев:

«Проваливай ко всем чертям!
Иди, живи, как знаешь сам!..»
Вперед, Фанфан! Вперед, Фанфан,
По прозвищу Тюльпан!
Да, черт возьми, вперед, Фанфан,
По прозвищу Тюльпан!

И в тот же миг человек пять-шесть побросали свои окопы и со всех ног кинулись к Жану Грандые.

Тот, кто бежал впереди, крикнул, все еще не веря своим глазам:

— Сорви-голова! Хозяин!.. Воскрес? Жив?.. — и, упав в объятия беглеца, зарыдал.

— Фанфан! Дорогой Фанфан! — воскликнул командир Молокососов. — Неужели ты?

— Да, да, я... ты... мы... Не обращай внимания хозяин! Реву, как теленок... Снова вместе! Радость, понимаешь, радость душит!.. Ты жив, жив!..

— Но каким образом ты здесь, под Кимберли, старина Фанфан? Ведь я же оставил тебя под Ледисмитом.

— Потом расскажу, некогда теперь. Разве не видишь? Все наши сбегаются... Услыхали песенку. Жан

Пьер, Жан Луи и просто Жан, и буры — Карел, Элиас, Иорис, Манус, Гюго, Иохим...

— А я? Обо мне-то забыли? — крикнул какой-то парнишка, бросаясь, как и Фанфан, на шею юному капитану.

— Да это же Поль Поттер!.. Поль! — обнял его расстроганный Сорви-голова.

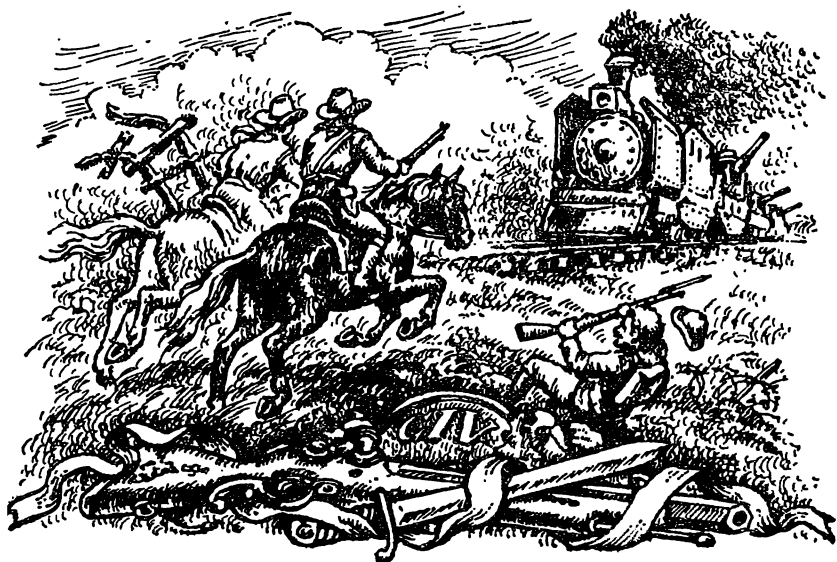
— А мы недурно поработали, пока тебя не было, — сказал сын расстрелянного бура, стукнув о землю прикладом своего карабина с шестиугольным отверстием крупного калибра.

Это было внушительное оружие редкой силы и меткости — старинный и страшный «роёр», с которым досих пор никак не могут расстаться старые охотники-буры.

— Ну что ж? Друг я вам теперь или нет? Командир Молокососов или уже нет?

— Да! Да! Да!..

— Так почему мне не дают ружья с патронами? Борьба за независимость обеих республик не окончена. Впереди еще много жестоких испытаний...

ЧАСТЬ II

БОРЬБА ИСПОЛИНОВ

I

*Опять сражение.— Все в хаки.— Что такое хаки? —
Снова шотландцы.— «Роёр» Поля Поттера.— Белые
шарфы.— Двенадцатый.— Без страха и упрека.— Смерть
храбреца.— Поражение.— Напрасные уговоры.— Пса-
лом.— Пророчество.*

Обе армии — буров и англичан — стояли под Кимберли. Их столкновение было неизбежно. Лорд Митуэн готовился освободить город, осажденный войсками Кронье, а Кронье был намерен непоколебимо защищать свои позиции.

Профессиональная армия англичан, точно так же как и добровольческая¹ армия буров, спешно заканчи-

¹ Буссенар противопоставляет здесь наемной армии Англии того времени армию буров, у которых не было даже обязательной воинской повинности. По зову правительства буры добровольно приходили на сборные пункты и выбирали своих начальников. Это была армия добровольцев.

вала последние приготовления к бою. Над обоими лагерями нависла зловещая тишина, всегда предшествующая урагану сражения.

Буры, эти сознательные противники наступательной стратегии, все свои надежды возлагали на оборону.

Хорошо укрытые скалами, холмами, пригорками и окопами, буры спокойно поджидали англичан, внимательно следя за каждым их движением.

И все же добровольцы были немного сбиты с толку. Их противников словно подменили. Куда девались белые каски, султаны на шлемах, яркие мундиры и кожаная амуниция англичан! Как сквозь землю провалились медные и жестяные воинские побрякушки. Не осталось и намека на яркую окраску: ни следа белого, черного или другого резкого цвета. Тусклый, блеклый строй английской пехоты двигался на буров какой-то расплывчатой громадой.

Что бы это значило?

Фанфан, лежавший рядом с Сорви-головой, нашел меткое словечко, характеризующее эту странную перемену в английской армии:

— Можно подумать, что англичанишки выкупались в патоке. А, хозяин?

Сорви-голова рассмеялся и ответил:

— Они получили форму хаки.

— А что такое форма хаки? Растолкуй, если можешь, пока не началась потасовка.

— Ну что ж, это совсем нетрудно. Англичане, желая стать как можно незаметнее для слишком уж зоркого глаза наших друзей — буров, приняли на вооружение новую форму цвета не то ржавчины, не то испанского табака. Этот тусклый цвет диких каштанов почти сливается с землей, благодаря чему войска, находящиеся на большом расстоянии, становятся невидимыми. Тем более что у них решительно все окрашено в цвет хаки: шлемы, каски, куртки, брюки, ремни, ранцы, ножны сабель и штыков, одеяла, футляры полевых биноклей, флаги, гетры и патронташи. Поэтому, куда бы ты ни направил взгляд, он всюду встретит однотонную тусклую окраску, ничто не бросается в глаза.

— Славно придумано! Но раз уж господа англичанишки занялись этим, почему бы им не разукрасить себе заодно руки и лица? Вот был бы маскарад, сударь ты мой!

— Ты воображаешь, что шутишь? Не знаю, дошли ли они действительно до того, чтобы красить лица и руки, но в санитарном поезде рассказывали, что белых и серых коней перекрашивают в хаки.

— А почему бы не выкрасить и полковых собак? Тогда хаки стал бы национальным цветом англичан. Национальным цветом?

Да, это верно! Фанфан прав. Превратив армию в одно тусклое пятно, хаки обесцветил и всю английскую нацию. В каких-нибудь несколько дней этот цвет стал символом крикливого, грубого, беспокойного и кровожадного империализма.

Прежде всего этим цветом завладела мода. Женщины нарядились в платья цвета хаки; ленгты, занавески, белье, кошельки, табачные кисеты, носовые платки — все цвета хаки.

Газеты, выпущенные на бумаге хаки, выдерживали десятки изданий. Их листки развевались над ликующей толпой, как развернутые знамена. Нищие, одетые в отрепья хаки, собирали прямо-таки золотую дань.

Потом буйно разрослась литература хаки. Ибо разве не хаки вся эта литература, до безумия возбуждающая британский шовинизм, сводящая с ума великую английскую нацию и пытающаяся доказать ей, что двести пятьдесят тысяч ее солдат, побитых и посрамленных двадцатью пятью тысячами бургских крестьян, суть лучшие в мире войска!..

Хаки стал также цветом теперешнего правительства. И он останется цветом правительства завтрашнего дня, ибо выборы будут проходить под знаменем хаки. У Йорка была белая роза, у Ланкастера — алая¹, у Чемберлена — хаки.

Для упрочения славы Великобритании хороши все средства!

Нельзя, однако же, сказать, чтобы дебют нового национального цвета под Кимберли был слишком славен.

¹ Намек на войну Алой и Белой розы, в течение многих лет опустошавшую Англию. Война эта велась между двумя ветвями, царствовавшего в Англии королевского рода Плантагенетов — Йорками (в гербе — белая роза) и Ланкастерами (в гербе — алая роза). Война эта привела к ослаблению феодализма в Англии и к укреплению королевской власти, которая достигла высшего расцвета при династии Тюдоров (король Генрих VIII и королева Елизавета).

Генеральное сражение еще впереди, но прелюдия, предшествующая ему, поистине величественна. Откуда-то издалека, из-за линии горизонта, английские пушки, стволы и лафеты которых также окрашены в хаки, выплюнули несколько лиддитовых снарядов.

Со стороны буров полное молчание: молчат пушки Крезо¹, молчат «максимы»², молчит и «Длинный Том»; ружья и те не желают отвечать.

И вдруг над окопами зазвучал хор низких мужских голосов и поплыла плавная, торжественная мелодия. Постепенно к хору присоединялись все новые голоса; пение крепло, ширилось и, разливаясь все дальше и дальше, донеслось до английских линий. Это был старинный псалом гугенотов³, горячая мольба, обращенная к богу-воителю.

Буры стоят, поднявшись во весь рост, не обращая внимания на град снарядов; в правой руке они держат шляпы, левой сжимают ружья; они поют псалом своих предков.

С английской стороны раздалась в ответ столь же торжественная и протяжная мелодия, похожая на религиозное песнопение.

Это государственный гимн в честь английской королевы, от слишком частого и громкого исполнения которого со времени господства в Англии хаки охрипли все глотки в Соединенном королевстве.

Брошенный в ответ бурам и подхваченный пятнадцатью тысячами солдат лорда Митуэна гимн «Боже, храни королеву» производил грандиозное впечатление.

Даже самые обыкновенные слова этого гимна приобретали в устах солдат хаки угрожающий характер.

¹ Крезо — центр металлургической и оружейной промышленности Франции.

² «Максим» — 1) станковый пулемет, по калибру и образцу патрона одинаковый с трехлинейной винтовкой; 2) ручной пулемет той же системы. Названы по имени изобретателя.

³ Гугеноты — имя, данное католиками Франции приверженцам кальвинизма (одна из протестантских сект во Франции). Гугеноты подвергались сильным преследованиям во Франции, где в Варфоломеевскую ночь, 24 августа 1572 года, была устроена резня гугенотов. После ряда войн гугеноты при Генрихе IV добились свободы вероисповедания. После смерти Генриха IV снова началась религиозная вражда между ними и католиками. Гугеноты были лишены всех политических и некоторых гражданских прав. Только французская революция уравнила их в правах с католиками.

Но буры, спокойно нахлобучив на головы шляпы, уже скрылись в своих боевых укрытиях. Наступил торжественный миг: сейчас произойдет столкновение.

Лорд Митуэн со свойственным ему высокомерным презрением вельможи и вояки решил атаковать буров с фронта. Его отлично вымуштрованные и закаленные в боях войска в два счета вышибут с позиций все это мужичье, всю эту недисциплинированную, необученную армию, лишенную опытных командиров.

— Forward! March on!¹

Взмахнув саблями, офицеры повторили приказ о выступлении; горнисты протрубили атаку, а волынщики, прижав к губам волынки, заиграли шотландский марш.

Сегодня еще раз, и более чем когда-либо, противник оказался вынужденным бросить на первую линию огня шотландскую пехоту.

Но неужели это те самые гайлендеры, которые еще недавно так гордились своей живописной формой?

Куда девались их красные мундиры? А килты, эти знаменитые шотландские юбочки в разноцветную клетку? А чулки с отворотами? А белые гетры и башмаки с пряжками? Все заменил хаки. Горделивый сын гор превратился в невзрачного пехотинца, одетого в мундир, брюки и гетры цвета дикого каштана. На смену яркому пледу пришло одеяло цвета лошадиного помета. Единственным воспоминанием о форме, которой он так гордился, служит большой, окаймленный мехом кожаный кошель, словно котомка нищего, висящий у него на животе².

Но не одежда красит человека, и не красный казак и килт делают отважными гордонцев. И под формой хаки шотландский солдат сохранил всю отвагу и стойкость гайлендеров. Прикрывшись цепью стрелков, их бригада выступает парадным маршем, в то время как

¹ Вперед! Шагом марш! (Англ.).

² Презрение Буссенара к цвету хаки и насмешка над однотонным одеянием объясняются традиционной любовью французов к яркой военной форме. Достаточно сказать, что еще в 1914 году французские пехотинцы носили ярко-красные брюки, офицеры — разноцветные мундиры и всякие металлические побрякушки. Все это служило отличной мишенью для немцев в начале первой мировой войны. Только наученное горьким опытом, французское командование решило переодеть армию в форму защитного цвета.

английская артиллерия, заняв позиции на флангах, осыпает буров градом снарядов и шрапнели.

Последние отвечают им тем же, и не без успеха. Артиллерийская прислуга буров работает с изумительной точностью, внося жестокое опустошение в ряды англичан. Время от времени и «Длинный Том», оглушая прислугу своим громоподобным грохотом, тоже посылает англичанам свой чудовищный снаряд.

Сорви-голова прижал к глазам полевой бинокль, как бы следя за полетом ядра, и, увидев, что оно опрокинуло вражескую пушку вместе с ее прислугой и конями, радостно воскликнул:

— В самую точку!.. Браво, господин Леон, браво!

Леон — француз на службе южноафриканских республик. Один из тех, кто вместе с Галопо, Грюнсбургом, графом Виллебуа-Марей и многими другими храбрецами примчался сюда, чтобы пролить свою кровь за священное дело свободы. Выдающийся инженер, Леон взялся исполнять у буров обязанности артиллерииста. Под его руководством передвигались и устанавливались все эти смертоносные орудия, он давал точный прицел и, как выразился Сорви-голова, бил в самую точку.

Очень скоро Леон стал изумительным артиллериистом. Англичане, которым он причинял огромный урон, с яростью произносили его имя.

Шотландская бригада приближалась. Завязалась перестрелка.

Молокососы, занявшие отведенную им позицию, оживленно болтали. Точнее, Молокососы-иностранцы. Ибо у молодых буров уже проявлялась отличительная черта их национального характера — молчаливость.

Поль Поттер заряжал свое ружье. Работа не из быстрых; надо засыпать порох в дуло, опустить туда с помощью шомпола пулю, обернутую в пропитанный жиром пыж, потом надеть на затравочный стержень медный пистон... Такая процедура отнимала добрых полминуты, тогда как маузеры успевали сделать за то же время десяток выстрелов. Но юный бур дорожил не столько количеством, сколько качеством выстрелов.

— Вот и все, — спокойно произнес он. — Ружье к вашим услугам, господа «белые шарфы»!

Все английское командование, от генерала до младшего офицера, носило как отличительные знаки своего

звания белые шелковые шарфы. Таким образом, нетрудно сообразить, к кому относились грозные слова юного бура: «Ружье к вашим услугам, господа «белые шарфы»!

— А разве хороший маузер хуже послужил бы им? — спросил Сорви-голова.

— Ах, не говори ты мне о современном оружии! — возразил Поль Поттер голосом, в котором так и звучала нотка злопамятства. — Оно, видишь ли, не убивает. Вспомни госпиталь под Ледисмитом. Гуманная пуля... Ну нет! Пуля моего «роёра» не знает пощады. Тот, в кого она попадает, обречен. Да вот, можешь сам убедиться... Видишь того офицера, налево от нас?.. Да, да, того самого, что взмахнул саблей.

Офицер, о котором говорил Поль, находился на расстоянии не менее пятисот метров. Несмотря на это, острое зрение молодого бура уловило даже движение его руки.

Поль слегка приподнял дуло старинного ружья, секунды три прицеливался и спустил курок. Раздался сильный выстрел, и, когда густой дым рассеялся, Сорви-голова, не отрывавший глаз от бинокля, увидел, как офицер судорожно схватился рукой за грудь, замер на секунду и грохнулся, растянувшись ничком.

— Ужасно! — невольно вырвалось у начальника Молокососов.

А Поль, вынув из кармана нож, сделал зарубку на прикладе ружья, затем поднял курок, прочистил дуло и снова методично, не торопясь, как охотник, обстреливающий выводок куропаток, зарядил свой «роёр».

Засыпать порох из бычьего рога, доставать пулю из кожаной сумки, укладывать ее в пропитанный жиром пыж, надевать пистон на затравочный стержень — вся эта процедура кажется начальнику Молокососов слишком долгой. Он стреляет без передышки.

— Двенадцатый с тех пор, как мать принесла мне ружье моего покойного отца, — бормочет Поль.

— Что двенадцатый? — удивляется Сорви-голова.

— Этот офицер. Одиннадцатый номер был артиллерийский капитан...

— Адамс! — воскликнул Сорви-голова. — Из четвертой батареи!.. Так это ты его убил?

— Да. Он потешался над нами. Самые меткие стрелки не могли его достать. Я же мигом снял его с коня.

— Так, значит, ты ничего не знаешь? Ведь он же... это был один из палачей твоего отца.

У Поля вырвался звук, похожий на радостный рев:

— А, так это был он? Тот самый бандит?.. Благодарю, Жан!.. Ты даже не представляешь, какую доставил мне радость!.. Слышишь, отец? Ты отомщен. Ты страшно отомщен!

Между тем мужественные шотландцы, охваченные адским ливнем пуль, явно заколебались. Их шеренги, поредевшие от уничтожающего огня буров, дрогнули.

— Сомкнуться! Сомкнуть ряды! — то и дело кричали офицеры.

Строй сомкнулся, но не двинулся с места. Человеческая волна разбилась об ураган снарядов.

Еще несколько мгновений — и начнется беспорядочное отступление, быть может, бегство.

Генерал Уошоп, командовавший атакой, понял грозившую им опасность.

Это был старый вояка, отважный и добрый. Солдаты шотландской бригады обожали его, а он всех их знал по именам. Вся его военная служба прошла в войсках гайлендеров Гордона. Он, единственный из всех, категорически отказавшись от хаки, носил еще нарядное обмундирование гордонцев.

Когда накануне лорд Митуэн приказал ему предпринять лобовую атаку позиций буров, генерал Уошоп почтительно заметил ему, что подобная задача выше человеческих сил. Но Митуэн заупрямился так же, как Уайт в деле при Ледисмите. Он недооценивал буров, их твердое, как гранит, несокрушимое упорство. Он верил в победу и требовал ее во что бы то ни стало, Уошопу оставалось либо повиноваться, либо отдать свою шпагу.

Отдать шпагу?.. Ни за что!

Но повиноваться — значило идти на смерть. Хорошо! Пусть будет так. Он сумеет достойно умереть!

Со стоицизмом древнего римлянина Уошоп отдал последние распоряжения, написал жене трогательное прощальное письмо и, как рыцарь без страха и упрека, повел свою бригаду на приступ.

И вот наступил момент, когда начали сбываться его печальные предсказания.

С фронта позиции буров оказались неодолимыми. Но все же — вперед! Еще одно усилие, последнее, чтобы спасти воинскую честь.

Он приподнялся на стременах и, потрясая саблей, зычным голосом крикнул:

— Вперед, солдаты!.. Вперед! За королеву!

Шотландцы, воодушевленные пылким призывом, ринулись на приступ.

Пальба стала ужасной, а старый генерал, спокойный, как на параде, не переставал выкрикивать своим звучным голосом:

— Вперед, храбрецы! За королеву! Вперед!..

Генерал, служивший яркой мишенью для самых метких стрелков бурской армии, казался неуязвимым. Его каска была продырявлена, мундир изодран, люди вокруг него так и падали, а он продолжал оставаться невредимым.

По ходу битвы он очутился в зоне огня Молокососов. Те стреляли без передышки, опустошая магазины своих маузеров, и все же ни один их выстрел не задел генерала. Но вот Поль Поттер, с изумительным хладнокровием наводивший на него свой «роёр», спустил курок страшного ружья, грохот которого заглушил сухое щелканье автоматических карабинов. Генерал Уошоп, повторяя трагический жест людей, пораженных в грудь, судорожно схватился за нее рукой, зашатался в седле и, скользнув на круп коня, свалился на землю, убитый наповал.

— А-а... еще один! — радостно воскликнул молодой бур.— Это уже тринадцатый!

И он тут же нанес новую зарубку на ложе своего ружья.

Увидев, что генерал убит, шотландцы остановились в нерешительности. Они еще не отступали, но и не двигались больше вперед.

Пальба продолжалась, все более беспощадная и яростная. Ряды шотландцев быстро редели. Уже треть всей их бригады лежали на земле убитыми и ранеными.

— Отступать! — раздалась чья-то команда.

Это конец! Англичане, снова побитые, отходили в беспорядке, с поспешностью, похожей на панику. Как просто было бы теперь превратить их поражение в полный разгром и захватить в плен все десять тысяч обезумевших от страха солдат. Но для этого пришлось бы перейти в атаку, а буры никак не хотели расстаться со своими укреплениями.

Иностранные офицеры умоляли Кронье атаковать англичан. Тот наотрез отказался. Тщетно указывали ему иностранцы на беспорядочное бегство деморализованной армии англичан. Достаточно было отправить галопом в обход войскам королевы хотя бы две тысячи кавалеристов, чтобы отрезать англичанам возможность отступления.

Кронье только презрительно пожал плечами и даже не удостоил их ответом.

А время между тем шло, приближалась ночь. Скоро уже будет поздно что-либо предпринимать.

Иностранцы, взбешенные этим идиотским упрямством, из-за которого гибли плоды блестящей победы, продолжали настаивать.

— Да поймите же вы,— кричал один австрийский офицер,— если мы возьмем в плен корпус Митуэна, то войдем в Кимберли без единого выстрела!

Кронье опять лишь пожал плечами и, даже не потрудившись объяснить причину своего отказа этим важным людям, которые покинули свои семьи и дела, чтобы сражаться на его стороне, повернулся к ним спиной и обратился к окружавшим его бурам:

— Восславим господа и возблагодарим его за дарованную нам победу,— и первым затыкнул псалом.

— Ничего не поделаешь,— с грустью прошептал полковник Виллебуа-Марей.— Он не знает даже азбуки современной войны. И заранее можно предсказать, что благодаря раздутой славе и слепой вере в него буров Кронье станет злым гением своего отечества.

Эти воистину пророческие слова меньше чем через два месяца получили печальное подтверждение.

II

Иностранный легион — обреченный легион.— Ночная атака.— «Длинный Том» получает повреждение.— Бронепоезд.— Кронье приказывает, Сорви-голова повинуется.— Вперед, Молокососы! — Динамит.— Железная дорога минирована.— Приказ Фанфану.— Сорви-голова на мосту.— Ирландец.— В пучине.

Нет слов, Европа обнаружила у малоизвестных ей до сих пор буров много благородных и прекрасных черт.

Буры в высокой степени отличались трезвостью, выносливостью, бескорыстием, отвагой, патриотизмом. Эти неотъемлемые хорошие их качества вызвали восхищение всего мира и заставили даже врагов относиться к ним с уважением. Но все же надо признаться, что одно из прекраснейших качеств человека — чувство благодарности — было знакомо им лишь в весьма умеренных дозах.

Буры с самого начала платили недоверием тем людям, которые вместе со своей кровью несли им в дар неоспоримый военный опыт.

А ведь эти люди были не простыми искателями приключений. Нет, то были выдающиеся офицеры — французы, австрийцы, немцы, русские, — блестящие способности которых высоко ценились в их родных странах. Несмотря на это, иностранных волонтеров долго держали в стороне от серьезных дел, на самых незначительных постах. Им приходилось с трудом пробивать себе дорогу, как бы насильно оказывая бурам те или иные услуги.

Но, вопреки всем стараниям, их так и не оценили по достоинству до самого конца войны, так и не сумели извлечь из них всю ту пользу, которую они способны были и хотели принести. К их советам редко прислушивались, и в отношениях с ними проявлялось возмутительное равнодушие, доходившее часто до пренебрежения и даже неблагодарности. Об этом в один голос свидетельствуют все иностранцы, сражавшиеся в армии Трансвааля. Их рассказы о бурской войне пропитаны горечью разочарования.

Больше того: буры при каждом удобном случае пользовались иностранцами для выполнения самых трудных и опасных операций. На их долю выпадали самые изнурительные повинности, им поручали самые тяжелые дела, ими сознательно жертвовали и часто посылали на верную смерть без всякой пользы для дела, вернее, для того, чтобы сберечь жизни буров. Словом, европейские добровольцы были в Трансваале на положении иностранного легиона, которым буры широко пользовались для всяких нужд, примерно так же, как мы во Франции используем наш иностранный легион.

Нельзя, впрочем, утверждать, что такое положение вещей было не по душе нашим отважным волонтерам. Ведь этим отчаянным ребятам предоставлялась полная

возможность драться, как одержимым, и совершать подвиги, казавшиеся невыполнимыми и граничившие с легендой.

Мы сочли уместным упомянуть здесь об этой не лишней известному историческому значению черте характера буров, тем более что именно благодаря ей нашему храброму капитану Сорви-голова вскоре представился новый случай отличиться.

В ночь после кровавого поражения, нанесенного английской армии, истомленные буры крепко уснули на тех самых холмах, которые они столь храбро защищали. Часовые едва стряхивали с себя дремоту, и даже стрелки, которые несли службу охранения на далеко выдвинутых постах, отяжелев от усталости, лежали в глубине своих «riflepits»¹, полузакрыв глаза и с неизменной трубкой во рту.

Вдруг яркие вспышки огня прорезали темень на юге, загрохотали пушки, и, прорвав ночную тишину воющим полетом, на буров полетели фугасные снаряды, рассыпая вокруг себя фонтаны осколков.

Началась бестолковая суеда, слышались призывы: «К оружию!», крики начальников, с большим трудом восстанавливавших боевой порядок, — короче говоря, поднялась та суматоха, которую всегда влечет за собой неожиданное ночное нападение.

Наконец по всей линии загремели и ответные выстрелы буров. Но их пушки били наугад по тем местам, где вспыхивали выстрелы. Разумеется, шуму было гораздо больше, чем дела. По крайней мере, со стороны буров.

И, напротив, создавалось впечатление, что англичане заранее выверили свои прицелы. Несмотря на темноту, их снаряды падали с ужасающей точностью.

В самое короткое время две пушки буров были повреждены и выведены и строя лиддитовыми снарядами. Но несравненно серьезнее оказалось другое: англичане изувечили «Длинного Тома», большую пушку Крезо. Это привело буров в настоящее отчаяние. Послышались гневные, полные ужаса возгласы:

— «Длинный Том» взорван!.. «Том» взорван!.. Проклятые англичане!

— Негодяи! Подлецы! Разбойники!..

¹ Земляные укрытия или ямки для стрелков (англ.).

Ствол лучшей пушки буров, по своему калибру и дальностью превосходившей все английские орудия, был изуродован. Неизвестно откуда пущенный английский снаряд с дьявольской точностью ударил в край ее жерла. Еще немного — и он проник бы в самый механизм «Длинного Тома».

Но последствия и без того оказались внушительными. Жерло орудия сплющилось, словно от удара парового молота, а металл так раскалился, что край жерла стал темно-красным. В довершение всего, пушка перевернулась вместе со своим лафетом. Она окончательно вышла из строя.

«Длинный Том»! Бедняга «Том»!

Казалось, что вместе с этой пушкой англичане искали душу сопротивления.

Люди сгруппировались вокруг орудия, как возле смертельно раненного главнокомандующего. Отважный французский инженер Леон, словно врач, горестно исследовал повреждение.

— О, я вылечу ее, непременно вылечу! — сказал он, грозя кулаком англичанам, продолжавшим стрелять со стороны Моддера.

Кронье в это время сидел один в своей палатке. Склонившись над картой, он при свете свечи изучал малейшие извилины поля.

Ему донесли о несчастье.

— Да разве вы не догадываетесь, откуда стреляют? — спросил он с невозмутимым спокойствием, которое никогда не покидало этого человека.

— Нет, генерал. В той стороне не было ни одной английской батареи.

— Значит, ее установили недавно, минут пять назад.

— Не понимаю, — ответил адъютант.

— А бронепоезд? Забыли?

— Ах да! Проклятый бронепоезд! — воскликнул адъютант.

— Его в таких случаях тихо подводят и останавливают на отрезке железнодорожного полотна, заранее намеченном для математически точного прицельного огня, — продолжал Кронье. — Морские орудия, которые шлют нам сейчас свои снаряды, установлены на специальных платформах и наведены под известным углом, тоже предварительно выверенным. И вот результат!

— Но что же делать, генерал?

— Надо раз и навсегда захватить крепость на колесах. Для этого необходимо разрушить позади нее железнодорожный путь. А еще лучше снова взорвать мост через Моддер.

— Немедленно? — спросил адъютант.

— Да. Но у нас едва хватит людей для защиты позиций, в случае если бы англичанам вздумалось возобновить наступление. А это вполне возможно, потому что нападение бронепоезда — не что иное, как диверсия с целью отвлечь наше внимание. Враг полагает, что нас гораздо больше. Ах, если б у меня было десять тысяч солдат!

— Но ведь для этого рискованного дела вполне достаточно нескольких решительных людей, — возразил адъютант.

— Правильно. Только где найти таких людей?

— А Молокососы? А их командир Сорви-голова? — сказал адъютант.

— Дети! — воскликнул генерал.

— Да, дети, но смелые, как львы, и хитрые, как обезьяны!

Подумав немного, генерал согласился:

— Хорошо. Позовите сюда капитана Сорви-голова.

— Слушаю, генерал!

Через несколько минут адъютант вернулся в сопровождении отважного француза.

Жан стоял перед знаменитым главой бургундских войск, почтительно вытянувшись по-военному, но, как всегда, уверенный в себе и сохраняя чувство собственного достоинства.

Кронье устремил на него ясный и твердый, как сталь, свой единственный глаз и без дальних околичностей спросил:

— Сколько людей в вашем распоряжении?

— Сорок, генерал.

— Можно на них положиться?

— Как на меня самого, генерал.

— Умеете обращаться с динамитом?

Жан вспомнил о своих странствиях по Клондайку, где ему чуть ли не ежедневно приходилось прибегать к динамиту, и, не колеблясь, ответил:

— Да, генерал, и уже давно.

— В таком случае, у меня есть для вас трудное, почти невыполнимое поручение.

— Если только трудное — считайте, что оно уже выполнено. Если невыполнимое — то либо оно будет выполнено, либо мы сами погибнем.

— Дело не в том, чтобы умереть, дело в том, чтобы успешно выполнить поручение.

— Слушаю, генерал!

— Я не обещаю вам за это ни звания, ни почестей, ни даже награды.

— А мы и не продаем своей крови, генерал. Мы сражаемся за дело независимости Трансвааля. Располагайтесь нами, как взрослыми солдатами, исполняющими свой долг.

— Именно это я и делаю! Приказываю вам отрезать отступление бронепоезду и взорвать мост. Действуйте немедленно! Ступайте, мой мальчик, и лишний раз оправдайте ваше славное прозвище.

Отдав честь генералу, Сорви-голова вышел. Он вихрем пронесся по лагерю, на который продолжали сыпаться снаряды англичан, собрал Молокососов, приказал им седлать коней и раздал каждому по пять динамитных патронов и бикфордовы шнуры с фитилями. На все это у него ушло не более десяти минут.

— Вперед! — скомандовал он.

Маленький экспедиционный отряд насчитывал сорок одного человека.

Сорванцы бешено скакали, ежеминутно рискуя сломать себе шею среди скал и рытвин, потому что единственными источниками света в этой крошечной тьме были звезды да вспышки пушечных выстрелов.

Но у добрых бурских лошадей такая уверенность и сила в шаге, ими руководит столь безошибочный инстинкт, что ни одна из них ни разу не только не упала, но даже не споткнулась. За пятнадцать минут они пробежали расстояние в четыре километра.

И вот Молокососы уже недалеко от железной дороги. В пятистах-шестистах метрах сверкают воды Моддера. Очертания местности, которую они в качестве разведчиков изъездили вдоль и поперек, настолько знакомы им, что, несмотря на темноту, юнцы узнают малейшие ее извилины. Спешились, не проронив ни слова. Чувствовалось, что англичане здесь так и кишат.

Десять Молокососов остались охранять лошадей. Остальные, захватив динамитные патроны, отправились пешими за своим командиром.

Они передвигались, словно истые индейцы, с бесконечными предосторожностями: ползли, останавливались, прятались то за скалой, то за кустарником и снова пускались в путь.

Бронепоезд находился всего в полутора километрах от них. Пушки его продолжали грохотать, оглушая Молокососов. По железнодорожному полотну сновали какие-то тени, вырисовывались силуэты часовых, расставленных попарно, с промежутками от полутораста до двухсот метров.

Отважные сорванцы с поразительной быстротой и самообладанием прямо голыми руками принялись копать ямки под рельсами. Сорви-голова насыпал в патроны порох, вставлял в них шнуры с фитилями и вместе с Фанфаном укладывал их в ямки и прикрывал сверху землей.

Неосторожное движение, малейший удар по стальным рельсам — и все взорвется. От одной мысли об этом людей менее хладнокровных бросило бы в дрожь.

К тому же их каждую секунду могли заметить часовые. Правда, Молокососы работали лежа, плотно прижавшись к шпалам, с которыми они сливались.

Слава богу! Наконец-то уложены все патроны. Их целая сотня, каждый весом в сто граммов.

Десять килограммов динамита! Так встряхнет, что самим чертям тошно станет!

— Назад! — голосом тихим, как дыхание,скомандовал Сорви-голова.

Молокососы отступили на несколько шагов и припали к земле.

— Ты, Фанфан, останешься здесь, — продолжал Сорви-голова, — а я побегу на мост. Мне понадобится четверть часа, чтобы добраться туда и заложить там петарды¹. Когда услышишь взрыв, подожги фитили и беги. Понял?

— Да, хозяин.

— Если через четверть часа взрыва не будет, значит, меня уже нет в живых. Ты все равно поджигай тогда... Скажешь Кронье — я сделал все что мог.

¹ Петарда — старинный подрывной снаряд в виде металлического сосуда, начиненного порохом и укрепленного на доске. Применялась для подрывания крепостных ворот. Теперь вышла из употребления.

— Есть, хозяин... Только вот что я тебе скажу: взрывать-то взрывай, да не вздумай сам кокнуться. У меня сердце от горя лопнет.

— Молчи и выполняй! Сбор — после взрыва, у стоянки лошадей.

Отдав тот же приказ другим Молокососам, Сорви-голова принялся укладывать патроны в две провиантские сумки, по пятьдесят штук в каждую. Со стороны могло показаться, что он имеет дело не с динамитом, а с деревянными чурками — так быстро и уверенно он ими орудовал. Одну сумку через правое, другую через левое плечо, в каждой по пять килограммов динамита, и — в путь. Сделав небольшой крюк, Жан свернул прямо к мосту и минут через шесть был уже на месте. Мост, как он того и ожидал, охранялся часовыми. Сорви-голова бесшумно обошел наскоро сооруженные англичанами защитные укрепления и добрался до обвалов, вызванных предыдущим взрывом. Он был в числе тех, кто взрывал тогда мост, и отлично запомнил конфигурацию местности.

Как всегда, Жану невероятно везло: ему удалось взобраться по контрфорсу¹ до настила моста. Мост был решетчатый. Он состоял из продольных брусьев, поперек которых были наложены шпалы, а на шпалах укреплены рельсы. Вдоль левой его стороны тянулась деревянная дорожка для пешеходов, такая узкая, что два человека, встретившись на ней, с трудом разошлись бы.

А внизу река. Пучина!

Сорви-голова, положившись на свою счастливую звезду и находчивость, смело ступил на дорожку и направился к первому устью моста, собираясь взорвать его.

Но не прошел он и пятнадцати шагов, как раздался резкий окрик:

— Who goes there?

Уловив ирландский акцент в английской речи часового, Сорви-голова решил на отчаянный ход:

— Это ты, Пэдди? Без глупостей, дружище! — с деланным смехом ответил он.

«Пэдди» — общее прозвище ирландцев, подобно то-

¹ Контрфорс — массивная подпорка для поддержания стены, моста и т. п.

му как «Джон Буль» — прозвище англичан, а «Джонатан» — прозвище янки.

— Томми! Ты, что ли? — с явным недоверием откликнулся часовой. — Подойди поближе... Руки вверх!

— Да не ори! Смотри, что я стянул... У меня карманы набиты провизией и бутылками виски... На вот, попробуй!

Надо сказать, что ирландцы такие же отчаянные пьяницы, как и храбрецы. Услышав слово «виски», Пэдди опустил свой штык и, прислонив ружье к парапету, почти вплотную подошел к этому любезному мародеру. Они едва различали друг друга впотьмах. Но Сорви-голова успел уже откупорить свою флягу, и до ноздрей стоить хорошего ценителя виски, как Пэдди, донесся аромат «божественного» напитка.

Фляга мгновенно перешла из рук лже-Томми в руки Пэдди, который жадно припал к ней губами и, не переводя дыхания, залпом стал поглощать содержимое.

Пока он так наслаждался неожиданным и чудесным угощением, Сорви-голова, протиснувшись между парапетом и ирландцем, дал ему подножку и что было сил толкнул его в проем между двумя шпалами. Несчастный парень не успел даже вскрикнуть и, как был, с флягой у рта, так и полетел. Послышался глухой шлепок по воде, Пэдди исчез в волнах.

«Бедняга! — пожалел Сорви-голова. — Впрочем, от нырянья не всегда умирают».

Но размышлять было некогда. Минуты текли, а в его положении каждая минута стоила часа. Волны с шумом бились об устой моста; он здесь, под ногами Жана, тот самый устой, который надо подорвать.

Отважный сорванец, рискуя разделить участь ирландца, полез под шпалы и зацепился за одну из них ногами и левой рукой. Нелегко было находясь в таком положении и действуя одною лишь правой рукой, достать две сумки, наполненные динамитом, и уложить их под настил. Теперь оставалось только зарядить патроны фитилями и поджечь. Но работа одной рукой отнимала слишком много времени. Тогда, чтобы высвободить другую руку, Жан плотнее обвил ногами шпалу и повис над бездной вниз головой.

Внезапно деревянная дорожка задрожала под чьими-то тяжелыми шагами. Над Жаном бежали люди, щел-

кали ружейные затворы. А под ним, будто его резали, вопил выплывший на поверхность ирландец.

«Пропал!» — подумал Сорви-голова.

Заряжать патроны было уже некогда. Да и зачем? Вполне достаточно одного патрона, чтобы взорвать все остальные. Ему удалось извлечь из сумки патрон и вставить в него шнур с фитилем. Оставалось только поджечь фитиль. Пройдет добрых две минуты, пока он прогорит.

Сорви-голова по-прежнему висел вниз головой. От прилива крови голова готова была лопнуть, в ушах шумело, перед глазамиплыли огненные круги; у него едва хватало сил чиркнуть спичкой.

Подбежавшие солдаты увидели мигающий во мраке светлячок и силуэт человека, державшего его.

— Огонь! — раздалась команда.

Грянуло шесть выстрелов.

Сорви-голова, не обращая внимания на пальбу, поднес спичку к бикфордову шнуру и стал дуть на него, чтобы он скорей разгорелся.

Фитиль занялся.

Пули жужжали у самых ушей сорванца, расщепляя шпалы, рикошетом отскакивая от стальных рельсов.

У его ног двадцать фунтов динамита, сверху его обстреливают прибежавшие караульные, а внизу — река. Ни секунды не колеблясь, Сорви-голова разжал ноги, обнимавшие шпалу, и вниз головой полетел в Моддер.

В то же мгновение раздался оглушительный взрыв.

III

Батарея на колесах.— Два взрыва — Фанфан-воитель.— Подвиги капитана Сорви-голова.— Утонувший ирландец.— Приговоренный волонтер.— Завоевание шпалы с меткой «CIV». — Опять марш Молокососов.— Английские пленники.— Вероломство пленного капитана.— Трагическая смерть одного из членов военного суда.

Бронепоезда как орудия войны используются уже давно. Защитники осажденного в 1870 году¹ Парижа помнят, как эти громоздкие машины циркулировали по

¹ Речь идет об осаде Парижа пруссаками, вторгшимися во Францию во время франко-прусской войны 1870—1871 годов.

Восточной¹ и Орлеанской² железным дорогам между двумя передовыми линиями вплоть до самой мертвой зоны.

Они сновали взад и вперед, стреляли и делали страшно много шума, не принося почти никакой пользы.

Да оно и понятно: все передвижения бронепоезда совершались по одним и тем же путям, в его появлении не было никакой неожиданности, а поле его действий было очень ограничено. К тому же он не обладал ни подвижностью полевой батареи, ни неуязвимостью укрепленного бастиона.

Пользовались бронепоездами и при осаде Плевны, и во время войны на острове Куба³, впрочем, также без особого успеха.

Англичане во многих войнах проявили себя сторонниками этого орудия войны, особенно в экспедициях против афридиев, которых бронепоезд повергал прямо-таки в мистический ужас.

Англичане снова, на свой страх и риск, прибегли к нему в войне с бурами. Риск неизбежный, а опасность довольно большая, ибо достаточно сушей безделицы, чтобы превратить эту крепость на колесах в простую грудку железа.

Первое и самое главное условие успешности операций бронепоезда — тщательная охрана железнодорожного пути с целью обеспечить поезду возможность отступления. Кроме того, необходимо, чтобы вдоль всего пути были размещены на некотором расстоянии подвижные части, которые могли бы в случае неожиданно нападения прийти ему на помощь. Ибо, предоставленный самому себе, бронепоезд не может долго защищаться.

В начале осады Кимберли англичане принимали все эти разумные меры предосторожности. Но так как буры не атаковывали поезд, несмотря на его участвовавшие нападения, английское командование стало пренебрегать осторожностью и снаряжало явно недостаточное количество войска для защиты бронепоезда.

¹ Восточная железная дорога соединяет Париж с Восточной Европой.

² Орлеанская железная дорога соединяет Париж с юго-западной Францией и Испанией.

³ Жители острова Куба в XIX в. дважды восставали против испанского владычества.

По мере того как росла уверенность англичан в безнаказанности их действий, они становились все более дерзкими.

Бронепоезд, который действовал на фронте Моддера, состоял из трех платформ. На них были установлены три корпуса из листовой стали, хорошо заклепанной и скрепленной стальными перекладами. В общем, бронепоезд представлял собой сооружение из сплошного металла, не пробиваемого пулями и шрапнелью. В его корпусах, стены которых были прорезаны двумя рядами амбразур, укрывался гарнизон из шестидесяти бойцов. Нижний ряд амбразур служил для сидящих стрелков, верхний — для стоящих.

Пушка находилась в задней части корпуса на легко вращающейся платформе и могла обстреливать веером. Мощный паровоз также был одет в броню; незащищенной оставалась лишь верхушка трубы.

И, разумеется, все, не исключая и пушек, было окрашено в цвет хаки.

Но вернемся к описанному выше ночному нападению бронепоезда. Казалось, для этого не было никаких оснований, особенно после полного разгрома, понесенного всего лишь несколько часов назад войсками ее величества королевы. Чем же оно было вызвано?

А тем, что паника среди английских солдат, обезумевших от страха и бежавших враспынную, как стадо, была так велика, что лорд Митуэн, опасаясь того самого преследования, о котором иностранные офицеры тщетно умоляли Кронье, приказал бронепоезду принять эту диверсию.

Наступление буров диктовалось простой логикой военных действий, и генерал решил прибегнуть к этому крайнему средству, чтобы предотвратить или хотя бы ослабить вражескую контратаку.

О, если бы только он знал, что буры, пропев свой псалом, залегли спать!

Между тем Фанфан, мучимый беспокойством, лежал, растянувшись на шпалах, и ждал взрыва моста.

Сорви-голова сказал: «Через четверть часа».

В таком положении, особенно ночью, минуты тянутся, как часы. Юный парижанин волновался, сердце его усиленно билось; ему казалось, что четверть часа уже давно прошла. Ему чудилось, что огонь бронепоезда становится все реже. А что, если эта крепость на коле-

сах прекратит огонь и уйдет восвояси?.. И действительно, прильнув ухом к рельсам, он уловил глухой шум медленно двигавшихся колес.

«Действуй, Фанфан! Самое теперь время поджечь шнур».

Чирк!.. Вспыхнула спичка, бикфордов шнур загорелся.

Фанфан одним прыжком отскочил от железнодорожного полотна и побежал к своим товарищам. Найдя Молокососов на том же месте, где оставил их, он бросил им команду, не имеющую ничего общего с военной терминологией:

— Давай драла!

Юнцы отбежали метров на двести. Бронепоезд приближался. И по мере его приближения тревога в душе Фанфана росла: не слишком ли поздно поджег он фитиль?

Бум!..— донесся страшный взрыв со стороны реки, сопровождавшийся яркой вспышкой огня.

«Браво, Сорви-голова! Браво!»

Бум!..— раздалось теперь совсем уже рядом, на железнодорожном полотне. Так и казалось, что там разверзся кратер вулкана: земля задрожала, во все стороны полетели осколки металла и щепки, вспыхнуло ослепительное пламя. Оба взрыва последовали один за другим с промежутком секунд в пятнадцать.

Мост, очевидно, взорван, железнодорожные пути — тоже. И что за ужасное разрушение! Обвалившаяся насыпь, груды исковерканных рельсов и деревянная труха шпал.

Бронепоезд круто остановился на расстоянии трехсот метров от места взрыва.

Отступление было отрезано.

Несколько солдат прыгнули с поезда на полотно дороги и побежали к месту взрыва. Сбежались часовые, прискакали кавалеристы. Люди заматались. Послышались крики, ругань, проклятия, порядком потешавшие залегших в траве Молокососов.

В кучке англичан, состоявшей примерно из тридцати человек, вспыхнул огонек, — видно, кто-то зажег фонарь.

Фанфан шепотом приказал самым метким своим стрелкам:

— Огонь!.. Бей в кучу!

Приказы Фанфана все меньше и меньше походили на военные, но Молокососы исполняли их по-военному точно, и все шло, как полагалось.

Сухо щелкнули маузеры. Ружейный огонь мгновенно разметал толпу. Воздух огласился стонами и воплями раненых. Уцелевшие солдаты в страхе разбежались.

— Здорово! Вот здорово!..— шептал Фанфан.— Бей их, ребята! Сыпь! Сыпь!.. Эх! Если бы нас видел Сорви-голова... Какого дьявола, в самом деле, он провалился? Не хочу вот, а сам боюсь за него...

И было от чего тревожиться. Положение капитана Молокососов действительно походило на безвыходное. Оторвавшись от железнодорожной шпалы, которая служила ему точкой опоры, он ринулся вниз головой в реку Моддер.

А как сказал один упавший с крыши кровельщик: «Лететь не так уж скверно; упасть — вот в чем мало забавного».

Река Моддер глубока. Сорви-голова так и врезался в нее пулей, однако вода уменьшила скорость падения.

В то мгновение, когда Жан погрузился в реку, раздался оглушительный взрыв, сопровождавшийся дождем осколков. Произойди этот взрыв секундой раньше — Сорви-голова взлетел бы вместе с мостом, секундой позже — и он был бы убит обломками. Тогда как теперь в момент взрыва его защитил слой воды толщиной в четыре метра. Опять счастливая звезда!

Он проплыл несколько сажен под водой; но не хватало воздуха, и пришлось подняться на поверхность.

И тут его счастливая звезда закатилась. Он подплыл к бревну, которое после взрыва торчало из воды под углом в сорок пять градусов, и потянулся к нему, чтобы подержаться минутку на поверхности и перевести дыхание, как вдруг сильная рука схватила Жана. У самого его уха раздалась кельтская¹ брань:

— Арра! Поймал!.. Вот он, язычник! Лжебрат! Убийца! Поджигатель! Исчадие ада!..

Сорви-голова узнал ирландца, которого он так любезно отправил в реку.

¹ Ирландцы, так же как и французы, по происхождению кельты.

— Караул!.. Держите!..— продолжал орать ирландец.— На помощь! Да помогите же доброму христианину взять в плен этого...

Окончание фразы растаяло в следующих, весьма выразительных звуках: буль... буль... буль...

Сорви-голова обеими руками сдвинул шею незадачливого болтуна, который должен был, казалось, удовлетвориться тем, что ему удалось уже один раз избежать смерти.

Оба камнем пошли ко дну, и их понесло течением. Но руки Молокососа не ослабевали и под водой.

После необычайно долгого пребывания под водой выплыл только один из них. Это был Сорви-голова. Ирландец, задушенный руками юного атлета, исчез навсегда. Отважный сорванец, с упоением вдохнув струю воздуха, постарался разобраться в том, что произошло.

Устой был взорван, и мост, несомненно, поврежден. Над головой Жана на мосту сустились люди с фонарями, и все они неизменно останавливались на одном и том же месте. Значит, по мосту нельзя было пройти даже пешеходам.

До ушей Жана то и дело долетали английские ругательства, крепкая солдатская брань, советы, которые каждый давал и никто не исполнял.

Потом до него ясно донеслась фраза:

— Какое несчастье! Тут работы дней на восемь, не меньше!

«Отлично! — с восторгом подумал Сорви-голова.— Кронье будет доволен. Теперь остается только соединиться с Фанфаном».

Но прежде всего надо еще было выбраться из реки.

Жан тихо поплыл вдоль крутых берегов в поисках места, где он мог бы выйти на берег, и вскоре заметил нечто вроде расщелины среди нагромождения скал. Подтянувшись на руках, Жан вскарабкался на один из больших камней и, мокрый, как морской бог, присел на корточки.

Но и теперь он, точно истый могикинин, пристально озирался по сторонам и напряженно прислушивался, инстинктивно чувствуя пока еще незримую опасность.

С железнодорожного полотна доносились звуки выстрелов. Жан узнал шелканье маузеров.

«Фанфан! — радостно подумал он.— Его мина взорвалась, видно, в то время, когда я возился в воде с

этим болваном ирландцем. Итак, отправимся к Молокосам.

С гибкостью кошки и ловкостью акробата Жан начал карабкаться на груды камней; но прежде чем стать на ее вершину, он, припав к камням, осмотрелся. Тишина, весьма, впрочем, относительная, мало успокаивала его.

Вдруг он вздрогнул: в пяти шагах, лицом к берегу, стоял, опираясь на ружье, английский солдат. Его силуэт четко вырисовывался на фоне ясного неба. Сорви-голова различил даже головной убор: фетровую шляпу с приподнятым по-мушкетерски левым бортом. Такие шляпы носили волонтеры английской пехоты.

Что же, ползти опять вниз по колеблющимся под ногами и срывающимся камням? Бросаться снова в реку и отыскивать другое место? Нет, это невозможно!

Во что бы то ни стало надо пройти мимо волонтера, невзирая на его штык и на тревогу, которую он несомненно поднимет, несмотря ни на что!

«Будет дело», — решил Сорви-голова.

Да, будет дело, короткое, но жаркое.

С тем благоразумием, которое у него всегда прекрасно уживалось с безумной отвагой, Жан обдумывал, как приступить к действиям. Он вспомнил, что в бытность свою в Капе в качестве служанки он видел этих только что прибывших тогда из Англии волонтеров. Они были облачены с ног до головы в хаки и носили широкополые фетровые шляпы, на приподнятых левых бортах которых красовались три буквы: CIV (Civil Imperial Volunteers¹). Эти карикатурные солдаты, насквозь пропитанные идеями самого воинствующего империализма, сходили за героев.

«Пройду!» — решил Сорви-голова.

Он весь подобрался, крепко уперся ногами о камни и приготовился к прыжку.

Раз, два... гоп!

Волонтер, увидев человека, который, как чертик из шкатулки с секретом, выскочил будто из-под земли, отступил на шаг и, наклонив штык, крикнул по-английски:

— Halt! Stop!²

¹ Имперские гражданские волонтеры (англ.) — наименование воинской части.

² Стой, ни с места.

Приходилось ли вам, читатель, наблюдать плохую выправку новобранцев, когда инструктор командует: «К штыковому бою... вся...»?

Правая рука у них бывает поднята слишком высоко, левая нога слишком вытянута, правая недостаточно согнута. Вместо того чтобы стоять твердо, как глыба, новичок находится в состоянии самого неустойчивого равновесия. Достаточно малейшего толчка, чтобы опрокинуть его, чем и пользуются иногда некоторые инструкторы, любители позабавиться. Они хватаются за острие его штыка, слегка толкают и без особого усилия сшибают новичка с ног.

В голове начальника Молокососов, лишь только он признал в солдате волонтера, молниеносно созрел план действий.

«Ты, верно, стоишь как на ходулях, милейший...»

И события вполне оправдали эту догадку, удивительную по своей проницательности для такого юнца.

Да! Наш Молокосос не терял времени даром. Обращая на штык, который вот-вот готов был проткнуть его, не больше внимания, чем он уделит бы какому-нибудь гвоздю, Сорви-голова сделал второй прыжок, еще более ловкий, чем первый, и, схватив ружье волонтера за дуло, изо всех сил толкнул его.

Но такого усилия и не требовалось.

Волонтер — воин столь же усердный, сколь храбрый, — управлял штыком с ловкостью деревенского пожарного. Он тотчас же опрокинулся навзничь, подняв в воздух руки и ноги, а ружье, которого он, конечно, не смог удержать, осталось в руках капитана Сорви-голова.

Зато парень принялся орать, как на пожаре.

«Он поднимет тревогу, привлечет соседний пост», — подумал Жан.

Черт возьми! Из двух зол надо выбирать меньшее. Жан так и сделал. Пригвоздив волонтера к земле штыковым ударом в грудь, он сорвал с него шляпу, нахлобучил ее на себя и со всех ног бросился прочь.

И вовремя! Хотя сам волонтер уже перестал дышать, призыв его был услышан. С ближнего поста прибежали солдаты и, увидев мертвое тело, прежде всего начали ругаться.

На войне много и часто ругаются.

А Сорви-голова что было духу мчался туда, откуда доносился грохот маузеров и ли-метфордов. То защитники бронепоезда и Молокососы вели перестрелку, и те и другие, впрочем, без особого успеха.

Открыли огонь и солдаты прибежавшего патруля. Но и эти тоже стреляли наугад. Словом, со всех сторон неслась пальба, никому не приносившая вреда.

Но Жану грозила новая опасность. Его подкованные железом сапоги гулко стучали по камням. Услыхав топот, Молокососы подумали, что к ним приближается неприятель, и наиболее рьяные из них перевели прицел своих ружей в сторону бегущего человека.

— Эти дураки решили, кажется, выбить мне глаз. Не хватает только, чтобы и Полю вздумалось пальнуть из своего «роёра»...— ворчал Сорви-голова, прислушиваясь к жужжанию пуль.

Из благоразумия он припал к земле и стал соображать, как бы дать знать о себе товарищам.

— Ну и дурак же я все-таки!— воскликнул он.— А марш Молокососов!.. Ничего лучшего не придумаешь! И он принялся насвистывать марш Молокососов.

Задорный мотив песенки, звонко раздавшийся в темноте, долетел до слуха сорванцов. Фанфан первый уловил его и радостно вскричал:

— Хозяин!.. Эй, вы! Хватит палить!

Жан услышал эти слова, но из предосторожности продолжал насвистывать, не двигаясь с места.

— Ты, что ли, хозяин?.. Не бойсь! Признали. Иди на единение...

Фанфан хотел сказать на «соединение». Но в такие минуты не очень-то обращаешь внимание на всякие тонкости, особенно, если знаешь, что тебя и так поймут.

И Сорви-голова понял. Поднявшись, он гимнастическим шагом двинулся к Молокососам.

Фанфан встретил его в десяти шагах впереди отряда:

— Ну что, хозяин, вернулся? Все в порядке?

— Да, дружище Фанфан! Все в полном порядке: взорвал мост, утопил одного ирландца, насадил на штык одного волонтера, потерял свою шляпу, зато нашел другую и, вдобавок ко всему, промок до нитки.

— Ну и мастак же ты, хозяин! Только и мы тоже не ударили в грязь лицом: порядком исковеркали пути и помяли бронепоезд. Все, как ты приказал.

— Но это только начало. Теперь надо прикончить его,— сказал Сорви-голова.

— Верно, но для этого нас слишком мало. Необходимо подкрепление,— ответил Фанфан.

— В лагере, конечно, слышали взрывы и, надо полагать, уже послали подмогу,— сказал Сорви-голова.— А все-таки лучше съездить туда, осведомить обо всем Кронье и попросить у него две-три сотни бойцов.

— Я поспею! — ответил Фанфан и сорвался было с места, но до него донесся мерный шаг приближавшегося отряда.

Послышался знакомый говор. Буры!.. Да, это действительно были буры. Примчавшись во весь опор из лагеря, они, как и Молокососы, оставили невдалеке своих коней.

Их около трехсот человек. Они приволокли с собой легкую пушку и снаряды, начиненные мелинитом. Кронье отправил их сюда на всякий случай, и они прибыли как раз вовремя. Пока Молокососы вели перестрелку, чтобы отвлечь внимание неприятеля, буры начали рыть окопы.

Ловко орудуя своими кирками и лопатами на коротких ручках, они выкопали первую траншею для укрытия стрелков, затем вторую, с редутом для пушки. Весь остаток ночи ушел на эту работу, подвигавшуюся с удивительной быстротой.

Но только на рассвете и буры и англичане смогли разобраться в позициях друг друга. Результаты осмотра оказались далеко не утешительными для англичан, которые с изумлением увидели против бронепоезда укрепленный бастионами и ошестинившийся штыками вражеский фронт. А пока они рассматривали линию неприятельских окопов, буры навели свою прекрасно замаскированную ветками пушку на большое орудие бронепоезда. И, уж конечно, эта пушка не крикнула англичанам: «Берегись!», отправив им в виде утреннего приветствия хорошенький снаряд в девяносто пять миллиметров. Бронированная стена корпуса была снята, словно резцом, а снаряд, начиненный этим дьявольским веществом — мелинитом, взорвался на левой цапфе¹ английского орудия.

¹ Ц а п ф ы — два цилиндрических вала в средней части артиллерийского орудия; с помощью этих валов орудие удерживается на лафете.

Страшный удар вдребезги разбил мощный стальной лафет, смял механизм наводки и припаял пушку к башне, ужасно изувечив при этом пятерых солдат.

«Длинный Том» был отомщен.

Англичане, взыв от бешенства, послали бурам несколько залпов из своих ли-метфордов, не причинивших никакого вреда.

Бурская пушка ответила новым снарядом, который пробил блиндаж корпуса другой платформы и разметал орудийную прислугу, обратив в бегство одних артиллеристов и уложив на месте других. Все же англичане, проявляя безумную храбрость и стойкость, дали еще залп. И тогда в третий раз прогремела пушка буров.

— Они устанут раньше нас,— произнес командир бурских артиллеристов.

И он угадал! Сквозь дым, окутывавший среднюю платформу, уже показался белый платок, которым махали, нацепив его на кончик штыка. Англичане решили вступить в переговоры. Огонь прекратился, и начальник бурского отряда, присланного Кронье, некий фермер по фамилии Вутерс, в свою очередь водрузил над траншеей белый платок. Тогда молодой английский офицер проворно спрыгнул на рельсы, прошел половину расстояния, отделявшего поезд от траншеи, и остановился. Вутерс также вылез из окопа и подошел к неприятельскому офицеру.

— Мы согласны капитулировать,— сказал англичанин, высокомерно поклонившись буру.— Каковы ваши условия?

— Наши условия? Да никаких условий,— спокойно ответил бюргер.— Вы сдадитесь в плен, только и всего. Вы покинете бронепоезд, оставив там все ваше оружие, и остановитесь на расстоянии двадцати шагов от первой нашей траншеи. Оттуда вас отведут в лагерь.

— Надеюсь, наши люди имеют право сохранить свои вещи?

— А что же вы думаете,— насмешливо ответил Вутерс,— мы поведем их нагими?

— Я хотел сказать: свои рюкзаки,— угрюмо поправился англичанин.

— Пожалуй, но после осмотра.

— Нас трое офицеров, и всем нам не хотелось бы расставаться со своими шпагами.

— Об этом будете договариваться с Кронье. Мое дело только доставить вас к нему. Даю вам пять минут. Если ровно через пять минут вы не выстроитесь здесь без оружия, мы возобновим огонь.

Англичане поняли, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, и решили сдаться. Они покинули крепость на колесах и под водительством своих офицеров выстроились перед траншеей.

Вооруженные буры вышли из окопов, с любопытством, не лишенным уважения, рассматривая англичан. Те сохранили свою прекрасную выправку, хотя большинство из них и не скрывали радости по поводу развязки, которая избавляла их от опасностей войны.

Осторожный Вутерс все же скомандовал по-английски:

— Hands up!¹

Приказ был немедленно выполнен всеми, за исключением капитана, старшего по чину из троих офицеров.

Затем Вутерс в сопровождении капитана Сорви-голова и тридцати бюргеров и Молокососов приблизился к англичанам, чтобы проверить, нет ли в рюкзаках оружия. Когда он проходил мимо английского капитана, тот выхватил из рюкзака револьвер и выстрелил в упор.

— Вот тебе, негодяй! — крикнул он. — Всех бы вас уничтожить!

Вутерс упал навзничь с раздробленным черепом.

Это отвратительное и низкое убийство вызвало у буров взрыв бешенства. Сорви-голова с молниеносной быстротой поднял ружье к плечу и выстрелил в убийцу. Труп капитана рухнул на тело его жертвы...

На мгновение оба отряда оцепенели.

Но расправа с преступником на месте преступления не успокоила буров, негодование их не знало предела. Все они, старые и молодые, жаждали крови остальных англичан, которые, по их мнению, должны были жестоко поплатиться за подлое преступление одного из своих товарищей.

— Смерть англичанам! Смерть!..

Еще минута — и пленники будут перебиты.

Командование перешло теперь к Жану. Его бросило в дрожь при мысли, что сейчас произойдет одно из тех

¹ Руки вверх!

массовых убийств, которые вписываются в историю народов и накладывают позорное пятно как на людей, их совершивших, так и на людей, не помешавших совершиться им. Сейчас ружья начнут сами стрелять...

С риском стать первой жертвой своих обезумевших от гнева друзей Сорви-голова бросился между англичанами и уже нацеленными на них маузерами буров и, подставив свою грудь под выстрелы, крикнул:

— Опустите ружья! Друзья, умоляю — опустите ружья!

Буры спорили, кричали, жестикулировали, но никто из них не выстрелил. Победа была наполовину одержана.

А Сорви-голова продолжал своим звонким голосом:

— Вы люди справедливые и сражаетесь за священное дело свободы. Во имя справедливости, во имя свободы, которую вы непременно завоюете, не карайте этих пленников за преступление, в котором они невиновны.

— Верно! Он прав! — раздалось несколько голосов.

Наиболее непримиримые молчали, но и они не решались уже кричать: «Смерть англичанам!» — и вынуждены были молча, хотя и с явным сожалением, опустить свои ружья.

Военнопленные были спасены.

Английский лейтенант подошел к Жану Грандые и, отдав ему честь, сказал:

— Капитан! Вы — великодушный противник и настоящий джентльмен. Благодарю вас лично от себя и от имени этих честных воинов, порицающих отвратительный поступок капитана Хардена.

— Харден? Командир первой роты шотландских стрелков?

— Вы его знали?

— Так это точно был он?

— О, да.

— В таком случае, и я, в свою очередь, благодарю вас, лейтенант.

Во время этого короткого разговора буры осмотрели рюкзаки сдавшихся и, убедившись, что в них не спрятано оружия, решили отправить пленных в лагерь. Честь конвоировать их досталась Молокососам — они ее заслужили.

И вот англичане двинулись, окруженные юными ворчунами, самому старшему из которых не стукнуло еще восемнадцати лет, а младшему не было и пятнадцати. Сорви-голова, наклонившись к уху своего юного друга Поля Поттера, прошептал:

— А знаешь, кто этот английский офицер, которому я размозжил голову?.. Это капитан Харден, один из пяти членов военного суда, убийца твоего отца.

IV

Лагерь буров.— Сорви-голова у генерала.— Командировка.— Велосипеды дяди Поля.— Сорви-голова и Фанфан — солдаты-велосипедисты.— Переправа через Моддер.— Английские уланы.— Преследование.— Неожиданный скачок велосипедистов.

Возвращение Молокососов в лагерь Кронье было настоящим триумфом. Вошедшая в поговорку невозмутимость буров на этот раз совсем растаяла, и они устроили отважным сорванцам восторженную встречу. Пленных же они приняли с обычным своим добродушием и оказали им всякие мелкие услуги.

Такое отношение глубоко тронуло англичан. Как! Эти великодушные и гостеприимные люди и есть те самые буры, которых английские газеты называли мужичьем, тупицами, белыми дикарями? Пленники, начиненные идеями империализма, не могли прийти в себя от изумления.

Кронье, бесконечно обрадованный успехом дела, которое превратило страшный бронепоезд в грудку железа, пожелал увидеть того, кому он был обязан этой победой. Он приказал немедленно прислать к нему капитана Молокососов.

Когда Сорви-голова явился в палатку главнокомандующего, там собралось большое общество: знаменитые начальники, родственники и друзья главнокомандующего и простые волонтеры. Все они беседовали и курили, как равные.

Чувствовалось полное отсутствие иерархии, чванливости, высокомерия. Все эти люди были братьями, бюргерами, солдатами, военная форма которых равно для всех состояла из винтовки и патронташа.

Увидев капитана Молокососов, Кронье поднялся навстречу и, пожав ему руку, сказал:

— Вы храбрец! От имени бурской армии благодарю вас, мой юный друг.

Глаза отважного юноши увлажнились слезами, сердце сильно забилося.

— Генерал,— ответил он,— вы говорили, что у вас нет возможности наградить меня чином или орденом. Но, поверьте, честь, которую вы мне оказываете, произнесенные вами слова во сто крат дороже любой нашивки на рукаве или значка на куртке!

Все присутствующие встретили слова Кронье и ответ предводителя Молокососов громом аплодисментов.

Двенадцать последующих дней протекли в относительном спокойствии, если не считать обычных на войне инцидентов, являющихся как бы своеобразной разменной монетой военного времени.

А между тем в других областях Оранжевой республики¹ и Трансвааля в это же самое время происходили серьезные события. Буры неизменно одерживали победы, но не умели пользоваться их плодами.

Ледисмит энергично защищался, все еще держался Мафекинг, а Кронье с его маленькой армией не мог сломить сопротивления Кимберли.

Главные бурские военачальники поговаривали о том, чтобы, объединив все силы, начать генеральное наступление и, нанеся массированный удар английской армии, попытаться одержать над ней решительную победу до прибытия победителя при Кандагаре, лорда Робертса², назначенного генералиссимусом английских войск в Южной Африке. Назревали важные события.

Поднявшись однажды с зарей, Сорви-голова, в который уже раз, наслаждался живописным зрелищем бурского лагеря.

Полная живых красок и неожиданностей картина этого лагеря превосходно описана знаменитым французским полковником Виллебуа-Марей, бесстрашным солдатом и человеком большого сердца, который пал в Трансваале от английской пули.

¹ Во главе армии Оранжевой республики находился выдвинувшийся из рядов простых добровольцев генерал Девет, один из выдающихся бурских полководцев. Его книга «Воспоминания» издана на русском языке в 1903 году в С.-Петербурге.

² Генерал Робертс — впоследствии главнокомандующий английской армии.

Позвольте же мне, дорогой читатель, воспроизвести здесь его строки, чтобы дать вам возможность насладиться бесценным ароматом, которым обладает только пережитое лично...

«Благодаря своим приземистым палаткам, напоминающим по форме военную фуражку, кухням, расположенным прямо под открытым небом, своему говяжьему рагу с приправой из овощей, бурский лагерь вполне мог бы сойти за французский лагерь в Алжире, если бы не огромные фургоны, установленные длинными рядами или в каре¹, если бы не многочисленные стада, возвращающиеся с пастбища или размещенные позади линии всего фронта, если бы не молчаливое спокойствие буров, так резко отличающееся от шумливой оживленности нашей французской военщины. Вы не услышите здесь трубных сигналов; ночную службу несут небольшие группы бойцов, добровольно сменяющиеся через определенные интервалы. Шатер генерала, команданта² или фельд-корнета³ служит клубом, куда может войти каждый желающий. Здесь не применяют наказаний и не дают наград, не принуждают и не судят: все исполняется точно в указанные часы по долгу гражданской и воинской чести.

Подобно всем современным армиям, этот лагерь имеет в своем распоряжении почту, телеграф, электрические прожекторы, хорошо оборудованные госпитали. Но самое любопытное в этом лагере — высокий религиозный дух, которым весь он проникнут. Все здесь приписывается «божьему промыслу»: судьба Трансвааля, защита свободы и прав угнетаемого народа. Когда генерала поздравляют с победой, он отвечает: «На то была воля божья».

¹ В своих воспоминаниях генерал Девет рассказывает, как сильно стесняло действия буров присутствие в лагерях женщин и большое количество этих фургонов-повозок. Между прочим, именно этому обстоятельству он приписывает поражение армии Кронье при Паарденберге, под Кимберли. Присутствие женщин заставляло буров окапываться для их защиты, а наличие многочисленного стада лишало бурскую армию подвижности.

² Коммандант — начальник команды, подразделения бурской армии. Коммандо состояло из жителей одного села, города или округа. Коммандант избирался самими волонтерами, как, впрочем, и все остальные офицеры, кроме главнокомандующего, который назначался президентом республики.

³ Фельд-корнет — первое офицерское звание.

Человек, которому привелось видеть, как буры ежедневно отправляются на свои ночные посты, кто пешком, кто на лошади, всегда точно в определенное время и при любой погоде, не может не склониться перед высшей силой, превращающей этих вольных, как ветер, людей в строго дисциплинированных воинов.

Сплошь и рядом они идут на свои посты, согнувшись в три погибели под проливным дождем. Легкая одежда едва защищает их, кругом беспросветная тьма, ливень хлещет как из ведра, а бюргеры, наперекор стихии, стойчески продолжают свой путь. И так — изо дня в день. Прильнув к склону холма, утопая в грязи или хлюпая по лужам, они бодрствуют до зари на своих постах и спят под открытым небом, каждую секунду готовые отдать жизнь за свое трансваальское отечество».

Но вернемся к нашему герою. Сорви-голова прогуливался по лагерю, рассматривая все, восхищаясь или отмечая недостатки. Он дышал полной грудью в этой воинственной атмосфере и снова и снова поздравлял себя с тем, что принял участие в суровой, полной трагизма борьбе, от которой зависела судьба целого народа.

Случайно или в силу предчувствия он забрел в то место, где стоял шатер генерала.

Непринужденно войдя в палатку, Жан застал там Кронье. Генерал был один и писал. Он оторвался от своего занятия и, дружески улыбнувшись, произнес:

— Добрый день, Сорви-голова.

— Добрый день, генерал.

— А я как раз собирался послать за вами. Вы мне нужны.

— Рад вам служить, генерал. Я уж и так почти две недели веду праздную жизнь.

— И скучаете?

— Еще бы! Ведь после взрыва моста у меня ни разу не было случая поколотить англичан.

— А если я предоставляю вам такой случай?

— Чудесно, генерал! О, если бы со мной была моя рота Молокососов! Но, увы, она почти вся рассеялась. Остались каких-нибудь тридцать человек.

— По возвращении вы сможете восстановить ее в полном составе.

— Значит, мне придется уехать?

— Да... Вы поедете курьером довольно далеко, под Ледисмит. Вы отвезете Жуберу¹ секретные документы чрезвычайной важности. На телеграф положиться нельзя: английские шпионы проникают всюду. Почта идет слишком медленно. Вам придется двигаться быстрее почты, пожирая дороги, этапы, железнодорожные пути, станции, мчаться без остановки дни и ночи, избегая засад, ускользая от шпионов, преодолевая сон и усталость, и добраться как можно скорее, во что бы то ни стало, любой ценой. Вы обладаете всеми необходимыми для этого качествами: вы храбры, выносливы, предприимчивы, находчивы, вы умеете выйти из любого положения и никогда не теряетесь.

— Располагайте мною, генерал. Когда прикажете отправляться?

— Через полчаса.

— Одному?

— Так, пожалуй, было бы лучше. Однако вас могут убить по дороге, а потому возьмите с собой надежного товарища, который, если вы погибнете, мог бы довести до конца это поручение или уничтожить документы, если вы будете ранены или захвачены в плен.

— В таком случае, я возьму своего лейтенанта, Фанфана.

— Ну что ж, Фанфан так Фанфан. А теперь давайте установим ваш маршрут, конечно, без учета неожиданных дорожных происшествий. Отсюда до Ледисмита по прямой триста миль.

«Около пятисот километров»,— подумал Жан.

— Накинем еще пятьдесят миль на окольные пути, которые вам придется выбирать. Отсюда до Блумфонтейна² по шоссе восемьдесят миль. От Блумфонтейна до Винбурга вы проедете железной дорогой— тоже восемьдесят миль. От Винбурга по шоссе до Бетлехема восемьдесят пять миль. От Бетлехема до передовых бурских позиций под Ледисмитом снова по железной дороге— около девяноста миль. Если Винбург занят англичанами,— а об этом вы узнаете на узловой станции Смолдиил,— вы проедете поездом до Кронстада и доберетесь до Бетлехема через Линдлей. Рекомендую вам как можно меньше пользоваться железной дорогой. Са-

¹ Жубер — один из выдающихся бурских полководцев.

² Блумфонтейн — столица бывшей Оранжевой республики.

мое простое было бы, конечно, из Блумфонтейна доехать поездом до Претории, а уже оттуда спуститься до Ледисмита, но такое путешествие отнимет не менее восьми дней, а может быть, и больше. Дороги забиты военным снаряжением, и поезда движутся медленнее хороших лошадей. Поэтому-то я и советую вам передвигаться больше по шоссейным дорогам — это даст выигрыш во времени.

— Но, генерал, где и как мы найдем лошадей по выходе из вагона?

— А вам они и не понадобятся. Кстати, Сорви-голова, ездите вы на велосипеде?

— О да, генерал! — ответил Сорви-голова, весь просяив при мысли о таком оригинальном путешествии.

— Отлично!

— Велосипед — мой любимый вид спорта, и, не хвастая, могу сказать: я в нем очень силен.

— Охотно верю.

Кронье взял со стола большой конверт, тщательно запечатанный, перевязанный и с обеих сторон покрытый лаком:

— Вот вам документы. Конверт непромокаемый. Запейте его за подкладку вашей куртки и отдайте его лично в руки генералу Жуберу. Вот пропуск. Он обеспечит вам помощь и поддержку в пределах территории обеих республик. Зайдите на склад, там вы найдете обширный выбор велосипедов. Предусмотрительный дядя Поль прислал их нам сюда вместе с другим военным снаряжением. А теперь, мой мальчик, отправляйтесь, не теряя ни минуты. До свиданья! Да защитит вас бог, и да поможет он вам вернуться живым и невредимым.

Сорви-голова принадлежал к людям, которых никогда нельзя застать врасплох. Недолго думая, он помчался в свою палатку и, застав там Фанфана, с места в карьер спросил:

— Скажи, Фанфан, ты хороший велосипедист?

И Фанфан ответил важно и убежденно на выразительном жаргоне улицы Гренета:

— Спрашиваешь!.. Я же тренером был. И каким!

— Тогда пойдем выбирать себе машины — и айда на прогулку.

— На войну? На каталке? Шик!.. Багаж и оружие брать?

— Никакого багажа! По одеялу, по ружью, по дюжине сухарей и по сотне патронов.

Они тотчас отправились в велосипедное отделение склада, где увидели сотню сверкавших новизною машин.

Сорви-голова как истый патриот принялся искать изделия французской марки и скоро нашел именно то, что ему было надо. Это были два велосипеда военного образца; легкие, прочные и удобные машины с отличным ходом и пятикратной передачей. Каплю масла в педали оси, проверить гайки и тормоза — и домой, в палатку! А там — свернуть одеяла, перекинуть их через плечо справа налево, а ружья — слева направо, привязать к поясным ремням кожаные сумки с сухарями и патронами. На все это ушло не более десяти минут.

Фанфану хотелось отправиться на велосипедах прямо из лагеря. Но здесь не было дорог, а им предстояло спускаться под уклон в двадцать пять градусов. Пришлось идти пешком, волоча за собой машины. Передовые посты остались позади. Теперь перед ними простиралась степь, безлюдная, на каждом шагу таящая заводы и грозящая гибелью.

— Послушай, хозяин, — предложил Фанфан, — а не нажать ли на педали? Чем мы рискуем! Только ноги поразомнем да увидим, как пойдет у нас это дело.

— Идет!

Оседлав велосипеды, друзья покатали прямо на восток. Дороги, правда, не было, но голая, ровная и твердая земля вельдта очень удобна для велосипедной езды. Тем не менее Фанфану все казалось, что они едут недостаточно быстро.

— Слышь-ка ты, хозяин, молоко мы, что ли, боимся расплескать? Двенадцать километров в час! Махнуть бы со скоростью двадцати пяти... А, хозяин?

— Ну да! Чтобы свалиться в первую попавшуюся яму, наскочить на камень или на какой-нибудь пенек? Двенадцать километров в час, а может быть, и того меньше! Ты — солдат-велосипедист, а не гонщик.

— Есть, хозяин! Кстати, куда это мы направляемся таким аллюром?

— На Якобсдальскую дорогу, что тянется с севера на юг. Каких-нибудь двадцать минут — и мы будем там.

Через пятнадцать минут оба друга выехали на широкую, проложенную бесчисленным количеством воловьих упряжек дорогу. Колеи здесь были очень глубоки, но зато дорожки, утопанные быками, превосходны.

Сияющий Фанфан болтал, как сорока, и называл себя самым счастливым велосипедистом обоих полушарий. А Сорви-голова, слушая его болтовню, поднимал время от времени голову и тревожно вглядывался в даль. Однако ничего подозрительного, по крайней мере до сих пор, он не заметил.

Так без каких-либо помех они проехали семь-восемь километров. Но вдруг дорога стала круто понижаться и привела к реке.

— Это Моддер,— спокойно произнес Сорви-голова.— Я знал, что он встретится на нашем пути. Тут есть брод. Перейдем.

И оба, вскинув на плечи велосипеды, смело вошли в воду.

Течение, даже у берегов, было очень быстрое. Приходилось крепко упираться ногами в дно, чтобы не быть унесенными потоком.

Река становилась все глубже, вода дошла им сначала до пояса, потом до груди и наконец до шеи.

— Эх, ходули бы! — вздохнул Фанфан, тащивший свой велосипед в отчаянно вытянутых над головой руках.

Их ружья, патроны, одеяла — все вымокло, за исключением сухарей, которые из предосторожности привязали к рулям велосипедов. Но патроны воды не боятся, остальное — просохнет!

К счастью, вода в реке была в этот сезон на самом низком уровне; в противном случае наши друзья столкнулись бы с непреодолимыми трудностями.

Вот наконец и другой берег. Отдышавшись и отряхнув с платья воду, взобрались пешком на прибрежный откос и снова покатали. Не было еще и восьми часов утра, но в Африке солнце в это время стоит летом уже высоко. Начинала донимать жара. Фанфан достал из мешка сухарь и стал жадно грызть.

— Постноватая закусочка,— сказал он, набив полный рот.— Не мешало бы добавить к ней хоть каких-нибудь овощей.

— Позавтракаем в Якобсдале,— коротко ответил Сорви-голова.

— Ты ничего не ешь и все молчишь, хозяин. А между тем обычно ты не дурак покушать, да и за словом в карман не лезешь.

— Опасаюсь неприятных встреч.

— А далеко еще до Якобсдаля?

— Три лье.

— Хо! Всего какой-нибудь часок езды! Дорога хорошая... поднажмем на педали, а?

— Нажмем!

Так они мчались уже добрых тридцать минут.

Внезапно Жан Грандье, ехавший впереди, заметил справа, на расстоянии двух километров, небольшой отряд кавалеристов, человек пять-шесть.

Всадники перевели коней на крупную рысь с явной целью перерезать дорогу велосипедистам.

— Фанфан, можешь припустить до двадцати и даже двадцати пяти километров. Видишь кавалеристов?.. Наверное, уланы.

— Слева, да? Вижу.

— Нет, справа.

— Значит, их два взвода. Да, это уланы. Не дрейфь и пошевеливай ногами! Жарь! Жарь!..

Друзья припали к рулям и понеслись со скоростью курьерского поезда.

Но и уланы послали лошадей в карьер. С пиками наизготовку они бешеным галопом мчались наперерез велосипедистам.

Скачка была недолгая, но захватывающая. Ведь это был не один из тех безобидных матчей на хорошо утрамбованной дороге или гоночной дорожке, опасный разве только для кошельков зрителей или для самолюбия его участников.

Дорога скверная, а местами и совсем непроходимая.

Под густым слоем красной пыли коварно притаились рытвины и камни, которых не увидишь, пока не наскочишь на них. А ставкой в этой отчаянной гонке служат жизни двух молодых людей, а быть может, и спасение целой армии.

— Проскочим! — бормочет Сорви-голова.

Его мускулы готовы лопнуть от напряжения, взгляд прикован к дороге; крепко сжимая руль, он инстинктивно объезжает попадающиеся на пути препятствия.

...Уланы все приближались. Уже доносились их крики. Жану явственно слышались слова, от которых за-

кипела вся его кровь: «Pigsticking! Pigsticking!» — «Подколем свинью!.. Подколем!»

«И не иметь возможности подстрелить этих свирепых зверей!» — вздохнул Сорви-голова.

Фанфан, следивший за левым взводом, радостно крикнул:

— Не порть себе кровь, хозяин!.. Обогнали! Пройдем!

Однако правый взвод приближался с молниеносной быстротой. Дорога, правда, немного улучшилась, но оба велосипедиста начали уже выдыхаться.

Фи-ю-ю-ю!.. Фи-ю-ю-ю!.. — просвистело мимо ушей несколько пуль, и началась пальба.

Это открыл огонь левый, обойденный взвод. Не столько ради того, чтобы подстрелить беглецов, сколько для того, чтобы они испугались, потеряли самообладание, необходимое при быстрой езде, и свалились с велосипедов.

Но испытанному мужеству капитана Сорви-голова и Фанфана чужда такого рода слабость. Они давно привыкли к музыке пуль.

Вот вдали уже показались окруженные деревьями строения, до них всего пол-лье.

Якобсдадь!

Пол-лье! Еще пять минут этого адского хода — и они спасены.

Левый взвод нагонял их с тылу, правый находился всего в ста пятидесяти метрах.

— Ходу, Фанфан, ходу!

— Жарь! Жарь!.. — подхватил парижанин.

Англичане взревели от ярости: эти бесстрашные мальчишки пронесли карьер кони перемахнули по инерции через дорогу и проскакали метров пятьдесят,

прежде чем всадникам удалось их остановить. Но кавалеристы не мешкали. Они круто повернули коней и, вернувшись на дорогу, продолжали преследование. Расстояние, отделявшее велосипедистов от Якобсдаля, сокращалось буквально на глазах. К несчастью, дорога в окрестностях этого городка оказалась истоптанной и изрытой стадами. Молокососам пришлось снова замедлить ход.

Внезапно велосипед Жана попал в засыпанную пылью яму, заднее колесо его занеслось на полном хо-

ду, и Сорви-голова, подскочив в воздух, перекувырнулся и, пролетев метров шесть, растянулся в грязной выбоине.

Фанфан, налетев на его валявшийся посреди дороги велосипед, также перемахнул через руль своей машины и после невообразимого прыжка в воздухе растянулся рядом со своим начальником:

— Видал? Вот так падение — блеск!

V

Отчаянная борьба.— Истребление людей и лошадей.— Король стрелков.— Стычка, в которой Сорви-голова одержал победу, а Фанфан потерял кончик уха.— Последний из оставшихся в живых.— На память майору Колвиллу.— В Якобсдале.— В путь!

Все перемешалось в неопишемом беспорядке — руки, ноги, ружья, рюкзаки.

Фанфан, с обезьяньей ловкостью вскочивший первым, нашел в себе силы позубоскалить:

— Ничего страшного!.. А знаешь, я вообще, наверное, резиновый.

Сорви-голова с трудом поднялся на одно колено, тяжело перевел дух и провел рукой по лбу.

— А меня такхватило по голове,— сказал он,— что в глазах будто миллионы электрических лампочек за-сверкали.

— Ничего не развинтилось, а, хозяин? — спросил Фанфан с какой-то особой, нежной и простодушной тре-вогой.

— Чепуха! Разве можно в наши годы бояться таких пируэтов! — ответил Жан.

Уланы между тем мчались во весь опор. Их была целая дюжина, и они ничуть не сомневались, что в два счета покончат с этими мальчишками, которые, как им казалось, потеряли способность к сопротивлению.

Сорви-голова собрал все свои силы и самообладание.

Он решил драться и во что бы то ни стало выполнить данное ему поручение. Падение сильно оглушило его, однако он не показал и вида, что ему плохо. Железная воля восторжествовала над физической болью.

Быстро сняв с плеча маузер, Жан прицелился в улан, которые с копьями наперевес мчались на них, припав к холкам своих коней.

— Не стреляй! — бросил он Фанфану.

Читатели «Ледяного ада» помнят, вероятно, каким замечательным стрелком стал Жан Грандье в Клондайке благодаря урокам одного канадца.

Уланы скакали по четыре в ряд.

Раздались подряд четыре выстрела, настолько частые, что они как бы слились в один.

Крр... — точно полотно разорвалось.

Четыре всадника первого ряда грохнулись оземь с раздробленными черепами.

Кони второго ряда инстинктивно свернули в сторону, чтобы не раздавить упавших, но лошади убитых продолжали мчаться вперед и после падения своих всадников. Один из коней с молниеносной быстротой скакал посередине дороги; сейчас он наскочит на велосипеды и раздавит обоих Молокососов. То была гнедая лошадь с темно-каштановыми манжетами у копыт и с белой звездой на лбу.

Грянул пятый выстрел. Пуля с ужасающей точностью попала в центр белой звездочки и размозжила животному череп. Конь тяжело рухнул в двадцати шагах от велосипедистов.

— Черт возьми, вот это выстрел! — пробормотал Фанфан, такой же спокойный под огнем, как и его командир.

Все произошло почти мгновенно.

Англичане обрушили на Молокососов потоки брани и угроз, которые, однако, произвели на них не большее впечатление, чем карканье ворон.

Уланы уже не решались на лобовую атаку. Они двинулись на противника с флангов. Их строй напоминал острый угол, вершина которого как бы упиралась в сорванцов.

Сорви-голова с невозмутимым спокойствием навел ружье сначала на правофлангового головного кавалериста, затем мгновенно перевел прицел на левофлангового. Он стрелял, как охотник, убивающий дуплетом пару куропаток. Оба солдата упали, даже не вскрикнув, даже не взмахнув руками.

Шесть всадников и одна лошадь уложены семью выстрелами! Есть от чего прийти в ужас!

Впрочем, в Клондайке Сорви-голова превзошел и это достижение, когда во время полярной ночи истреблял арктических волков, причем единственной мишенью ему служил фосфорический блеск их глаз.

Замечательный стрелок протянул Фанфану свое ружье с опустевшим магазином.

— Дай твое! — сказал он.

Маленький парижанин отдал ему свое заряженное ружье, и Сорви-голова вздохнул с облегчением, снова почувствовав в руках надежное, пригодное к действию оружие.

Англичане на мгновение заколебались. Да и понятно: они желали поохотиться за двумя подозрительными велосипедистами, сыграть забавную партию своей излюбленной игры «подколом свинью», а напоролись на двух молодцов, которые в одно мгновение уничтожили шестерых улан.

Атака не удалась. Тщетно двое ближайших к Молокосам улан пытаются на полном скаку пронзить их копьями. Копья слишком коротки и не достигают цели, а пущенные в карьер кони вихрем проносятся мимо Молокососов.

Просиявший Фанфан показал уланам нос и крикнул им вдогонку:

— Проваливайте-ка вы со своими палками от метлы! Они годны только на то, чтобы сшибать с деревьев орехи да яблоки.

— Погоди еще радоваться, — заметил Сорви-голова.

— Думаешь, они вернутся?

— Ничуть не сомневаюсь. Всей душой ненавижу их, но охотно признаю их мужество.

— Значит, по-твоему, им мало полученной взбучки?

— Да. А вот и доказательство... Ложись. Скорей!..

Сорви-голова, повалив на землю своего товарища, распластался рядом с ним в канаве.

И вовремя! Грянуло шесть выстрелов. Взвились столбики пыли, взлетели осколки камней.

— Ба! — торжествовал Фанфан. — Да что они, ногами, что ли, стреляют?.. Точь-в-точь, как я!

Уланы убедились, видно, что конной атакой ничего не добьешься; они отъехали метров на триста, спешили и, укрывшись за своими конями, открыли ответный огонь.

Весьма неосторожный ход, когда имеешь дело с таким стрелком, как Сорви-голова.

Огромная выбоина, вырытая бурскими повозками, укрывала не хуже траншеи. Сорви-голова, не обращая внимания на град пуль, которыми осыпали их англичане, прицелился в одну из лошадей противника чуть пониже уха. Сраженный выстрелом конь, прежде чем упасть, вздыбился, открыв при этом скрывающегося за ним солдата.

Раздался второй выстрел. Улан, пораженный в лоб, опрокинулся навзничь.

— Всего пятеро осталось! — завопил Фанфан, но тут же вскрикнул. — Ужалили!..

Он неосторожно приподнял голову над колеей, и английская пуля сняла, как резцом, мочку его правого уха.

— Да ты не волнуйся, сущие пустяки!

— Тем лучше. Пора уж кончать, — отозвался Сорви-голова.

Уланы, легкомысленно опустошив магазины своих ружей, прекратили на время огонь. Пока они наспех, торопливо роясь в патронташах, перезаряжали ружья, Сорви-голова с молниеносной быстротой перестрелял лошадей.

Ни одна лошадь не падала сразу. Все они бились, поднимались на дыбы и отскакивали в сторону, обнажая скрывавшихся за ними всадников. Один из пяти оставшихся в живых улан целился в них, стоя на колене. Но Жан успел опередить его, и, пораженный пульей капитана Сорви-голова, он опрокинулся навзничь.

— А теперь только четверо! — торжествовал Фанфан, зажимая рукой сильно кровоточащее ухо.

Вся эта драма длилась не более пяти минут. Уцелевших улан охватил какой-то суеверный страх.

О, если бы у них были кони, как охотно бросились бы они наутек! Но бедным животным досталось сильнее людей: все они были перебиты.

Уланам оставалось только поплотнее прижаться к земле. А кругом — ни ложбинки, ни камня, за которым можно было бы укрыться, лишь кое-где скудные клочья степной травы.

Молокососы же, хотя и уступали уланам в численности, были отлично укрыты от глаз противника.

— Пора кончать! — повторил Сорви-голова. — Нам нельзя терять времени, ведь путешествие только началось. Гром и молния! А как охотно уничтожил бы я целый полк этих проклятых улан!

Сорви-голова прекрасно научился у буров бить врага из засады. Он умел, не обнаруживая себя, следить за всеми действиями противника, мог незаметно для неприятеля изменить позицию или зайти врагу в тыл. Вот и теперь, зарядив свое ружье, он шепнул несколько слов Фанфану, а сам пополз по выбоине.

Уйдя метров на пятьдесят от своего товарища, Жан едва слышно свистнул сквозь зубы.

Фанфан тотчас же насадил на ружье шляпу и, выткнув в сторону руку, приподнял шляпу над выбоиной. Англичане клюнули на эту приманку и принялись нещадно ее обстреливать. Их головы чуть приподнялись над землей. Но для Жана Грандые и этого было достаточно. Паф! Паф!.. — раздались его меткие выстрелы. И тотчас же за ними последовали два других: паф, паф!.. Жан послал их наугад, целясь чуть повыше линии цвета хаки, по которой можно было узнать затянутые в мундиры спины улан. Наступила полная тишина. Потом от земли отделился один (всего один!) оббитый смертельным ужасом человек.

— Погибли! Все погибли! — кричал он, размахивая белым платком. — Вы убили всех!.. Я сдаюсь, сдаюсь!

— Откуда он взялся? — удивился Сорви-голова, поднимаясь в свою очередь. — Значит, я все-таки промахнулся... Эй, Фанфан! Поднимайся! Победа за нами!

Улан подходил, шатаясь, растерянный, с обезумевшими от ужаса глазами.

— Руки вверх, молодчик! — скомандовал Сорви-голова.

Тот поднял дрожащие руки и, заикаясь, пробормотал:

— О, нет, я не обману... У меня пропала всякая охота сопротивляться... Прошу только об одном: пощадите!

— Охотно, — ответил Сорви-голова, из обычной своей осторожности не опуская, однако, ружья.

Внезапно его осенила мысль.

— Номер вашего полка? — спросил он улана, который дрожал и лязгал от страха зубами.

— Третий уланский, — с трудом ответил солдат.

— В таком случае, вы должны знать майора Колвилла.

— Конечно, я его знаю. Он — помощник командира третьего уланского. Наш полк стоит в Ледисмите, а мой эскадрон был отправлен под Кимберли для разведочной службы.

— Вот что: я отпущу вас на свободу, но с одним условием. Согласны?

— Да, вы только скажите. Исполню все, что потребуете.

— Мое имя Сорви-голова, я — Брейкнек, капитан Молокососов. Это я взорвал мост на Моддере.

— Я очень много слышал о вас, — произнес улан.

— Вы видели, как я только что расправился с вашим взводом?

— О, это ужасно!.. Вы страшный человек!

— Я напоминаю об этом не из хвастовства, а только для того, чтобы вы повторили мои слова майору Колвиллу. Вы прибавите еще: «Человек, которого вы осудили на идиотскую и варварскую игру «Pigsticking», поклялся убить вас и убьет. Ничто не спасет вас от его мести». А теперь можете идти: вы свободны!

Хорошо вымуштрованный солдат отдал по-военному честь, поблагодарил и поплелся прочь, пошатываясь, точно пьяный или как человек, одержимый каким-то кошмаром.

— И передайте вашим привет! — крикнул ему вдогонку Фанфан. — А теперь займемся каталками, — добавил он, обращаясь к Жану.

На первый взгляд, велосипед производит впечатление необычайно хрупкой машины, в действительности же он обладает большой прочностью. Когда смотришь на изогнутые под различными углами эмалированные трубочки, из которых построен его корпус, на колеса с тонкими, как лапки паука, спицами, так и кажется, что среднего веса тяжесть, самый незначительный удар могут разладить весь этот механизм. А между тем он не гнется даже под тяжестью толстяка весом в сто килограммов и может устоять против сильнейших ударов, что и подтвердилось на примере велосипедов, выбранных Молокососами.

После внимательного осмотра сорванцы убедились, что в рамах их велосипедов нет даже намека на искривление, и собрались катить дальше, но тут Фанфан,

с одной ногой уже на педали, задержался и, окинув взглядом ужасное нагромождение человеческих трупов и мертвых лошадей, печально произнес:

— Пока защищаешь свою шкуру, все тебе нипочем — знай себе колотишь, будто издеваешься над смертью. Потасовка так и подсыпает тебе пороку в кровь... А кончилась битва, прошла опасность, да как поглядишь вот на такую кучу Маккавеев¹, которые всего пять минут назад были цветущими парнями, невольно подумаешь: «До чего же это грязная штука — война!»

— Да, но война за независимость священна, — задумчиво произнес Сорви-голова. — На нас напали, и нам вдвоем пришлось защищаться против двенадцати человек. Моя совесть спокойна, и я не жалею о случившемся.

— Я понимаю: лучше самому убить дьявола, чем дать ему уколошить себя, — согласился Фанфан. — И уж конечно, я предпочитаю стоять на земле, чем лежать в ней, да еще вечно. Но все-таки, что бы ты там ни говорил, а война — грязная штука... Едем, однако, завтракать.

Оба товарища снова оседлали велосипеды и через десять минут уже въезжали в Якобсдаль.

Якобсдаль — это большое село или, если хотите, маленький городок.

Сорви-голова и Фанфан вошли в лавку, позади которой было пристроено что-то вроде таверны, и потребовали завтрак. Им подали яйца, две копченые селедки, лук, яблоки ранет, бутылку эля и буханку черствого хлеба.

Изголодавшийся Фанфан забыл все треволнения и ужасы войны и, широко раздувая ноздри, жадно вдыхал запах съестного, словно сказочный людоед, учуявший где-то человеческий дух.

— Копченая селедка, как, впрочем, и ящерица, — друг человека, — глубокомысленно произнес он.

Фанфан надрезал селедки в длину, отделил головки, положил на блюдо, потом очистил и нарубил мелко лук, снял кожуру с яблок, нарезал их ломтиками, пе-

¹ Маккавеи — семь братьев, которые, по библейскому преданию, были умерщвлены вместе со своей матерью в царствование Антиоха Епифанского.

ремешал все и, обильно полив эту мешанину маслом и уксусом, принялся поглощать свое невообразимое кушанье.

— Ты попробуй только, хозяин,— сказал он, набив полон рот.— Пища богов!

Но Жану эта кулинария внушала мало доверия, он приналег на яйца.

Через четверть часа оба друга, расплатившись с хозяином таверны, катили в Блумфонтейн по тропинке, называвшейся громким словом «дорога».

VI

Бешеная езда.— В поезде.— Поезд подорван.— Отчаянные усилия.— Под огнем.— Сорви-голова и Жубер.— Пробило легкое.— Доктор Тромп.— Черный, но не негр.— О том, как «выкручивался» Фанфан.

Дорога была довольно прямая, но скверная, если вообще можно назвать дорогой путь, проложенный повозками.

На ее постройку не пришлось тратить. Никто не потрудился над ее трассой, никто не позаботился вымостить ее камнем, прорыть по бокам водосточные каналы. О нет! Она возникла совсем иначе. Кому-то надо было проехать от одного селения к другому. Он запряг в повозку пару быков и покатил себе напрямик. За первой повозкой последовала вторая, потом третья... Так с течением времени образовалась широкая колея. И это называлось дорогой!

Повозки передвигались по ней легко, устраивала она и пешеходов, а подчас даже велосипедистов, о чем свидетельствует тот факт, что Сорви-голова и Фанфан проехали по ней без остановки сорок шесть километров, отделявших Якобсдаль от Эммауса.

Но что особенно замечательно: они потратили на это всего-навсего четыре часа! Конечно, на дорогах департамента Сены и Марны¹ такой рекорд показался бы

¹ Департамент (то же, что у нас область) Сены и Марны обязан своим наименованием двум рекам — Сене и Марне, которые протекают по его территории. Он включает в себя часть центральной области Франции, так называемый «Остров Франции», и часть Шампани, которая также является одной из старинных областей Франции.

более чем скромным, но для оранжистской дороги подобная скорость просто чудо!

А если к этому прибавить еще семнадцать километров, которые они проехали от лагеря Кронье до Якобсдаля, да переход через Моддер, да схватку с уланами, то каждый охотно согласится, что оба Молокососа отнюдь не были «шляпами». В Эммаусе, крошечном городишке с библейским наименованием, пришлось сделать остановку. Все здешние мужчины были на войне, в городке остались одни старики, женщины и дети.

Сорви-голова предпочел бы, правда, без передышки мчаться до другого селения, в двадцати четырех километрах отсюда,— но Фанфан запротестовал:

— Селедка с яблоками и сырым луком развела во мне чертов костер. Хозяин, да угости же ты бедного Фанфана хоть кружкой пива, или молока, или какого-нибудь дешевенького винца, а то и просто свежей воды! Все, что угодно, только бы напиться! Умоляю тебя!

Сорви-голова рассмеялся и вошел в ближайший дом.

Причудливо путая английские слова с голландскими, он попросил немного молока. Хозяйка дома, молодая женщина, посматривала на него с недоверием. Тогда Сорви-голова вспомнил о пропуске Кронье и показал его своей собеседнице. Мгновенно все изменилось. Молокососам расточали улыбки, пожимали им руки, предлагали отдохнуть, непременно хотели накормить их всякой всячиной,— словом, готовы были ради них перевернуть весь дом вверх тормашками.

— Благодарю! Молока, только молока,— сказал Жан.

Немедленно притащили молоко. Его несли горшочками, кувшинами, ведрами, тут было чем утолить жажду целой роты!

Фанфан пил, рискуя лопнуть. Сорви-голова — более умеренно. Напившись, оба, несмотря на самые настойчивые уговоры остаться, вскочили на свои велосипеды и покатали дальше.

Путь из Эммауса до ближайшего селения, где они остановились, прошел без приключений. Они переночевали в одной бурской семье, оказавшей им братское и самое великодушное гостеприимство.

Оба Молокососа заснули сном праведников, но, как

истые воины, проснулись с зарей, наскоро поели и покатались дальше.

До Блумфонтейна оставалось еще восемьдесят четыре километра. На полдороге пришлось переходить вброд Крааль, приток Моддера, то есть, проще говоря, искупаться. Этот более чем трудный этап был проделан за восемь часов, включая три получасовые остановки.

В Блумфонтейн прибыли в четыре часа. Не позволив себе даже осмотреть город, они отправились прямо на вокзал. Впрочем, этот маленький городок был лишен каких бы то ни было достопримечательностей. Десять тысяч жителей; слишком новые и слишком претенциозные дома, которые к тому же совершенно терялись на непомерно широких улицах. Пропуск Кронье и здесь открыл перед Молокососами все двери.

Но оказалось, что отсюда нет ни одного поезда на Винбург. Поезда ходили только до Претории и обратно. Им предстояло доехать до Кронстада, чтобы уже оттуда на велосипедах добраться до Бетлехема. Особой беды, в сущности, не было, потому что дорога из Винбурга в Бетлехем — одна из самых скверных в Оранжевой республике.

От Блумфонтейна до Кронстада сто двадцать миль, или двести двадцать два километра. Поезда идут со скоростью не более двадцати пяти километров в час, а порой их скорость не превышает даже пятнадцати-шестнадцати километров. Приняв во внимание возможные задержки, друзья рассчитали, что этот путь займет у них около пятнадцати часов.

Они были в восторге. Подумать только: спать и в то же время двигаться вперед!

— Ведь не быки же мы, в самом деле, — философствовал Фанфан.

В шесть часов отходил товарный поезд в Преторию. В одном из его вагонов комфортабельно устроили уже начавших уставать посланцев Кронье. Получив по две охапки соломы, они соорудили себе постели, от которых успели уже отвыкнуть. Потом проверили погрузку велосипедов и заснули богатырским сном.

Поезд медленно тронулся и покатил. Время от времени он останавливался, свистел, пыхтел, снова трогался, и так — час за часом.

Прошла ночь, наступил день. Молокососы проснулись, поели, попили и снова завалились спать. Им те-

перь не оставалось ничего другого, как философски относиться к бегу времени.

Прошел еще день, вернее — часть дня. Поезд полз все медленнее и медленнее. В Трансваале пути были загромождены так же сильно, как и в Оранжевой республике.

Кронстад. Наконец-то! Их путешествие длилось целые сутки! Сорви-голова и Фанфан, совсем одеревенев от неподвижности, рады были снова помчаться по проселкам.

Они отмахали без остановки тридцать километров. На ночь пришлось сделать привал. На обед — по сухарю и яблоку. А потом ночевка на берегу маленького притока Вельша, который, в свою очередь, впадает в реку Вааль.

Встали с зарей. На завтрак опять по сухарю и яблоку — и в путь! До Бетлехема еще сто километров. Что ж, они их одолеют!

В шесть часов вечера оба Молокососа, измученные, вспотевшие, покрытые красноватой пылью, были уже в Бетлехеме.

Кронье мог гордиться своими посланцами.

Скорей на вокзал!

Им надавали в дорогу еды и питья и усадили в поезд, который должен был отойти через час. Утолив голод и жажду, оба друга заснули под мерный стук колес с чувством людей, хорошо исполнивших свой долг.

От Бетлехема до последнего пункта под Ледисмитом, куда доходят поезда буров, всего восемьдесят миль, то есть около ста сорока восьми километров.

Поезда идут здесь быстрее, чем на других линиях. Начальник станции уверил их, что в три часа утра поезд проскочит через ущелье Ван-Реннен, и самая трудная часть пути будет пройдена.

Поезд уверенно пожирал пространство, как вдруг раздался сильный взрыв, от которого содрогнулся и остановился на полном ходу весь состав. Все его сцепления разорвались.

Оглушенные и контуженные, Сорви-голова и Фанфан, шатаясь, поднялись на ноги. Рассветало.

— Вот так штука! — вырвалось у маленького парижанина любимое словечко.

На сей раз «штука» оказалась миной, дьявольски отважно и ловко подложенной англичанами.

— Нас подорвали! — вне себя от гнева вскричал Сорви-голова. — Пастух откликнулся на песню Пастушки¹. А, Фанфан?

Ущелье Ван-Реннен было давно пройдено. Состав находился между Бестерс и Уолкерс Гек, далеко от позиций буров, в совершенно безлюдном месте, где трудно было ожидать какой-нибудь помощи.

Правда, вагоны были обиты стальными листами, однако недостаточно толстыми, чтобы служить надежной защитой. Все же в известной мере и эта броня предохраняла от пуль. Охрана поезда состояла из пятидесяти решительных людей, которые не собирались дешево отдать свою жизнь.

Вперед локомотива буры поместили пустой вагон и тендер с углем. Эта мудрая предосторожность вполне оправдала себя. Искалеченный взрывом вагон полетел под откос с высоты четырех метров. Тендер свалился набок и загородил путь паровозу, который, видимо, не пострадал. Третий вагон не упал, но колеса правой стороны соскочили с рельсов и по самые оси врезались в землю: нельзя было двигаться и задним ходом.

Положение осложнялось еще тем, что англичане, находившиеся в засаде с обеих сторон железнодорожного полотна, открыли огонь.

Под прикрытием ответного огня буров машинист полез под состав, чтобы исследовать путь.

Авария оказалась значительной. Два отрезка рельсов были вырваны и скрючены. Но их можно было заменить: в хвостовом вагоне находился большой запас рельсов. Самое трудное — это сбросить с пути тендер.

Группа в несколько человек вызвалась отправиться на исправление пути; другая группа добровольцев с тем же самоотвержением, что и первая, рискуя жизнью, полезла под третий вагон. Выкапывая землю из-под увязших колес, храбрецы старались свалить поврежденный вагон с насыпи.

Все эти работы отняли много времени и стоили немало крови.

Два бура были тяжело ранены, но они решительно отказались от помощи:

¹ Французская поговорка. Буссенар хочет сказать, что англичане взорвали поезд в ответ на взрыв бронепоезда.

— Нет, нет! Спасайте оружие. А нами займетесь потом.

Фанфан и особенно Сорви-голова не находили себе места от бешенства.

Наконец, после получасовых усилий и потери двух человек, бурам удалось уложить и закрепить перед локомотивом новые рельсы.

Теперь все зависело от того, сможет ли он дать задний ход и отойти немного назад. Тогда можно было бы пустить его с разгону, как таран, на тендер и сбросить последний под откос.

Почти всем бурам пришлось заняться спасением поезда. Естественно, что стрельба с их стороны ослабла. Англичане стали смелее. Их кавалеристы гарцевали на расстоянии револьверного выстрела от вагонов.

— Опять уланы! — пробормотал Сорви-голова.

Улан было около сотни. Две трети из них спешились и открыли огонь по бурам, работавшим на пути. Пришлось бросить работу и снова взяться за ружья. Вокруг поезда завязалось настоящее сражение.

Впервые в жизни Сорви-голова благоразумно отказался подвергать себя риску. Зная, что не имеет права умереть или даже получить ранение до тех пор, пока не передаст Жуберу пакет Кронье, он стрелял из-за прикрытия, что, впрочем, ничуть не отзывалось на меткости его выстрелов.

Англичане упорствовали и несли потери. Можно было уже заметить признаки замешательства в их рядах, когда к ним подошло значительное подкрепление. Положение буров стало критическим.

Несколько лошадей, испуганных выстрелами, бешено понеслись по степи. Одна из них запуталась в ботающихся поводьях и грохнулась наземь в пятидесяти шагах от поезда.

В уме Жана Грандье мгновенно созрел смелый план.

— Куда сорвался? В уме ли ты? — крикнул ему Фанфан.

— Нам не уйти от них. Выкручивайся, как знаешь, а я попытаюсь совершить невозможное. Руку, товарищ! До свидания!

Забыв о благоразумии и не слушая возражений Фанфана, Сорви-голова думал только о поручении

Кронье. Он спрыгнул с площадки вагона и побежал к упавшей лошади.

Пули так и свистели вокруг него. Но Сорви-голова, не обращая никакого внимания на эту музыку и приводя буров в восторг своим бесстрашием и самообладанием, освободил ноги лошади от поводьев, в которых она запуталась. Доброе животное тотчас же вскочило, Сорви-голова прыгнул в седло, дал шпоры и послал ее галопом к Ледисмиту.

Вдогонку ему открыли огонь из двадцати карабинов. Пули неумолимо преследовали его. Вдруг Сорви-голова странно подпрыгнул в седле и зашатался, но тут же выпрямился, вскрикнул не то от боли, не то от бешенства и продолжал свой путь вдоль скалистых берегов, среди которых змеится река Клип перед своим впадением в реку Сюрприз-Гилль.

— Браво, Сорви-голова! Браво!..— закричал просиявший от гордости Фанфан при виде нового подвига своего командира.

— Браво, Сорви-голова! — вторили восхищенные буры.

«А все-таки мы пропали,— размышлял Фанфан,— если только скоро, очень скоро не подоспеет помощь... Эх, попадись и мне такой конек, уж я бы тоже не отказал ему в чести спасти меня на своей спине. Но что поделать — его нет! Придется, видно, пошевелить мозгами».

В эту минуту грянуло радостное «ура». Бурам удалось наконец, выкопав землю из-под колес третьего вагона, пустить его под откос. Путь назад был свободен, по крайней мере на известное расстояние.

Машинист дал задний ход, чтобы сцепить вагоны; потом, разогнав состав и рискуя разбить паровоз, пустил его полным ходом вперед. Первый удар только сместил тендер, второй сдвинул его на край полотна, третий сбросил с насыпи.

Мужество и ловкость буров не пропали даром. Вновь положенные рельсы не подвели. Поезд благополучно прошел. Проскочили! Буры понесли тяжелые потери, но спасли вооружение.

Машинист дал полный ход. Поезд понесся вперед на всех парах и... налетел на огромный обломок скалы, сброшенный на рельсы.

Удар оказался сильнее первого. Он повредил механизм паровоза, из всех отверстий которого повалили густые клубы пара.

— Теперь-то уж совсем погорели! — воскликнул Фанфан. — А так как вы не питаете ровно никакой симпатии к понтонам, господин Фанфан, то и придется вам выкинуть свой номер.

И покада англичане обстреливали остановленный поезд, Фанфан стал потихоньку пробираться к паровозу.

А Сорви-голова по-прежнему мчался на большой английской лошади к бургским аванпостам. Всадник явно слабел. Бедному Молокососу стало трудно дышать, на лбу у него выступил холодный пот, его розовые щеки побледнели. Ему приходилось напрягать всю свою железную волю, чтобы удержаться в седле и осилить боль, терзавшую его при каждом скачке коня.

— Домчусь ли? — шептал он ослабевшим голосом. — Надо доехать, надо...

И он снова пришпорил теперь уже взмыленную лошадь, а чтобы не упасть, ухватился за ее гриву.

— Задыхаюсь!.. Пить!.. Пить!.. Я, кажется, отдал бы сейчас весь остаток своей жизни за стакан воды!

На секунду он выпустил из рук гриву коня, достал носовой платок и, просунув его под куртку, зажал им рану на груди.

Вдруг ему почудилось, что показались бургские траншеи.

Так и есть: над гребнями холмов мелькнуло около дюжины желтоватых вспышек, и над его головой зашвистели пули.

— Ружейные выстрелы! — прошептал Жан с горькой усмешкой. — Теперь это единственный вид приветствия между людьми.

Он вытащил из-за пазухи платок и замахал им в знак своих мирных намерений.

И хотя белая ткань платка стала красной от его крови, огонь все же прекратился. Из траншей выскочили люди и побежали навстречу этому странному всаднику.

Сорви-голова, бледный, как тяжело больной человек, собрал последние силы, чтобы прямо и гордо держаться в седле.

Он остановил коня, которого буры мгновенно схватили с обеих сторон под уздцы.

— Кто вы? Откуда? Зачем?..

— Я капитан Сорви-голова. Привез бумаги генералу Жуберу от Кронье. Там дерутся... Поезд, на котором я ехал, будет захвачен англичанами.

Буры заметили наконец, как он бледен, увидели кровь, большим темным пятном проступившую на его куртке.

— Вы ранены?.. Мы понесем вас.

— Ведите меня к генералу Жуберу.

— Он сейчас в Нихолсонснеке, а это совсем рядом.

«Рядом» означает у буров по меньшей мере километр.

В сопровождении группы всадников Жан Грандье направился к генералу.

— Это ваш почетный конвой, дорогой товарищ,— произнес узнавший его фельд-корнет.

— Сейчас мне больше нужна, пожалуй, простая сиделка¹,— ответил Сорви-голова, бледный, как полотно, но сумевший еще найти в себе силы шутить.

Наконец они подъехали к большой палатке, над которой развевался национальный флаг. Через открытые полы ее было видно, что она полна народу.

— Вот мы и приехали,— сказал фельд-корнет.

Сорви-голова, сделав отчаянное усилие, сам слез с коня и твердой поступью, но с искаженным от боли лицом приблизился к генералу. Отдавая правой рукой честь, Сорви-голова левой протянул ему обагренный кровью конверт и, не успев ничего сказать, даже не вскрикнув, тяжело рухнул навзничь. Очевидно, это последнее усилие окончательно подорвало его силы.

— Отнесите этого храброго мальчика в больницу,— взволнованно приказал Жубер.— И пусть о нем заботятся, как обо мне самом.

Жана уложили на носилки, и дружеские руки с бесконечными предосторожностями понесли его в ближайший госпиталь.

Через полчаса Сорви-голова пришел в себя. Едва открыв глаза, он тотчас же узнал очки, добрую улыбку и воркотню своего друга, доктора Тромпа.

¹ Непереводимая игра слов: *garde d'honneur* — почетный конвой или почетная стража, *garde-malade* — сиделка, сестра милосердия (франц.).

— Ну конечно, это я, мой дорогой Сорви-голова! Я — Тромп, по профессии целитель. «Тромп — обманите смерть»¹, как вы однажды удачно выразились... Надеюсь провести ее и на сей раз.

— Так, значит, я серьезно ранен? И не скоро смогу снова сражаться? — встревожился Сорви-голова.

— Очень серьезно! Пробита верхушка легкого. Пуля ли-метфорд, не так ли?.. Она попала вам в спину и вышла через грудь. Как вы знаете, эта английская пуля — весьма гуманное существо. Но тем не менее, несмотря на все ее человеколюбие, я просто теряюсь в догадках, как могли вы добраться сюда? Вы молодец, мой мальчик, настоящий герой!.. Герой дня! Сейчас все в лагере только о вас и говорят. Да это и неудивительно.

— Значит, доктор, вы уверены, что я выживу?

— Вполне! Но пока вам надо молчать и отбросить от себя все тревоги. Животное существование, и ничего больше! Старайтесь даже не думать — и, увидите, все пойдет как по маслу.

— Еще одно только слово, доктор! Что с подорванным поездом?

— Поезд взят англичанами, оставшиеся в живых люди захвачены в плен.

— Бедный Фанфан! — вздохнул Сорви-голова.

Доктор Тромп, с обычным своим искусством перевязав Жана, дал ему успокоительного, и наш герой заснул крепким сном.

Время бежало. Наступила ночь, потом утро, а Сорви-голова все еще крепко спал. Его разбудил шум: где-то рядом спорили.

— Убирайся вон, черномазый! — кричал на кого-то санитар.

— Не уйду!.. Мне надо с ним повидаться.

— А, не уйдешь? Так на тебе, получай!.. — И санитар замахнулся палкой.

Но тут негр заговорил довольно странным для африканца языком:

— Отстань, чертов дуралей!.. Он сразу узнает меня, если только жив...

И, не обращая внимания на санитаря, негр затянул марш Молокососов.

¹ Игра слов: по-французски tromper — слово, от которого происходит фамилия доктора, — означает «обманывать».

— Фанфан! Да это же Фанфан! — радостно закричал Сорви-голова.

Санитар пытался было помешать Фанфану войти, но тот, услышав голос друга, с ловкостью заправского Гавроша дал санитару подножку, от которой тот растянулся на полу, а сам вихрем влетел в госпитальную палатку и подскочил к койке Жана Грандье, который ждал его с распростертыми объятиями.

Перед раненым предстал какой-то черный человек, вращавший белками глаз. От него нестерпимо несло запахом машинного масла и колесной мази.

Сорви-голова так и затрясся от неудержимого смеха. А обрадованный Фанфан воскликнул:

— Ну, если раненый хохочет, значит, наполовину уже здоров. Да, хозяин, это я! Ты жив, я свободен. Мы счастливы!.. Пойду умыться. Потом обнимемся и поболтаем.

— Нет, Фанфан, нет! Постой! Расскажи только, как тебе удалось выбраться оттуда?

— Ты же сказал мне: «Выкручивайся», вот я и выкрутился... Когда уланы подошли, чтобы подцепить нас, я пробрался к углю и вывалился в нем с головы до пяток. Потом я навел косметику превосходной черной краской из колесной мази и стал негром, настоящим негром самого чудесного черного цвета. Англичанишки приняли меня за кафра и называли «боем»¹. А невеселое, скажу тебе, занятие — быть здесь кафром или боем. Англичане, едва увидев меня, тут же вlepили несколько здоровенных пинков сапожищами по задку моей кареты, приговаривая: «Пошел прочь, мошенник!» Я, разумеется, не заставил их повторять это напутствие и помчался в лагерь. Там меня били за черную кожу. А здесь тоже побили да еще наврали, что ты умер. Но, как видишь, я решил сам убедиться в этом. Теперь я с тобой. Ты жив... Молчи! Тебе нельзя говорить... Я счастлив! Бегу мыться. Потом вернусь и буду побратски за тобой ухаживать.

¹ «Б о й» — мальчик, кличка, которую англичане дают всякому «цветному» мальчику, находящемуся в услужении.

VII

Выздоровление.— Сорви-голова хочет вернуться на фронт.— Пятнадцать дней спустя.— Битва на Спионскопе.— Луи Бота.— Наступление буров.— Страшная пальба.— Пленники.— Смерть генерала Вуда.— Горе капитана Сорви-голова.— Последняя воля.— Патрик Леннокс.— Возвращение под Кимберли.

Современная «пулька», как, по свойственной ему склонности к деликатному обращению, называл ее доктор Тромп, и на этот раз оказалась гуманной.

Выздоровление Жана Грандые шло с поразительной быстротой.

Этому немало способствовали, кроме неустанного внимания доктора Тромпа и ухода преданного Фанфана, крепкий организм и неугасимая воля к жизни нашего героя.

Не обошлось, конечно, и без асептики.

— Видите ли, дорогой мой,— повторял своему пациенту доктор,— без асептики нет и не может быть настоящей хирургии. Вас здорово поддели... Случись это лет двадцать назад, вы через два-три дня умерли бы от такой раны. А теперь от этого не умирают. Я хотел бы даже заполучить вас с обоими пробитыми легкими, насквозь пробуравленной печенкой и пусть даже с дыркой в желудке.

— О, вы слишком добры ко мне, доктор! — стараясь сохранить серьезность, ответил Сорви-голова.— Благодарю вас и в следующий раз непременно постараюсь устроить так, чтобы меня привезли к вам изрешеченным, как шумовка.

— И увидите тогда, что процесс выздоровления не станет от этого ни более длительным, ни более трудным.

— Итак, доктор, до следующего раза!

Этот разговор происходил спустя восемь дней после ранения Жана.

Фанфан, отмытый добела, покидал своего друга только для того, чтобы побегать по лагерю и собрать для него свежие новости.

Под Ледисмитом продолжали драться. На фронт то и дело отправлялись партии подлечившихся раненых. С нетерпением ожидал своей очереди и Сорви-голова.

В конце второй недели он уже отлично ходил, проявлял волчий аппетит и во что бы то ни стало хотел вернуться в строй.

Однако доктор Тромп настоял, чтобы он пробыл в госпитале еще неделю. Всю эту неделю Сорви-голова сгорал от нетерпения ринуться в биву.

И битва произошла. Жестокая битва! Она прославилась благодаря бесстрашному наступлению буров и вошла в историю под названием «сражение на Спionскопе».

«Коп» — это на языке буров более или менее крутой холм, подъем на который не представляет, однако, больших трудностей. Полевые укрепления, траншеи, нагромождения скал и засеки превращали его в удобную стратегическую единицу.

Спionскоп высился над долиной Вентера, левого притока Тугелы. Со стороны английских позиций он представлял собой три вала, вернее — три контрэскарпа¹.

Англичане сильно преувеличивали стратегическое значение Спionскопа, в то время как буры недооценивали его. Может быть, потому, что в их руках были другие высоты, господствовавшие над этим холмом.

Но, какова бы ни была причина, бюргеры плохо охраняли свои позиции на Спionскопе. Настолько плохо, что однажды ночью англичанам удалось выбить оттуда весь бурский гарнизон, состоявший из ста пятидесяти человек. А заняв холм, они затрубили победу. Они были искренне убеждены, что овладели ключом от Ледисмита.

Телеграф немедленно разнес эту весть по всей Европе, а падкая до сенсаций английская печать преувеличила и раздула ее до размеров события огромной важности. Словом, известие о взятии бурских позиций на Спionскопе вызвало в Англии один из тех взрывов энтузиазма, которые превращают великую нацию в посмешище всего мира.

По существу, то была простая военная операция, стычка на аванпостах, в результате которой, как это часто бывает на войне, вскоре завязалось действительно большое сражение.

¹ Контрэскарп — внешняя, крутая стена крепостного вала.

На другой же день англичанам пришлось запеть совсем иную песню.

Жубер понял, какой стратегический и моральный ущерб нанесла бурам эта потеря, и приказал генералу Луи Бота во что бы то ни стало отобрать у англичан позиции на Спиронскопе.

Бота, молодой, тридцатипятилетний генерал, уже четыре дня успешно бился под Колензо.

Это был энергичный человек, прекрасный знаток маневренной войны, умевший быстро вынашивать свой замысел и хорошо выполнять его. Короче говоря, генерал Бота был выдающимся полководцем.

Противником его был генерал Уоррен, командовавший английскими войсками.

Еще накануне Сорви-голова вошел в состав отряда генерала Бота. В виде единственной награды за свой подвиг он выпросил у генерала Жубера позволение идти в бой в первых рядах.

Старый генерал горячо рекомендовал нашего героя генералу Бота. Вспомнив о происхождении Жана Грандье, Жубер пожал ему руку и произнес:

— Я тем более горжусь таким храбрым и преданным нашему делу солдатом, как вы, что и в моих жилах течет французская кровь.

Бота тепло встретил отважного посланца Кронье и доверил ему командование небольшим отрядом авангарда, которому предстояло действовать в ближайшую же ночь.

Авангард состоял из трехсот пятидесяти буров, набранных во всех частях из числа самых выносливых и ловких бойцов. Молокососы, рассеянные теперь по всем фронтам, были представлены в нем Жаном Грандье и Фанфаном.

Это была отборная часть, опираясь на которую Бота впервые в военной практике буров решился на обходное движение.

Речь шла ни больше ни меньше как о том, чтобы взобраться ночью на один из трех валов Спиронскопа и на рассвете ударить по первой английской траншее.

Дерзкий замысел, который именно благодаря своей смелости должен был увенчаться успехом, но какой ценой!

Никто из людей не сомневался, что все они обречены, но с тем большим мужеством шли они на приступ.

Тяжелое задание.

Молокососы выступили со своим отрядом в полночь. Оставив лошадей у подножия первого вала, они стали карабкаться вверх.

Положение буров было ужасно. Под ногами пропасть, наверху, над головами, траншеи англичан с их шквальным огнем, а еще повыше, слева от траншей, английская артиллерия.

Люди взбирались медленно. Затаив дыхание, избегая малейшего шороха, они с ловкостью кошек цеплялись за каждый выступ.

Авангард поддерживали пятьсот человек, сосредоточенных у подножия второго вала, и столько же — у третьего.

Сорви-голова и Фанфан возглавляли передовой отряд. Они отлично были знакомы с местностью, которую успели изучить, когда эскадрон Молокососов действовал тут в качестве разведчиков.

Это опасное и утомительное восхождение длилось три с половиной часа.

На рассвете передовые английские караулы подняли тревогу.

Измученные и задыхающиеся от усталости буры сгрудились за выступом земли, чтобы передохнуть, прежде чем ринуться на штурм английской траншеи.

Отличительная черта этой операции — наступление и притом один из труднейших его видов — ночная атака. Ни возгласов команды, ни криков «ура», ни театральных эффектов. Примкнутые штыки, маузеры с полными магазинами да пронзительный свисток, означавший «Вперед!»

О, какие же они храбрецы! Какой стремительный порыв! И откуда взялась такая горячность у этих бесспорно отважных, но обычно спокойных буров, характеру которых противно всякое бравирование опасностью?

Между бурами и первой английской траншеей, до отказа набитой солдатами, простиралась открытая местность.

Бойцы генерала Бота бесстрашно устремились вперед, хотя бурская военная школа и не учила их наступательному бою.

— Да здравствует свобода!

Эти магические слова рвались у них прямо из сердца, переполненного горячим патриотизмом, и часто переходили в предсмертный хрип.

Буров встретил убийственный залп ли-метфордов. Пушки грохотали без перерыва, поливая их шрапнелью и лиддитовыми снарядами. Скошена была уже половина отряда. Но и тяжело раненные буры собирали последние силы для ответного огня. Даже те, кому уже не суждено было вырваться из объятий смерти, судорожно хватали ружья и, спустив курок, тут же умирали с возгласом: «Да здравствует свобода!»

К ним можно было отнести слова, сказанные о русских одним из наших знаменитых генералов:

«Для того чтобы вывести из строя русского солдата, нужны две пули: одна — чтобы повалить его, другая — чтобы его убить»¹.

Наступил все же момент, когда буры дрогнули.

Сорви-голова и Фанфан находились в первых рядах, но ни один из них не получил еще ни единой царапины. Война всегда чревата неожиданностями.

— Вперед! Вперед! От этих пуль не умирают!.. — крикнул Сорви-голова, первым бросаясь на неприятеля.

— Вперед! — вторил парижский Гаврош, ни на шаг не отстававший от своего друга.

Как раз в эту минуту вступили в действие резервные отряды буров. Они только что вскарабкались на другие валы и с ходу пошли на штурм английских позиций. Загремела артиллерия генерала Бота. Пушки Крупа, «максимы» и орудия Крезо извергали на английские траншеи убийственный град стальных снарядов.

Теперь дублинские стрелки, которые защищали английские передовые укрепления, в свою очередь стали нести тяжелые потери. Их ряды буквально таяли. Скоро положение дублинцев стало безнадежным. Из пятисот защитников триста уже выбыли из строя. К тому же они попали в окружение. Ничего не поделаешь — приходилось сдаваться!

¹ Буссенар ошибочно приписывает это изречение какому-то французскому генералу. В действительности это слова прусского короля Фридриха Второго, произнесенные им после поражения, нанесенного ему русскими войсками в битве при Кунерсдорфе.

Английский капитан с раздробленным левым плечом размахивал белым платком, нацепленным на кончик сабли.

— Hands up! — крикнули Сорви-голова, Фанфан и несколько буров, первыми спрыгнувшие в траншею.

Англичане побросали оружие, подняли руки и сдались на милость победителя. Их немедленно отправили вниз, в бурский лагерь.

Трудно переоценить значение этого первого успеха, купленного столь дорогою ценой. Но то было лишь начало. Надо еще отвоевать остальные позиции.

На помощь англичанам подошел генерал Вуд с двумя пехотными полками. То были отборные английские войска. Они храбро ринулись в штыки под водительством своего отважного начальника.

Сорви-голова навел на генерала ружье. Сейчас он выстрелит и убьет его...

Внезапно он вздрогнул и отвел свой маузер. Жан узнал того самого генерала, который некогда спас его от злейшей и оскорбительной пытки «pigsticking».

Разумеется, это враг. Но враг честный и благородный! В душе юного француза никогда не умирало чувство благодарности к своему спасителю.

Жану Грандье хотелось как-нибудь спасти его, укрыть от пуль. Он отлично понимал, что Вуда сейчас убьют, тем не менее он думал о том, как было бы хорошо взять его в плен, избавить от всех опасностей войны, окружить заслуженным вниманием.

Убийственный огонь буров остановил контратаку англичан. Бюргеры стреляли, пользуясь малейшим прикрытием, причем каждый из них целился в заранее намеченную жертву. Их огонь косил ряды англичан. Протяжный и тоскливый стон на несколько мгновений заглушил пальбу.

Английские солдаты отступали, невзирая на просьбы, угрозы и даже удары своих офицеров. Генерал Вуд пал одним из первых. Сорви-голова бросился к тому месту, где он свалился, и отыскал его среди мертвых и раненых. Высвободив из-под трупов и увидев его, бледного, окровавленного и еле дышавшего, Жан воскликнул:

— Это не я, генерал! О нет, не я! Клянусь!

Сорви-голова расстегнул его мундир, поднял рубашку и увидел по обеим сторонам его груди круглые си-

неватые отверстия с дрожащими на них каплями крови.

Фанфан, прибежавший вслед за своим другом, помог ему осторожно усадить раненого.

С первого же взгляда им стало ясно, что раны смертельны. Да и сам генерал, казалось, не питал никаких иллюзий относительно своего состояния.

— Генерал! — снова заговорил Сорви-голова. — Мы отнесем вас в тыл, в госпиталь. Вас будут лечить, вас спасут!

Раненый, уже несколько секунд напряженно вглядывался в лицо Жана, видимо, стараясь что-то вспомнить, узнал наконец это молодое честное лицо, на котором нетрудно было прочесть выражение глубокого горя. Из побелевших губ его вырвалось тихое, как дыхание, слово:

— Брейкнек!

— Да, генерал, это я. И я в отчаянии, что вам так плохо! Но мы вас спасем.

— Благодарю. Мне уже никто не поможет. Умираю... Я прошу вас только... Во внутреннем кармане мундира бумажник, в нем завещание... Передайте его после боя какому-нибудь английскому офицеру, пусть отошлет моей семье. А меня снесите туда, поближе к моим товарищам по оружию... Обещаете?

— Клянусь, генерал!

— Благодарю... Вашу руку... Прощайте!

Взгляд его потускнел, на губах показалась струйка розоватой от крови пены, он глубоко вздохнул и замолк навсегда.

Между тем со всех сторон сбегались и вступали в бой резервы буров. Англичане, понесшие огромные потери, отходили к месту слияния рек Вентера и Тугелы. Было около двух часов пополудни. Там и сям еще шла перестрелка. Но пушечные выстрелы раздавались реже. То были последние судороги ожесточенной битвы!

Буры победили. Спиронскоп снова в их руках!

Сражение кончилось. Победители пропели благодарственный псалом, а генерал Жубер в ответ на многочисленные поздравления обнажил голову и скромно ответил:

— С божьего соизволения.

Обе стороны понесли жестокие потери. На поле битвы осталось более полутора тысяч убитых и раненых.

Генерал Уоррен попросил перемирия, и Жубер, верный своим правилам, великодушно согласился.

Другой на его месте, безусловно, отказал бы и тем самым сделал бы свою победу более полной и надежной. Скоро, увы, именно так и поступят англичане, воспользовавшись неизмеримо более тяжелым положением буров. Мы увидим, как они будут испепелять огнем стопушечной артиллерии своих великодушных противников и жестоко истреблять истощенных, умирающих от голода и ран бойцов, не щадя ни женщин, ни детей.

Впрочем, для буров скоро вообще пробьет час, возвещающий конец их победам, плодами которых они не умели пользоваться. В самом непродолжительном времени им предстоит столкнуться с новой стратегией, на службу которой англичане бросят подавляющие противника силы.

И это будет конец! Но если буры и падут на глазах равнодушной Европы, они, как хорошо сказал старик Крюгер, все же удивят весь мир и спасут свою национальную честь.

Как только перемирие было подписано, Сорви-голова поспешил исполнить волю генерала Вуда.

Он потребовал носилки и попросил у Бота почетный караул, чтобы отдать генералу последние почести. Получив разрешение бурского полководца, Сорви-голова в сопровождении двадцати солдат, трубача и носильщиков отправился на поле битвы.

Шествие двинулось в нейтральную зону, где буры и англичане бок о бок мирно выполняли скорбное дело — разыскивали и уносили с поля боя раненых и мертвых.

При виде траурной процессии все они тотчас же бросали работу и, вытянувшись в струнку, отдавали честь.

Но вот кортеж приблизился к английским линиям. По приказу Жана Грандые трубач заиграл парламентский сигнал.

Из траншеи выступил взвод англичан во главе с юным офицером.

Сорви-голова удивленно воскликнул:

— Лейтенант Патрик Ленокс! Вы? И свободны?

— Счастливи приветствовать вас, капитан Сорви-голова!

— Но как же вы очутились здесь?

— Мне удалось бежать... после того, как мой отец был убит на моих глазах в бурском госпитале.

— Его убили?! Кто же мог совершить столь низкое преступление, противное сердцу каждого порядочного человека?.. Верьте мне, лейтенант: моими устами все буры осуждают этот гнусный поступок.

— Да, Сорви-голова, я знаю, вы — честный противник, и я жму вашу руку с искренней симпатией, которая навсегда останется неизменной.

— И вы, лейтенант, также можете быть уверены в моем к вам расположении.

После того как оба молодых человека обменялись теплым рукопожатием, Сорви-голова произнес:

— Имею честь, лейтенант, передать вам останки генерала Вуда, павшего на поле брани. Вручаю вам также личные бумаги генерала. Я принял последний вздох этого храброго солдата, который поручил мне отнести его тело к своим и позаботиться о том, чтобы этот бумажник был доставлен его семье.

Шотландский офицер обнажил саблю и скомандовал:

— На караул!

— На караул! — повторил за ним Жан.

Взводы буров и англичан, стоявшие по обе стороны носилок, одновременно отдали последнюю честь усопшему.

— От имени офицерского корпуса ее величества королевы, — взволнованным голосом произнес Патрик, — от имени семейства генерала благодарю вас, товарищ. А теперь прощайте! Желаю вам благополучно вернуться на родину, в прекрасную Францию, тем, кто вам дорог.

— Прощайте! Желаю и вам также счастливо избежать опасностей войны и вернуться на родину...

На другой день генерал Жубер вызвал к себе капитана Сорви-голова и сказал ему:

— Вы проявили себя как самоотверженный, находчивый и отважный курьер, доставив мне важные бумаги генерала Кронье. Посылаю вас обратно с документами, не менее важными.

— Я весь к вашим услугам, генерал.

— Вы отправитесь через два часа поездом в Блумфонтейн через Преторию. В Блумфонтейне вы достане-

те себе коней и во весь опор поскачете в лагерь Магерс-фонтейн.

— Слушаю, генерал.

— До свидания! Желаю успеха. Если предчувствие не обманывает меня,— добавил Жубер,— у вас там скоро должно начаться жаркое дело.

VIII

Старый Боб.— Предчувствия Жубера.— Ослепление Кронье.— Обходное движение.— В окружении.— Лагерь Вольверскраала.— Ожесточенная бомбардировка.— Героическое сопротивление.— Капитуляция.— Четыре тысячи пленных! — Капитан Жюно.— Два друга.— Бегство.

Старая и фатальная для англичан стратегия генералов Митуэна, Уайта, Буллера и Уоррена отжила свой век.

Английское правительство поняло свои ошибки и решило во что бы то ни стало исправить их, не скупясь на деньги и не щадя людей. Командующим английскими силами в Южной Африке назначили маршала Робертса. Прошло уже с месяц, как он прибыл сюда вместе с начальником своего штаба, лордом Китченером.

С первого же дня прибытия они оба неустанно работали над переустройством армии и подготовкой ее к операциям совершенно нового типа.

Неутомимая деятельность лорда Робертса, его воинственное, чисто солдатское красноречие, его бесспорный авторитет полководца быстро подняли воинский дух армии.

Уже одно сознание, что с ними их «старый Боб», вызвало у солдат взрыв энтузиазма и внушило им уверенность в победе.

Теперь, больше чем когда-либо, численное превосходство было на стороне англичан. Страшное превосходство, о которое неизбежно должен был разбиться героизм буров, сколь бы велик он ни был.

Состав английской армии утроился. Ежедневно прибывали пароходы, до отказа набитые людьми, лошадьми, продовольствием и боеприпасами. Английская армия превосходила теперь своей численностью все население обеих республик, включая женщин и детей.

Великобритания насчитывала тогда четыреста миллионов жителей, а в двух крохотных государствах ее противника числилось всего лишь двести тысяч человек¹.

Великобритания отправила в Южную Африку двести двадцать тысяч солдат, тогда как буры за все время войны не могли выставить более тридцати тысяч бойцов.

В английские войска непрерывным потоком вливались подкрепления из метрополии, в то время как бурские отряды, отрезанные от всего мира, несли ничем не возмещаемые потери в людях и снаряжении.

Могущественная Англия, стремясь покончить с этой героической горсткой бойцов, вынуждена была напрячь все свои силы и бросить на бурав такое количество войск, которого она никогда не выставляла даже против Наполеона.

Если она и одержит победу, ей не придется особенно гордиться завоеванием, купленным такою ценой.

Таким образом, лорд Робертс начал свои военные операции, располагая всем необходимым для победы, и с армией достаточно многочисленной, чтобы вторгнуться в обе республики. При этом он был еще избавлен от необходимости идти на помощь осажденным генералам Митуэну и Буллеру, которых буры беспощадно колотили.

Старый маршал готовился нанести решающий удар под Кимберли. Главные его силы сосредоточивались перед армией Кронье, которой предстояло выдержать первый натиск.

Кронье славился не только гражданской доблестью и военными способностями. Не менее примечателен был он своим упрямством. Это упрямство, о которое разбивалось все, даже сама очевидность, и должно было привести его к катастрофе.

В пакете, который Сорви-голова привез Кронье, вместе с другими документами находилось письмо Жубера, где генерал давал Кронье несколько советов в связи с новой военной ситуацией.

¹ Буссенар имеет в виду только бюргеров, то есть белых голландского происхождения, пользовавшихся гражданскими правами. Он не включает в эту цифру коренного африканского населения, насчитывавшего в то время более миллиона человек и не пользовавшегося тогда, как впрочем, и теперь, никакими правами.

«Остерегайтесь старого Боба, как самого дьявола,— писал Жубер.— Говорят, он задумал что-то новое. Это искуснейший стратег. Он строит все на маневре и избегает лобовых атак. Боюсь, что нас ожидают обходные движения широким фронтом, которые он в силах осуществить благодаря чудовищному количеству своих солдат...»

Кронье, горделиво взглянув на действительно грозные укрепления, возведенные бурами против лорда Митуэна, тихо, как бы про себя, проговорил:

— За такими стенами я не боюсь никого и ничего, даже обходного движения, мысль о котором преследует Жубера. Робертс — такой же английский генерал, как и все прочие генералы, с которыми мне приходилось иметь дело. На обходное движение он не решится.

Кронье совершил двойную ошибку.

Во-первых, Робертс — прирожденный солдат, обязаный возвышением исключительно своему таланту полководца, — не был таким же английским генералом, как и все прочие. Во-вторых, он решился.

Все произошло без лишнего шума и треска, без ненужной болтовни и бряцания оружием.

По возвращении в лагерь Кронье Сорви-голова снова впрягся в тяжелую службу разведчика. Теперь он служил под командой полковника Виллебуа-Марей, выполняя эту опасную работу с обычной своей находчивостью и усердием. Он набрал отряд в два десятка молодых людей, таких же смелых и ловких, как он сам. В их числе находился, конечно, и Поль Поттер. Фанфан был его лейтенантом.

С невероятной отвагой, но и с неслыханной для таких юнцов осторожностью Молокососы предпринимали дальние объезды по всему фронту Кронье и возвращались всегда с целым коробом важных военных сведений.

14 февраля Сорви-голова примчался во весь опор сообщить своему полковнику, что английские войска заняли Коффифонтейн. Сообщение это было настолько серьезно, что Виллебуа-Марей решил проверить его лично. Он отправился один и вернулся страшно взволнованный: Сорви-голова не ошибся.

Полковник немедленно известил о случившемся Кронье. Последний спокойно ответил, что все это вполне вероятно, но нет никаких причин волноваться.

Однако Виллебуа-Марей, обладавший непогрешимой проницательностью питомца современной военной школы, чувствовал, что это событие является лишь одной из частей широкого обходного движения.

На следующий день полковник, еще более озабоченный, чем накануне, снова поскакал в направлении Коффифонтейна, на этот раз в сопровождении австрийского офицера, графа Штернберга. Не доехав до Коффифонтейна, они остановились. Там шло сражение. Гремели пушки. Один раненый английский солдат уверял, что сюда подходит лорд Китченер с пятнадцатитысячной армией. Оба офицера видели, как вдали прошло несколько английских полков.

Иностранные офицеры помчались в Магерсфонтейн поставить в известность об этом Кронье. Но генерал выслушал их равнодушно и, пожав плечами, ответил:

— Да нет же, господа, вы ошиблись! Какое там обходное движение! Его нет и не может быть. Даже очень крупные силы не решились бы на столь рискованную операцию.

Прошло еще двадцать четыре часа.

На рассвете полковник Виллебуа-Марей, взяв с собой восемь кавалеристов, отправился в разведку по направлению к Якобсдалю. На полдороге он увидел английскую армию, тянувшуюся бесконечной лентой, и во весь опор поскакал обратно. К своему великому удивлению, он не заметил ни малейшего признака тревоги в бурских траншеях. Беззаботные буры мирно почивали у своих повозок.

Полковник забил тревогу. Над ним стали смеяться.

— Но неприятель совсем рядом! Его войска вот-вот окружают и захватят вас.

Буры ответили новым взрывом хохота и вскоре опять захрапели.

Виллебуа-Марей бросился к генералу, рассказал ему о страшной опасности, готовой обрушиться на его маленькую армию, умолял отдать приказ об отступлении.

С волнением, от которого исказились благородные черты его лица и задрожал голос, он добавил:

— Генерал Кронье! Вы берете на себя страшную ответственность. Вы будете разгромлены, а между тем в ваших руках исход борьбы за независимость! Послу-

шайте меня, я не новичок в военном деле. Опасность велика. Умоляю вас, прикажите отступать! Вы пожертвуете при этом только своим обозом, который и так уже можно считать потерянным, но вы спасете своих людей — четыре тысячи бойцов. Еще не поздно!

Кронье выслушал полковника с тем безропотным терпением, с каким взрослые относятся к шалостям избалованных детей, усмехнулся и, покровительственно похлопав его по плечу, ответил следующими, вошедшими в историю словами:

— Я лучше вас знаю, что мне надо делать. Вы еще не родились, когда я был уже генералом.

— Но в таком случае поезжайте убедиться лично, что английская армия наполовину завершила окружение! — не унимался полковник.

Вместо ответа Кронье пожал плечами и отвернулся.

День 16 февраля прошел в том же преступном по своей тупости бездействии.

17-го после полудня кавалеристы полковника Виллебуа-Марей снова отправились в разведку. Отряд возглавлял он сам. Перед его взором нескончаемым потоком тянулись колонны английских войск.

Отправился на разведку и граф Штернберг. Сопровождавший его бургундский военный интендант Арнольди насмешливо заметил:

— Хотел бы я увидеть хоть одного из тех английских солдат, которые так преследуют ваше воображение.

— Ну что ж, взгляните! — ответил австрийский офицер, простирая руку к горизонту, потемневшему от сплошной массы людей, лошадей и пушек.

Арнольди побледнел, прищипорил коня и, обезумев от волнения, помчался в лагерь Магерсфонтейн.

Еще издавек он принялся кричать:

— К оружию!.. К оружию!.. Англичане!..

— Слишком поздно! — с грустью в голосе заметил Штернберг, скакавший рядом с ним.

— Да, слишком поздно! — как унылое эхо, повторил Виллебуа-Марей, тоже примчавшийся во весь опор.

Кронье убедился наконец в своей ошибке, понял, в какое тяжелое положение поставлена благодаря его слепоте лучшая бургундская армия. Надо все же отдать

ему должное: в нем мгновенно пробудился бесстрашный воитель.

Приказ об отступлении отдан. В лагере поднялась невообразимая суматоха. Шутка сказать! Обоз состоял из четырех тысяч быков, такого же количества верховых коней и несметного множества повозок¹.

Запрягли, как попало, быков, нагрузили наспех повозки. Но еще надо было снять пушки с их гнезд, установить их на лафеты и разослать разведчиков, узнать, какими путями отходить, чтобы не наткнуться на врага. Подумать только! Потеряно целых четверо суток! А Кронье и теперь из-за своего бурского упрямства никак не хотел бросить обоз и налегке, пользуясь чудесной подвижностью буров, вывести их из окружения.

В два часа ночи лагерь наконец опустел.

Вперемежку с кавалеристами, погонщиками, повозками и верховыми лошадьми ринулись во мрак ночи женщины и дети, перепуганные и оглушенные шелканьем бичей, скрипом телег, мычаньем быков, топотом коней и криками людей.

Что это — отступление? Нет, бегство!

Бежали, то замедляя, то ускоряя шаг, всю ночь и весь следующий день. К вечеру вконец изнуренные животные не могли уже двигаться дальше.

Кронье вынужден был разбить лагерь. Его маленькая армия заняла большой изгиб долины Вольверскрал на Моддере, между Кудусрандом и Паарденбергом. Теперь Кронье оказался в полном окружении. Сам он

¹ Как известно, буры шли на войну, по крайней мере в первой ее стадии, со своими женами и часто даже с детьми. Отсюда огромное количество повозок, на которых они везли свое хозяйство. Отсюда же многочисленное стадо, сопровождавшее буров. Один из выдающихся бурских полководцев, генерал Девет, в цитированных выше записках рассказывает, как трудно было ему бороться с этой практикой. Несмотря на его категорический запрет, некоторые коммандо волокли за собой большой обоз. Когда генерал Девет категорически предложил начальнику одного коммандо либо отослать свой обоз, либо совсем покинуть войско, тот предпочел последнее и увел свое коммандо домой вместе с бойцами и обозом.

Кронье также ни за что не хотел расстаться со своим обозом, что не только привело, как читатель увидит дальше, к пленению его армии, но и послужило началом крушения всей борьбы буров за независимость.

был бессилен прорвать железное кольцо. Оставалось надеяться на помощь других бургских армий¹.

Но до их прибытия надо продержаться. Хватит ли сил?

Кронье наскоро укрепил свою позицию. Женщин и детей укрыли за скалистым выступом в глубине оврага, вырытого рекой Моддер. Телеги установили на склоне холма, а животных, которых негде было укрыть, привязали к деревьям на берегу реки.

Весь день 19 февраля ушел на рытье траншей, сеть которых была устроена по всем правилам военного искусства. Они выходили на поверхность узкой щелью в двадцать пять сантиметров шириной, но по мере углубления расширялись до метра. Большинство траншей имело форму буквы «Т». Проникнуть в них представлялось возможным только с одного из концов.

Здесь и суждено было окопавшейся, исчезнувшей под землей в ожидании помощи армии Кронье выдержать такую страшную бомбардировку, какой не знала еще ни одна из современных войн. Причем Кронье не мог даже отвечать на стальной ураган, разразившийся 19 февраля над его лагерем: у него не было полевой

¹ Буссенар тут не совсем точно передает фактическую сторону этого исторического события. В действительности Кронье, самонадеянно рассчитывая отбиться от англичан, не только не ждал помощи от других бургских армий, но отказался от нее, когда она подоспела.

Генералу Девету удалось разомкнуть кольцо англичан и дать Кронье возможность вывести из окружения людей, пожертвовав, разумеется, обозом. Кронье отказался. На помощь Девету подоспел генерал Бота. Оба они посылали гонца за гонцом к генералу Кронье, умоляя его выйти из окружения через прорыв, который они обязались удерживать еще в течение суток. Кронье презрительно отказался, в выражениях столь грубых, что генерал Девет не решился даже опубликовать его дословный ответ в своей книге. И небольшие отряды Девета и Бота, после тщетного ожидания выхода Кронье из окружения, вынуждены были отойти под натиском англичан.

Последовавшая вскоре после этого сдача армии Кронье англичанам на некоторое время совершенно деморализовала остальные бургские армии. Дезертирство стало настолько массовым явлением, что генерал Девет решил распустить по домам большую часть своих солдат, чтобы позволить им справиться с этим моральным потрясением. Только спустя некоторое время к бурам вернулась их боеспособность, но англичане к тому времени уже заняли значительную часть территории обеих республик, и бурам пришлось перейти к партизанской войне.

артиллерии, а установить тяжелые орудия под таким огнем было немыслимо.

Бойцам, не покидавшим траншей, эта бомбардировка не причинила существенных потерь. Сто пятьдесят английских пушек, половина которых были крупного калибра, сосредоточили свой огонь сперва по фургонам и повозкам, которые через два часа, воспламенившись от снарядов, превратились в гигантский костер невиданной силы. Покончив с обозом, англичане принялись за животных. То была чудовищная бойня. На берегу реки валялись окровавленные туши четырех тысяч быков со вспоротыми животами и изодранными внутренностями.

Огонь не угасал целых двое суток.

От сильного жара трупы животных начали разлагаться.

Лагерь наполнило отвратительное зловоние, воздух в нем стал невыносимым.

Да и траншей, в которых были битком набиты четыре тысячи людей, лишенных возможности хотя бы на минуту покинуть свои убежища, вскоре превратились в очаги всевозможной заразы.

Все ужасы войны обрушились на смельчаков. Но и больные, задыхаясь от зловония и нависшего над ними зеленоватого дыма лиддитовых снарядов, изнуренные и искалеченные, они продолжали стойко держаться под непрекращавшимся ураганным огнем и отказывались капитулировать.

Вода в реке, отравленная гниющим мясом, стала ядовитой. Смерть косила женщин и детей.

На четвертый день Кронье попросил перемирия для погребения мертвых.

Лорд Робертс категорически отказал:

— Никакого перемирия! Сдавайтесь на милость победителя!

— Не сдамся! — с достоинством ответил Кронье. — Делайте с нами что хотите, но я не сдамся!

И старый Боб, твердый, как сталь, приказал возобновить бомбардировку.

Снова загромили сто пятьдесят английских пушек, снова стала расти гора мертвых тел... Поле битвы представляло собой какое-то адское средоточие оглушительного грохота, огня и смерти.

Бедные буры!

И это длилось еще целых три дня после отказа в пе-

ремирии. Целая неделя пытки! Она прославила на весь мир патриотов, которые выдержали ее, и навлекла позор на тех, кто так варварски воевал с честным противником.

С каждым днем, с каждым часом все теснее сжималось кольцо окружения. Расстояние между бурскими и английскими траншеями, составлявшее вначале восемьсот метров, постепенно сокращалось — сперва до пятисот, потом до четырехсот, и вот наконец осталось не более восьмидесяти метров!

Перестрелка теперь велась почти в упор. Гайлендеры Гордона и канадские добровольцы даже перебрасывались с бурами короткими фразами.

Повсюду только и говорили что о капитуляции. И действительно, другого выхода не было.

В семь часов утра буры выкинули белое знамя, огонь прекратился, и Кронье верхом отправился сдаваться лорду Робертсу.

При виде побежденного врага старый Боб снял шляпу и произнес, пожимая руку генералу Кронье:

— Вы мужественно защищались, сэр!

Похвала, прозвучавшая как надгробное слово над лучшей армией республики...

Жан Грандье, Фанфан и Поль Поттер выстрелили в последний раз. Случилось так, что их окоп находился против траншеи канадцев, многие из которых были французского происхождения. Когда перестрелка окончилась, между парижанами и канадцами завязались разговоры, которые, впрочем, скоро прервались начавшимся разоружением буров.

Сорви-голова и Фанфан сломали свои маузеры, а Поль Поттер, узнав, что придется сдать англичанам старый «роёр», куда-то исчез. Вернувшись четверть часа спустя, Поль шепнул на ухо Сорви-голове:

— Я спрятал ружье. Оно еще поможет мне перебить немало англичан.

Рота канадцев-французов приступила между тем к разоружению.

Буры уныло брели между двумя рядами гигантов, одетых в столь ненавистное патриотам хаки. Им хотелось преодолеть упадок сил, вполне естественный после целой недели таких страданий. Они старались успокоить боль, сжимавшую их мужественные сердца.

Но когда они сдавали оружие, верно служившее им

более пяти месяцев, они испытывали такое чувство, словно на их глазах ломают молот, который должен был выковать независимость их родины. Ружья всегда были для них символом свободы. Едва сдерживаемые рыдания подкатывали к горлу буров, а на ресницах у них сверкали жгучие слезы.

Надо самому пережить весь позор незаслуженного поражения и ужас капитуляции, испытать боль сознания, что ты уже не солдат, ощутить невыносимую муку при виде любимого отечества, попранного сапогом завоевателя, чтобы понять их душевное состояние и посочувствовать им.

Впрочем, англичане в большинстве своем обращались с военнопленными вежливо и даже сочувственно, а канадцы жалели их почти по-братски.

Ротой канадцев командовал великан, добряк с голубыми глазами и длинными рыжеватыми усами. Он плохо владел английским языком и то и дело пересыпал свою речь французскими словечками, сильно отдававшими привкусом местного наречия.

— Да вы не горюйте, *my boys*¹, все это чистая превратность войны,— утешал он военнопленных.— В жизни не видал таких храбрецов, как вы! Мы одолели вас только потому, что нас больше. Один против десяти — тут уж ничего не поделаешь!

Он крепко пожимал пленным руки и от души старался хоть как-нибудь смягчить их горькую участь. Вдруг он увидел Жана Грандье, который гордо, с высоко поднятой головой приближался к нему вместе с неразлучными своими друзьями, Фанфаном и Полем. Слова точно застряли в горле великана, из уст его вырвались какие-то хриплые звуки, он опрометью бросился навстречу Жану, подхватил его, как ребенка, на руки и, чуть не задушив в своих объятиях, воскликнул наконец сдавленным от волнения голосом:

— Ну конечно же он!.. Жан Грандье, маленький Жан... Наш дорогой маленький Жан!

Сорви-голова, ошеломленный тем, что его называют по имени так далеко от родины, с вполне понятным недоумением посмотрел на канадского капитана.

— Жюно?.. Франсуа Жюно!— в свою очередь воскликнул он растроганно.— Неужели это вы, дорогой

¹ Ребята (англ.).

мой друг? Славный товарищ! Какая чудесная встреча!

Встреча была действительно чудесная, ибо судьба вновь свела двух героев «Ледяного ада», Жана Грандые и Франсуа Жюно, конного полицейского из Клондайка, который спас золотоискателей, замурованных в пещере Серого медведя бандитской шайкой «Коричневая звезда».

— Вот и еще одна из превратностей войны,— заметил канадец, на глазах которого блеснули слезы при виде вновь обретенного друга.

Этот добрейший великан ничуть не возгордился тем, что из простого солдата дослужился до звания капитана добровольцев.

— Ребята!— гаркнул он своим подчиненным.— Этот милый юноша-француз — с нашей любимой старой родины. Он знатный храбрец, даром что у него еще и усы не выросли. Он перестрелял десятки матерых волков и разбойников, этих двуногих гризли, что опаснее всякого зверя.

— Француз из Франции,— размышлял сержант роты,— это вроде как брат.

— Ясное дело, брат! — хором поддержала вся рота.

Жану устроили овацию, со всех сторон к нему потянулись руки.

— Брат-то брат, а все же вы мой пленник,— продолжал капитан.

— Увы! — вздохнул Жан.— И даже не один, а вместе с другом Фанфаном: он тоже парижанин.

— Фанфан?.. Подходящий товарищ!

— А это Поль, тоже мой друг.

— И Поль хорош! А раз они ваши друзья,— значит, и наши. И можете быть уверены: еще не было и никогда не будет пленников, с которыми обращались бы так же хорошо, как будут обходиться с вами. И потом,— таинственно шепнул капитан на ухо Жану,— у меня кое-что есть на уме...

Когда разоружение было закончено и наступил полный покой, который неизбежно следует за большими катастрофами и сильными страданиями, буры стали понемногу приходить в себя. Они получили возможность пообчиститься, помыться, перевязать свои раны, поесть и поспать. Главное, поспать! Бессонница совсем истомила бойцов.

А победители тем временем ликовали. В лагере ца-

рило бурное веселье. Еще бы не радоваться! Сорок пять тысяч англичан торжествовали победу над четырьмя тысячами буров.

Сорви-голова, Фанфан и Поль устроились у канадцев, расположившихся на берегу Моддера.

Сорви-голова с таким жаром рассказал по просьбе капитана Жюно о своих приключениях, что буквально привел канадцев в восторг.

Много пили, много ели и без умолку болтали. Но около часа ночи мощный храп начал сотрясать палатки канадцев. И наконец один лишь Франсуа Жюно остался в компании троих Молокососов. Наклонившись к уху Жана, великан чуть слышно прошептал.

— У самой реки стоят три бурских пони, оседланные и со всей амуницией... Я пойду сейчас в палатку. И когда я усну,— ну, понимаете, захраплю,— проберитесь к лошадам, осторожно спуститесь с ними в воду и, держа их под уздцы, переправьтесь на другой берег. Там вы будете недосыгаемы. Вы оплакивали свою свободу, и я, ваш друг, хочу вернуть ее вам.

— Франсуа, дорогой, но вас же могут расстрелять,— с замиранием сердца возразил капитан Сорви-голова.

— Не так страшно! Плевать я хотел на них! Ведь по крови-то я все-таки француз...¹ Ну как же, согласны?

— Конечно!

— В добрый час! Если увидите часовых,— продолжал капитан Жюно,— не беспокойтесь—они отвернутся; если им прикажут стрелять—они промахнутся; если их отправят в погоню за вами—они проскользнут и упадут. А теперь, друг мой, прощайте!

— О Франсуа, как вы великодушны!

— Тсс... Ни слова больше! Вашу руку—и в путь, французы из Франции!

Крепко обняв Жана, капитан Жюно проскользнул в свою палатку, а трое молодых людей пошли к берегу, где их ожидали оседланные пони. Следуя совету Жюно, сорванцы вошли в реку и, ухватившись за уздечки бурских лошадов, тихо поплыли по течению.

¹ Канада была французской колонией. В 1763 году в результате семилетней войны между Францией и Англией Канада перешла к Англии.

IX

Опасная переправа.— В водовороте.— Одним меньше! — Один конь на двух всадников.— В Питерсбурге.— Англичане! — Осечка! — Капитан Руссел.— Сопровождение бесполезно.— Капитана Сорви-голова тащат на виселицу.— Тот, кого больше не ждали.— На дороге к Блумфонтейну.

Всплески воды, вызванные движениями плывущих Молокососов и лошадей, выдали их присутствие. Им вслед начали палить, но, как и предупреждал капитан, пули не настигали их.

Тем не менее шлепки пуль по воде действовали отнюдь не ободряюще, а минутами вызвали подлинную тревогу. К тому же река была очень широка, течение ее — стремительно, а ночь черным-черна. Словом, бегство Молокососов сопровождалось всяческими опасностями.

В довершение всего, на самой середине Моддера они попали в водоворот, который завертел и закрутил их, бросая из стороны в сторону, как щепки.

Правда, это длилось всего лишь несколько минут, а может быть, и меньше. Но время в таких случаях тянется неимоверно долго. Вдруг Жан почувствовал, что идет ко дну. Инстинктивно он покрепче ухватился за узду своего пони, который, так же, как и Сорви-голова, никак не мог выбраться из водоворота и уже начал бить по воде копытами передних ног.

Жан и сам не понимал, как он вырвался из омута и очутился у противоположного берега. Ему понадобилось одно лишь мгновение, чтобы прийти в себя и протереть глаза. В следующую минуту он уже вглядывался в темноту, стараясь отыскать своих товарищей. Он видел, что какая-то черная масса то поднималась над водой, то снова погружалась в нее.

— Ты, Фанфан? — тихо спросил Сорви-голова...

Буль... буль... буль...

— Смелей, Фанфан, я здесь!..

— Ап-чхи!.. Ап-чхи! Если Фанфан... то, очевидно, это я, хозяин.

— А Поль?.. Где ты, Поль?.. По-оль!..

До этой минуты Сорви-голова не беспокоился о юном буре. Подлинный сын своей страны, закалившийся к тому же в трудностях войны, Поль обладал силой и находчивостью взрослого мужчины.

Теперь же его отсутствие встревожило Жана. Сорви-голова все громче и громче звал его, невзирая на риск быть услышанным английскими часовыми на том берегу.

Ни звука в ответ. Полная тишина.

Вскарабкавшись на крутой берег, Жан и Фанфан помогли выбраться из воды пони.

— А где же твоя лошадка? — обратился Сорви-голова к Фанфану.

— На дне.

— Жаль... Поль!.. По-оль!.. — снова принялся кричать Жан, а Фанфан стал насвистывать марш Молокососов.

Им отвечала все та же зловещая тишина, прерывавшаяся лишь выстрелами ли-метфордов и доносившейся издалека английской бранью. Никаких следов юного бура! Сорви-голова и Фанфан, пренебрегая опасностью снова оказаться в плену, ходили взад и вперед вдоль берега, окликая Поля. Они потеряли целых полчаса драгоценного времени, пока с болью в сердце не убедились в бесполезности дальнейшего ожидания. Теперь уже не оставалось никаких сомнений: их злосчастный друг погиб в водах Моддера. Бедный Поль! Еще одна жертва этой ужасной войны, еще одного защитника потеряло святое дело независимости.

Оба оставшихся в живых друга приняли эту утрату молча, не в силах произнести ни слова. К горлу подкатывали рыдания. Сорви-голова вскочил в седло, Фанфан примостился позади него на крупе пони, который, почувствовав шпоры, пустился с места в галоп.

Жан взял курс на юго-восток. Он ориентировался по звездам и надеялся вскоре выехать на дорогу, ведущую из Якобсдаля в Блумфонтейн. То был единственный путь, который находясь на значительном расстоянии от английских войск, замкнувших кольцо вокруг Вольверскараля, мог быть еще свободен.

Африканская лошадка быстро несла седоков по вельдту. Друзья, промокшие до костей, дрожали и лязгали от холода зубами. Единственным утешением их был карабин, с радостью обнаруженный Жаном у седла: по крайней мере, есть чем защищаться при весьма возможной встрече с неприятелем.

Прошел час. Степь оказалась далеко не безлюдной; время от времени до беглецов явственно доносился кон-

ский топот. Порой даже слышались отдаленные крики и редкие выстрелы.

Быть может, это были английские разведчики, а может быть, такие же, как и они, беглецы из лагеря Кронье.

Впрочем, бурская лошадка, которой Сорви-голова предоставил полную свободу самой выбирать дорогу, руководствуясь своим чутьем полудикого животного, старательно избегала всяких встреч.

Вот наконец и дорога! Друзья проскакали еще минут тридцать. Рассветало. Вдали стала вырисовываться группа домов. Сорви-голова узнал город Эммаус.

— Помнишь,— спросил он Фанфана,— как около двух месяцев назад мы проезжали здесь на велосипедах?

— И как удирали от уланов!.. Лучше не вспоминать,— ответил Фанфан.

— Зато как ты потом упивался молоком!

— Это да! Я и сейчас не прочь бы.

— Что ж, попробуем!

Они остановились у поселка. Ни души! Никаких признаков жизни. Даже коровы не мычат. Все фермы разграблены, а некоторые и сожжены. Скот угнан, люди разбежались.

Полный разгром и запустение. Кладбищенская тишина.

— Едем дальше. Наверное, здесь побывали эти чертовы англичане.

Дорога была испещрена свежими следами копыт.

Сорви-голова заметил среди мелких отпечатков, оставленных бурскими пони, более крупные и глубоко вдавившиеся в землю следы копыт английских коней.

— Недавно тут побывали хаки,— произнес он, отстегивая от седла карабин.— Надо смотреть в оба!

Он послал галопом добрую бурскую лошадку, которая не сбавляла шага, несмотря на двойную нагрузку.

От Эммауса до ближайшего поселка десять миль, или восемнадцать с половиной километров.

Пони пробежал это расстояние за час сорок пять минут. До первых домов оставалось уже не более трехсот метров.

Молокососы не сомневались больше в своем спасении. Они смертельно устали и проголодались. Да и пони начал заметно сбавлять ход и усиленно ёкать.

— Придется сделать привал,— сказал Фанфан.

— Разумеется.

Проклятие! В ту самую минуту, когда они уже собирались сойти с коня, из одной фермы выскочил взвод солдат. Их было пятеро. Заметив Молокососов, всадники ринулись на них.

Ну конечно англичане! Их можно узнать с первого взгляда. Уставший пони не мог взять галопа, между тем как англичане неслись словно черти.

— Всего пятеро! — воскликнул Сорви-голова. — Я уложу их на скаку.

Он навел ружье и, привстав на стремянах, выстрелил. Увы! Вместо сухого щелчка маузера раздался какой-то жалкий, приглушенный звук.

Осечка! Второй выстрел — еще раз осечка. Третий — и снова осечка!

То ли патроны испортились, подмокнув, то ли они были холостые, но они не действовали.

— Гром и молния! — вскричал Сорви-голова. — Мы погибли!

Он ухватил ружье за дуло и прикладом нанес оглушительный удар по первому подскочившему к нему кавалеристу.

Удар пришелся драгуну прямо по голове. Ружье разлетелось вдребезги, но прикончило солдата, который замертво свалился на землю. Конь англичанина, налетев со всего размаха на измученную бурскую лошадку, опрокинул ее на спину. Жана отбросило шагов на десять в сторону, Фанфан же, успевший с проворством обезьяны соскользнуть с крупа лошади, стоял целый и невредимый, но без оружия.

В тот же миг четверо других англичан, не заботясь о своем товарище, который валялся на земле с раздробленной головой, соскочили с коней и, набросившись на Жана Грандье, стали крутить ему руки.

Сорви-голова отбивался, кусался, царапался, но кончилось тем, что его связали, а вслед за ним та же участь постигла и Фанфана, который, проявляя чудеса храбрости в борьбе за своего друга, ожесточенно колотил англичан ногами.

Сорви-голова с налитыми кровью глазами, с пеной на губах, задыхаясь от ярости, кричал прерывающимся голосом:

— Вы оказались сильнее, я в ваших руках... Пусть

так! Но порядочные люди не должны унижать человека только за то, что он защищался до конца. Если вы принадлежите к таким людям, обращайтесь с нами, как подобает обращаться с пленными солдатами. Развяжите нас! Эти веревки позорят вас самих гораздо больше, чем нас. Развяжите! Я не убегу, даю честное слово!

Взвод состоял из двух солдат, сержанта и капитана. Но приказывать имел право только офицер. Узнав по голосу капитана Сорви-голова, офицер слегка вздрогнул и покраснел, но быстро справился с собой. Его губы сложились в ехидную улыбку.

— Брейкнек! Мальчик мой,— саркастическим тоном произнес он,— я не искал вас, видит бог. Но уж раз вы попались мне, я вынужден ради собственного спокойствия вас уничтожить.

— Капитан Руссел?! — воскликнул Сорви-голова и, несмотря на все свое испытанное мужество, побледнел.

— Так точно! Пред вами командир второй роты седьмого драгунского полка,— злобно усмехаясь, ответил англичанин,— один из пяти членов военного суда, которых вы преследуете с яростью краснокожих...

— И трое из которых уже отправлены к праотцам,— резко прервал его Сорви-голова.

— Знаю! Улан, уцелевший из всего отряда, который вы истребили близ Якобсдаля, передал майору Колвиллу ваши слова, а Колвилл повторил их мне. Сегодня вы мне попались — и уж теперь-то не ускользнете! Прежде мы только смеялись над вашими словами, принимая их за пустое бахвальство, но теперь вынуждены относиться к ним всерьез, так как убедились, что вы человек, способный выполнить все свои угрозы. Поэтому мы дали себе слово — я и мой друг, майор Колвилл, — при первом же удобном случае вычеркнуть вас из списка живых. Но так как я терпеть не могу проливать кровь безоружных людей и не могу даже видеть спокойно, как ее проливают другие, то мы вас просто повесим.

— Повесите?! — зарычал Сорви-голова, напрягая все силы, чтобы вырваться из пут.

— Быстро и без затей. Вздернем при помощи самой обыкновенной фуражирской веревки на одной из веток вот этой прелестной белой акации, — произнес капитан Руссел, указывая рукой на дерево, раскинувшее свою

пышную крону над шпилем одного из домиков Питерсбурга.

— Разбойники! Мало же я перебил вас!..

— Продолжайте, продолжайте!.. — усмехнулся Руссел. — Приговоренному к смерти все разрешается.

— Приговоренному? Вы хотите сказать: вашей жертве, убийцы! Убивать невинных людей — это вам так пристало, подлец! Иногда вы делаете это, соблюдая юридические формы, чаще же — обходясь без них, но всегда без риска для себя, подлый трус! Палач!

— Пора кончать! — заорал капитан, взбешенный тем, что его солдаты, устыдившись мужественного протеста пленника, смущенно опустили головы. — Веревку! — приказал он одному из солдат.

Солдат достав веревку, протянул ее капитану.

— Сделать затяжную петлю!

Солдат медлил.

— Исполняйте же, my god!¹ — загремел Руссел, взмахнув хлыстом. — Теперь накиньте петлю на шею осужденного! — продолжал он.

Солдат дрожащими от стыда руками выполнил этот позорный для бойца приказ под пристальным взглядом офицера, готового обрушиться на него за малейшее неповиновение.

Привлеченные шумом, на улицу выбежали из домов женщины и дети. Приготовления к казни привели их в ужас. Дети плакали, женщины, рыдая, молили о пощаде.

Внезапно в степи показался всадник, скакавший во весь опор. Сердце Жана замерло в безумной надежде: может быть, это бежавшие от англичан буры спешат к нему на помощь?

Увы! На всаднике форма хаки, и, кроме того, метрах в трехстах от них он свернул с дороги и скрылся за фермой.

Должно быть, это был английский курьер.

Исчезла последняя надежда. Сорви-голова понял, что все для него кончено: сейчас ему придется умереть позорной смертью. Солдаты уже вели его к дереву.

Вне себя от горя, Фанфан унижался, умоляя золотопогонного бандита пощадить его друга. Англичанин ударом хлыста рассек ему лицо. Невзирая на страш-

¹ Мой бог! (Англ.).

ную боль, несмотря на стыд, Фанфан продолжал просить.

— Э! Черт возьми! Повесить и этого! — рявкнул капитан.

Офицера обступила толпа женщин. Они заливались горячими слезами, от которых, наверно, смягчилось бы и сердце тигра.

— Пощадите его, господин офицер, пощадите! Вы же видите — это мальчик, совсем еще ребенок, сжальтесь над ним! Наши мужья обращаются с военнопленными по-человечески, будьте же и вы таким...

— Молчать, индюшки! — гаркнул затянутый в хаки офицер и, бросившись на беззащитных женщин, начал раздавать направо и налево удары хлыстом.

Ни одного слова не вырвалось больше из уст Жана Грандые, ни одним движением не выдал он своей душевной тревоги. Чтобы казаться невозмутимым, он призвал на помощь всю свою волю. А между тем как улыбалась ему жизнь! Богатый, красивый, отважный и сильный, поборник всего великого и благородного, он находился в том возрасте, когда человек смело глядит в будущее и мечтает помочь всем угнетенным, обездоленным, слабым. Увы! Недолго длились эти мечты.

И как жестоко обернулась для него жертва, принесенная им делу независимости маленького народа!

Сейчас он умрет... В последний раз взглянул он на солнце, только что озарившее восток своим торжественным сиянием, на яркую синеву неба, на широкие просторы вельдта, в бесконечную даль которого уходили, колыхаясь, высокие травы.

Как это часто случается в трагические минуты, в сознании Жана промелькнула вся его жизнь, такая короткая и в то же время такая богатая событиями.

— Прощай, Фанфан! — ласково прошептал он.

Обязанности палача по приказанию капитана Руссела согласился выполнить сержант, более выученный дисциплиной и потому более покладистый, чем рядовой солдат. Сержант встал на седло и, подняв руки вверх, старался перекинуть конец веревки через самую крепкую ветку белой акации. Когда после некоторых усилий это ему удалось, он спрыгнул на землю, не выпуская из рук конца веревки.

— Поднять! — скомандовал офицер-палач.

Сержант и один солдат приготовились налечь на веревку, все уже казалось потерянным, и вот-вот должна была совершиться эта неслыханная подлость. Но вдруг над стеной, приходившейся как раз против того места, где стояли Сорви-голова, Фанфан и их убийцы, показалось дуло ружья. Почти одновременно один за другим прогремели два выстрела. Оба солдата, державшие веревку, даже не вскрикнув, рухнули на землю с раздробленными черепами.

Сорви-голова и Фанфан тотчас узнали знакомый звук маузера.

— Дуплет! — завизжал мгновенно оживший Фанфан.

Капитан Руссел, остервенев от такого неожиданного поворота событий и боясь, как бы жертва не ускользнула, выхватил револьвер с явным намерением всадить Жану пулю в лоб. Однако, прежде чем англичанин успел прицелиться, раздался еще один выстрел, и рука, сжимавшая револьвер, повисла, раздробленная пулей, которая разбила также и рукоятку револьвера. Капитан взвыл от бешенства и боли, махая изуродованной кистью руки. Он был близок к обмороку.

На гребне стены появилась человеческая фигура и ловко спрыгнула на землю. Это был молодой человек, вернее, подросток в форме английского лейтенанта. Сжимая в руке ружье, он метнул в капитана полный ненависти взгляд и воскликнул:

— Разбойник!.. Вовремя же я подроспел!

Сорви-голова и Фанфан, узнавшие, несмотря на переодевание, своего верного друга, которого они считали погибшим, вскричали в один голос:

— Поль Поттер!

Четвертый драгун, принявший сперва Поля за офицера, уже поднес было пальцы к козырьку, но, поняв свою ошибку, схватился за ружье. Однако юный бур опередил солдата и, разрядив в него ружье, убил его наповал.

Из всех англичан в живых остался теперь только капитан Руссел. Он рычал и скрежетал зубами, не помня себя от бешенства, но рана не позволяла ему ни защищаться, ни даже бежать.

— Поль! Неужели это в самом деле ты? — не веря своим глазам, твердил Сорви-голова.

— Конечно, я! И как раз вовремя... Какое счастье!

Поль держал в одной руке наготове ружье, а другой, не спуская глаз с англичанина, перерезал ножом веревку на своих друзьях.

— А вот сейчас вместо них мы вздернем тебя, как разбойника и убийцу! — объявил он капитану Русселу.

— О да, — поддержал Фанфан, — повесить его! Я сам накину на него петлю.

— Таков закон возмездия! — с безжалостной насмешкой в голосе добавил Сорви-голова. — Превратности войны, как говорит мой друг Франсуа Жюно.

И, сняв со своей шеи затяжную петлю, Сорви-голова передал ее Фанфану.

— Действуй!

Английский офицер, видя свою гибель, бросился было бежать, но Фанфан, мастер шоссона¹, ловко сшиб его подножкой. Затем, крепко прижав преступника к земле, парижский Гаврош просунул его голову в петлю и передал другой конец веревки Полю, который с проворством белки вскарабкался по стволу, белой акации, перекинул конец веревки через ветку, спрыгнул на землю и сказал Жану:

— Приведи-ка сюда лошадь.

Превосходно выдрессированные животные не испугались выстрелов и стояли на том самом месте, где их оставили.

Сорви-голова подвел одну лошадь к дереву, а Поль, привязав конец веревки к седлу, ударил коня ногой по жиеоту. Тот вздыбился, потом рванулся вперед, затягивая петлю на шее осужденного палача. Рывок был так силен, что тело преступника подскочило до самой ветки.

Лошадь остановилась и снова метнулась вперед, разорвав на этот раз толстую веревку, как нитку. Тело капитана рухнуло на землю.

— Отец! Мы мстим за тебя! — в диком восторге вскричал Поль Поттер.

Избавившись наконец от врагов, трое друзей крепко обнялись.

Сорви-голова и Фанфан, спасенные чудесным вмешательством Поля, так и засыпали его вопросами. Они с жадным любопытством расспрашивали обо всем, что с ним случилось за то время, пока они не виделись.

¹ Шоссон — распространенный во Франции бой ногами.

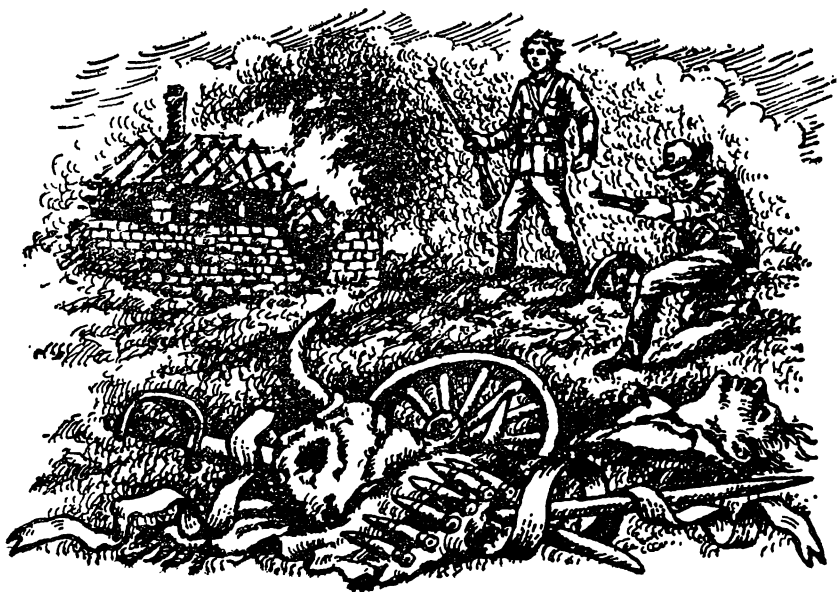
Молчаливый по природе, бур в нескольких словах рассказал о своих приключениях:

— Течение Моддера уносило меня, но я кое-как все же выбрался. В водовороте я потерял лошадь, но карабин спас. Я был уверен, что вы погибли. Какой-то англичанин стал на моем пути. Я всадил ему штык в живот. Тут мне пришла в голову мысль взять у него взаймы форму хаки. В два счета я напялил ее на себя и получил возможность преспокойно шагать среди бивачных костров англичан. В одном месте я украл кнзя и помчался к Блумфонтейнской дороге. Рассвело. Мой хаки, оказавшийся офицерским мундиром, служил мне вместо пропуска, разумеется, если не приглядываться к нему. Я никак не думал, что скачу по вашим следам, и вдруг совсем недалеко отсюда увидел вас в окружении англичан. «Плохо дело!» — подумал я. Сворачиваю с дороги, объезжаю фермы и задами пробираюсь до двора этого домика. Тут, вижу я, дела ваши идут все хуже и хуже... Быстро карабкаюсь на стену и только-только успеваю прицелиться и уложить тех, кто собирался вздернуть тебя, мой дорогой Сорви-голова. Вот и все! А теперь, поверьте мне, надо, не теряя ни минуты, скакать в Блумфонтейн... Вот, кстати, и свежие кони.

— Удирать от англичанишек на их же собственных лошадках, — честное слово, за всю жизнь ничего забавней не видал! — заметил Фанфан.

— Да, да! — согласился с Полем Сорви-голова. — Поспешим! Здесь так и кишат английские разведчики, а нам во что бы то ни стало надо остаться в живых. Мы должны еще отплатить им за поражение при Парденберге.

— И отплатить сполна! — подхватили оба Молокососа.

ЧАСТЬ III

ДИНАМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

I

О том, как Оранжевая республика поглотила баролонгов¹.— Три пастушки.— Голова капитана Молокососов оценена в тысячу фунтов стерлингов, а голова майора Колвилла — в один пенни.— Катастрофа.— Исчезновение одиннадцати улан.— Появление трех необычайных кумушек.

На языке баролонгов Таба-Нгу означает «Черная гора».

По имени горы был назван и город, живописно раскинувшийся на ее вершине. В городе Таба-Нгу насчитывалось семь тысяч жителей, преимущественно негров, и лишь небольшое количество белых. Некогда этот город был столицей маленькой республики баролонгов.

Оранжевой республике не нравилось существование крошечного негритянского государства, вклинившегося

¹ Баролонги — одно из небольших африканских племен.

в ее владения. И, как всегда в таких случаях, большая страна искала предлога для присоединения к себе маленькой. Таким предлогом послужила более или менее открытая неприязнь, которую выказывали по отношению к Оранжевой республике сыновья Марока, усопшего вождя баролонгов.

В 1884 году маленькое государство баролонгов было захвачено простым декретом президента Оранжевой республики, а его гражданам объявили, что отныне они должны повиноваться законам и обычаям большого государства.

Буры всегда жестоко обращались с людьми черной расы, поэтому баролонги покинули землю своих предков и переселились в Басутоленд, английское владение, входящее в состав Капской колонии.

Здесь вполне уместно провести печальную аналогию между этим насильственным захватом бурами беззащитного народа и той завоевательной войной, которую вела теперь против них самих Англия и которая, несмотря на все жертвы буров, привела к порабощению их родины.

Но довольно философии, перейдем к фактам.

В настоящее время Таба-Нгу, покинутый своими исконными обитателями, превратился в жалкое селение с небольшим количеством негритянских хижин и населенных белыми ферм. От прежнего величия древней столицы остались только огромные водоемы дождевой воды, удовлетворявшие некогда потребности всего населения и его бесчисленных стад. Это были сооружения поистине циклопических¹ размеров.

Их возводят обычно в степи, у самого выхода из ущелья или между двумя холмами. Они представляют собой очень прочные водяные бассейны, огражденные с трех сторон каменными стенами, обмазанными глиной. Четвертая стена отсутствует, чтобы вода во время сезона дождей могла свободно приливать в бассейны.

Это настоящие пруды, всегда наполненные чистой и свежей водой. Благодаря им город Таба-Нгу стал важным стратегическим пунктом.

¹ Циклопы — по греческой мифологии, одноглазые великаны, подвластные богу огня Вулкану. В кузнице Вулкана они, по преданию, ковали молнии для Юпитера. Циклопическими постройками называются в архитектуре строения огромных размеров.

Бассейны находятся между городами Блумфонтейном и Ледибрандом, на расстоянии семидесяти километров от обоих городов. Стратегическое их значение было так велико, что англичане поспешили овладеть ими еще до того, как вошли в столицу Оранжевой республики.

Поражение генерала Кронье повлекло за собой, как известно, снятие блокады с Кимберли и Ледисмита. Теперь лорд Робертс получил полную возможность, не заботясь о флангах, сосредоточить свои войска для вторжения в Оранжевую республику с востока и с запада. Буры, отступавшие очень поспешно, не успели даже взорвать водохранилище, а бдительность, с какой охраняли его англичане, исключала возможность какого бы то ни было покушения на него.

Охрана водоемов состояла из двух эскадронов улан, двух батальонов драгун и одной артиллерийской батареи. Это были довольно внушительные силы, если даже не считать проходящих мимо полков, которые ежедневно располагались на привал у водопоя.

Часовые, расставленные друг от друга на расстоянии досягаемости человеческого голоса и постоянно шагавшие вдоль вековых стен водохранилища, за которыми поблескивала на солнце вода, не разрешали приближаться к бассейнам сколько-нибудь подозрительным людям.

Однако окрестным фермерам англичане разрешили по-прежнему поить здесь скот,— разумеется, не по душевной доброте своей, ибо англичане ничего не делают без расчета.

Расчет на сей раз заключался в том, что у фермеров было пять-шесть сотен дойных коров (упряжные быки находились в военных обозах), дававших превосходное молоко, из которого крестьянки сбивали вкусное масло. А этими продуктами, как известно, особенно любили полакомиться уланы, драгуны, артиллеристы, да и волонтеры английской армии не прочь были их отведать. Скот мог пригодиться также и на случай голода. Вот почему пастухам с их стадами был открыт свободный доступ к бассейнам.

Все мужчины, и молодые и старые, ушли на войну, и скот на водопой гоняли женщины. Да и дело-то было нехитрое — послушные животные прекрасно знали дорогу и шли не задерживаясь.

В тот день, о котором пойдет наш рассказ, три молодые крестьянки пригнали сюда сотни полторы коров. Впереди, рядом с телкой, на ошейнике которой висел бронзовый колокольчик, шествовала крепко сбитая белокурая девушка в чепчике, похожем на голландский. На руке у нее висела большая корзина. За ней шла другая — живая смуглянка в невообразимой соломенной шляпке с поблекшими искусственными розами. Как и первая, она шла, скромно опустив глаза, но было заметно, что это давалось ей нелегко.

У нее на руке висела точно такая же корзинка, как, впрочем, и у третьей, худенькой, неловкой, почти жалкой на вид девушки.

К первой погонщице подошел уланский сержант, поклонился ей с утонченной изысканностью гарнизонного вояки и отпустил банальную любезность.

Девушка остановилась как вкопанная, не моргнув глазом, даже не взглянув на унтер-офицера, немая и равнодушная к нему и его словам.

В то же время капрал обратился ко второй погонщице, а один из солдат — к третьей. Результат тот же: ни взгляда, ни слова, ни движения! Солдаты расхохотались, а сержант воскликнул:

— Настоящие дикарки! Бог мой, до чего же они глупы! — и уже серьезно добавил: — Я вижу вас здесь впервые, красотка, и вам должно быть известно, что мне приказано осматривать вещи людей, идущих к водоему. Что там у вас в корзине?

Но «красотка» стояла по-прежнему не шевелясь и тупо глядела перед собой широко раскрытыми глазами.

— Да она просто деревянная, клянусь честью! А может быть, из папье-маше? — И, снова рассмеявшись, он осторожно взял корзину и, заглянув в нее, произнес: — Бутерброды с маслом, фрукты, какие-то тряпки, вязанье... Не вижу в этом ничего страшного. Проходите!

Капрал и рядовой, подражая сержанту, со смехом заглянули в корзины двух других крестьянок и, в свою очередь, повторили:

— Проходите!

Но те, словно окаменев, не двигались с места, тогда солдаты жестами предложили им продолжать свой путь.

Девушки поняли наконец и скрылись за стеной водоема. И все время, пока их коровы фыркали и пили,

солдаты потешались над ними, не скупясь на весьма грубые шуточки.

— Честное слово, будь моя невеста Фанни Уолтер, на которой я женюсь после войны, столь же болтливой, как эти девчонки, я считал бы себя счастливейшим человеком во всем королевстве! — воскликнул один из них.

— А может быть, они глухонемые? — предположил другой.

— Говорят, что глухонемые — самые идеальные хозяйки! — гоготал третий.

— Дикарки! По-английски не понимают... — пожал плечами сержант.

А девушки открыли между тем свои корзины, достали оттуда по куску хлеба с маслом и, храня все то же невозмутимое молчание, принялись с аппетитом уплетать свой завтрак, запивая его водой из бассейна, которую черпали прямо пригоршнями.

Когда огромное стадо потянулось обратно, одному из солдат взбрела в голову мысль напиться молока. Он остановил шествовавшую впереди корову, подозвал товарища, у которого была выкрашенная в цвет хаки жестяная кружка, и, заставив его держать посудину, принялся доить корову.

То ли у него не было опыта в этом деле, то ли он причинил животному боль, но корова вырвалась и так угостила задней ногой обоих томми¹, что они полетели в разные стороны и брякнулись оземь.

Обескураженные и взбешенные любители молока смущенно поднялись под взрыв оглушительного солдатского хохота.

Тогда худая и с виду неуклюжая девушка, не проявлявшая до сих пор никаких признаков любезности, остановилась, подняла с земли кружку и, мигнув своей черноволосой товарке, нежным тремоло² успокоила разъяренное животное.

С чисто профессиональной ловкостью девушка взялась за соски коровы и в несколько секунд наполнила посудину пенящимся молоком. Потом просто, без церемоний, неловким движением она протянула кружку солдату, потиравшему уши бленные места.

¹ Томми — прозвище английского солдата.

² Тремоло — очень быстрое повторение, повторное чередование одного или нескольких звуков,

Англичанин залпом опорожнил кружку и сказал, улыбаясь:

— Ваш поступок доказывает, что у вас доброе сердце. Не стану предлагать вам денег, чтобы не обидеть вас, но от души благодарю.

Тотчас же, помахивая кружками, к девушке подошли другие солдаты, прося и им нацедить молока.

В ответ странная пастушка тихонько свистнула, и коровы, тесня друг друга, рысью пустились прочь. Образовалась настоящая живая стена движущихся тел, пробиться через которую не было никакой возможности. В это время красивая блондинка в голландском чепчике заметила на стене бассейна объявление, на котором псчерком ротного писаря были начертаны следующие, недостойные цивилизованного человека строки:

«Тысячу фунтов стерлингов тому,
кто доставит живым или мертвым
капитана Сорви-голова.

Майор Қолвилл».

Прочитав это объявление, девушка прикусила губу, чтобы сдержать лукавую улыбку, и спокойно прошла мимо.

А через сутки те же самые часовые снова встретили то же самое стадо и тех же погонщиц. Никаких перемен в поведении бурских пастушек: та же вялая походка, тот же тупой взгляд, те же корзины на руках. Только третья из пастушек, та, что вчера так ловко доила, несла, кроме корзины, еще большой деревянный подойник.

Зато солдаты были теперь куда любезней с пастушками, чем накануне. Сержант даже не заглянул в их корзины.

Когда скот напился и вереница коров, блестящих от струившейся по их бокам воды, двинулась в обратный путь, девушка с деревянным подойником остановила стадо. Крестьянка поставила на землю свою посудину, опустила возле одной из коров на колени и, надоив подойник, знаками дала понять солдатам, что молоко находится в их полном распоряжении.

Солдаты встретили этот приятный и неожиданный дар радостным «ура».

Пехотинцы, уланы, артиллеристы бросились на штурм подойника и, черпая молоко своими походными

кружками, быстро опорожнили его. Девушка снова наполнила подойник.

Все это время вокруг стоял несмолкаемый гул радостных людских голосов; коровы мычали и били копытами землю. Никто уже не обращал внимания на двух других погонщиц, скрытых стеною водоема и массой сгрудившихся животных.

Неутомимая доильщица занималась своим делом добрых двадцать минут. Только завидя подходивших подруг, она вскочила и, схватив подойник, молча пошла им навстречу.

Но солдаты ни за что не хотели отпустить ее с пустыми руками, не отблагодарив за угощение; этого настоятельно требовали их убогатворенные желудки. Кто-то из улан снял с головы каску, бросил в нее мелкую монету и пустил ее вкруговую. Каждый кидал в каску свою лепту, руководствуясь своими средствами и щедростью.

Через минуту собранные монеты серебряной струйкой посыпались в подойник.

Не поблагодарив солдат, все с тем же деревянным лицом, девушка побежала вдогонку за подругами и скоро исчезла из виду. По пути она с отвращением выбросила английские деньги в первую попавшуюся яму.

Едва она присоединилась к подругам, все три пастушки бросились наутек вместе со стадом, которое, точно взбесившись, понеслось во всю прыть.

Англичане же, довольные тем, что хоть немного нарушилось нудное однообразие их жизни, веселились, как дети.

И веселье резко оборвал тревожный окрик часового.

К водоему мелкой рысью приближался взвод кавалеристов в хаки. Отряд состоял из двадцати улан. Трое из них, как видно, офицеры, были без пик и опоясаны белыми шарфами. Впереди трусил высокий офицер с седеющей бородой, жесткими чертами лица и бегающими рысьими глазами.

Он был в чине майора, о чем говорили золотые короны на эполетах его мундира, а цифра, вышитая на воротнике, указывала на то, что он принадлежит к третьему уланскому полку.

Черт возьми! Да ведь это же наш старый знакомый, палач Давида Поттера, заклятый враг капитана Сорви-

голова, последний оставшийся в живых член военного суда — майор Колвилл собственной персоной! Он казался чем-то серьезно озабоченным и встревоженным, словно какая-то мрачная мысль неотступно терзала его душу.

Нет спору, майор — храбрый солдат. Но даже и самый смелый человек не может оставаться спокойным, зная, что где-то рядом кружится и ходит по его следам неугомонный дьяволенок, приговоривший к смерти пятерых членов военного суда и уже сдержавший свою страшную клятву в отношении четверых.

Пропросту говоря, майора бросало то в жар, то в холод. День и ночь его преследовала неотвязная мысль о смерти, подстерегающей его на каждом шагу. А жизнь в постоянном ожидании смерти — это уже не жизнь. Вот почему майор, готовый на все, лишь бы справиться с неуловимым врагом, прибегнул к недостойному солдата средству — обещал денежную награду за голову командира Молокососов. У англичан это называется «прибегнуть к помощи кавалерии святого Георгия». (Такой образный оборот народной речи обязан своим происхождением тому, что на одной стороне золотого фунта стерлингов изображен святой Георгий на коне, поражающий дракона). А так как майор был богат, то, не задумываясь, предложил кругленькую сумму в тысячу фунтов стерлингов за поимку своего врага.

Еще накануне по его приказу на самых видных местах расклеили объявления. Майор делал ставку не столько на врагов капитана Сорви-голова, сколько, и пожалуй даже больше, на алчность его друзей.

Проезжая мимо объявления, наклеенного на стене бассейна, майор пробежал его глазами, точно желая на самом себе проверить силу воздействия такого приема борьбы.

Внезапно он побледнел, из уст его вырвался сдавленный крик. Остановив коня, он широко раскрытыми от ужаса глазами уставился на несколько строк, приписанных карандашом под его подписью твердым и крупным почерком:

«А я предлагаю только пенни за голову майора Колвилла. Она не стоит даже и этого.

Капитан Сорви-голова».

Голос майора дрожал от гнева, а может быть, и от страха, когда, указывая на объявление, он крикнул:
— Кто это написал? Отвечайте!.. Да отвечайте же, вы!

— Не знаю...— пролепетал сержант, приложив пальцы к козырьку.— Смею заверить вашу милость, только что, совсем недавно, этого еще не было.

— Кто приходил сюда? Кто проходил мимо? Кто здесь останавливался?

— Никто, кроме трех бургских пастушек, которые, как обычно, пригоняли на водопой стадо.

— Мне надо их допросить — и немедленно!

— Но они все равно что бревна: ничего не слышат и не понимают — хуже дикарей.

— Тем более! Немедленно привести! Поняли, сержант?

— Слушаю, ваша милость.

— Возьмите с собой десяток солдат и во что бы то ни стало приведите мне этих пастушек.

— Слушаю, ваша милость! Минутное дело!

И десять солдат, вскочив на коней, помчались во весь опор по следам скрывшегося стада.

Майор, его эскорт и офицеры спешили и молча ожидали возвращения посланного в погоню отряда.

Никто еще не видел майора Колвилла в таком возбужденном состоянии. Точно какой-то рок или непреодолимая сила гипноза притягивала его к объявлению, перед которым он, расхаживая взад и вперед, то и дело останавливался. Прошло десять минут.

— Ужасный копун этот сержант,— ворчал майор, в сердцах ударяя хлыстом по голенищу сапога.

Издалека донеслось несколько выстрелов. Конь насторожил уши, люди вздрогнули.

— Что там еще? — крикнул майор, возбуждение и гнев которого все возрастали.

Последовал страшный ответ.

Из стены водоема вырвались столбы белого дыма. Почти одновременно загревели оглушительные взрывы.

Циклопическая стена, целый век выдерживавшая мощный напор воды, рухнула в нескольких местах на протяжении ста двадцати метров.

Стремительные потоки воды ринулись через пробоины и с громоподобным гулом устремились вниз по склону, взрывая на своем пути землю, увлекая камни,

опрокидывая палатки, унося запасы овса и фуража, заливая склады оружия.

— Спасайтесь! Спасайтесь!..— вопили солдаты, охваченные ужасом при виде этого страшного зрелища.

Отрезанные на взгорье орудия, зарядные ящики и артиллерийские повозки очутились под угрозой затопления. Напуганные лошади громко заржали и, сорвавшись с привязи, понеслись в открытую степь.

Под мощным напором водяных потоков пробоины все расширялись, и стена не устояла. Образовался гигантский водопад шириною в полтораста метров, который быстро превратил веселую долину в бурную реку.

Непоправимая катастрофа! Уничтожено водохранилище Таба-Нгу, безвозвратно утрачены запасы воды, и весь этот пункт потерял какое бы то ни было стратегическое значение.

То было подлинное бедствие для всей английской армии и, в частности, для майора Коввилла, которому доверили охрану этой местности. Взрыв водохранилища задевал его самолюбие начальника и набрасывал тень на его воинскую честь.

Коввиллу не оставалось теперь ничего иного, как отступить перед потоками все прибывавшей воды. Его люди, опасавшиеся новых взрывов и обезумевшие от опасности, тем более страшной, что они не знали ни ее причин, ни размера, бежали без оглядки.

Некоторых задавила рухнувшая стена. Другие, унесенные, как жалкие щепки, потоком, погибли в его волнах.

На глаз можно было установить потерю в пятьдесят человек.

Однако не это больше всего волновало майора. Нет, его беспокоила непонятная задержка взвода улан, посланного на поиски бургских пастушков.

Все мысли этого маньяка вертелись вокруг дерзкого ответа, начертанного на его объявлении неизвестной рукой.

И ужас его рос по мере того, как он вспоминал находчивость, смелость и сбивающую с толку ловкость своего невидимого, но вездесущего врага, который неотступно преследовал, унижал, позорил его, издевался над ним, и все это с безнаказанностью, способной довести человека до иступления. Майор не знал, что ему делать, что предпринять, он потерял голову.

Основательно или нет, но Колвилл полагал, что бурские пастушки кое-что знают обо всем этом и, может быть, наведут его на след. Задержка посланного за ними сержанта причиняла ему такое сильное беспокойство, что он не в силах был скрыть его от своих подчиненных.

Между тем доносившиеся издалека выстрелы прекратились. Видно, там произошла стычка, и майора бросило в дрожь при одной мысли, что эта стычка могла оказаться роковой для его солдат.

Мертвое молчание нависло над долиной, слышался только рев водопада, да изредка доносились то призывы о помощи утопающего человека, то предсмертное ржание коня.

Вдруг на горизонте показались силуэты трех всадников. Они быстро приближались на рысях.

Что за страшные всадники?

Уланы? Нет, они без пик. Да и вообще солдаты ли это? Конечно же нет, хотя они и едут верхом на полковых конях.

Всадники все приближались. Их уже можно было разглядеть.

Что за нелепый маскарад? Не случись это при таких поистине ужасных обстоятельствах, появление столь странного и смешного трио заставило бы расхохотаться даже англичан — людей, как правило, подверженных острому сплину.

То были три одетых в женское платье кавалериста. Их упирающиеся в стремяна ноги были босы, их торсы были затянуты в корсажи, на их головах красовались неопишуемые шляпки, а кое-как натянутые поверх корсажей юбки развевались по ветру.

И никаких следов сержанта и десяти солдат уланского взвода!

II

Герилья¹. — Немыслимое предприятие. — Отступать! — Уланы! — Три двоюродные сестры Поля. — Пленники. — Снова бойня. — Шутка капитана Сорви-голова. — Унижение солдат ее величества королевы. — Привет майору Колвиллу.

После капитуляции армии Кронье действия буров приняли совсем другой характер. Они отказались от нанесения противнику сильных ударов крупными войсковыми соединениями. Республиканские силы разбились на мелкие отряды, и генералы кончили тем, с чего им следовало бы начать: герильей.

Герилья — это удары, неустанно наносимые врагу подвижными и неуловимыми отрядами. Партизаны нападают на обозы, на отставших солдат неприятеля, взрывают его железнодорожные пути, уничтожают телеграфные линии, перехватывают вражеских разведчиков, налетают, как рой ос, на их войсковые эшелоны, отрезают неприятельские войска от продовольственных складов, держат противника в постоянном напряжении, изнуряют голодом его солдат и коней и совокупностью всех этих действий наносят тяжкий урон вражеским армиям, ряды которых тают с каждым днем.

Именно при помощи такой войны испанцы справились с закаленными в боях войсками Наполеона, которые одержали немало побед над самыми знаменитыми генералами и разбили несколько европейских коалиций.

Капитан Сорви-голова и его Молокососы превосходили всех в искусстве дерзких ударов и внезапных нападений.

Поэтому, когда командир юных партизан явился к генералу Бота, чтобы попросить у него назначение, тот решил без малейшего промедления использовать замечательные способности Жана Грандье.

К несчастью, эскадрон Молокососов, раскиданных по всем фронтам, состоял теперь всего из трех бойцов: капитана Сорви-голова, его лейтенанта — Фанфана и солдата Поля Поттера. Два офицера, чтобы командовать войсковым соединением, — это еще туда-сюда, но один боец никак не мог составить целого отряда.

¹ Герилья — партизанская война. Буссенар заимствует тут название партизанской войны, которую вели испанцы против войск Наполеона.

Генерал Бота обещал Жану Грандые обратиться ко всем коммандо с просьбой предложить находящимся в их распоряжении Молокососам немедленно вернуться к своему капитану.

При подвижности бурских отрядов можно было надеяться, что Молокососы соберутся дней за десять. Но Сорви-голова не мог примириться с бездеятельностью даже в течение такого срока и просил дать ему пока хоть какое-нибудь задание.

— Но у меня нет для вас ничего подходящего. Не забывайте, что вас всего-навсего трое.

— А вы подумайте, генерал. На войне всегда найдется что-нибудь очень трудное и не терпящее отлагательства.

— Если бы в вашем распоряжении находилась сотня Молокососов, я поручил бы вам взорвать водохранилище Таба-Нгу.

— Но, генерал, я берусь это сделать с помощью Фанфана и Поля.

— Бассейны охраняет тысяча англичан. У них кавалерия, артиллерия, пехота,— возразил генерал.

— В таком деле сто человек скорей помешали бы мне, чем помогли. Мы вполне справимся с этим делом втроем, даю вам слово.

— Но это же чистейшее безумие!

— Знаю. Именно поэтому я и убежден, что дней через десять, если только мы не погибнем, водохранилище будет взорвано. Мы возобновим динамитную войну. Это так увлекательно! Вдвоем-втроем делаешь огромное дело, выполняешь работу целого армейского корпуса!

— Хорошо, мой дорогой Сорви-голова, отпускаю вас, только с условием: непременно вернуться!

И вот трое наших сорванцов отправились в Таба-Нгу. Храбрейшие из храбрых отступили бы перед таким дерзким делом. Но Молокососы не знали колебаний.

В Таба-Нгу у Поля Поттера жили родственники. Впрочем, в тех местах все были немного сродни друг другу.

Дядюшки и двоюродные братья бились на войне, но зато тетушки и двоюродные сестры встретили юных воинов как нельзя более сердечно.

А те, не теряя даром драгоценного времени, сразу же приступили к разработке плана действий. Скоро в

голове Жана Грандые созрел оригинальный и вполне осуществимый замысел.

Ему было ясно, что женщины легко пройдут там, где мужчин остановили бы на первом же шагу. Что же! Молокососы позаимствуют платья из гардероба двоюродных сестер Поля и обратятся в женщин.

Так Сорви-голова превратился в сестрицу Бетие, рослую девушку, носившую голландский чепчик, Фанфан стал сестрицей Гриэт, черноволосой девицей в невообразимой шляпке, а Поль преобразился в сестрицу Наати, неказистую по внешности, но обладающую несравненными способностями доильщицы.

Сорванцы учились ходить в юбках, перенимали, насколько это возможно, скромные девичьи повадки, — словом, делали все то, что Фанфан непочтительно называл «кривляньем».

Вечером устроили генеральную репетицию. Все сошло отлично. А на утро следующего дня они уже гнали скот на водопой, не забыв захватить корзины, в которые, кроме завтрака, положили немного тряпья.

Импровизированные пастушки чудесно вышли из опасного испытания.

Случай с коровой, не позволившей уланам доить себя, подсказал Жану мысль захватить в следующий раз подойник, в который сестрица Наати — она же Поль — должна была надоить молока, чтобы отвлечь внимание солдат.

На другой день, как уже известно читателю, сорванцы, рискуя быть расстрелянными на месте, привели в исполнение свой дерзкий замысел.

Фанфан и Сорви-голова — то есть сестрицы Гриэт и Бетие — спрятали на дне своих корзин, под тартинками, платками и вязаньем, по полудюжине динамитных патронов, снабженных бикфордовыми шнурами, — и будь что будет!

Проделка капитана Молокососов удалась на славу. В то время как Поль без устали поил молоком жаждающих солдат, лже-Гриэт и лже-Бетие незаметно и осторожно закладывали в щели стены водохранилища динамитные патроны.

Сбившееся в кучу, мычащее и топчущееся на месте стадо совершенно скрывало их во время этой опасной работы от взоров солдат.

Затем отважные сорванцы, не теряя самообладания, подожгли фитили. Теперь уже никто не был бы в силах помешать делу разрушения.

А у Жана, этого безрассудного смельчака, хватило еще дерзости приписать к объявлению Колвилла, которое он заметил вчера, уже известные нам слова:

«А я предлагаю только пенни за голову майора Колвилла. Она не стоит даже и этого».

И не побоялся при этом подписаться. Пусть знает! Пора было, однако, удираТЬ.

Удирали они довольно быстро, то и дело подгоняя животных. Только бы добраться до фермы!

Благоразумная предосторожность, мудрое решение! Ибо, во-первых, у водохранилища вот-вот заварится горячее дело и, во-вторых, уланы, отправленные им вдогонку майором Колвиллом, уже скачут во весь опор.

К счастью, улан задержало одно обстоятельство: они наткнулись на кучу мелких монет — щедрый дар любителей молока, с таким отвращением выброшенный сестрицей Наати.

«Солдат не очень-то богат. Кто этого не знает?» — гласит одна песенка. А уланы этого взвода, как нарочно, все были такими голяками, у которых не водилось и гроша за душой. Поэтому они спешили и стали жадно подбирать пенсы и шиллинги.

А это значило, что беглецами или беглянками, как будет угодно читателю, было выиграно еще пять минут.

Сестрица Бетие, часто оглядывавшаяся назад, заметила улан, которые уже снова успели вскочить в седла.

— Кажется, погоня...

— Вот так штука! И, конечно, уланы! — воскликнула Гриэт. — Как охотно переколотил бы я их всех до одного!..

— Как ты думаешь, Поль, — спросила Бетие, она же Сорви-голова, — добредут коровы домой без нас?

— Доберутся! — коротко ответила Наати.

— Тогда мы сейчас позабавимся. Еще пять минут назад мы бы пропали, но теперь у нас есть возможность драться.

Вместо ответа Наати пронзительно свистнула. Услышав знакомый сигнал, головная корова пустилась в

галопа и увлекла за собой все стадо, которое с грохотом снежной лавины помчалась к ферме.

Дорога круто поднималась в гору. С левой стороны ее высилась скала, на которой зияла расщелина шириной в два метра и высотой в метр. Это был вход в пещеру. Все три сестрицы забежали туда на секунду и, выйдя, выстроились плечом к плечу перед входом.

Уланы мелкой рысцой одолевали кручу. Их утомленные кони едва плелись.

Пастушки легко могли бы удрать, однако не двигались с места и с любопытством поглядывали на улана. Те заметили их и стали кричать, чтобы девушки спустились к ним.

Пастушки не шевельнулись, даже не удостоили улана ответом.

Тогда сержант, скакавший впереди, подъехал к пещере, осадил перед входом коня и, не слезая с него, попытался обнять Гриэт.

— Сдавайтесь, плутовки, и марш за мной! — крикнул он.

С невозмутимым спокойствием Гриэт, она же Фанфан, ухватила кавалериста за сапог и, приподняв его без всякого видимого усилия, сбросила с седла.

Трах-тарарах! Раздалось бряцанье железа, прозвучала крепкая солдатская брань, потом слышался стук копыт убегающего коня, который, сбросив сержанта, предоставил его самому себе вместе с пикой, саблей, ружьем и всем остальным достоянием улана.

Три пастушки, внезапно «растаяв», закатились неудержимым хохотом. Видимо, шутка показалась им очень забавной.

Уланы же, напротив, нашли ее весьма неуместной.

С полдюжины их спешили. Наставив на бедняжек свои длинные пики, уланы крикнули:

— Следуйте за нами, если не хотите, чтобы вас насадили на пики, как куропаток на вертел!

Шесть остроконечных пик угрожающим полукругом вытянулись перед девушками на расстоянии всего лишь одного метра. Солдаты были возбуждены и свирепы: тут уж не до шуток. Да им поистине было не до шуток!

Сброшенному с коня сержанту удалось наконец выпутаться из своих доспехов и присоединиться к уланам. Он полагал, что более высокий чин дает ему право кричать громче и ругаться грубее своих подчиненных.

Между тем пастушки, как хорошо срепетированный ансамбль, отступили на шаг в пещеру, вытянули вперед носки левых ног, приставили под углом каблуки правых ног к левым, извлекли откуда-то карабины, приклады которых мгновенно и ловко примостились на их плечах. Вся эта красивая пантомима была проделана буквально в течение трех секунд.

Раз! Два! Три!.. — как на ученье.

На войне следует быть готовым решительно ко всему. Но бывают неожиданности, превосходящие все возможности бедного человеческого воображения.

Именно с такой неожиданностью столкнулись уланы, когда на их глазах три молодые девушки вдруг превратились в грозных бойцов. Попробуйте поставить себя на их место, читатель! Пика против ружья вообще слабое оружие. Она становится почти негодной, когда приходится действовать ею снизу вверх, в положении, которое не только стесняет движения бойца, но и пагубно отражается на его моральном состоянии. Даже наиболее храбрые люди повинуются в таких случаях инстинкту самосохранения, не могут о чем-либо думать или что-либо предпринять. А инстинкт перед лицом такой опасности приказывает бежать без оглядки, если конечно, страх не приковывает человека к месту.

Так случилось и с уланами. При виде этих простых девушек, действующих и маневрирующих с выучкой настоящих бойцов, они на какое-то мгновение были ошеломлены.

О, да эти пастушки, оказывается, совсем не такие дубины!

Потрясение улан длилось не более каких-нибудь двух секунд. Но и за две секунды можно совершить немало дел с помощью маузеровских винтовок.

Паф! — сверкнули три языка пламени, и поднялся легкий дымок. И тотчас же: паф! — еще три выстрела, так же, как и первые, слившиеся в один.

Шесть выстрелов за две секунды — ужасно!

Уланы были поражены в упор, ментики их порыжели от пламени, оружие выпало из рук. Простреленные навывлет, они судорожно взмахнули руками, зажимая ими раны, нанесенные «гуманными пулями».

Некоторые из них с дико блуждающим взглядом пробежали, пошатываясь, несколько шагов и рухнули навзничь. Сержанту пуля угодила в самое сердце, и он

на месте свалился ничком. Другой улан пробежал с неистовым воплем не более пятидесяти метров, покачнулся и упал, извергая потоки крови.

Шесть улан, то есть более половины всего взвода, уже на земле!

Сорви-голова сдержал злобную усмешку, промелькнувшую было на его губах, и зычным голосом, несообразным с его женским нарядом, гаркнул:

— Долой оружие, мошенники! Я — Брейкнек!.. Слышите?.. Долой оружие!

Но улан оставалось еще пятеро. Им казалось чудовищным сдаться каким-то карикатурам, пусть даже страшным, но все же карикатурам на солдат.

Уланы разбились на две маленькие группы: первая, состоявшая из двух человек, находилась метров на шесть впереди второй.

Передовые уланы вздыбили своих коней. Однако этот маневр, хорошо знакомый всем кавалеристам, годен был разве лишь на то, чтобы привести в замешательство новичков, но отнюдь не таких стрелков, как Поль и Сорви-голова.

Грянули еще два выстрела. Никакие суматошные движения не помогли уланам. Пораженные прямо в голову, они, соскользнув с седел, замертво грохнулись оземь.

Теперь улан оставалось всего трое. На этот раз они были всерьез перепуганы и собирались улепетнуть.

Поздно!

Прежде чем перейти в галоп, им пришлось бы сделать крутой поворот и пробраться по узкой тропе между двумя глубокими оврагами.

Как раз в это мгновение из долины донесся оглушительный грохот взрыва. Почва задрожала, как при землетрясении.

И снова раздался еще более громкий и повелительный голос Сорви-головы:

— Водохранилище взорвано! Это сделали мы... да, мы одни!.. Сдавайтесь же, гром и молния! Сдавайтесь, пока не поздно!

— Сдаемся! Сдаемся!..

— Отлично!.. Бросить оружие! Спешиться! Руки вверх!.. А вы, Фанфан и Поль, возьмите этих плутов на мушку и при малейшем подозрительном движении стреляйте их, как зайцев.

Трое солдат, чувствуя всю унижительность своего положения, все же покорно исполнили приказание Жана, и только один из них не без достоинства произнес:

— Мы сдаемся. Но мы солдаты, а не мошенники, и вам не следовало бы нас оскорблять.

Сорви-голова с пылающими от гнева глазами, с искаженным лицом, страшный, несмотря на свое шутовское одеяние, приблизился к уланам и негодуя бросил им в ответ:

— Вы еще смеете говорить об уважении к военнопленным! Вы, грабители ферм и поджигатели нив, убийцы женщин и детей! Вы, подвергающие военнопленных жестокой и позорной пытке «pigsticking»!.. Вы — палачи, позорящие свои мундиры, бандиты, которых следовало бы беспощадно истребить всех до единого! И вы еще смеете называть себя солдатами! Вы — уланы майора Колвилла, достойные помощники этого золотопогонного убийцы!

Сраженные жестокой, но вполне заслуженной отповедью Жана и к тому же весьма неважно чувствовавшие себя под дулами двух карабинов, все три улана беспрекословно сдали оружие.

Сорви-голова овладел собой и снова обратился к ним более спокойным тоном:

— Чего, собственно, вам было от нас нужно и кто вас послал в погоню? Ведь в английском лагере мы сошли за пастушек.

— Дело в том, — ответил один из улан, — что после вашего ухода к водохранилищу прибыл майор Колвилл. Он увидел на своем объявлении подпись капитана Сорви-голова. У него возникли подозрения. Он приказал нагнать вас и во что бы то ни стало доставить к нему.

— Значит, только для того, чтобы поймать каких-то жалких пастушек, он рискнул целым взводом?

— Выходит, так, — подтвердил улан.

— Что ж! Если Колвиллу так нужны три пастушки, я, пожалуй, отправлю их к нему.

При этих словах лукавая улыбка озарила лицо капитана Сорви-голова.

— Разденьтесь! — приказал он улану. — Снимите с себя доломан, брюки, сапоги.

— Но, мистер Брейкнек...

— Без возражений! А то сами видите — сестрица Наати уже косо поглядывает на вас и играет собачкой

своего карабина. Поспешите же... Вы рискуете жизнью.

В мгновение ока солдат сбросил с себя военную форму, а Сорви-голова столь же быстро освободился от одежды сестрицы Бетие.

— Теперь,— с насмешливой серьезностью продолжал Сорви-голова,— получайте мою одежду в обмен на вашу. Поворачивайтесь, поворачивайтесь!.. Натяните корсет... Влезайте в юбку... Да не забудьте чепчик, эту существенную принадлежность женского наряда.

В полном отчаянии, подавленный смешной и жалкой ролью, которую заставил его играть неумолимый победитель, улан угрюмо повиновался, а Сорви-голова облачился тем временем в военную форму цвета хаки.

— Отлично! Если бы не усы, вы вполне сошли бы за кузину Бетие. Не угодно ли вам для такого случая срезать их?.. А теперь поддержите лошадей, да смотрите — без предательства... Эй, номер два! Ваша очередь! Снимайте форму... А ты, Фанфан, отдай этому джентльмену свои тряпки.

Номер второй заколебался было, но Сорви-голова навел на упряма карабин и холодно произнес:

— Считаю до трех. Если при счете «три» вы не будете раздеты, я всажу вам пулю в лоб. Раз... два... Отлично! Вы чудесно поняли меня.

И этот улан разделся в мгновение ока.

— Теперь твоя очередь, Фанфан,— продолжал, улыбаясь, Сорви-голова.

Второй улан был высокого роста и плотного телосложения, Фанфан же тощ, как скелет, а ростом — от горшка два вершка. Доломан улана почти прикрыл его ляжки, а брюки пришлось подтянуть до самых подмышек, и все же они волочились по земле.

Сорви-голова залился гомерическим хохотом: даже на губах серьезного Поля появилось что-то вроде улыбки — до того потешно выглядел парижанин.

Но Фанфан не растерялся. Засучив рукава и подвернув края брюк, он иронически, с комизмом подлинного Гавроша разглядывал свой наряд. А злосчастный улан, невообразимо смешной в слишком коротком и узком женском платье, походил на одну из тех жалких марионеток, которых сваливают ударом мяча на деревенских ярмарках.

Третий улан сам догадался, что самое лучшее для него — как можно скорее покончить с переодеванием.

Обмен одежды с Полем произошел без инцидентов, и в две минуты все было закончено.

Сорви-голова снова стал серьезным.

— Вы свободны! — властно, с достоинством сказал он уланам. — Садитесь на коней и возвращайтесь в лагерь. Поклонитесь от меня майору Колвиллу и скажите ему, что вместо пастушек я посылаю ему их тряпье. Ничего большего на этот раз, к сожалению, сделать для него не могу.

Взбешенные, подавленные стыдом и совсем одуревшие от всего пережитого, уланы вскочили на коней и, путаясь в юбках, из-под которых свешивались их босые ноги, во всю прыть помчались к лагерю.

А Сорви-голова, Фанфан и Поль, вскинув за плечи карабины, вернулись на ферму.

III

Старые друзья. — Саперы роты Молокососов. — Наполеон. — Неосторожность. — Окружены! — Парламентер. — «Капитулируйте!» — Гордый ответ. — Под артиллерийским обстрелом. — Пролом. — Сорви-голова покупает стадо. — Прихоть, которая обходится в тридцать тысяч флоринов. — О том, зачем понадобилась эта покупка. — Необыкновенные приготовления. — Куда пойдут коровы? — Томительное ожидание.

Там их ожидал приятный сюрприз. Во дворе фермы они увидели восемь оседланных, снаряженных по-военному лошадей, с наслаждением жевавших початки кукурузы. То были бурские пони.

А когда три друга вошли в парадную комнату, их встретили радостным «ура».

Из-за стола встали восемь человек. Двое из них, обладатели длинных бород, протянули руки и воскликнули:

— Сорви-голова! Дружище! Принимайте первых волонтеров нового эскадрона Молокососов!

— Доктор Тромп! Переводчик Папаша!.. Рад вас видеть! Но что же это за Молокососы с бородищами, широкими, как лопаты?

— Они вполне могут быть саперами, — вмешался Фанфан.

— Bravo! Молодец, парижанин! — воскликнул доктор. — Да, — продолжал он, — в госпитале я почувство-

вал, что старею. Дайте мне боевое дело. Поражать одной рукой и исцелять другой — вот мое призвание!

Папаша с набитым едою ртом перебил его:

— Приказ генерала Бота был объявлен нам третьего дня, и вот мы уже тут, а с нами и Жан Пьер, и Карел, и Элиас, и Гюго, и Иохим, и Финьоле, бежавший с понтонов, а скоро придут и остальные.

Сорви-голова, сияя, пожимал протянутые к нему со всех сторон руки:

— Ого! Да нас уже и так одиннадцать человек! Ну и крепко же мы ударим теперь по англичанам!

— Смерть врагу!

— Да. И особенно смерть уланам! — воскликнул Сорви-голова. — С этого дня мы объявляем им беспощадную и непрестанную войну — войну на уничтожение. Как я их ненавижу!

— И тем не менее носите их форму.

— Так же, как Поль и Фанфан.

— О, я не очень-то задираю от этого нос! — рассмеялся парижанин. — Вы только взгляните на меня: хорош нарядик, а? Что за чучело, друзья мои! Видали вы когда-нибудь такого уроды?

— Но каким чудом попали к вам эти мундиры?

— Уморительная история! Сейчас расскажу... Возможно, хозяин?

— Валяй, только покороче. Все равно поесть надо: от тартинок сестрицы Бетие давно уж и след простыл. Пожужим — и в путь!

Фанфан с жаром рассказал об их смелом налете на водохранилище Таба-Нгу, об их отступлении и переодевании улан.

Нетрудно догадаться, какой успех имел его рассказ.

Потом Молокососы плотно закусили, запивая еду кафрским пивом. Принесли также две бутылки старого капского вина, и все чокнулись за успех кампании и за «дядю Поля», почтенного президента Трансвааля.

Это имя вызвало взрыв энтузиазма.

— Да здравствует дядя Поль!.. Да здравствует бурский Наполеон! — орал Фанфан, пьянея от собственных слов.

Наполеон! Сравнение это прозвучало слишком высокопарно, почти фантастично, так что даже сам парижанин почувствовал необходимость объясниться хотя бы

перед теми из гостей, которые понимали по-французски:

— Да, Наполеон! Я не отказываюсь от своих слов. Доказательство? Пожалуйста! У Наполеона была единственная в своем роде треуголка, а у дяди Поля — цилиндр, подобного которому не сыщешь на всем белом свете. Надо быть гением, чтобы решиться носить такую шляпу... И еще доказательство: Наполеон смертельно ненавидел англичан, которым его треуголка внушала ужас, и дядя Поль так же ненавидит их, а его колпак тоже повергает их в дикий ужас. Что, здорово мы расщелкали англичанишек?.. Будут помнить Молокососов! — сам захлебываясь от восторга, закончил Фанфан свой рассказ, вызвавший бурное одобрение слушателей.

Но тут в залу вихрем ворвалась сестрица Гриэт — настоящая — и одним словом прервала бурную оvação: — Уланы!

Бог мой! О них совсем позабыли. А много их? Наверное, какой-нибудь сторожевой патруль... Сейчас Молокососы хорошенько их проучат.

Сорви-голова стремительно вышел, взобрался на гребень стены и взглянул на равнину. Черт возьми, дело серьезное! Улан было больше сотни. Они мчались развернутым строем, обходя ферму, чтобы отрезать ее от Таба-Нгу. Бежать было поздно. Молокососы попали в окружение. И Сорви-голова, вернувшись, скомандовал:

— К оружию!

Молокососы тотчас же повскакали с мест, разобрали карабины и, выбежав во двор, закрыли тяжелые ворота, подперев их для верности трехдюймовыми досками.

Впрочем, бургские фермы благодаря своим высоким и толстым стенам вообще представляли собой настоящие маленькие крепости, в которых жители могли отражать неожиданные налеты врага.

Уланы быстро приближались, со всех сторон обходя ферму. За ними показались другие кавалеристы, вероятно драгуны; издали они выглядели совсем крошечными, точно оловянные солдатики.

— Уж не думают ли эти джентльмены почтить нас осадой? — сказал доктор Тромп, заряжая маузер.

— Я должен был расставить часовых! — сокрушался Сорви-голова. — Такая ошибка непростительна для

командира разведчиков. А впрочем, не все ли равно, где сражаться — здесь или в поле... Главное — драться. К тому же нас целых одиннадцать человек, — продолжал успокаивать себя Сорви-голова, — и мы, хотя и Молокососы, не дадим перерезать себя, как цыплят.

Сорви-голова не знал колебаний, и его самообладание в подобных обстоятельствах было прямо-таки непостижимым.

— Сколько у вас патронов, Папаша? — спросил он.

— Около двухсот на человека.

— Отлично! А у нашей тройки — по двести пятьдесят. В общем тысяча девятьсот патронов. И, уж конечно, мы не станем стрелять ими по воробьям.

Уланы все приближались. Сорви-голова умело выбрал позиции для десяти бойцов, составлявших гарнизон маленькой крепости, а сам решил остаться в резерве, чтобы иметь возможность поспеть на помощь каждому ослабленному или подвергающемуся угрозе посту.

Все меры защиты были приняты. Беготня прекратилась. Наступила мертвая тишина.

Издалека донесся пронзительный звук рожка. В сопровождении трубача к ферме приближался улан с белым платком на острие пика.

— Парламентер, — сказал Сорви-голова, потирая от удовольствия руки. — И, конечно, с требованием капитуляции. Ну ничего, мы устроим ему достойный прием! Узнают, с кем имеют дело.

Вместе с Фанфаном, украсившим свой штык белой салфеткой сестрицы Бетие настоящей, Сорви-голова поднялся на гребень стены.

— Жаль, нет у меня дудочки, — пошутил Фанфан, — не то сыграл бы я им песенку!

— Лейтенант Фанфан, смирно! — с насмешливой торжественностью скомандовал Сорви-голова.

Английский парламентер, осадив коня в пятнадцати шагах от фермы, закричал зычным голосом:

— По приказу его милости майора Колвилла я требую от обитателей этой фермы открыть ворота и безоговорочно выдать человека, именуемого капитаном Сорви-голова. В случае неповиновения дом будет взят штурмом и сожжен, а жители его будут судимы со всей строгостью законов военного времени.

Ответ не заставил себя долго ждать:

— Я, капитан Сорви-голова, взорвавший водохранилище Таба-Нгу, оценивший всего в пенни голову человека, именуемого Колвиллом, и уничтоживший взвод улан, посланный в погоню за мною, предлагаю вам немедленно убраться отсюда! В противном случае я буду стрелять. Парламентер должен быть вежлив, а вы невоспитанный грубиян. Что же касается Колвилла, то я приговорил его к смертной казни, и потому его слова не имеют для меня ровно никакого значения.

Видимо смущенный, парламентер отвечал более мягким тоном:

— Должен предупредить, что нас пятьсот человек и мы в случае сопротивления пленных брать не будем.

— Пятьсот человек — это не так уж много. А пленных у вас не будет хотя бы по той простой причине, что вам не удастся их взять.

— Это ваше последнее слово?

— Yes, sir!¹

Убедившись, что настаивать бесполезно, парламентер повернул коня и ускакал в сопровождении трубача.

Прошло четверть часа. Англичане были еще далеко, но кольцо осады постепенно сужалось. Они приближались очень осторожно и не решались идти напролом, не зная, сколько буров на ферме. А один уланский взвод из двенадцати человек застыл неподвижно примерно в полутора тысячах метров от фермы.

Непростительное легкомыслие! Сорви-голова, желая показать осаждавшим, на что способны Молокососы, не мог противостоять желанию послать им приветственный залп. Он подозвал к себе самых метких стрелков, то есть всех буров, кроме Фанфана, Финьоле и Жана Пьера, и, указывая им на группу улан, сказал:

— Положите ружья на стену, цельтесь хорошенько и стреляйте по моей команде.

Напрасная и безрассудная попытка, скажут иные. Действительно, мишень была настолько далека, что контуры людей расплывались, а цвет хаки делал их почти невидимыми.

Но ведь буры — лучшие в мире стрелки, а маузер — замечательное оружие.

Это ружье весом в четыре килограмма имеет в длину, не считая штыка, 1,23 метра. Калибр его 7 милли-

¹ Да, сэр! (Англ.).

метров. В его патроне 2,5 грамма бездымного пороха, а пуля из твердого свинца в рубашке из никелированной стали весит 11,2 грамма.

Первоначальная скорость полета его пули достигает внушительной цифры 728 метров в секунду, тогда как скорость пули английского лиметфорда не превышает 610 метров. Пуля маузера смертельна даже на расстоянии 4000 метров, между тем как ли-метфорды бьют всего на 3200 метров. Наконец, траектория полета пули маузера более отлогая, чем английская, что позволяет попадать в цель с невероятно большой дистанции.

Следовательно, при наличии таких метких стрелков, как десять Молокососов, взвод английских улан не должен был чувствовать себя в безопасности.

— Огонь! — вполголоса скомандовал Сорви-голова.

И вот один за другим, почти единым протяжным звуком прогремели шесть выстрелов. Еще секунда — и группа улан пришла в полное замешательство. Выбитые из седла всадники кувырком полетели наземь, в то время как их испуганные кони понеслись по полю.

Несмотря на солидное расстояние, ни одна пуля не пропала даром. И кто знает, не сразила ли какая-нибудь из них сразу нескольких жертв? Маузер — чудесное и страшное оружие.

На такой большой дистанции все это выглядело, правда, не так уж драматично. Создавалось впечатление, будто ребенок бросил горстку шариков в кучку оловянных солдатиков.

Выстрелы сделали англичан более осторожными. Они мгновенно разделились на мелкие группы, чтобы не представлять столь легкую мишень для пуль. Впрочем, и Молокососы, чувствуя, что в них со всех сторон целются, как улитки, попрятали головы.

Сложилась вполне ясная стратегическая обстановка: пятьсот англичан против одиннадцати Молокососов, обложенных на ферме, будто крысы в норе. В малом масштабе повторилась картина окружения армии Кроуны при Вольверскраале, с тою, однако, разницей, что Молокососы, не связанные обозом, сохранили подвижность, да и кольцо окружения на этот раз не было таким плотным.

Впрочем, любая попытка пробиться сквозь ряды англичан заранее была обречена на неудачу.

Что же думает делать противник?

Он, разумеется, не станет тратить времени на осаду, которая задержала бы его на несколько дней, а примет нападение, попытается сделать брешь в стене и штурмом овладеть фермой.

И этой атаке должны противостоять всего одиннадцать человек.

Было около пяти часов пополудни. Очевидно, Колвилл, желая избежать лишних жертв, предпочитал ночную атаку.

Сорви-голова предвидел это, и, хотя положение на первый взгляд казалось безнадежным, он не терял присутствия духа. О хорошем настроении говорила улыбка, светившаяся на его красивом юношеском лице.

— О, мы еще повоюем! — сказал он Папаше, который с невозмутимым спокойствием философа курил свою трубку.

С поля донесся вой летящего снаряда, усилившийся по мере его приближения. В ста метрах от фермы раздался глухой взрыв.

— Недолет! — крикнул Фанфан при виде взметенных снарядами земли и камней.

Снова выстрел. На этот раз снаряд, пролетев над самыми стенами, взорвался в двухстах метрах позади фермы.

— Перелет! — с важным видом знатока крикнул Фанфан.

Третий выстрел.

Бум!.. Теперь уже не до смеха.

Орудия англичан наведены с математической точностью. Снаряд угодил в самый гребень стены и вспорол около кубического метра каменной кладки.

Люди на ферме вели себя с поразительным спокойствием. Женщины и девушки, давно уже свыкшиеся с превратностями и ужасами войны, проявляли замечательное мужество.

Пройдет несколько часов, и старинное жилище их предков будет захвачено врагом, разграблено, сравнено с землей, а сами они будут искалечены, быть может, даже убиты. Те же, кто останется в живых, лишатся крова, потеряют все свое имущество, будут обречены на нищенское существование.

Но нигде не слышно ни жалоб, ни единого слова отчаяния. Никаких проявлений страха!

Хозяйка собрала в столовой своих дочерей и кафр-

ских служанок. Все они, окружив большой стол, стояли как на вечерней молитве. А мать, заменив ушедшего на войну отца, открыла старинную библию и торжественно читала ее вслух.

Время от времени весь дом сотрясался от выстрелов. Взрыв заглушал слова матери, но голос ее ни разу не дрогнул.

Снаряды непрерывно долбили по одному и тому же месту, намеченному врагом для бреша. Стена осыпалась, обваливалась, рушилась. Скоро пролом будет достаточно широк, и англичане смогут ворваться через него во двор фермы.

Чем же занимались в это время Молокососы?

Они наблюдали за неприятелем и время от времени забавлялись тем, что подстреливали какого-нибудь неосторожного вражеского пехотинца или кавалериста.

Да, они забавлялись. Мы не преувеличиваем, ибо мир еще не видывал столь невозмутимых осажденных, так мало озабоченных происходившим, так равнодушно, по крайней мере внешне, относившихся к страшной беде, которая надвигалась на них.

Молокососы безгранично доверяли своему юному командиру, непоколебимая бодрость которого передавалась всему маленькому гарнизону осажденной фермы.

Сорви-голова сказал Молокососам:

— Я все беру на себя! Мы пройдем, не оставив за собой отстающих, майор Колвилл надолго запомнит встречу с нами.

Сам Сорви-голова с помощью Фанфана занялся какой-то таинственной возней в отдаленном строении фермы. Остальные защитники затеяли по приказу Жана перестрелку, чтобы отвлечь внимание осаждавших и внушить им преувеличенное представление о численном составе гарнизона фермы.

Покончив со своей загадочной работой, Сорви-голова отослал Фанфана к защитникам, а сам попросил Папашу пройти с ним к тетке Поля Поттера.

Участие переводчика в переговорах с ней было необходимо, так как эта добрая женщина ни слова не понимала по-французски.

Жан почтительно поклонился ей и, как человек, которому дорого время, без всяких предисловий приступил к деловому разговору:

— У вас полтора ста голов скота — коров и телок. Хотите продать их мне?

— Но, дорогой мой мальчик, англичане все равно заберут их и сожрут. Если коровы могут вам на что-нибудь пригодиться, возьмите их даром.

— Во сколько цените вы каждую корову?

— По меньшей мере, флоринов в двести... Но зачем говорить о цене, когда...

— Двести флоринов, помноженные на сто пятьдесят, составят тридцать тысяч флоринов. Да, так — ровно тридцать тысяч. А теперь будьте любезны вернуть мне книжечку, которую я отдал вам на хранение, перед тем как отправиться к водохранилищу в наряде сестрицы Бетие... Благодарю вас, милая тетя! — сказал он, получив свою чековую книжку.

Он открыл ее, набросал на чеке несколько слов, потом оторвал листок и передал хозяйке:

— Вот чек на тридцать тысяч флоринов. Вы можете предъявить его банку Претории или банку Лоренсу-Маркиша. В любом из них вам выплатят указанную здесь сумму. Эта плата за стадо, которое принадлежит теперь мне.

— Но ведь я хочу подарить его вам!

— Хорошо, хорошо... Благодарю вас, до свидания! Я спешу. А бумажку вы все-таки припрячьте.

К этому времени снаряды снесли уже огромный участок стены. Образовалась пригодная для атаки брешь.

Близился закат. Через час будет совсем темно, а у англичан не видно никаких приготовлений к штурму.

Сорви-голова не ошибся. Колвилл думал, что на ферме не менее сотни Молокососов. Желая избежать слишком больших потерь, он решил идти на приступ под покровом ночи.

Сорви-голова между тем не принимал никаких, даже самых элементарных, мер для отражения атаки. А ведь он, несмотря на свою юность, был опытным командиром.

Напротив! Можно было подумать, что он бесконечно радовался брешу, пробитой в стене снарядами англичан. Если бы не непрерывный обстрел из пушек, он, пожалуй, отдал бы даже приказ очистить пролом изнутри и снаружи от щебня и камней.

Фанфан, ровно ничего не понимавший во всем этом, пришел в изумление, услышав, как Сорви-голова бормочет:

— Если они пройдут здесь без колебания, их уже ничто не остановит, и они помчатся...

— Кто «они»? — спросил Фанфан.

— Скоро увидишь, — ответил Сорви-голова, с лукавой улыбкой потирая руки.

Солнце зашло. Сумерки быстро сгущались.

— В нашем распоряжении еще час, — сказал Сорви-голова. — За дело!

Он велел Молокососам нарезать веток с колючих деревьев, окружавших двор (буры окрестили эти деревья именем «подожди немного», ботаники называют их *асасия detinens*), а сам попросил старую мать семейства и многочисленное племя двоюродных сестер Поля пройти с ним в то самое отдаленное строенье, где он недавно работал с Фанфаном.

Там на столе в симметричном порядке были разложены двести динамитных патронов, снабженных фитилями разной длины.

Сопровождавший их Папаша изумился при виде такого количества этого чудовищной силы взрывчатого вещества.

— Генерал Бота прислал эти патроны для уничтожения водохранилища. Мы израсходовали тогда всего двенадцать штук. А теперь пустим в ход остальные. Объясните им, пожалуйста, Папаша, что такое динамит.

— Да тут даже малые ребята знакомы с динамитом и умеют с ним обращаться, — ответил Папаша-переводчик.

— Отлично! Пусть женщины привяжут покрепче толстым шпагатом по патрону к одному из рогов каждой коровы. Крепко и быстро. У самого основания рогов. И, главное, побыстрей. Понял? Коровы знают своих хозяек и будут спокойно стоять во время этой операции.

Папаша раскусил наконец замысел командира. Широкая, во весь рот, улыбка озарила его лицо.

В английском лагере по-прежнему царила мертвая тишина. Неприятель продвигался вперед медленно и методично, массированными частями. Артиллерия замолчала. Прекратилась и ружейная пальба. Колвилл намеревался взять Молокососов живьем и опасался,

как бы шальная пуля не уложила кого-нибудь из них.

Женщины с непостижимым мужеством и такой же быстротой принялись за свою страшную работу. Коровы доверчиво позволяли производить над собой операцию, грозившую им неминуемой гибелью.

Прошло около получаса.

— Кончили наконец? — беспокоился Сорви-голова.

Ночь лишила его обычного спокойствия, и время тянулось теперь для него слишком медленно.

Принесли фонари. В помещении стало светло.

— Скорей! Скорей!..

Прошло еще с четверть часа. Враг приближался. Уже ясно слышалась ритмичная поступь солдат. Доносилось даже бряцание оружия.

— Поджигайте фитили! Живей! Все сюда!.. Тащите из камина головешки!..

Мужчины и женщины бросились в столовую, схватили горящие поленья и стали поджигать фитили.

Испуганные коровы тревожно мычали. Хозяйки успокаивали их ласковым, хорошо им знакомым тремоло и пощелкиванием языка.

Смелые женщины бесстрашно сновали с горящими головешками среди разгоравшихся с треском фитилей и бикфордовых шнуров.

А ведь достаточно было догореть одному из этих шнуров, чтобы все погибли.

По просьбе Папаши старая мать семейства открывала загон.

А Молокососы и двоюродные сестры Поля привязывали в это время к хвостам попадавших им под руку коров ветки с дерева «подожди немного»: при первом же ударе хвостом колючки, впившись в тело животных, приведут их в бешенство и погонят неистовым галопом.

Англичане подошли уже совсем близко к ферме и сомкнули ряды. Передовые цепи передвигались ползком, все еще не решаясь подняться в атаку. Тишина, прерываемая лишь мычанием коров, пугала их гораздо больше ружейного огня.

— Forward! — раздался вдруг в темноте голос, пронзительный, как звук рожка.

Это сигнал к атаке.

— Гоните стадо в пролом! — скомандовал Сорви-голова.

Если коровы направляются в брешь, английское войско будет истреблено. Если же они заупрямятся и бешенство, которое уже начинает овладевать ими, погонит их по территории фермы,— все здесь будет уничтожено: строения, люди, стадо.

Взорвется сорок фунтов динамита!

Где это произойдет?

Невыразимая тревога охватила людей...

IV

Когда в дело вмешиваются женщины.— Героическое самопожертвование матери и дочерей.— Взрывы.— Победа, купленная слишком дорогой ценой.— Похороны патриотов.— Пожар.— Стычка.— Опять уланы! — Окружены.— Молокососы на краю гибели.— Конец ли это?

Раздраженные колючками, напуганные горящими фитилями, которые потрескивали у них возле самых ушей и, как светляки, сверкали перед глазами, коровы сначала отказывались идти вперед.

Несколько животных бросилось врассыпную по двору фермы, грозя увлечь за собой все стадо.

Сорви-голова содрогнулся. Его тело, лицо, руки мгновенно покрылись ледяным потом, появилось противное ощущение прилипшей одежды.

Еще несколько секунд — и все здесь будет взорвано, уничтожено, стерто с лица земли.

— Да,— с грустью прошептал Сорви-голова,— я оказался слишком самонадеянным... Все пропало!

Но так ли это?

В ответ на только что прозвучавшую команду англичанина раздался звонкий и суровый голос, покрывший и бряцание оружие, и топот людей, ринувшихся на приступ, и мычание стада.

То был голос женщины:

— За мной, дочки! За мной!..

И старая мать, сохранившая, несмотря на преклонный возраст, свою подвижность, с фонарем в руке бросилась к пролому.

Она появилась в брешу с развевающимися по ветру волосами, трагически прекрасная, и еще раз повторила призыв.

— Спасем мужчин! — кричала бесстрашная женщина. — Спасем защитников нашего отечества!

Ее дочери без колебаний прибежали к ней, хотя отлично понимали, что идут на верную смерть.

С тылу на женщин вихрем надвигались англичане, бросившиеся в штыковую атаку.

Впереди металось и ревели обезумевшее стадо.

— Forward!.. Forward!.. — кричали офицеры.

Старая мать созывала коров привычным для них ласковым тремоло. Дочери помогали ей, всячески стараясь их успокоить.

Ошалевшие коровы узнали наконец своих хозяек, стали прислушиваться и пошли на их голоса. Они сгрудились у пролома, и вдруг, снова обезумев от необычной обстановки, ринулись на англичан в тот самый миг, когда последние вбегали во двор фермы.

Героические женщины очутились между англичанами и стадом. С одной стороны на них неотвратимо надвигалась щетина штыков, с другой — наваливалась живая лавина из сотен острых коровьих рогов...

Крик сострадания и ужаса вырвался из уст Жана Грандье и его товарищей, которые теперь только разгадали отважный замысел этих мужественных бургундских патриотов.

— Нет, нет!.. Только не это!.. — срывающимся от слез голосом крикнул Сорви-голова.

— Спасем защитников нашего отечества, да здравствует свобода! — еще раз отчетливо и громко прозвучал голос матери.

— Да здравствует свобода! — звонким эхом откликнулись голоса дочерей.

То был последний их крик. Ошалев от укулов связанных к хвостам колючек, коровы ринулись в поле через брешь. Несчастные женщины были повалены и растоптаны стадом, которое вихрем промчалось по ним и с разбегу налетело на англичан, опрокинув первые ряды солдат ее величества. Стадо неслось огромной неудержимой лавиной. Коровы обдирали себе бока об острые углы пролома, ревели от бешенства и боли и разбегались во все стороны по полю.

А вслед за ними прорвались и Молокососы, мгновенно вскочившие в седла.

Героическое самопожертвование женщин не пропало даром. Оно обеспечило мужчинам время, необходи-

мое для того, чтобы проскочить через линии англичан, среди которых набег стада произвел опустошение, ничуть не меньшее, чем то, какое мог бы причинить ураганный артиллерийский огонь.

Однако английским солдатам нельзя отказать в отваге и упорстве.

Рожок проиграл сбор, офицеры перестроили ряды солдат и снова бросили их в атаку. На все это потребовалось не более пяти минут.

Вдруг где-то вспыхнуло пламя и раздался сильный взрыв. За ним — второй, третий... Да так и пошло! Каждый миг то там, то здесь что-то рвалось. Вспышки возникали в самых неожиданных местах, даже на артиллерийских позициях, превращая в труху зарядные ящики и упряжки.

Со всех сторон летели страшные останки людей и животных, перемешанные с землей и камнями. Перепуганные и оглушенные английские солдаты не слышали ни слов команды, ни человеческих криков: все заглушало мычание коров, то и дело прерываемое взрывами. Не в силах разобраться в страшной и таинственной сумятице, животные разбегались, охваченные паникой.

Замысел Жана Грандье удался на славу. Правда ужасной ценой, он все же одержал победу. И хотя взрывы динамита становились все реже и отдаленнее, англичане решили, что они наткнулись на целую армию, и отступили до самого водохранилища. Наскоро стянув туда все свои силы, они провели остаток ночи в тревоге, ежеминутно ожидая нападения.

Не спали и Молокососы, остановившиеся поблизости, немного восточнее Таба-Нгу. Им предстояло еще предать земле тела женщин, спасших им жизнь, и они не хотели удаляться от фермы, прежде чем не исполнят этот священный долг.

Чуть забрезжили первые лучи рассвета. Молокососы отправились обратно на ферму. Они приближались к ней с величайшими предосторожностями, так как ферма могла оказаться занятой неприятелем.

Сорви-голова шел впереди. Одной рукой он вел пони, в другой держал наготове маузер.

На ферме царила мертвая тишина, наступающая обычно после великих бурь и потрясений; ни одного живого существа, ни людей, ни животных... Домашняя птица и та разбежалась из птичника.

Глазам Жана представилось жуткое зрелище.

В поле, недалеко от пролома, лежало десятка два искалеченных трупов, истоптанных копытами коров. То были англичане. Повсюду виднелись пятна крови, исковерканное оружие.

А в усадьбе, у самой стены, Сорви-голова увидел жестоко изуродованные тела старой матери и ее дочерей.

Жан снял шляпу и знаками подозвал своих товарищей, не в силах вымолвить ни слова.

Те подошли с обнаженными головами и, упав на колени, зарыдали при виде этих неузнаваемых тел.

Но время шло. Надо было поторопиться выполнить горестный долг. Враг был совсем рядом. Каждую минуту он мог вернуться и лишить Молокососов столь дорого купленной ими свободы.

Сорви-голова отер слезы и, стараясь придать голосу твердость, тихо произнес:

— Довольно слез, друзья. Выроем могилу... А ты, Фанфан, стань в дозор за стеной.

Отыскав на ферме лопаты и кирки, Молокососы с каким-то неистовым ожесточением принялись рыть рыхлую землю. Казалось, она вся была пропитана людской кровью.

Вскоре могила была вырыта. Сорви-голова и Поль застлали ее белоснежной простыней, извлеченной из массивного шкафа, где старая мать хранила свои сокровища.

Потом с бесконечными предосторожностями и трогательной почтительностью Молокососы подняли одно за другим тела героинь, опустили их в могилу и прикрыли второй простыней.

Жан, сорвав со своей фетровой шляпы кокарду расцветки национального трансваальского знамени, бросил ее на простыню и дрожащим от волнения голосом произнес:

— Прощайте, благородные и дорогие нашему сердцу жертвы бесчеловечной войны! Прощайте! Покойтесь с миром...

Все Молокососы последовали примеру своего командира и, сорвав кокарды, побросали их на саван, который засверкал ярким созвездием красного, белого и зеленого цветов — символов измученной, окровавленной, но все еще живой родины буров.

Потом они снова вооружились лопатами и, бледные, задыхаясь от подступавших к горлу рыданий, молча засыпали могилу.

Сорви-голова хотел уже дать приказ об отходе, но Поль Поттер, срезав с акации длинную ветку, остановил его.

— Погоди! — крикнул он командиру, а сам побежал на сеновал, схватил там охапку сена, накрутил его на палку, устроив что-то вроде факела, и бросился в дом, все поджигая на своем пути: занавески, постели, одежду в шкафах — словом, все, способное быстро воспламениться. Потом он понесся в конюшню, где запалил сено под стойлами, потом в сарай и наконец, вернувшись к сеновалу, с размаху швырнул туда пылающий факел.

— Теперь можно уходить! — сказал он, покончив с этим разрушительным делом.

Вскоре все вокруг запылало; послышался треск горящего дерева, полетели искры. Из-под крыши, из дверей и окон строений вырвались густые клубы темного дыма. В несколько минут пожар охватил всю огромную ферму.

Не обращая внимания на подступавшее к ним со всех сторон пламя, Молокососы выстроились перед свежей могилой. Раздалась команда их капитана:

— На караул!..

Эта последняя почесть, которую юные бойцы воздали мужественным патриоткам, павшим смертью храбрых за свободу своей отчизны.

Отдав последний долг, Молокососы церемониальным шагом двинулись через пролом к своим встревоженным пожаром лошадям, которые уже начали нервно рыть копытами землю.

Миновав пролом, Поль обернулся и, побледнев сильнее прежнего, произнес своим хриловатым голосом, задрожавшим от гнева и боли:

— Пусть эти развалины будут их гробницей. Да не осквернит нога завоевателя землю, в которой они покоятся!

В это мгновение раздался пронзительный возглас Фанфана:

— Тревога!.. Неприятель!..

Среди высоких трав мелкой рысцой трусил отряд в десятков улая.

— По коням! — скомандовал Сорви-голова. — Отступать!

Он торопился донести генералу Бота об исполнении возложенной на него задачи. Только это обстоятельство и вынудило его повторить свой приказ вскочившим в седла Молокососам.

— Отступать! — крикнул он.

Но чего это ему стоило! Ускакать, не дав боя этим жестоким грабителям, которых он так давно и так люто ненавидел...

— Неужели каждый из нас не уничтожит хотя бы по одному из них? — пробормотал Сорви-голова.

— А почему бы и не попробовать? — вкрадчиво произнес доктор Тромп, расслышавший его слова.

— Но генерал ждет...

— Ба! Четвертью часа раньше или позже — что за важность! Зато маленькая стычка даст превосходную разрядку нашим нервам.

— Да меня и самого дьявольски это соблазняет. Я и спорю-то больше для проформы.

Пока длился этот короткий диалог, Молокососы удалились уже метров на триста.

Уланам, принявшим их отступление за трусливое бегство, взбрела мысль напасть на них самим.

Между тем Молокососы, продолжая свой путь, очутились перед двумя широкими, словно от взрыва мины, ямами, вокруг которых были навалены кучи камней и земли, а на дне виднелись куски изодранного мяса и обломки костей.

— Динамит, — вполголоса заметил доктор.

— Да, он самый. По-видимому, здесь были уничтожены динамитными патронами, прикрепленными к их рогам две ошалевшие коровы, — подтвердил Сорви-голова.

— Превосходная засада для стрелков, — заметил Папаша.

— Идея! — вскричал Сорви-голова.

Одним прыжком он соскочил с пони и скомандовал:

— Спешиться! Уложить коней!

Молокососы с изумительной быстротой выполнили приказ своего командира.

Прекрасно выдрессированные бурские лошади, услышав знакомый свист, повалились в траву, прижались друг к другу, как зайцы в норе, и замерли. Не-

подвижная масса их тел напоминала чудовищные кровяные насыпи.

Зная, что они теперь не шелохнутся, что бы ни случилось, и потому не заботясь о них больше, Молокососы прыгнули в ямы и стали спокойно поджидать приближения улан.

Уланы, скакавшие галопом в атаку, были поражены этим мгновенным исчезновением противника. Они заподозрили военную хитрость и несколько сбавили аллюр. В довершение всего, уланы, как нередко бывает в подобных случаях, сбились с курса и утратили чувство расстояния.

Именно на это и рассчитывал Сорви-голова, превратившийся за время войны в превосходного командира партизан.

Он отлично знал, что по ровной степи почти невозможно скакать, не сбившись с прямой линии, когда не имеешь перед глазами ориентира, что невидимая цель всегда кажется дальше, чем она есть в действительности.

Англичане скоро испытали это на своей шкуре.

Сами того не замечая, они отклонились вправо и объехали ямы, в которых засели буры.

Приподняв головы, Молокососы навели ружья прямо им в спины и по команде «огонь» дружно выстрелили.

— Беглый огонь! — крикнул Сорви-голова, выскочив из ямы, как чертенок из шкатулки с секретом.

Раздался новый залп, а за ним третий и четвертый...

Уланский отряд таял на глазах.

Люди падали, лошади опрокидывались, раненые вопили от ужаса и боли. Они цеплялись за изувеченных животных и снова валялись, скошенные не знавшими пощады стрелками.

В две минуты взвод был полностью уничтожен.

— Больше нет? Жаль! — воскликнул Сорви-голова, жажда мести которого все еще не была утолена.

— Другие попадутся, — ответил Поль, перезаряжая свой маузер.

Он не думал, вероятно, что его слова так скоро подтвердятся.

Справа, на расстоянии метров восьмисот, вынырнул откуда-то второй отряд улан.

— Вот здорово! — радостно воскликнул Фанфан.

— Ты думаешь? — заметил чем-то внезапно озабоченный Сорви-голова.

— А почему бы и нет? Переколотим и этих! Они для того и созданы, чтобы их колотить.

Но лицо юного командира все больше мрачнело: он заметил показавшийся слева третий отряд, еще более многочисленный, чем оба первых. Этот отряд насчитывал не менее тридцати человек. Было бы чистейшим безумием атаковать улан. Сорви-голова с явным сожалением отдал приказ отступить.

Свободным теперь оставался только путь на север.

— На север! — вполголоса скомандовал Сорви-голова. — Генерал Бота стоит, вероятно, под Винбургом. Мы встретим его где-нибудь на железнодорожной линии.

Но не успели Молокососы повернуться, как навстречу им показался четвертый отряд.

Опять уланы! Везде и всюду эти уланы!

— Гром и молния! Мы окружены! — воскликнул Сорви-голова.

— По-видимому, так, — своим обычным спокойным тоном подтвердил Папаша.

С первого же взгляда было ясно, что обстановка создавалась если не безнадежная, то, во всяком случае, опасная.

Англичан было почти в десять раз больше. Пытаться прорвать это кольцо ошестинившихся пик — значило бы безрассудно жертвовать собой. Несмотря на всю отчаянную храбрость Молокососов, их продырявили бы, как куропаток.

Пустой затеей оказалась бы и стрельба на таком расстоянии по мчавшимся во весь опор уланам. К тому же запасы патронов близились к концу.

А бушевавший на ферме пожар отрезал Молокососам даже возможность отступления.

Между тем отряды улан, несясь галопом, все теснее смыкали кольцо вокруг того места, где неподвижно лежали Молокососы, молча и с тревогой посматривавшие на своего командира.

Буры уже различали поблескивание пик, к ним отчетливо доносились воинственные возгласы кавалеристов, рассчитывавших на легкую победу.

И действительно, гибель молодых людей казалась неизбежной.

Еще несколько минут — и все будет кончено: Сорви-голова и Молокососы будут взяты в плен и перебиты, Колвилл восторгается, а дело независимости потеряет своих самых бесстрашных защитников.

V

Возвращение на пылающую ферму.— Среди пламени.— Опять динамит.— Новый пролом.— Карьером! — Прощальный залп.— Спасены! — Бурский картофель.— Замысел капитана Сорви-голова.— Трогательное прощание.— Переодевание.

Оставался единственный выход. Единственный, страшный, отчаянный. Но Сорви-голова со свойственной ему решительностью не колебался. Он сорвал с себя уланский доломан, накинул его на голову своего пони, плотно закрыв им глаза и ноздри животного, а рукава обвязал вокруг шеи лошади.

— Сделайте то же! — приказал Жан своим удивленным товарищам.

Те ничего не понимали, но, не колеблясь, повиновались.

— За мной! — слышался короткий приказ командира.

И, прищипорив лошадку, Сорви-голова бешеным галопом понесся к пролому фермы.

Отважные Молокососы мчались за ним. Они помчались бы за ним даже в ад.

Но и усадьба фермы, куда они влетели во весь опор, исчезнув в вихре дыма и пламени, была не лучше ада. На каждом шагу им угрожал дождь пылающих головешек. Их лизали языки огня, едкий и удушливый дым стеснял дыхание.

Испуганные кони фыркали, пятились и бились. Этот путь через брешь, рядом с которой полыхали набитые мансовой соломой сарай, был поистине ужасен.

Молокососы все же пробились в центр усадьбы. Здесь также стоял нестерпимый жар. Однако, тесно прижавшись друг к другу, можно было, по крайней мере, не так опасаться летящих со всех сторон головешек.

Не подумайте, что эта отчаянная обстановка хоть сколько-нибудь смутила наших сорванцов.

Да, стойкие же они были ребята!

Фанфан даже и тут не упустил случая пошутить.

— Эй, Папаша! — крикнул он. — Гляди-ка, твоя борода так и пылает, а ваша, доктор, мирно поджаривается.

С минуты на минуту положение Молокососов все ухудшалось, хотя и трудно было представить себе что-нибудь более страшное. Воздух до того раскалился, что буквально нечем было дышать.

— Черт побери! — ворчал Фанфан. — Мы прямо-таки раскаленные угли глотаем. А ну-ка, сударь Коко, прекрати свои штучки! Ты ведь не на свадьбе, да и хозяин твой тоже! — прикрикнул Фанфан на свою лошадку.

Задыхавшиеся пони поднимались на дыбы и брыкались.

С поля до Молокососов доносились иронические крики «ура» и оскорбительные выпады англичан. Уланы стояли в пятидесяти шагах от пролома. Они разделились на две группы: одна стерегла у бреши, другая — у ворот. То были единственные пути спасения для Молокососов. Уланы это знали и спокойно выжидали появления здесь своих противников либо их гибели в пожарище.

Жестокость каждого из этих решений, видимо, очень забавляла солдат.

Но куда же девался Сорви-голова?

Он только что покинул Молокососов. Не сказав никому ни слова, он погнал своего пони сквозь густую пелену черного дыма, в которой то и дело вспыхивали длинные языки пламени.

Усадьба занимала около гектара земли. Она была огорожена высокой и крепкой стеной, которая превращала эту часть фермы в настоящую крепость.

Достигнув стены, Сорви-голова порывлся в кобуре и вынул из нее последний динамитный патрон. До сих пор Жан бережно хранил его на крайний случай. С риском погибнуть от взрыва он со вчерашнего дня таскал с собой этот патрон, снабженный к тому же бикфордовым шнуром и фитилем для запалки.

Командир Молокососов спешился, спокойно уложил патрон у самого основания стены и, с опаленными ресницами и едва дыша, вскочил на пони и вернулся к своим товарищам.

— Внимание! — произнес он хриплым голосом.

Искры и горящие головешки то и дело летели на них отовсюду. Пони, обжигаемые этим огненным вих-

рем, начинали беситься. Молокососы едва с ними справлялись.

Да и сами они, бедные дьяволята, получили сильные ожоги. На их дымившихся рубашках появились прорехи, сквозь которые виднелась вздувшаяся волдырями кожа.

Молокососы гасили огонь сильными шлепками по своим бокам и груди и стойчески, без жалоб и стонов, ожидали смерти или спасения.

Прошло еще полминуты. Тридцать секунд адского страдания!

Внезапно послышался взрыв, который заглушил и рев огненной бури и крики англичан. Затряслась под ногами земля, и рухнула часть раскаленной добела стены.

— За мной! — крикнул Сорви-голова.

Из растрескавшихся губ Молокососов вырвался вопль — то был вопль надежды и облегчения.

Сорви-голова дал шпоры своему пони и первым ринулся в пылающее горнило.

Лошади, обезумев от жара тлеющих доломанов, которыми были обвязаны их головы, иступленно понеслись среди горевших бревен, раскаленных камней и пылавших снопов.

Эта скачка длилась несколько секунд.

— Сюда! Сюда!.. — кричал бесстрашный капитан своей команде, которая мчалась за ним следом.

Ура! Ура! Образовалась новая брешь. Последний патрон разрушил десять квадратных метров стены. Молокососы вихрем пронеслись через образовавшийся пролом и карьером умчались в степь.

Их кони скакали, как антилопы.

Молокососы быстро сорвали с лошадей горящее тряпье.

Беглецы проскакали уже четыреста метров, прежде чем уланы успели заметить их чудесное бегство. А заметив, они также пустили коней в галоп.

И пошла погоня!

Крупные английские лошади, подгоняемые криками и ударами шпор, мчались с изумительной быстротой. Но и бурские лошадки, раздраженные ожогами, не сдавали. Расстояние между противниками не уменьшалось.

Пони, издавна привыкшие передвигаться среди исполинских растений Африки, умудрялись, как крысы, проскакивать между высокими стеблями, в которых путались ноги английских скакунов. В конце концов Молокососы значительно опередили своих преследователей.

Менее чем за четыре минуты беглецы прошли расстояние в два километра.

При всей своей смелости уланы все же были вынуждены прекратить преследование. Они слишком оторвались от главных сил англичан и находились теперь в непокоренной зоне.

Опасаясь, как бы их не атаковала вражеская кавалерия, уланы повернули обратно и стали медленно отходить к линиям английских войск.

Бешеная скачка успокоила наконец бургских лошадок, и они заметно сбавили ход.

— Хаки убираются восвояси... честное слово, убираются! — воскликнул, оглянувшись, Фанфан.

— Можно бы и передохнуть теперь, а, хозяин?

— Стоп! — скомандовал Сорви-голова.

Все одиннадцать пони остановились как вкопанные, и Молокососы очутились лицом к неприятелю. Сами того не сознавая, Молокососы сделали полный оборот. Храбрые юнцы, не сговариваясь, отстегнули карабины. Борьба настолько вошла в обиход их жизни, а наступательная тактика так соответствовала их темпераменту, что они уже снова были готовы открыть огонь.

Еще немного, и они бросились бы в атаку. О, будь в распоряжении их командира хотя бы человек тридцать!

От англичан их отделяло теперь не более шестисот метров.

— Послать им огонька вдогонку, а, хозяин? — спросил Фанфан с фамильярностью, не имевшей ничего общего с воинской субординацией.

— Попробуем! — ответил юный командир.

Молокососы навели ружья на взвод улан, истомившиеся кони которых перешли теперь на шаг.

— Огонь!

И они открыли беглый огонь. Несколько секунд выстрелы гремели без перерыва. В неприятельском отряде все пришло в смятение: люди судорожно вскидывали руки и кубарем валялись с лошадей; кони вздымались

на дыбы и падали; мелькали пики; ряды улан быстро таяли.

Настигнутые на таком расстоянии метким огнем противника, англичане сочли за лучшее оставить поле боя и скоро исчезли из виду.

— Увы! — произнес как бы в заключение Сорви-голова. — Больше нам здесь нечего делать. Двинемся на север и попробуем добраться до Винбурга.

Вскоре Молокососы доехали до полноводной реки. То был Верхний Вет, один из левых притоков реки Вааля.

Вконец истомленные, умирая от жажды, покрытые ожогами, они с наслаждением бросились в красноватые воды реки и, фыркая от удовольствия, плескались, плавали, ныряли и жадно глотали свежую речную воду, — словом, полностью вознаградили себя за все недавние лишения.

Но когда мучительная жажда была наконец утолена, мощно заявил о себе волчий голод.

Еды у них не было.

К счастью, недалеко от берегов Вета в изобилии водились бататы¹ — клубневое растение, именуемое «бурским картофелем».

— Айда за картошкой! — крикнул Фанфан.

Выскочив из воды, мокрые Молокососы стали выкапывать клубни этих малопитательных растений, годных разве лишь на то, чтобы обмануть голод.

Быстро собрав обильный урожай, они развели большой костер, слегка пропекли бататы и принялись жадно уплетать их в полусыром виде.

— Нашему обеду не хватает только английского ростбифа, — пробурчал Фанфан.

— Вы просто-напросто избалованный лакомка, маэстро Фанфан, — ответил доктор Тромп. — Бурский картофель — весьма ценное крахмалистое вещество.

— Крахмалистое? Согласен. А все-таки ростбиф тоже весьма ценная овощь! При одном воспоминании о нем слюнки так и текут. Верно, хозяин?

Но Сорви-голова, никогда не терявший хорошего расположения духа, на этот раз молчал, погрузившись в какие-то неотвязные думы. Гастрономические разгла-

¹ Батат — народное название картофеля, происходящего от южноамериканского клубневидного плода.

гольствования Фанфана не доходили до его сознания, мысли его витали где-то далеко.

Прошло два часа. Одежда на Молокососах едва обсохла, голод был лишь слегка утолен, юнцы не успели еще после столь длительных и жестоких волнений и беспощадной борьбы насладиться отдыхом, но уже не выказывали ни малейшего признака усталости.

Уж не железные ли они?

— Давайте играть в чехарду! — предложил Фанфан, которому звание лейтенанта не придало ни на йоту солидности.

Это по меньшей мере нелепое предложение, точно выстрел, вернуло к действительности командира Молокососов.

— Фанфан!.. Да ты, кажется, тронулся! — вздрогнув, воскликнул Жан.

— Боже мой! Надо же как-нибудь убить время, когда нечего делать.

— В таком случае собирайтесь.

— Вот это дело!

— Вы немедленно отправитесь к Винбургу под командованием доктора... Передаю вам командование, добрейший Тромп. Вы сообщите генералу Бота об исполнении порученной мне операции: вы доложите ему, что водохранилище Таба-Нгу взорвано.

— Будьте уверены, дорогой Сорви-голова, исполним все ваши приказания. Но что собираетесь делать вы сами?

— Покинуть вас.

— Покинуть?

— О, надеюсь, ненадолго. Необходимо во что бы то ни стало разведать, сколько у неприятеля войск и в каком направлении они передвигаются.

— Ну и что же?

— А то, что я и отправлюсь за нужными нам сведениями туда, где их легче всего получить, то есть в самую гущу английских войск.

— Слишком опасное предприятие! Девяносто шансов из ста за то, что вы будете пойманы и расстреляны.

— Скажем — восемьдесят, и прекратим этот разговор. Самое важное — добиться успеха. А я должен его добиться, потому что от этого зависит судьба армии генерала Бота. Англичане, вероятно, уже заняли или

скоро займут Блумфонтейн. Забрав в свои руки железную дорогу, они предпримут попытки вторгнуться в Оранжевую республику, не слишком удаляясь от железнодорожного полотна. Бота, разумеется, будет шаг за шагом отстаивать рельсовый путь. У меня есть основания предполагать, что «старый Боб» постарается обойти армию Бота при помощи того же маневра, благодаря которому он окружил недавно Кронье и лишил республику четырехтысячной армии. Вот и я хочу узнать, с какой стороны — справа или слева — произойдет обходное движение. Это будет весьма ценным предупреждением для генерала Бота. Мне понадобится на это три дня. Вот почему я и отправляюсь один, без ружья, только с маленьким карманным револьвером... А теперь прощайте, дорогие мои друзья и товарищи по оружию, прощайте, или лучше — до свиданья!

Мужественные сердца Молокососов дрогнули при последних словах командира.

Ни один из этих смелых людей, сотни раз встречавшихся лицом к лицу со смертью, и не пытался скрыть своего волнения, ибо не душевная слабость сказывалась в их тревоге, а искреннее и непосредственное чувство нерушимой дружбы, связавшей их узами боевого братства. К Жану со всех сторон тянулись дрожащие руки, и Сорви-голова молча, порывисто пожимал их, не в силах вымолвить ни слова.

Фанфан, с трогательной гримасой на лице, надтреснутым от слез голосом пробормотал:

— У меня просто сердце упало, хозяин... Тошно мне, ей-богу, тошно! Взял бы ты меня с собой. Уж я сумел бы, если понадобится, перехватить за тебя несколько оплеух, а то и шкуру свою отдать...

— Спасибо, Фанфан, сердечное тебе спасибо, мой храбрый земляк, дорогой мой француз! Но, увы, это невозможно. Мне надо идти одному.

Низко опустив голову, Фанфан подавил вздох и замолк.

Теперь пришла очередь Поля Поттера. Он сжал обеими руками руку командира и, выражая мысль всех присутствующих буров, произнес:

— Благодарю тебя, брат! Благодарю от имени всей нашей родины, ради которой ты жертвуешь своей жизнью. Наша дружба, наше восхищение, наша благодарность будут всегда и повсюду следовать за тобой,

и ты вернешься. До свиданья, брат, до скорого свиданья!

— Ну, конечно же, я вернусь, непременно вернусь! — воскликнул Сорви-голова, голос которого приобрел всю свою звучность. — Не в таких еще переделках мы бывали, и то выкручивались. Кстати, мне надо повидать небезызвестного вам майора Колвилла. У меня такое предчувствие, что скоро мне удастся сыграть с ним одну из лучших моих шуток.

С этими словами Жан двинулся в путь и скрылся в высоких травах, оставив своего пони на попечение Фанфана, который повел его на поводу.

А Сорви-голова, руководимый своим замыслом, медленно зашагал к тому месту, где после ночного бегства Молокососов из осажденной фермы погиб от их пуль первый из уланских отрядов.

В изодранном и полуистлевшем от пожара уланском доломане, который едва прикрывал тело, Сорви-голова походил на самого настоящего бродягу. Между тем, чтобы проникнуть в неприятельский лагерь, нужна была приличная английская форма. И он рассчитывал, что ее любезно предоставит ему один из тех усопших джентльменов в хаки. Сорви-голова крался среди высоких трав с выдержкой настоящего индейца и через час был у цели.

На примятой траве он увидел изрешеченные пулями тела пяти солдат и четырех коней.

А немного поодаль, на некотором расстоянии друг от друга, валялись остальные жертвы Молокососов — люди и кони. Позы, в которых они лежали, их искаженные судорогой лица и тела говорили о том, что смерть настигла их мгновенно.

Взгляд Жана Грандье упал на молодого англичанина, чуть постарше его самого. Пуля маузера поразила его прямо в затылок, и он умер, не успев даже вскрикнуть. Не всегда, видно, пуля маузера бывает гуманной.

Кавалерист был такого же роста и телосложения, как Сорви-голова.

Нелегко было решиться раздеть мертвеца. Колебания Жана длились, однако, недолго. Ничего не поделаешь: война есть война. Да и время было мало подходящее для того, чтобы церемониться с этими гнусными завоевателями, с этими проклятыми грабителями

без стыда и совести, с этими жестокими вояками за несправедливое дело.

Сорви-голова влез в брюки цвета хаки, облачился в доломан, напялил на голову каску тоже цвета хаки и тут заметил, что тело улана обмотано несколькими метрами гибкого и непромокаемого шнура толщиной в палец.

— Да это же пироксилин, взрывчатка английских разведчиков, тот же динамит! — обрадовался Сорви-голова. — Отличная находка! Она может очень пригодиться мне во время разведки.

Он обмотал себе грудь взрывчаткой, застегнул доломан и отправился дальше, пробираясь среди высоких трав вельдта.

В сумерки он уже приближался к передовым английским постам.

VI

В разведке. — Оправдавшиеся предвидения. — Как вернуться? — Норовистый конь. — Кувырком! — Драка. — Удар головой и ловкая подножка. — Отчаянное бегство. — В прятки! — У майора. — Сон пьянчуги. — Сорви-голова не теряется. — Верный Билли. — Опять тревога!

Нет в жизни ничего страшнее, чем сознавать себя затерянным в чужом стане, одиноко бродить среди беспощадных врагов, чувствовать, что жизнь твоя зависит от малейшей случайности, от ложного движения, от нечаянно оброненного слова, и знать, что каждую минуту тебя могут схватить и расстрелять на месте, как шпиона.

И, однако, не опасности, подстерегающие разведчика на каждом шагу, и не эта необходимость быть постоянно начеку являются главными его заботами. Все это в некотором роде как бы дополнительная нагрузка к основной его работе.

Разведчику надо всюду побывать; все увидеть, оставаясь в то же время невидимым; набить голову, и без того отягощенную заботой о своей личной безопасности, бесконечным количеством сведений о солдатах, лошадях и пушках, которыми располагает неприятель. Ему необходимо разобраться в позициях врага, составить в уме топографию лагеря, вникнуть в движения неприятельских войск, постигнуть замыслы противника и до известной степени попытаться их предугадать.

Все это, вместе взятое, представляет собой нагромождение невероятных трудов и опасностей. Какой же надо обладать разведчику выдержкой, каким присутствием духа, какой огромной находчивостью, каким умением делать значительные выводы из незначительных на вид фактов, какой наблюдательностью и слухом, каким мужеством, какой железной энергией!

Нашему герою были щедро отпущены судьбою все эти качества, дополнявшиеся к тому же незаурядным и несвойственным такому юнцу опытом.

Ему, например, ничего не стоило, скользя, как ящерица, меж высоких трав, пересечь линию сторожевых постов.

Сейчас мы в этом убедимся, так как уже показались передовые посты англичан, на каждом из которых по двое часовых.

Томми раскуривали коротенькие вересковые трубки и тихо беседовали о своей далекой родине, по которой отчаянно тосковали.

Табачный запах, приглушенный шепот, поблескивание штыков помогли Жану точно определить их местонахождение.

Ему было нечего или почти нечего опасаться часовых. Ведь англичане — люди цивилизованные, а, как известно, «цивилизованные» ничего не смыслят в тайной войне.

Легко обманув бдительность часовых, Жан очутился в холмистой местности, где, как зубья пилы, торчали остроконечные палатки английского лагеря.

Сорви-голова насчитал уже до сотни этих палаток. Он пробирался ползком, при малейшем шорохе прижимаясь к земле, потом снова пускаясь в путь и снова замирая. Он огибал холмы, переползал через них, руководствуясь расположением палаток, которым, казалось, не было конца.

Когда он сосчитал приблизительно количество плотняных домиков, ему ничего не стоило вычислить, сколько в них могло укрываться людей. Итог получился внушительный. На том месте, где два дня назад стояли всего лишь четыреста улан майора Колвилла, теперь сосредоточилась десятитысячная армия.

Продолжая ползти, Сорви-голова заметил, что на белых перистых облаках, покрывавших горизонт, вырисовываются бесконечные линии коновязей, а немного

подальше — орудия с зарядными ящиками: четыре батареи по четыре пушки в каждой, и еще дальше — повозки с круглым брезентовым верхом.

Полевая пекарня выдала себя ароматом свежеспеченного хлеба, а удары молота по наковальне обнаружили присутствие кузницы.

«Да тут целый армейский корпус! — подумал Сорви-голова. — Предвидение не обмануло меня. Враг, несомненно, попытается зайти в тыл армии Бота, обойдя ее с левого фланга. Нет, я не ошибся! Во что бы то ни стало и как можно скорей надо предупредить генерала. Время не ждет!»

Сорви-голова — человек быстрых решений. Решить — значило для него действовать. План возвращения был выработан мгновенно. Пешком!.. Нет, это заняло бы слишком много времени. Значит, нужен конь.

Конь? Что может быть проще! Их здесь, наверно, тысячи.

«Немного смелости, побольше самообладания, а главное, твердая вера в успех», — решил Сорви-голова.

Приняв деревянную выправку английского солдата, Жан размеренным шагом томми приблизился к цепочке лошадей, шумно жевавших у коновязей свое месиво.

Перед каждым конем были разложены в образцовом порядке седла и уздечки.

Дремавшие часовые легко пропустили Жана, приняв его за одного из своих товарищей по оружию и даже не окликнув, настолько далека была от них мысль, что по лагерю может так спокойно расхаживать вражеский шпион. Они приняли его за солдата при исполнении своих обязанностей и провожали доверчивым взглядом.

Сорви-голова, не торопясь, взнуздal коня, развязал поводья, прикрепленные к веревке затяжной петлей... и вот тут-то он совершил грубую ошибку.

Всего не предусмотрешь!

Ему следовало бы оседлать коня, не отвязывая поводьев, но, торопясь удрать и опасаясь, как бы у часовых не возникло подозрение, он поспешил вскочить на лошадь.

— Ты ошибся приятель, — предупредительно сказал ему ближайший часовой. — Это лошадь Дика Мортонa, норовистый конь. Он переломает тебе все ребра.

Увы, предупреждение слишком запоздало! Сорви-голова, теперь уже окончательно убежденный, что он открыт, дал коню шпоры.

Но лошадь, вместо того чтобы тронуться с места, низко опустила голову, поджала круп, изогнула дугой спину, сдвинула вместе все четыре ноги и принялась неистово бить то передом, то задом. Потом, как некий геральдический конь, встала на дыбы, вскидывая передними ногами, после чего проделала то же самое задними. Затем она встала на все четыре ноги и принялась подскакивать на месте, приседать и снова прыгать, — короче говоря, занялась самой невообразимой гимнастикой, результат которой не заставил себя долго ждать.

Укротить проклятое животное было под силу разве только ковбоям американского Запада, этим чудесным наездникам, которые точно воскрешают в своем лице легендарных центавров древности.

Сорви-голова был превосходным наездником, но не той силы. К тому же, сидя на неоседланной лошади, он был лишен точек опоры в седле и стремянах.

Какой-то уж слишком дьявольский рывок коня заставил его разжать шенкеля и перекувырнуться в воздухе, в результате чего он тяжело шлепнулся о землю, а освободившийся конь, гарцуя, понесся в поле.

Ошеломленный на миг падением, Сорви-голова, однако, тут же вскочил, явно встревоженный таким поворотом событий.

Падая, он потерял свою каску, и часовой, увидев при свете бивачного костра его юное лицо, вскричал:

— Этот парень не из нашего эскадрона!.. Да это какой-то мальчишка, зеленый юнец, молокосос!

Последнее слово, произнесенное часовым без тени намека, отдалось в ушах командира Молокососов словно пушечный выстрел.

«Меня узнали!» — решил Сорви-голова.

Он приготовился к защите.

В это время прибежал другой часовой. Он размахивал шашкой и, не разузнав даже, в чем дело, попытался схватить Жана.

Но Сорви-голова, никогда не терявший своего удивительного самообладания, нанес англичанину страшный удар головой в живот.

Солдат упал навзничь.

— К оружию! — неистово заорал первый часовой.

Со всех сторон послышились ответные крики:

— К оружию!.. К оружию!..

Заспанные люди сбегались на крики и сами вопили «к оружию», хотя никто из них не знал, что же, собственно, случилось.

Сорви-голова увернулся от них и опрометью побежал в сторону.

Он приближался к кузнице. Кузнец прервал свою работу, уронил болванку раскаленного железа и, загордив Жану дорогу, замахнулся на него молотом.

Но Сорви-голова, отскочив в сторону, счастливо избежал удара, который непременно разможил бы ему череп, и ловко дал кузнецу подножку.

Кузнец растянулся ничком, неистово бранясь.

Суматоха все росла:

— Тревога!.. Тревога!.. К оружию!..

Солдаты, будто рой встревоженных пчел, выбегали из палаток.

Одни спрашивали, другие отвечали, и никто ничего не понимал.

И вдруг кто-то, то ли не очнувшись как следует от сонного кошмара, то ли под влиянием паров виски, заорал:

— Буры!

— Буры!.. Буры!..— подхватил Сорви-голова, как вор, который громче своих преследователей кричит: «Держи вора!»

На какое-то время эта уловка помогла ему, и главным образом потому, что охваченные паникой солдаты, не распознав своих при неверном свете костров, принялись палить друг в друга.

Сумятица становилась невообразимой. Визг, крики, бегствия, выстрелы, стоны... Никто никого не слушал, никто ничего не понимал, но все стреляли и убивали друг друга.

Враг, однако, не появлялся, и заблуждение не могло продолжаться бесконечно.

Вскоре остался только один беглец, которого со всех сторон преследовало множество солдат.

Началась драматическая, напряженная игра в прятки среди палаток, мимо которых задыхавшийся Сорви-голова молниеносно проскальзывал с ловкостью акробата.

Внезапно перед ним выросла, преградив все пути, большая конусообразная палатка. Сорви-голова обе-

жал вокруг нее, нашел вход и, положившись на свою счастливую звезду, юркнул туда.

В палатке на маленьком складном столике мерцал ночник, освещавший внутренность помещения. На том же столике, возле ночника, стояли пустые бутылки из-под шампанского и ароматных ликеров. Рядом, на бамбуковой мачте, поддерживавшей полотняный верх палатки, висело оружие — армейский револьвер и офицерская шашка. На низенькой походной койке, раскинутой у столика, спал какой-то джентльмен, укрытый одеялом цвета хаки.

Судя по его неподвижности и раскатистому храпу, можно было догадаться, что он без стеснения прикладывался к бутылкам, содержимое которых, очевидно, немало способствовало его сну, близкому к каталепсии.

На фоне полотняной стены отчетливо вырисовывалось лицо спящего, и Сорви-голова тотчас же узнал это строптивое лицо с его крючковатым носом, широким подбородком и плотно сжатыми губами.

— Майор Колвилл! — невольно вырвалось у него.

Майор, сон которого не был потревожен царившим в лагере шумом, проснулся, едва услышав свое имя, произнесенное вполголоса.

Он зевнул, потянулся и пробормотал, как человек, все еще пребывающий во власти сна:

— Сорви-голова? Брейкнек?.. Вот сейчас я прикончу тебя, негодяй!

Он потянулся к револьверу, чтобы всадить пулю в лоб незваному гостю.

Но Сорви-голова с молниеносной быстротой успел перехватить правой рукой дуло смертоносного оружия, а левой туго скрутил ворот рубахи на шее майора. Полотно затрещало, майор задыхался, старался вырваться, позвать на помощь, но вместо крика издавал лишь глухой хрип.

— Молчать! — прошептал Сорви-голова. — Молчать! Или я всажу вам пулю в лоб!

Однако англичанин, вскормленный ростбифами, вспоенный виски, а главное, натренированный во всех видах спорта, был настоящим атлетом.

Он энергично отбивался; еще мгновение — и он вырвется из рук юноши, завопит, поднимет тревогу.

Жану, разумеется, ничего не стоило всадить в него пулю, но на выстрел сбежались бы солдаты. Решив

усмирить майора без лишнего шума, Сорви-голова нанес упрямцу сильный удар по голове рукояткой револьвера.

Послышался треск черепной коробки, Колвилл тяжело охнул и, перестав отбиваться, затих.

Не теряя ни секунды, Жан всунул майору в рот клып из салфетки и затянул ее крепким узлом на затылке. Затем носовым платком скрутил ему руки за спиной, а ремнем уздечки связал ноги.

— Самое трудное сделано,— прошептал Жан.

Как раз в эту минуту кто-то подошел к палатке. Послышались тяжелые шаги и бряцанье шпор.

Сорви-голова погасил ночник, стащил связанного джентльмена на пол, затолкал его под кровать, улегся на его место и, натянув одеяло до самых глаз, принялся храпеть.

Кто-то осторожно вошел.

— Это я, ваша милость, ваш верный слуга Билли Hell damn you! — сиплым голосом пьянчуги прорычал из-под одеяла Сорви-голова.

— В лагере тревога, ваша милость...

Сорви-голова, пошарив вокруг, нащупал сапог и со всего размаха запустил им в верного Билли.

Отношение английских офицеров к своим денщикам отнюдь не всегда проникнуто благодушием. Эти изысканные джентльмены любят давать волю рукам, а подчас и ногам.

Сапог угодил Билли прямо по лицу; он застонал и ушел, прижимая ладонь к щеке, раскроенной острием шпоры.

До слуха Жана донеслись тихие причитания несчастного, которого приучили покорно переносить побои:

— О господи боже! Кровь! Его милость, видно, выпили сегодня слишком много французского коньяка и шампанского, вот рука-то у них и отяжелела. Лучше бы мне убраться отсюда...

«Да и мне тоже»,— подумал капитан Сорви-голова, находивший, что его несносное положение слишком затянулось.

Пришлось, однако, вооружиться терпением, призвав на помощь всю свою выдержку.

¹ Пошел к черту! (Англ.).

Между тем шум в лагере, достигнув своего апогея, начал стихать.

Не найдя никаких разумных причин суматохи, люди приписали ее проделкам какого-нибудь пьянчуги, к счастью для себя оставшегося неузнанным.

Ночная жизнь в лагере вошла в свою обычную колею. Одной тревогой больше, только и всего.

Сорви-голова сгорал от нетерпения. Прошел уже добрый час с тех пор, как он занял место майора. Должно быть, теперь уже было два часа ночи.

Надо немедленно уходить, если он вообще хочет выбраться из этого осинового гнезда.

«Уходить? Разумеется, надо! Но как? — размышлял Жан. — Верхом? Невозможно! Значит, пешком. Это сопряжено, конечно, с большой потерей времени, но такой способ дает хоть тень надежды на успех».

Сорви-голова собирался уже покинуть палатку, когда до него донеслось чуть слышное дыхание майора. Жан послал по его адресу не очень-то милосердное пожелание:

— Хоть бы ты издох, скотина!

Поль Поттер на его месте, несомненно, перерезал бы горло этому заклятому врагу буров. Сорви-голова же удовлетворился тем, что оставил его если не в безнадежно опасном, то, во всяком случае, в смешном положении.

Жан тихонько приподнял одеяло, встал и, нащупывая вытянутыми вперед руками все замеченные раньше предметы, без особых приключений добрался до выхода и выскользнул из палатки.

Но не успел он сделать и двух шагов, как обо что-то споткнулся.

В то же мгновение лежавший перед палаткой человек вскочил и заорал:

— Караул! Вор! Он обокрал его милость!..

То был верный Билли, денщик майора, уснувший, как пес, у порога своего господина.

Черт возьми! Где только не гнездится верность!

Билли старался схватить за шиворот бешено отбивавшегося Жана, не переставая в то же время орать во всю глотку: «Караул! Помогите!»

Опять тревога!

Бедный Сорви-голова!

VII

О людях, которых бьют.— Опять драка.— Пушки выведены из строя.— Распивочная.— Сорви-голова покупает виски.— В роли пьяницы.— Патруль — Первое угощение.— Часовые.— Второе угощение.— Прodelки лжепьяницы.— Конный патруль.— Третье угощение.— Подозрение.— Последняя бутылка и первый выстрел.— Карьером!

Один философ утверждал, что самые верные псы — это те, которых больше всего бьют. Но неужели бывают также и люди, которых нерушимо привязывают к их господам побои?

Да, бывает! Именно таков и был улан Билли, денщик майора Колвилла.

Ни с одним денщиком английской армии не обходились, наверное, хуже, чем с Билли. А один бог знает, сколько ругательств, пощечин и зуботычин отпускают английские офицеры, эти «утонченные» джентльмены, по каждому поводу, за малейшую провинность, а чаще всего просто так, без всякой вины.

Хлестать подчиненного с утра до вечера — это своего рода офицерский спорт.

Билли, расположившийся у палатки майора, как верный сторожевой пес, защищал своего хозяина с остервенением дога.

Жан прилагал неимоверные усилия, чтобы высвободиться из цепких объятий улана, который, не переставая, орал.

Сорви-голова наносил ему удар за ударом. Но Билли, привыкнув на службе у майора к побоям, упорствовал и не сдавался.

Еще немного — и Сорви-голова будет схвачен. Нестовое бешенство овладело им.

Но тут, себе на беду, Билли слишком приблизил свое лицо к Жану, вероятно, для того, чтобы лучше разглядеть и запомнить врага.

Сорви-голова мгновенно использовал это выгодное для себя положение, нанеся противнику так называемый удар «вилкой».

Слишком верный и слишком упрямый Билли, сраженный страшной болью, упустил свою добычу и волчком завертелся на земле.

Наконец-то Сорви-голова свободен! Но отовсюду уже бегут солдаты, вот-вот снова начнется прежняя игра.

К счастью, вопли Билли отвлекли внимание людей от Жана и несколько задержали погоню.

Бедняга, забывая о себе ради своего господина, умолял тех, кто собирался помочь ему:

— Скорей туда, в палатку! Там его милость майор... Его обворовали, убили!..

Одни солдаты бросились преследовать убежавшего Жана, другие вошли в палатку и увидели там полузадушенного и окровавленного майора, который, впрочем, довольно быстро пришел в себя.

Не успели его развязать, как он завопил:

— Сорви-голова!.. Где Сорви-голова?

Никто ему не ответил, никто не принимал всерьез его вопли — все думали, что майор просто пьян или спятил с ума.

— Да говорят же вам, болваны, Сорви-голова в лагере!..

И, схватив шашку, Колвилл опрометью понесся по лагерю, иступленно вопя:

— Брейкнек! Брейкнек! Ловите Брейкнека!.. Тысяча фунтов тому, кто его задержит!

Сорви-голова пользовался у англичан столь же лестной, сколь и опасной для себя популярностью.

Его имя вместе с обещанием награды, повторенное вслед за Колвиллом несколькими солдатами, вскоре подхватили сотни, тысячи солдат.

— Брейкнек!.. Тысяча фунтов!.. — неслоь отовсюду.

Разумеется, Сорви-голова вторил им в унисон, переходя иногда и на более высокие ноты. Эта уловка снова удалась ему, во всяком случае помогла хоть немного выиграть время.

Но без каски, в измятом мундире он не мог долго сходить за английского солдата. Дела его неизбежно должны были принять другой оборот.

Однако Сорви-голова принадлежал к людям, которые в случае необходимости умеют все поставить на карту. Он прибегнул к остроумной, хотя и чреватой опасностью, диверсии.

Убегая от преследователей, он случайно очутился возле лошадей артиллерийского парка.

Служба охранения несколько ослабевает в центре лагеря, окруженного двойной цепью часовых и конных патрулей, особенно после трудного дневного перехода и

ночной тревоги, которая, как это было сегодня, нарушила отдых измученных людей. Поэтому Жану и удалось подойти к лошадям, не возбуждая подозрения заспанных да к тому же и малочисленных часовых.

Кони были привязаны незамысловатыми узлами.

В какие-нибудь полминуты, рискуя получить хороший удар копытом, он отвязал десятка три лошадей, которые, почуяв свободу, разбежались во все стороны.

Лошади с громким ржанием неслись, сшибая с ног людей, метавшихся по лагерю с криками: «Брейкнек!.. Брейкнек!..»

Смятение все росло и вскоре достигло ужасающих размеров, ибо Сорви-голова продолжал под прикрытием ночи свою дьявольскую работу, отпуская на волю все больше и больше коней. А те, возбужденные непривычной обстановкой, бешено мчались куда глаза глядят, опрокидывая палатки и сбивая с ног людей.

Артиллеристы бросились ловить лошадей. Пушки на какое-то время (о, совсем ненадолго!) остались без охраны. Но Сорви-голова со свойственными ему изумительным хладнокровием и ловкостью сумел воспользоваться и этим кратким мгновением.

— А господа англичане! Так вы предлагаете за мою голову тысячу фунтов? Но я же вам говорил, что она стоит гораздо большего. Сейчас вы убедитесь в этом...

Жан вспомнил о взрывчатке, обмотанной вокруг его тела. Он знал, как обращаться с этим оружием, пожалуй более страшным, чем динамит.

Вытащить шнур, разорвать его на три равные части, обмотать ими механизмы трех пушек и поджечь взрывчатку — все это он проделал гораздо быстрее, чем об этом можно рассказать.

«Жаль, что ее так мало», — думал Жан, убегая слома голову от пушек.

Взрывы раздались почти тотчас же:

Бум! Бум! Бум!..

И тут же послышался грохот металла и вопли испуганных людей. Лафеты пушек опрокинулись, орудия вздыбились, как пораженные насмерть кони.

Весь лагерь поднялся на ноги.

Люди, охваченные тревогой, ужасом, гневом, хватались за оружие, бегали, суетились, орали без толку, засыпали друг друга вопросами — словом, усугубляли и

без того большой беспорядок, грозивший перейти в панику.

Одни хлопотали вокруг искалеченных пушек, другие охотились за никак не дававшимися лошадьми, третьи толпились вокруг пьяного и разъяренного майора, который не переставая, вопил:

— Сорви-голова! Говорю вам, это Сорви-голова!.. Тысяча фунтов тому, кто его задержит!

Никто уже не мог разобраться в происходящем. Одни начальники приказывали играть тревогу, другие — отбой, однако ни те, ни другие приказы так и не исполнялись.

Кончилось тем, что о Жане совсем забыли.

А Сорви-голова, добившись своего, не терял напрасну времени.

Взамен каски он нашел фетровую шляпу с инициалами CIV, видно оброненную в суматохе каким-нибудь волонтером, и, напялив ее, преспокойно, с беспечным видом гуляки, направился к границе лагеря.

Его уверенная походка, хорошая военная выправка и форма хаки, которую он успел кое-как привести в порядок, служили ему пропуском. На него никто не обращал внимания, хотя имя Брейкнек в сочетании с кругленькой суммой, обещанной в награду за его поимку, так и вертелось у всех на языке.

Приметив кабачок, двери которого только что открылись, Жан вошел туда с непринужденностью человека, карман которого туго набит золотом. Содержатель распивочной, почуяв в нем солидного гостя, почтительно вышел к нему навстречу.

Сорви-голова, у которого уже созрел новый план действий, потребовал шесть бутылок виски самого лучшего качества.

Хозяин, галл по происхождению, изъяснялся на таком же фантастическом английском языке, как и Сорви-голова. Он даже не заметил, что его покупатель говорит на жаргоне, который, несомненно, вызвал бы подозрения у чистокровного англосакса.

Зато он тотчас же догадался содрать с Жана двойную цену, вероятно, по случаю ночного времени. Такова уж повадка всех содержателей ночных питейных заведений. Сорви-голова, притворившись слегка опьяневшим, расплатился не торгуясь, но потребовал, чтобы ему дали еще провиантскую сумку.

— Хочу отнести бутылки своим товарищам на посту,— пояснил он.

За сумку ценою в пять шиллингов кабатчик содрал с него целую гинею.

Из распивочной Сорви-голова вышел покачиваясь, со шляпой набекрень.

— Товарищи хотят пить,— во всеуслышание рассуждал он.— Канадцев всегда мучает жажда. Отнесу-ка я это виски землякам.

Его остановил патруль. Сорви-голова протянул капралу бутылку виски.

— Только не все, капрал,— приговаривал он,— товарищи на посту томятся жаждой... Канадцы всегда хотят пить.

Капрал улыбнулся, припал губами к бутылке и, одним могучим глотком опорожнив ее до половины, отдал остаток своим подчиненным.

У англичан неистощимый запас снисходительности к пьяным, поэтому он собирался уже отпустить подвыпившего волонтера, находя его объяснение весьма убедительным.

Но в благожелательности трезвого человека к пьяному всегда есть небольшая доля зависти. Солдаты патруля запротестовали—им было мало полбутылки. Они решительно требовали прибавки, и Жан, опасаясь осложнений, вынужден был отдать вторую бутылку. У него осталось всего четыре. При мысли, что ему придется, быть может, утолять жажду еще одного патруля, Жана бросило в дрожь.

Но нет, все шло отлично, если не считать того, что восток начал алеть, предвещая рассвет.

«Ого-го-го! — подумал Сорви-голова.— Пора удирать».

Но не прошел он и полсотни шагов, как наткнулся на стрелковый окопчик. Забряцало оружие, грубый голос резко окликнул его:

— Who goes there?

— Виски! — вполголоса ответил Сорви-голова.

Для английского часового нет более красноречивого и убедительного ответа, особенно в четыре часа утра, после холодной ночи, проведенной в сыром окопе.

— Подойди ближе,— хрипло прорычал солдат с сильным ирландским акцентом.

Сорви-голова несказанно обрадовался.

Время шло, а более счастливого случая нельзя было и желать. Ведь ирландцы, эти самые храбрые солдаты Соединенного королевства, славятся в то же время как самые одержимые и закоренелые пьяницы.

Жан знал, что на английских постах всегда двое часовых. Но так же хорошо знал он и то, что с помощью двух бутылок виски даже от двух Пэдди можно добиться решительно всего.

Шатающейся походкой пьяного Сорви-голова направился к стрелковому окопчику, держа в каждой руке по раскупоренной бутылке.

Потом, протянув часовым бутылки и отыгнув пьяной икотой, он произнес:

— Вот и я!.. Говорю тебе: я и есть это самое виски.

— Арра!.. Арра!.. Бегора!..— сказал один ирландец.— Ты говоришь ну прямо как по книге! Бьюсь об заклад, что ты лучший солдат армии ее величества...

— За твое здоровье, братишка!— произнес другой Пэдди.

Сорви-голова достал третью бутылку, чокнулся ею с ирландцами и заплетающимся языком, но стараясь придать голосу как можно больше любезности, ответил:

— За ваше, друзья!

Ирландцы, запорокинув головы, пили, не отрываясь от бутылок.

Одним-единственным глотком каждый, Пэдди опоражнивал сразу полбутылки. От таких глотков можно, казалось бы, лопнуть, не сходя с места.

А виски был настоящий огонь, что твой купорос. Щеки обоих пьянчуг так и запылали. Проглотив каждый по полбутылке, они прищелкнули языками то ли от удовольствия, то ли в знак не вполне удовлетворенного желания.

— А ну-ка еще по глоточку! Вот так! Поехали... Готово. До дна!

Сорви-голова, притворяясь, что он мертвецки пьян, с каким-то урчанием повалился на землю и захрапел.

Ирландцы разразились смехом.

— Приятель-то, кажется, готов,— заметил один из них.

— А может быть, у него в бутылке осталась хоть капелька?— прибавил другой.— Пойти взглянуть.

Солдат выполз из ямы и, нащупав в темноте капитана Сорви-голова, прижавшего к губам едва початую

бутылку, осторожно отнял ее, вернулся в яму и одним глотком опустошил ее до половины.

— Добавочная порция,— сказал он, икая.

— И мне добавок,— потребовал второй и потянулся за бутылкой.

Докончив ее, он произнес: — А знаешь, я бы тоже не прочь уснуть, как тот парень.

— Еще бы! Но ведь минут через десять придет смена, и тогда нас перестреляют, как зайцев.

«Через десять минут! — ужаснулся Сорви-голова. — Черт возьми, надо удирать!»

Он притворился, что просыпается, поднялся, качаясь из стороны в сторону, на ноги и принялся, бормоча и ругаясь, искать свою бутылку.

— Проклятье! Где же моя бутылочка? Убежала?.. Ах, каналья!.. Ведь я вижу, все вижу! Удрать хочешь?.. Нет, голубушка, не выйдет!.. Иди сюда, мошенница, а не то я сам тебя поймаю!.. Не хочешь?.. Ну погоди, сейчас я тебя догоню!.. Я человек, и тебе не уйти от меня, безногая...

Так, спотыкаясь на каждом шагу, падая, снова поднимаясь, охая, ахая и ругаясь, он прошел мимо хохотавших до слез стрелков.

Погоня за бутылкой казалась им самой утомительной и забавной штукой, какая только могла зародиться в насквозь пропитанном алкоголем мозгу.

Оба Пэдди даже и не заметили, что неизвестный, которому они были обязаны угощением, уходит в противоположную английскому лагерю сторону. Не заметили они и того, что он не спотыкался уже и не пошатывался, что, по мере того как он удалялся, походка его становилась все более уверенной и быстрой.

Горизонт между тем светлел, окружающие предметы вырисовывались все отчетливее.

Почувствовав себя вне опасности, Сорви-голова облегченно вздохнул и собрался было пуститься бегом, как вдруг за его спиной послышался топот скачущего галопом коня.

— Who goes there? — окликнул его резкий голос.

Едва сдержав готовое сорваться с языка проклятие, Жан снова притворился пьяным и, пошатываясь из стороны в сторону, достал последнюю бутылку.

На полном скаку возле него остановился всадник. Конный патруль. Улан!

— Что ты тут делаешь, парень? — угрожающе спросил он.

— Выпиваю и гуляю... гуляю и выпиваю. Если и тебе охота выпить, дам... На вот, пей! Я не жадный.

Увидав невооруженного пьянчужку, улан улыбнулся, отставил пику, потянулся за бутылкой и припал к ней губами.

Пока он тянул виски, Сорви-голова ухватил левой рукой под уздцы его коня, а правой полез в карман своего доломана.

Улан — не то что ирландцы. Его ублаженный алко-голем желудок не знает чувства благодарности. Изрядно глотнув и не выпуская из рук бутылки, он продолжал допрос:

— Что-то слишком далеке от лагеря ты прогуливаешься.

— Как ты сказал, как? — притворяясь ошарашенным его словами, ответил Сорви-голова. — Он далеко, этот... как его... ах, да, лагерь!.. Смешно, правда? Лагерь — и вдруг далеко... Да мне, в сущности, наплевать. Я парень не из робких! А для смельчаков расстояний не существует.

— Брось свои штучки и следуй за мной, — строго сказал улан, в душу которого закралось подозрение.

— А вот не пойду! Я в отпуску. Где мне нравится, там и гуляю.

— Мне приказано убивать на месте всякого, кто попытается выйти за пределы лагеря или войти в него. Повинуйся, не то заколю!

С этими словами улан отшвырнул бутылку и нагнулся, чтобы отстегнуть от ботфорта пику.

Но Сорви-голова мгновенно вытащил спрятанное в кармане оружие и, не выпуская из левой руки поводьев коня, выстрелил в улана.

Пуля, пробив кавалеристу глаз, застряла у него в мозгу. Улан качнулся вперед, потом откинулся назад, соскользнул с коня и, убитый наповал, тяжелой массой рухнул на землю.

Испуганная лошадь норовила встать на дыбы. Сорви-голова, сильно дернув поводья, удержал ее на месте.

На звук выстрела со всех сторон мчались конные патрули. Жан одним прыжком вскочил на коня и погнал его в карьер. Когда расстояние между ним и англича-

нами достигло пятисот метров, те, убедившись в бесполезности дальнейшей погони, прекратили преследование.

Сорви-голова был снова спасен!

VIII

Нашествие.— Как англичане воевали с бурами.— Свирепые цивилизаторы.— Грабежи и пожары.— Драма в Блесбукфонтейне.— Убийство столетнего старца.— Истребление женщин и детей.— Мстители.— Майору Колвиллу приходится наконец уплатить по счету.— Отступление.

Сорви-голова вернулся в лагерь генерала Бота как раз вовремя. Генерал находился в неведении о движении неприятельских войск, а Сорви-голова, рискуя жизнью, раздобыл и привез ему необходимую информацию, точную, исчерпывающую, ясную.

Благодаря отважному командиру Молокососов генерал Бота мог теперь избежать окружения, задуманного маршалом Робертсом. Тщетно войска англичан — драгуны, кавалерия и артиллерия — старались обойти левый фланг бюргеров. Правда, англичане передвигались с молниеносной быстротой, но Бота, без колебания оставив свои замечательно укрепленные позиции между Винбургом и железной дорогой, взял еще более быстрый темп. И огромные клещи, состоявшие из людей, лошадей и пушек, зажали пустоту.

Катастрофа при Вольверскраале многому научила бурув.

Минуло время безумных лобовых атак англичан. Буры поняли это, и теперь, вместо того, чтобы выжидать врага на сильно укрепленных позициях, они отступали.

Но если бурам удавалось таким образом избегать неприятеля, то остановить его они, разумеется, не могли. Англичане всегда наступали в количестве десяти против одного. Они обходили республиканцев, теснили их, гнали на север. Это было неизбежно. Но и теперь еще бурам не раз удавалось вершить славные боевые дела.

Вынужденные постепенно эвакуировать территорию Оранжевой республики, буры, уходя, не оставляли врагу ни одного солдата, ни одного коня, ни одной повозки. Дорого обходились англичанам их успехи, которыми они были обязаны только своему численному превосход-

ству. Не проходило и дня, чтобы неуловимый противник не нанес им жестокого удара, оскорбительного для их самолюбия и чувствительного для финансов и людского состава английской армии.

Буры угоняли обозы завоевателя, снимали его часовых, захватывали врасплох его разведывательные отряды, уничтожали его мелкие воинские соединения... Всего не перечесать.

Партизаны героически отстаивали каждый клочок своей земли, каждый холмик, каждое дерево, каждый дом и при этом оставались невидимыми врагу, тогда как силы и маршрут англичан были прекрасно известны бурам. Им охотно сообщали об этом женщины и дети — единственные обитатели разграбленных неприятелем ферм.

Партизанская война, это борьба с невидимым и вездесущим противником, деморализовала весь состав английской армии, от генералиссимуса до последнего пехотинца.

Первое время англичане пытались бороться с партизанами при помощи простых мероприятий: было объявлено о наложении штрафа за укрывательство в доме партизан, за снабжение их продовольствием, за сообщение им сведений военного характера.

Угроза штрафа не произвела никакого впечатления. Тогда непокорным стали грозить изгнанием. Понятно, что и эта угроза прозвучала впустую.

Взбешенное сопротивлением буров, английское высшее командование не отступило перед мерами, жестокость которых опозорила великую нацию и вызвала возмущение всего цивилизованного мира.

Лорд Робертс, взбешенный, как, впрочем, и все солдаты его армии, непрерывными потерями, которые им приходилось нести от бурских патриотов, возвел в непростительное преступление преданность бюргеров делу независимости своей родины.

Зашумели и господа капиталисты. Империализм не терпит топтания на месте. А военным давно надоели эти бесславные стычки и бесполезные лишения.

Отовсюду, из метрополии и доминионов, понеслись крики: «Пора кончать с бурами во что бы то ни стало, любыми средствами!»

И, как всегда бывает в подобных случаях, солдат, развращаемый «общественным» мнением, тщеславием,

эгоизмом и славолюбием, превращается в карателя. Это произошло и с лордом Робертсом. «Старый Боб» не побоялся обесчестить свое безупречное прошлое чудовищным приказом.

Бессильный сломить героическое сопротивление буров, он стал превращать в пустыню те места, через которые лежал путь его армии.

Английские солдаты методически грабили, уничтожали, сравнивали с землей не только хутора, фермы, селения, но даже и небольшие города.

Началось зверское истребление буров.

Женщины, дети и старики безжалостно изгонялись из своих жилищ. Лишенные крова, голодные и оборванные, они бродили по степи и гибли от истощения и усталости. Находились, конечно, упрямы, которые наотрез отказывались покинуть старый дедовский дом, где протекла вся их жизнь, где они любили, страдали, надеялись и трудились.

О, тогда дело принимало серьезный оборот, ибо это нежелание людей расстаться с родным кровом приобретало в глазах захватчиков характер преступления, караемого смертной казнью.

И англичане совершали эти казни с беспощадностью и свирепостью новообращенных палачей.

Те самые англичане, которые не переставали кичиться своим либерализмом, благотворительной и цивилизаторской миссией, творили здесь, под снисходительным оком начальства, самые мерзкие дела, какие только может придумать зверь в человеческом облике.

Кровавое безумие охватило и многих офицеров. Нередко встречались джентльмены, с чудовищным наслаждением исполнявшие обязанности палачей.

Таким, например, был вечно пьяный и свирепый маньяк майор Колвилл, кавалеристы которого завоевали в тех местах, где они орудовали, позорную славу карателей, ставшую несколько позднее достоянием волонтеров генерала Брабанта.

Колвилл и его уланы действовали в качестве разведчиков в авангарде английской армии.

В те дни, о которых идет наш рассказ, уланы майора Колвилла оторвались от своего армейского корпуса и наводили ужас на местность между Рейтцбургом, Вредефортом и железнодорожной линией Блумфонтейн — Претория.

Разрушение совершалось методически. Уланы не щадили ничего, даже деревьев. А бурская армия, сосредоточенная на границе Оранжевой республики, не могла прийти на помощь несчастным жертвам английского варварства, ибо за спиной у буров находилась река Валь, граница Трансвааля, которую буры должны были защищать, а рядом брод Ренсбург, который давал англичанам возможность легко обойти буров и напасть на них с тыла. Такая стратегическая обстановка приковывала генерала Бота к своему укрепленному лагерю и не позволяла ему перейти в наступление.

Однажды на ферму Блесбукфонтейн прибыл уланский отряд человек в двести.

Ферма эта представляла собой небольшую группу построек, дававших приют десяти-двенадцати семьям тружеников.

Все здесь дышало прочным сельским покоем и незатейливым достатком патриархальных жилищ, созданных несколькими поколениями, которые более полувека обрабатывали землю, собирали и перерабатывали ее урожай.

День за днем они упорно и терпеливо трудились не покладая рук над созданием и усовершенствованием своего маленького мирка, зародыша будущего селения, а может быть, даже и города.

Рождались и вырастали дети, возникали новые семьи, которые селились в новых домах, построенных рядом со старыми. Так, словно мощные ветви огромного и прекрасного дерева, крепко вросшего своими корнями в священную землю отечества, разрастались бурские семьи.

Как счастливо пролетали здесь годы беспечного детства и трудолюбивой зрелости, за которой следовала высоко всеми чтимая старость!

А как опьяняли душу эти бескрайние просторы степей, светлая радость щедро вознагражденного труда, сладостное блаженство отдыха в семейном кругу!

Пожалуй, никогда еще и нигде счастье не было таким совершенным и полным, как у этих людей, превративших каждую свою ферму в маленький эдем. И вот все это счастье, казавшееся нерушимым, рухнуло. Ураган войны, разразившийся над этим райским уголком, унес всех его юношей и мужчин, оставив без защиты слабых и больных его обитателей.

Из двадцати шести мужчин Блесбукфонтейна на ферме остался лишь один столетний слепой старец, с трудом добиравшийся до своей любимой скамейки на солнышке, да мальчуганы не старше десятилетнего возраста.

Остальное население фермы состояло из женщин: девяностолетней прародительницы, славной и преданной подруги главы клана, ее дочерей, внучек и правнучек, то есть матерей, сестер и дочерей бурских воинов.

Всего около семидесяти беззащитных людей.

...Однажды обитатели фермы услышали резкие звуки трубы и стук лошадиных копыт.

Прибежали ребятишки.

— Англичане! — задыхаясь от бега, кричали они.

Уланы, бряцая оружием, вихрем ворвались на просторный двор фермы. Во главе отряда галопировал майор. Рядом с ним скакал сержант, впереди — два трубача.

— Хозяина сюда! Где хозяин? — крикнул сержант.

На пороге показался старый бур. Его вела прелестная белокурая девочка лет шести.

— Я хозяин, — с достоинством произнес бур. — Что вам угодно?

— Огласите, сержант! — приказал своим резким голосом майор, даже не удостоив старца ответом.

Унтер-офицер извлек из-за обшлага мундира бумагу, развернул ее и стал читать, нарочито отчеканивая каждое слово:

— «Именем ее величества королевы и по приказу его превосходительства лорда Робертса всем лицам, пребывающим в этой усадьбе, предписывается немедленно покинуть ее. Малейшее сопротивление будет караться смертью».

И уже от себя сержант добавил:

— Даю вам пять минут сроку.

Ошеломленный старик устремил свой невидящий взор в то место, откуда исходил голос, объявивший этот варварский приговор. Ему казалось, что он плохо слышал, не понял чего-то. Он полным трагизма жестом простер костлявые руки, а его старый, беззубый рот шевелился, не произнося ни звука.

— Дед, — заплакав, пролепетала девочка, — этот человек сказал: надо уходить.

— Уходить?! — замогильным голосом пробормотал старик.

— Да, да, убираться вон отсюда! — злорадно выкрикнул майор. — Пошли прочь, змеиное отродье, а не то живьем вас зажарим в этой норе!

Женщины поняли. Они выбежали из столовой, где прятались до сих пор, охваченные леденящим страхом перед оккупантами. Они окружили кавалеристов, умоляя их сжалиться; с душераздирающими воплями они протягивали им младенцев, которых завоеватели хотели лишить крова и последнего куска хлеба.

Бандиты злорадно расхохотались, подняли на дыбы лошадей и, опрокинув ближайших к ним женщин, стали их топтать.

Послышались вопли ужаса и боли, заглушенные гиканьем улан. На земле лежал младенец с раздробленной головкой. Мать с помертвевшим от горя лицом упала без чувств возле бившейся в агонии невинной жертвы свирепых карателей.

Майор взглянул на часы и с невозмутимым спокойствием процедил сквозь зубы:

— В вашем распоряжении осталось четыре минуты.

Тогда к майору приблизился старик. Догадавшись по властному тону Колвилла, что он и есть начальник, высокий старец низко склонился перед англичанином.

— Коснись это меня одного, — пролепетал он дрожащим голосом, — я бы не просил вас. Я бы сказал вам: возьмите мой старый скелет и потешайтесь над ним сколько угодно... Но эти женщины и дети — они же не причинили вам никакого вреда. Пощадите их ради всего святого... ради вашего бога, которому молимся и мы! Пощадите, умоляю вас!

— Осталось три минуты! — прервал его майор. — Вы теряете понапрасну драгоценное время, милейший: приказ королевы исполняется беспрекословно.

— Не может быть, чтобы ваша королева приказала истреблять людей! Она ведь женщина, она — мать. Сжальтесь же над нашими женами, сжальтесь над детьми!.. Никогда еще я не склонял головы перед человеком, я преклонял колени только перед богом... А вас умоляю на коленях! Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого на свете, вашей честью солдата: сжальтесь, сжальтесь!

И благородный старец, решившийся ради спасения семьи на это величайшее унижение, тяжело упал на колени, простирая к майору дрожащие руки.

Из его потухших глаз брызнули слезы и заструились по седой бороде. Несколько солдат, сердца которых еще не совсем очерствели от грабежей и насилия, отвернулись, чтобы скрыть свое волнение. У остальных это зрелище вызвало взрыв мерзкого хохота.

Майор молчал. С непринужденностью баловня судьбы он высвободил ногу из левого стремена, подле которого стоял на коленях старик, и нанес несчастному страшный удар сапогом по лицу.

Искалеченный старец свалился подле трупика младенца. Из его рассеченных ударом губ и носа хлынула кровь.

Двор огласился негодующими и скорбными воплями женщин:

— Проклятые!.. Палачи!.. Убийцы!..

А Ковилл хохотал, полагая, видно, что выкинул отличную штуку. Потом, снова взглянув на часы и небрежно опуская их в карман, он заметил:

— Ну, четыре минуты уже истекли.

Минутой больше или меньше — какое это имеет значение для несчастных, которые знают, что все мгновения их жизни уже сочтены.

Женщины вновь окружили улан. Бледные, трепещущие от негодования, они поносили солдат, грозили им своими слабыми кулаками, порывались даже их бить.

Солдафоны отвечали громким хохотом, целой очередью ругательств и плоских казарменных шуточек.

— Поднять коней! — гаркнул Ковилл.

— Гип-гип... урра! — заорали уланы, прищпоривая коней.

И хорошо выдрессированные животные ринулись на толпу сокрушенных горем женщин.

Невыразимое смятение охватило несчастных.

Одни ползли по земле, изувеченные железными подковами разгорячившихся коней, другие бежали по двору, стараясь спасти исходивших криком детей.

— Отстегнуть пики!.. Колоты!.. — скомандовал Ковилл, обнажив свою шашку. — А ну-ка, мальчики, подколите мне всех этих маток вместе с их поросятами. Что за великолепный «pigsticking»! Будет о чем вспоминать!

Повинуясь гнусному приказу, уланы взяли пики наперевес и бросились на женщин с криками:

— Урра!.. Урра!.. Подколем свиной! Подколем свиной!..

В это время к старцу вернулось сознание. Он с трудом поднялся. Его ноги дрожали и подкашивались, лицо его было окровавлено, изо рта текла кровь. Слабеющим уже голосом он бросил убийцам свое проклятье:

— Подлецы, будьте вы прокляты, низкие люди!

Но вот он очутился перед Колвиллом, который трусил мелкой рысцой и не спеша подкалывал намеченные жертвы. Взмахнув шашкой, майор со всего размаху ударил старца по черепу. Тяжелое лезвие, посланное рукой атлета, со свистом резака обрушилось на голову старца и раскроило ее до самого рта.

— Черт возьми! Ну и ручища у вас, майор! — восхищенно воскликнул старший лейтенант, ехавший рядом с Колвиллом.

— Да и лезвие не из плохих, милейший, — ответил майор, явно польщенный похвалой.

Кавалеристы продолжали яростно преследовать исколотых пиками женщин. Опынение кровью, от которого хмелеют сильнее, чем от вина, туманило их рассудок и толкало на возмутительные по сзоей свирепости поступки.

Одной из первых упала прародительница. Ее грудь раскроил целый пучок пик, попавших одновременно и сбивших ее с ног. Маленькая белокурая девочка, служившая поводырем старцу, была буквально вздернута на пику сержантом.

Резким рывком пики назад убийца сбросил девочку на землю, где она продолжала биться в предсмертных муках.

А женщины все падали и падали, истерзанные умелыми руками опытных палачей. Уж они-то знали, как наносить удары, ст которых неизбежно погибают, но не сразу, а лишь после страшных мучений.

Но вот с женщинами покончено. Одни уже мертвы, другие умирают. Кони то и дело спотыкаются об их тела, разбросанные красными пятнами по всему двору.

Оставалось уничтожить несколько обезумевших от страха детей.

— Урра!.. Подколем свинью!

Новый бросок бандитов. Последний. Дети убиты. Истребление завершено.

Но неужели злодейство так и останется без отмщения? Неужели не явятся мстители?

Вложив в ножны шашку, Колвилл приказал трубить сбор.

Уланы быстро выстроились по взводам и замерли в ожидании приказа, содержание которого они предугадывали.

— А теперь, мальчики,— обратился к ним майор,— позабавьтесь иллюминацией. Подожгите-ка все эти лагуны. Исполнять!

Убийства, потом поджог. В глазах сборища озверелых бандитов это вполне естественный ход событий. К тому же англичане чувствовали себя в такой безопасности, что не выставили даже дозорных. Весь эскадрон собрался во дворе, желая принять участие в празднике.

— Ура! Да здравствует майор!..— заорал сержант.

— Действуйте, мальчики, действуйте!..

Дружный залп прервал его речь. Колвилл подпрыгнул в седле, закачался и тяжело рухнул с коня, ударившись головой о землю.

Мстители?.. Да, то были мстители и защитники, но, увы, слишком запоздавшие.

За первым залпом прокатился второй, длинный, прерывистый, а вслед за ним — и третий.

Опытное ухо солдат тотчас же распознало в этом убийственном огне мастерство отборных стрелков. Уланы похолодели от ужаса.

Их строй, поредевший от града пуль, мгновенно распался. Вzbесившиеся кони опрокидывали всадников. Охваченные ужасом, уланы попытались обратиться в бегство, но было поздно: над стеной фермы показался длинный ряд маузеров. И молодой негодующий пылкий голос крикнул:

— Ни один из этих бандитов не должен уйти! Огонь!..

Снова раздалась частая, беспощадная пальба.

Стреляли более сотни буров, этих чудесных стрелков, о которых можно смело сказать, что ни одна их пуля не пропадала даром и каждая несла смерть врагу. Несколько каким-то чудом уцелевших улан в беспорядке помчались к воротам и наткнулись там на тройной ряд маузеров.

— Огоны! — прозвучал тот же звенящий негодованием голос.

Снова загремели маузеры, и последние уланы английского эскадрона упали, сраженные наповал.

Разбойники Колвилла были уничтожены.

Во двор фермы ворвались десятка два молодых людей, вернее, подростков, авангард отряда. Остальные буры, составлявшие ядро маленького войска, из осторожности остались в поле.

Ворвавшиеся во двор бойцы направились к тому месту, где был застигнут огнем первого залпа уланский эскадрон. Подле мертвых тел сержанта и двух трубачей еще бился в агонии майор. Раненный в грудь, он задыхался, харкал кровью и, разумеется, нещадно ругался.

Узнав командира бурского авангарда, Колвилл прохрипел голосом, прерываемым предсмертной икотой:

— Сорви-голова... будь ты проклят, мошенник!

— Да, майор Колвилл, это я! И, как видите, я сдержал слово и заставил вас искупить своей кровью смерть Давида Поттера...

— ...моего отца, которого ты убил, подлая собака! — не своим голосом прервал командира побледневший от гнева Поль, подойдя к Колвиллу, который ответил ему вызывающим взглядом.

— Остальные несправедливые судьи, приговорившие к смерти Давида Поттера, — продолжал Сорви-голова, — уже погибли от нашей руки: полковник герцог Ричмондский, капитаны Руссел, Харден и Адамс — все они давно умерли. Да и вам осталось жить всего лишь несколько минут.

— Как знать, иногда возвращаются... очень издалека, — проворчал Колвилл, бравируя даже перед смертью.

Злодей, очевидно, рассчитывал на великодушие своего благородного и всегда сострадательного к раненым противника.

— Увидим! — глухо ответил Поль. И хладнокровно, без малейшего колебания, мальчик приставил дуло ружья к виску майора и спустил курок.

— «Есть мертвецы, которых надо убивать!» — продекламировал в заключение Фанфан, весьма кстати вспомнив этот трагических стих.

Но тут послышались крики:

— Тревога! Тревога! Англичане!

Молокососы вынуждены были стремительно покинуть ферму, не имея никакой возможности предать земле тела невинных жертв.

Они присоединились к отряду, вскочили на коней и отступили перед огромной массой неприятельских войск, темными линиями застилавших горизонт.

IX

Предчувствие.— Переход через Вааль.— Отступление.— Во имя спасения армии генерала Бота.— Фермопилы.— Поль и Патрик.— Стоять насмерть! — Гибель Молокососов.— Последние пули и последние Молокососы.— Капитан Жюно.— Выживут ли они?

Незачем приписывать чуду неожиданное, хотя и запоздалое, появление Молокососов на ферме Блесбукфонтейн.

Отважные юнцы производили в этих местах точно такую же разведку для маленькой армии генерала Бота, какую совершали уланы на пути движения старого маршала.

Встреча обоих отрядов была вполне закономерна.

С военной точки зрения разведка буров удалась на славу: они уничтожили эскадрон улан и обнаружили приближение английской армии.

Теперь, вовремя предупрежденный об опасности, генерал Бота сумеет найти выход из положения и принять срочные и необходимые меры.

Удалась разведка и с личной точки зрения ее участников. Майор Колвилл, ненавистный командир улан, убит, а Давид Поттер отомщен. Казалось бы, сын казненного бура должен был испытывать жгучую радость от сознания удовлетворенной наконец мести. А между тем его терзала какая-то неизъяснимая печаль.

Молокососы мчались карьером к Ваалу.

Поль, опустив голову на грудь, молча скакал между Фанфаном и Сорви-головой.

Фанфан, находивший, что все идет отлично, с беспечностью парижанина насвистывал марш Молокососов.

Сорви-голова, часто оборачиваясь, обозревал весь горизонт. На его глазах отряды английской армии все более растекались по степи.

— Честное слово! Дело, кажется, предстоит горячее, — пробормотал он.

Поль, по-прежнему погруженный в молчание, казался ко всему равнодушным.

— Что с тобой, Поль? — обратился к юному буру Жан, удивленный его состоянием. — Проснись, старина! Скоро бой.

Мальчик вздрогнул и окинул друга необычным для него взглядом, полным грусти и нежности.

— Да, скоро бой, — ответил он. — Последний бой.

— Да ты что, в своем уме? — возмутился Сорви-голова.

— Да, последний, — мрачно повторил Поль. — По крайней мере, для меня.

— Это еще что за бред? — воскликнул Сорви-голова.

— Скажи лучше — предчувствие, — возразил Поль. — Где-то глубоко-глубоко в душе я чувствую: близок мой конец. Не дышать уж мне воздухом вельдта дорогой моей родины, каждую пядь которой мы защищаем, не скакать на коне рядом с тобой, мой дорогой француз, любимый мой побратим... Никогда не увижу я больше родных, и не придется мне радоваться победе нашего народа...

— Полно, Поль, милый, дорогой мой мальчик! Не говори так, умоляю тебя, ты надрываешь мне сердце! — прервал его Сорви-голова. — В конце концов, все это вздор. Разве можно верить в предчувствия!

— И все же я знаю: меня убьют, — уныло ответил мальчик. — Пока был жив хоть один из убийц моего отца, я никогда и не думал об этом. А теперь все кончено, повторяю тебе.

— Нет, нет и нет! Говорю тебе — нет! — воскликнул Сорви-голова.

— Да я и не боюсь смерти, я уж давно привык глядеть ей в глаза. И жизнь мне жаль только потому, что после моей смерти священное дело независимости недосчитается одного ружья, — сказал Поль и с наивной гордостью добавил: — И неплохого ружья...

— ...которое к тому же разнесет вдребезги еще не один английский череп, — попытался Фанфан внести веселую нотку в этот разговор, принявший столь мрачное направление. — А потом, право, не такая уж ты, брат, развалина, чтобы помышлять о вечном покое.

Однако шутка парижанина не имела никакого успеха и прозвучала вхолостую, как подмоченная петарда.

Ничего не ответив, Поль посмотрел на него с таким грустным и мягким выражением своих больших, красивых глаз, что у Фанфана екнуло сердце.

А эскадрон тем временем все скакал на север. Молокососы спешили предупредить генерала. Вдали там и сям виднелись одинокие всадники. Это были конные патрули генерала Бота.

Приметив эскадрон Молокососов, они сомкнулись и помчались известить сгоравшего от нетерпения генерала о возвращении его разведчиков.

Положение буров становилось день ото дня серьезнее. Они еще не были побеждены в буквальном смысле этого слова — бурское оружие еще не знало поражения в открытом бою, но храбрые защитники независимости вынуждены были все время отступать под натиском превосходящих сил противника. А результат получался тот же, что и при поражении в бою: буры теряли свою территорию.

Жестокая печаль терзала сердце генерала при одной лишь мысли, что он вынужден будет оставить врагу Оранжевую республику и позволить англичанам вторгнуться в братскую республику Трансвааль. Как хотелось бы ему избежать отступления, которого требовали от него обстоятельства!

Он отдавал себе отчет в том, что отступление это будет воспринято всем миром как блестящая победа английского оружия. Он предвидел, какое тяжелое впечатление произведет на бурских патриотов уход его армии из Оранжевой республики и как подбодрит это войска королевы.

И Бота все еще надеялся, что ему удастся избежать этого фатального исхода. Однако сообщенные командиром Молокососов известия разрушили последние его иллюзии.

Английская армия надвигалась неудержимо, как морской прилив. Надо было уходить за реку, отступать в Трансвааль. И немедленно!

— Отступать! — мрачно скомандовал бурский генерал. С болью в сердце он послал свой обоз к броду.

По несчастному стечению обстоятельств как раз в это время Вааль вышел из берегов. За каких-нибудь несколько часов уровень воды в нем поднялся настолько, что брод стал почти непроходимым. Не слишком ли долго тянули с решением?

Медленно двинулись первые вереницы повозок. Огромные быки все глубже и глубже уходили в воду — сначала до живота, потом до боков и наконец погрузились по самую шею. Их ноздри раздувались от напряжения, а из пенящихся волн цвета охры виднелись теперь только их мощные рога да лоснящиеся морды.

Посредине реки сильные животные попали в водоворот и потеряли почву под ногами. Все пришло в замешательство. Прямая вереница повозок перекосилась. Еще мгновение — и она распадется.

У остолбеневших от ужаса буров вырвался крик отчаяния. Бота считал свой обоз уже погибшим.

Но нет, тревога оказалась напрасной. Головные быки скоро снова нащупали твердую опору. Они выровняли шаг, приналегли и потянули с еще большей силой и усердием, чем прежде.

Катастрофа, угрожавшая делу независимости, на сей раз была отвращена. Переправа через Вааль оказалась возможной. Но эта операция, достаточно трудная даже в обычных условиях, теперь благодаря проклятому наводнению, грозила отнять уйму времени.

А враг приближался с невероятной быстротой.

Да, слишком долго медлили с решением.

Чтобы обеспечить переправу, надо как-то задержать движение английской армии; а это будет стоить бурам драгоценных жизней сотен отважных бойцов.

Взгляд генерала упал на Молокососов, пони которых еще дымились от бешеной скачки.

— Капитан Сорви-голова, — повелительно, пытаюсь этим скрыть свое волнение, сказал Бота, — мне нужны люди, готовые на все... Да, — продолжал он, — люди, готовые биться до последней капли крови, до последнего вздоха.

— И вы рассчитываете на меня, генерал, хотите отдать их под мое командование? Так я вас понял? — не моргнув глазом, ответил Жан.

— Да, мой друг. Вы и так уже много сделали для защиты нашей родины. Вы не раз жертвовали собой, проливали за нас свою кровь, и все же я вынужден снова просить...

— Вам нужна моя жизнь? — прервал его Сорви-голова. — Она принадлежит вам. Возьмите ее, генерал! Приказывайте! Я готов на все.

— Вы храбрец! Я не встречал еще человека столь бескорыстного и отважного... Видите позицию, что выше брода?

— Да, генерал. Превосходная позиция. Вполне годная для обороны.

— Даю вам пятьсот человек. Продержитесь с ними часа два?

— Достаточно будет и двухсот человек с пятьюстами патронами на каждое ружье.

— Отлично! Благодарю вас, капитан, от имени моей родины! А теперь обнимите меня.

И, по-братски обласкав Жана, молодой генерал сказал:

— Прощайте!.. Подберите себе две сотни товарищей и спасите нашу армию.

Сорви-голова тотчас же стал вызывать добровольцев, желающих присоединиться к его маленькому отряду из сорока Молокососов.

Отликнулась тысяча человек.

Буры любили командира Молокососов. Они верили в него и пошли бы за ним хоть в самое пекло. Сорви-голова быстро отобрал нужных ему людей, не обращая внимания на ворчание отставленных, выстроил их, получил патроны, приказал бойцам наполнить фляги и скомандовал:

— Вперед!

Через десять минут этот арьергард армии Бота уже занимал позицию. Она господствовала одновременно над бродом и над степью и представляла собою нечто вроде извилистого ущелья среди скал шириною в шестьдесят метров. Непрístupная на своих флангах, она была открыта для нападения со стороны степи.

Следовало бы, собственно, возвести земляные укрепления, чтобы затруднить подходы к ущелью, но для этого не хватало ни времени, ни инструментов. И все же Сорви-голова нашел способ укрыть насколько возможно стрелков, оборонявших подступы к позиции.

Он снова прибегнул к динамиту. Перед самой горловиной ущелья наскоро закопали штук пятьдесят патронов. Одна треть людского состава отряда заняла правый, другая треть — левый фланг позиции. Остальные должны были защищать подступы к ней со стороны равнины.

Вскоре показалась голова английского авангарда — несколько отрядов улан и драгун. Они мчались во весь опор.

Буры, засевшие среди скал, устроили им достойную встречу, которая заметно охладила пыл врага. До тридцати всадников вместе с конями остались на поле битвы. Это само по себе неплохое начало дало, кроме того, защитникам выиграть в две минуты.

Внезапно дрогнула земля, взвились густые клубы белого дыма, красного песка и камней. Взрывы следовали один за другим, и мгновенно под их действием между ущельем и равниной образовался ров.

От края до края горного прохода вытянулась глубокая траншея, представлявшая собой цепь ямок со своеобразными брустверами из кучек осыпавшихся камней и земли. Эти ямки вполне могли служить укрытием для юных храбрецов, решивших стоять насмерть.

Сорви-голова поспешил занять их с отрядом в шестьдесят стрелков, среди которых были Фанфан, Поль Потер, доктор Тромп, Папаша-переводчик, Элиас, Иохим и другие Молокососы, неразлучные его товарищи с первых же дней войны. Они съежились, прильнули, тесно прижались к земле, словно вросли в нее, выставив наружу лишь дула своих маузеров.

Командующий английским авангардом решил одним сильным натиском захватить позицию, защищаемую столь малочисленным отрядом.

У англичан проиграла атака. Грянуло солдатское «ура». Вихрем помчались драгуны.

— Залп! — скомандовал Сорви-голова, когда всадники были на расстоянии четырехсот метров.

Буры выполнили приказ с удивительной четкостью: в одно и то же мгновение справа, слева, в центре раздался сухой треск выстрелов.

Секунда затишья — и снова:

— Залп!

Действие огня буров было ужасно. На земле копошились, корчились в предсмертных судорогах и катались от боли сраженные на полном скаку люди и кони.

— Forward! Forward! — командовали английские офицеры.

Оглушительно ревели горны, солдаты орали, подбадривая себя криками.

— Беглый огонь! — громким голосом приказал Сорви-голова.

Последовала ошеломляющая пальба, которая в один миг уложила половину вражеского полка.

Подход к ущелью был буквально завален телами убитых и раненых и трупами лошадей. Трудно даже представить себе, какое огромное уничтожение способна произвести горстка решительных, смелых и дисциплинированных солдат. Но сильно поредевший, расстроенный, обгаренный кровью драгунский полк все же домчался до траншеи, занятой непоколебимыми, как скала, Молокососами.

О, храбрые ребята!

Кони их топтали, в них с ходу стреляли кавалеристы, а они стойко держались, не отступая ни на шаг. Выстрелами в упор они валили первые ряды неприятеля, в то время как перекрестный огонь засевших на флангах буров буквально уничтожал последние его ряды.

Но все же одному английскому взводу удалось ворваться в ущелье. Десятка два каким-то чудом уцелевших всадников под водительством молодого офицера на великолепном коне прорвались сквозь строй засевших в окопе Молокососов.

Но они тотчас же оказались отрезанными от своих.

Сорви-голова и Поль Поттер одновременно узнали врезавшиеся им в память черты молодого лейтенанта, хотя на нем и не было теперь живописной шотландской формы.

— Патрик Ленокс! — вскричал Жан.

— Сын убийцы! — проворчал Поль, ненависть которого осталась все такой же неукротимой.

Вспыхнули выстрелы, и взвод, точно скошенный, повалился на землю. Конь Патрика был убит наповал.

Молодой офицер повернулся лицом к неприятелю и заметил Поля, который целился в него на расстоянии десяти шагов. С молниеносной быстротой Патрик навел свой револьвер и выстрелил в Поля в тот самый момент, когда и Поль спустил курок ружья.

Два выстрела слились в один.

Уронив ружье, Поль прижал руку к груди.

— Умираю... — прошептал он. — Я это знал...

В то же мгновение захрипел и зашатался Патрик. Оба смертельно раненных юноши смирли друг друга

вызывающим взглядом. В их уже затуманенных близкой смертью глазах горело пламя ненависти. Оба они умирали, и оба из последних сил старались сблизиться для последней схватки.

Сквозь пелену дыма и огня Сорви-голова заметил эту полную трагизма сцену, но, поглощенный борьбой, он был лишен возможности стать между врагами, непримиримыми даже в объятиях смерти.

С их губ, покрытых розовой пеной, срывались проклятия, а из простреленной навылет груди била фонтаном алая кровь.

Наконец они сблизились, схватились, стали душить друг друга, стараясь похитить один у другого жалкий остаток и без того покидавшей их жизни. Зашатавшись, они упали, но продолжали драться, катаясь по земле.

— Будь ты проклят, английский пес! — хрипел один.

— Бандит!.. Убийца!.. — едва шептал другой.

Этих двух умирающих людей все еще разделяла бездна беспощадной и кровавой ненависти, вырытая войной между двумя народами.

Борьба отняла у них последние силы. Их руки стали коченеть, но устремленные друг на друга глаза все так же пылали. Оба судорожным усилием приподняли голову.

— Да здравствует королева!.. Да здравствует Англия с ее новой колонией!.. — произнес Патрик слабеющим голосом.

— Да здравствует независимость!.. Да здравствуют наши свободные республики! — одновременно с ним воскликнул юный бур.

И оба упали мертвыми.

В сражении между тем наступило временное затишье. Огонь затихал. Потери буров были невелики, но весьма чувствительны для их слабого по численности состава.

Англичане же понесли огромный урон. Все подступы к ущелью были завалены трупами. Устрашенный этим зрелищем, командир решил отказаться от лобовой атаки. Шутка сказать — половина его войска выбыла из строя!

Англичане выдвинули вперед две артиллерийские батареи и послали эскадроны кавалерии в обход обоих флангов бурской позиции, чтобы попытаться взять ее с

тыла. Короче говоря, противник терял время, а именно этого-то и добивался Сорви-голова.

Прошел час. Надо продержаться еще шестьдесят минут, и тогда армия генерала Бота будет спасена. Но смогут ли они продержаться?

Фанфан, лежащий в окопе между командиром и доктором, услышал последние возгласы Поля и Патрика. Обернувшись, он увидел их трупы.

— Боже!.. Поль убит! — вырвалось у него.

Две крупные слезы, которых он и не пытался сдержать, скатились по щекам парижанина.

Фанфан рванулся было к своему другу — ему хотелось еще разок взглянуть на него, проститься с ним, попытаться пробудить в нем хоть искорку жизни. Но Сорви-голова, подавив усилием воли подступавшие к горлу рыдания, одернул Фанфана с напускной суровостью, плохо скрывавшей его собственное жгучее горе:

— Ни с места! Не имеешь право напрасно рисковать жизнью.

— Верно... Бедный Поль!

— Да. Но минутой раньше, минутой позже наступит и наш черед...

Жан был прав: после недолгого затишья вспыхнула еще более жаркая, еще более ожесточенная битва. Английский генерал стремился во что бы то ни стало сломить сопротивление бурского арьергарда, который мешал ему атаковать армию генерала Бота. Он не отступал ни перед какими жертвами, лишь бы уничтожить эту горсточку людей.

Пушки забрасывали картечью ущелье и ямы, в которых укрывались буры. За огнем пушек в проломы, пробитые картечью, хлынул свинцовый ливень пуль.

Время от времени то тут, то там падали пораженные насмерть защитники этих африканских Фермопил¹.

Сорви-голова с замиранием сердца отмечал, что с каждой минутой все уменьшалось количество светлых дымков, по которым он судил о числе оставшихся в живых товарищей. Да, таяли люди, таяли и патроны. Пу-

¹ Фермопилы — узкое ущелье, соединяющее Фессалию (Северная Греция) с Элладой (Центральная Греция). В этом ущелье в 480 году до н. э. погибли триста спартанцев, сражавшихся под водительством царя Леонида против многочисленных полчищ персидского царя Ксеркса.

ли в этом сражении расходовались с угрожающей быстротой.

И неудивительно, что огонь англичан свирепствовал все с той же силой, в то время как огонь буров явно стихал.

Подумать только: двести человек против целой армии!

Стоило буре чуть приподняться над укрытием, чтобы выстрелить, как на его голову обрушивались тысячи пуль. Даже этого краткого мгновения было вполне достаточно, чтобы навсегда пригвоздить отважного стрелка к его посту.

Но сколько же все-таки их осталось?

Шестьдесят? Пятьдесят? Сорок человек?

Сорви-голова не знал.

Бурские бойцы уже не видели и не слышали друг друга, они думали только о том, как бы поглубже вдавиться в землю, чтобы спастись от свинцового и стального урагана, бушевавшего над ними, да умудриться еще отвечать на него и бить в густую массу людей и коней, снова ринувшихся на приступ.

Прибежал конец генерала Бота. Тяжело раненный, весь в поту и крови, он упал подле командира Молокососов.

— Что слышно? — спросил Сорви-голова.

— Огромные трудности. Сильно мешает подъем воды... Генерал умоляет вас продержаться еще хоть четверть часа.

— Продержимся!

И Молокососы усилили огонь. Они опустошали свои патронташи, безжалостно расходуя остаток пуль.

Англичане сосредоточили огонь по траншее, в которой скрывались последние защитники ущелья. Пули вспахивали землю и настигали закопавшихся в ней бойцов.

Кучка отважных буквально таяла.

Теперь рядом со своим командиром дрались всего двадцать стрелков, но эти двадцать человек бились, как исполины.

Спешившиеся драгуны приближались медленно и осторожно. Минуты тянулись, будто часы...

Подле Жана свалился убитый наповал Папаша-переводчик. Другая пуля угодила в лоб доктору Тромпу. Он умер мгновенно, даже не вскрикнув.

Бедный доктор! Оказывается, далеко не всякая пуля гуманна.

Тогда Сорви-голова, Фанфан, а с ними и вся маленькая кучка оставшихся в живых, но израненных и обогранных кровью Молокососов поднялись в окопах и встали во весь рост. Десять последних бойцов и десять последних патронов.

— Сдавайтесь! Сдавайтесь!..— закричали им англичане.

Вместо ответа Фанфан принялся насвистывать марш Молокососов, а Сорви-голова в последний раз скомандовал:

— Огонь!

Раздался слабый залп, вслед за которым дружный хор звонких голосов прокричал:

— Да здравствует свобода!

Англичане ответили мощным ружейным залпом, громовым эхом прокатившимся по всему ущелью. Юные герои, сраженные вражескими пулями, все до одного пали на своем боевом посту.

Путь через ущелье был свободен.

Эскадрон Молокососов перестал существовать, но его славная жертва не пропала даром: армия генерала Бота была спасена.

Завоеватели продвигались с опаской, озираясь по сторонам. Впереди, ведя на поводу коней, шли драгуны. За ними следовал отряд конных волонтеров в фетровых шляпах с приподнятым бортом. Эскадрон настоящих великанов. Во главе его шествовал капитан, с грустью взиравший на картину кровавого побоища.

Вдруг при виде двух тел в гряде мертвецов у него вырвался горестный крик:

— Сорви-голова!.. Побратим! Маленький Жан!

То был добрейший капитан Франсуа Жюно, которого превратности войны вторично столкнули с его юным другом. Нагнувшись, он приподнял Жана. При виде остекленевших глаз, посиневших губ и мертвенно бледного лица своего друга у канадца замерло сердце.

— Нет,— шептал он,— маленький Жан не погиб, не может этого быть! А его товарищ?

Осмотрев Фанфана, добряк убедился, что тот едва дышит.

— Надо все же попытаться...

С этими словами капитан Жюно взвалил Жана себе на плечи.

— Бери другого и следуй за мной,— приказал он одному из своих солдат.

Тот легко поднял Фанфана, и оба зашагали по краю ущелья, унося юношей с поля боя, где их неминуемо раздавили бы лошадиные копыта и колеса пушек.

Выйдя из ущелья, канадцы уложили Молокососов среди скал и стали поджидать полевой госпиталь.

Ждать пришлось недолго. Почти тотчас же невдалеке от них появился всадник с повязкой Красного Креста на рукаве.

— Доктор Дуглас! — воскликнул, увидев его, капитан Жюно.— Вы?.. Какая удача!

— Капитан Жюно! Чем могу быть вам полезен, друг мой?

— На вас, доктор, вся надежда... Умоляю во имя нашей дружбы! — продолжал Франсуа Жюно.

— Но говорите же, говорите, в чем дело, дорогой капитан. Можете не сомневаться...

— Да я и не сомневаюсь. Благодарю вас, дорогой доктор! Вечно буду помнить вашу доброту! Видите этого молодого человека? Это Сорви-голова, знаменитый командир Молокососов. А другой юноша — его лейтенант, Фанфан.

— Дети, настоящие дети,— тихо промолвил доктор.

— Но герои.

— Герои,— согласился Дуглас.

— Так вот что, доктор: Сорви-голова француз. Я встретился с ним в Канаде и полюбил его, как сына. И у меня прямо сердце разрывается, стоит мне только подумать, что он умрет.

— Увы! Но бедный мальчик, кажется, уже скончался,— сказал доктор.— А впрочем, посмотрим...

И скорее для очистки совести, чем для врачебного осмотра, он прильнул ухом к груди Жана.

— Подумать только, он жив! Сердце бьется. Правда, слабо, очень слабо, но все же бьется.

— Жив?! — не помня себя от радости, вскричал Жюно.— Какое счастье...

— Погодите радоваться, его жизнь на волоске.

— О нет, доктор, он выкарабкается! В жизнь свою не видал такого молодца, как Жан. Да и ваше искусство врача совершило уже не одно чудо...

— Клянусь, я сделаю все, чтобы спасти этих мальчиков!

— Благодарю вас, доктор! Отныне я — ваш по гроб жизни. Вы оказываете мне сегодня такую услугу, какой порядочному человеку век не забыть.

Э п и л о г

Кейптаун, 20 октября 1900 г.

«Дорогая сестра!

Я жив, хотя жизнь вернулась ко мне не без хлопот.

И Фанфан жив. Мой славный Фанфан тоже с большим трудом сталкивался с жизнью. Ему всадили одну пулю в живот, другую — в печень, три или четыре — уж не помню точно — угодили ему в ноги. Но парижанин с улицы Гренета живуч как кошка.

А я... Хотя я родом и не с улицы Гренета, но все равно парижанин, а следовательно, тоже живуч.

Представь себе только: одна пуля попала мне в левое бедро, другая — в руку (тоже в левую), третья — в правую ногу, четвертая вторично продырявила легкое, да еще возле самого сердца. Да, сестренка, когда мой друг Франсуа Жюно подобрал нас обоих, дела наши были совсем плохи. Мы валялись на земле полумертвые и дышали как выброшенные на берег карпы. Этот добрейший канадец передал нас в искусные руки доктора Дугласа, которому мы и обязаны теперь жизнью. Доктор Дуглас положительно самая рыцарская душа во всей английской армии. Он ухаживал за нами, словно родной брат, не жалея своего драгоценного времени и знаний, и совершил настоящее чудо, воскресив нас. Мы были без памяти двое суток. А когда очнулись, увидели, что лежим рядом в маленьком помещении, где сильно пахло йодоформом и карболкой. Мне показалось, что мы плавно движемся куда-то.

«Санитарный поезд», — подумал я. И я не ошибся: нас везли в том самом поезде, в котором я некогда сопровождал миссис Адамс к ее умирающему сыну.

Доктор и вообще весь медицинский персонал трогательно ухаживали за нами. Наши товарищи по нес-

частью — опасно раненные английские солдаты — отнормались к нам дружески.

Санитарный поезд, как и во время первого моего путешествия, шел тем же аллюром военного времени. Он то мчался вперед, то пятился назад, чтобы тут же снова ринуться с разбегу вперед. Все это время оба мы находились в довольно жалком состоянии. Доктор то и дело появлялся у наших коек: он менял нам повязки, очищал раны от гноя, измерял температуру и, отмечая что-то в своем блокноте, иной раз сокрушенно покачивал головой, иной же раз довольно ухмылялся.

Добрая душа этот доктор!

Путешествие длилось долго, очень долго, но мы на это не жаловались: нам было хорошо!

Мы всем своим существом отдавались покою, неизбежно наступающему после острых кризисов. Мы наслаждались восхитительным ощущением возврата к жизни, с которой простились еще в Ваальском ущелье. Наконец, нас сладко баюкало сознание исполненного долга: ведь мы сделали все, что могли, в один из самых трудных моментов борьбы маленьких республик за свою независимость.

Только по прибытии в Кейптаун, на восьмые сутки путешествия, доктор Дуглас объявил нам, что теперь он готов поручиться за нашу жизнь.

В Кейптауне доктор перевез нас в больницу, где передал на попечение своего собрата по профессии, который пользуется нас и по сей день.

Ты можешь, конечно, представить, как горячо благодарил я доктора Дугласа, когда он пришел проститься с нами! На прощание Дуглас предупредил нас, что для полной поправки нам потребуется длительный больничный режим.

Я, разумеется, стал горячо с ним спорить, а Фанфан заворчал, как заправский наполеоновский гренадер. Сама посудите: одна лишь мысль о том, что мы не можем вернуться в Трансвааль и собрать новый батальон Молокососов, чтобы опять принять участие в войне, приводила нас в отчаяние.

Невольнo вырвавшееся у меня признание в наших мечтах очень насмешило милейшего доктора.

— Да вы же пленники, — сказал он.

— Что ж из того! Пленники бегут.

— Дорогой Сорви-голова,— мягко сказал доктор, взяв меня за руку,— оставьте эту опасную игру. Поверьте, с вами говорит сейчас не англичанин, не патриот своей страны, а только врач и друг. Восемь месяцев вы вели тяжелую боевую жизнь, потребовавшую невероятного напряжения всех ваших физических сил и нервной системы. Вы были дважды опасно ранены.

— Да ведь говорят, что современная пуля отличается гуманностью,— насмешливо заметил Фанфан.

— Не слишком-то доверяйте этим толкам,— продолжал Дуглас.— Как бы там ни было, но эти пули вкупе с переутомлением так расшатали ваши организмы, что полное выздоровление наступит не раньше как через пять-шесть месяцев. А до тех пор, надеюсь, эта проклятая война окончится.

Предсказания доброго доктора исполнились лишь наполовину. Прошло уже четыре месяца, как мы с ним простились. Мы почти поправились, но война вспыхнула с новой силой. А мы все сильнее чувствуем себя пленниками. Дело в том, что по мере нашего выздоровления милые друзья-англичане стали, по меткому выражению Фанфана, все туже нас «завинчивать».

И вот, наконец, нас так «завинтили», за нами так следят, столько пар глаз сторожат каждое наше движение, что бегство почти невозможно. Но все-таки мы попытаемся.

Хитрые англичане предлагали нам свободу под честное слово. Благодарим покорно! Это значит быть своим собственным тюремщиком, изо дня в день расходовать всю свою бурную энергию только на то, чтобы заставлять себя отказываться от самого пылкого своего желания. Нет, на это мы не согласны.

Не колеблясь ни секунды и повинуясь одному и тому же порыву, мы оба решительно отказались. Что же за этим последовало? Очень простая вещь: лазарет превратился в тюрьму. А так как больничная клетка кажется нашим тюремщикам не вполне надежной, нам предстоит заманчивая перспектива недели через две отправиться на понтоны. А быть может, и на остров Цейлон или на мыс Доброй Надежды.

Но поживем — увидим... О! Какую великую силу ощущает в себе человек, решивший отдать свою жизнь священному делу борьбы за свободу! Проще говоря,

при первом же удобном случае мы постараемся бежать.

И пусть даже я и погибну при этом, по крайней мере, я умру с мыслью об исполненном долге, с сознанием, что я умираю как достойный сын той Франции, которая так часто проливала свою кровь за слабых и угнетенных.

Но я не погибну...

Если предчувствие не обманывает меня, дорогая сестра, ты еще кое-что услышишь о своем брате, который более чем когда-либо горит желанием оправдать свое прозвище — Капитан Сорви-голова.

К о н е ц

ЛУИ БУССЕНАР
ЛЕДЯНОЙ АД. КАПИТАН СОРВИ-ГОЛОВА

В книге использованы иллюстрации
художника В. Стародымова

Сдано в набор 22.09.92. Подписано в печать 02.12.92. Формат
84×108/32. Бум. газетная. Гарнитура литературная. Печать высо-
кая. Усл. печ. л. 24,1. Уч. изд. л. 23,7. Заказ № 56. Тираж 70000.
Цена договорная.

Предприятие «Вен-Мер». 630106, г. Новосибирск, а/я 149.
ППО «Печать», 630007, г. Новосибирск, Красный проспект, 22.

ППО «ПЕЧАТЬ»

НОВОСИБИРСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ПЕЧАТЬ»

гарантирует высокое качество и полиграфическое исполнение многокрасочных рекламных изданий: визиток, фирменных бланков, этикеток, проспектов, буклетов, плакатов. Изготовит печати и штампы в срок от 2 до 10 дней по цене от 165 до 500 руб., отпечатает газеты, изготовит брошюры и книги в твердом переплете.

ППО «ПЕЧАТЬ» — располагает высококвалифицированным персоналом и полиграфической базой, оснащенной современным оборудованием.

ППО «ПЕЧАТЬ» — ваш надежный партнер в выпуске печатной продукции.

**ППО «ПЕЧАТЬ» — 630007, Красный проспект, 22.
Тел. 23-64-47.**

**Новосибирское
производственное
полиграфическое объединение
«П Е Ч А Т Ь»**

**на имеющемся оборудовании изготовит
упаковочную тару из картона**

**Это: — коробки под торт, овсяное печенье,
кукурузные палочки, восточные сла-
дости;**

**— коробки для упаковки электробритв,
кукол, всевозможных игрушек, све-
тильников и пр. по вашему образцу,
с печатью либо чистые из картона
толщиной 0,5—0,8 мм.**

**На бумаге пергамент и подпергамент напе-
чатает любой этикет для упаковки продуктов
жиркомбината и молкомбината, а также пара-
финированный этикет для конфет.**

**Из вашего полиэтилена, любой марки, про-
зрачного или матового, изготовит пакеты с пе-
чатью рисунка или без него нужного вам раз-
мера.**

**На ламинированной бумаге напечатает эти-
кетки для химической и медицинской про-
мышленности.**

Справки по телефону 23-64-47.

Предприятие «ВЕН-МЕР»

Выпускает в 1993 г. следующие книги:

1. Л. Буссенар «Ледяной ад», «Капитан Сорви-голова». Твердый переплет, суперобложка.

2. Тайное оружие монахов Шао-линь. Твердый переплет. Перевод с китайского. В книге рассмотрены комплексы с предметами, которые могут быть использованы в качестве оружия.

3. Гимнастика у-шу. Серия книг в мягкой обложке. В книгах рассмотрены комплексы с оружием.

4. Сказки. Суперобложка. Иллюстрации по тексту. В 3-х книгах.

5. Советы владельцам автомобилей «Жигули». Цветной иллюстрированный атлас.

По поводу оптовых закупок обращаться по адресу: 630106, г. Новосибирск, а/я 149.

Контактный телефон 42-02-94.

КНИЖНЫЙ САЛОН предприятия «ВЕН-МЕР»

предлагает сотрудничество заинтересованным организациям, предприятиям, издательствам и частным лицам в приобретении и реализации книжной продукции, бумаги, переплетных материалов, оригинал-макетов, рукописей. Поможет оформить рукописи. Предлагает обмен товаров народного потребления на книги повышенного спроса.

**В КНИЖНОМ САЛОНЕ ПОСТОЯННО
ДЕЙСТВУЮТ:**

- служба информации;*
- магазин мелкооптовой торговли;*
- выставка образцов товаров народного потребления.*

К вашим услугам телефон, факс, база данных о ваших потенциальных партнерах.

**Адрес салона: 630007, г. НОВОСИБИРСК,
ул. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ, 48.**

